

ЕКАТЕРИНБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПАКРУС»
2003

С К А З Ы

МАРГАРИТА АНИСИМЬОВА

К 84 (2.Рос. Рязе)
А 67

МАРГАРИТА АНИСИМКОВА

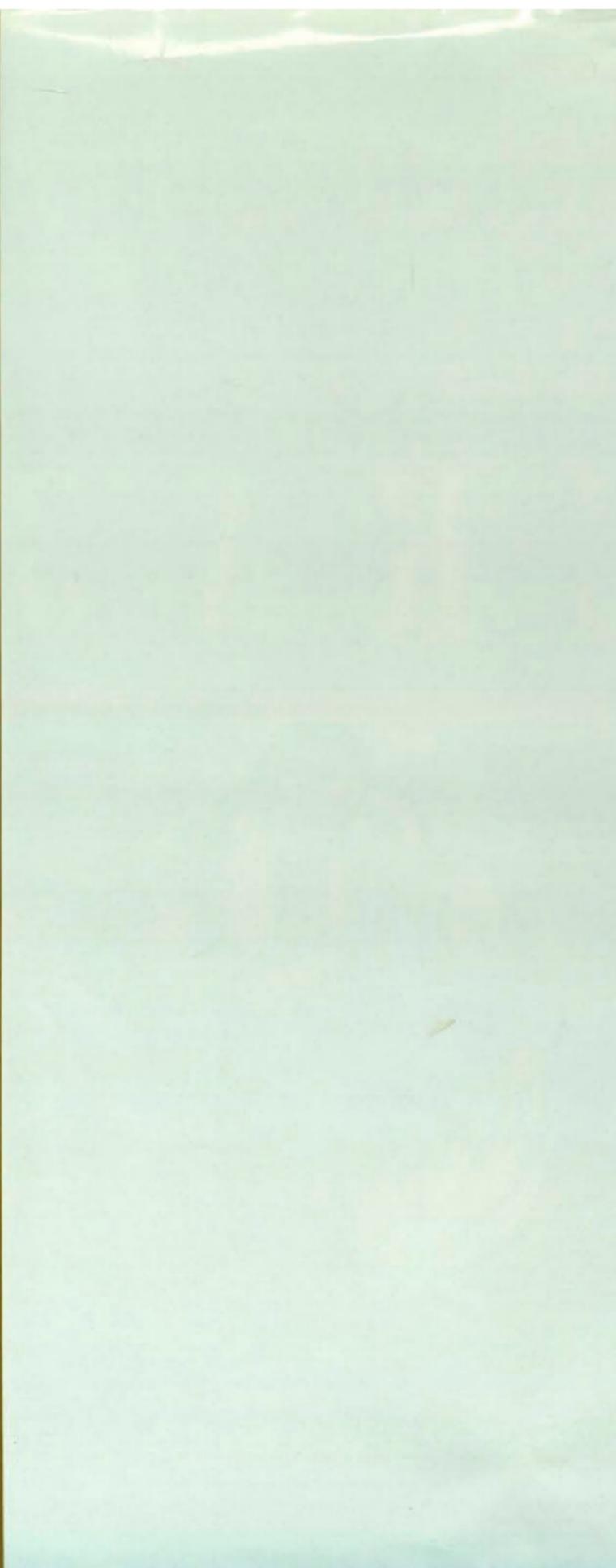

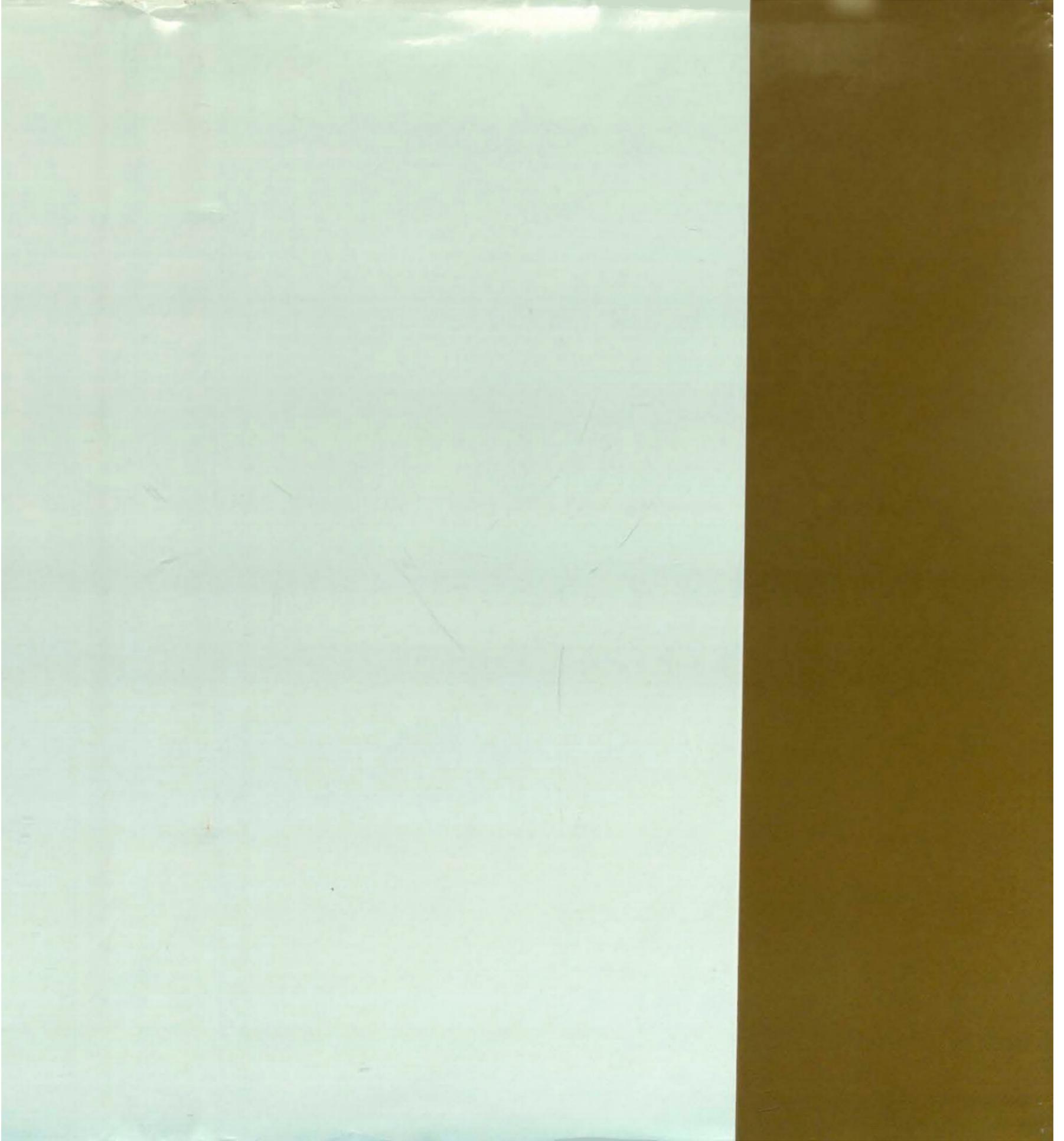
СКАЗЫ

ПО МОТИВАМ СКАЗОВ, ЛЕГЕНД, МИФОВ НАРОДОВ
ОБСКОГО СЕВЕРА И ПРИПОЛЯРНОГО УРАЛА

В основу книги
положены мотивы
сказов, легенд, мифов
народов Обского Севера
и Приполярного Урала.
Герои сказов и легенд
наделены благородными
качествами, дающими
им силы противостоять
Злу, бороться за счастье
своих народов.

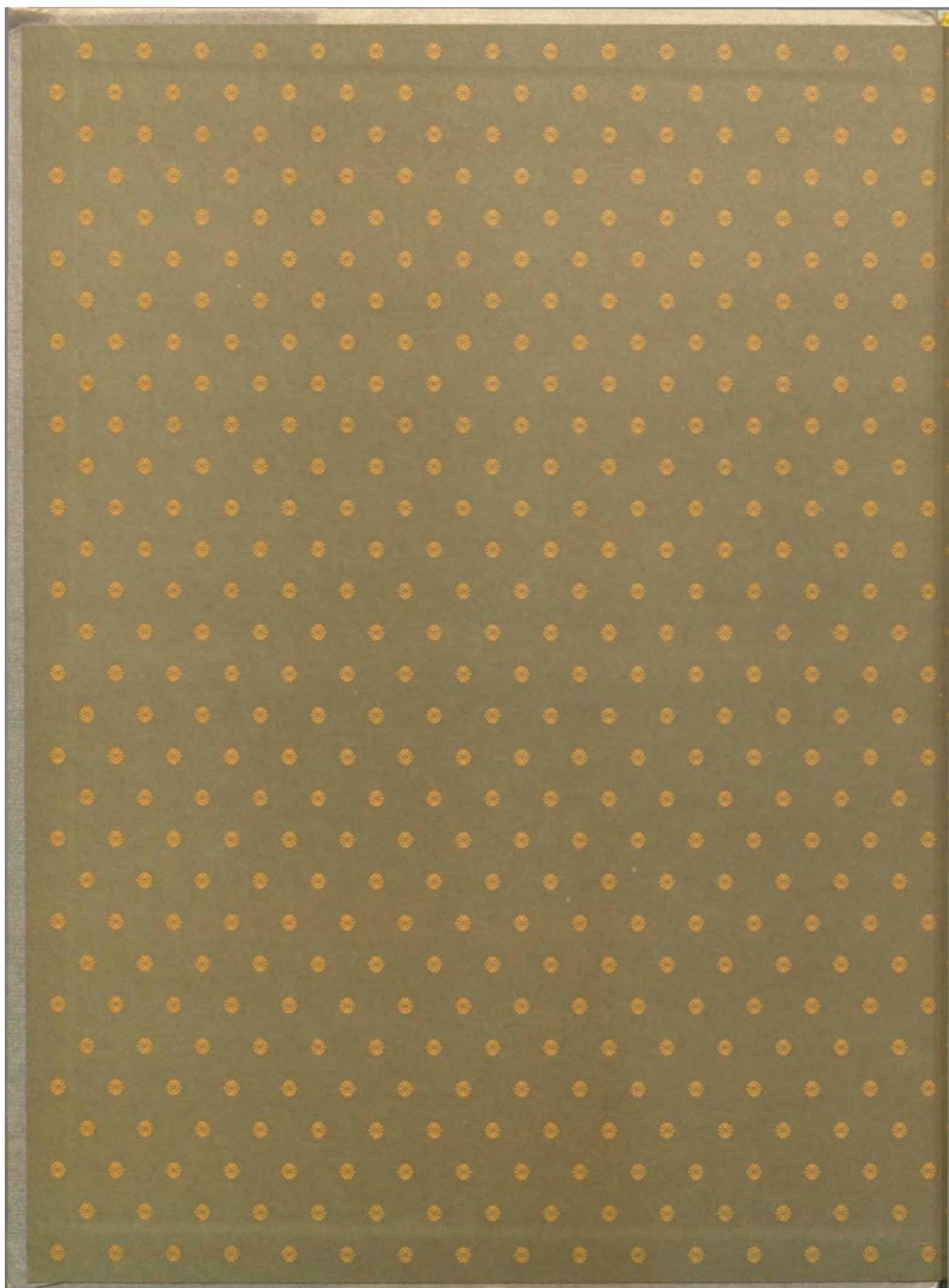

K84(2Рос-Рубл)
А 67

МАРГАРИТА АНИСИМКОВА

С К А З Ы

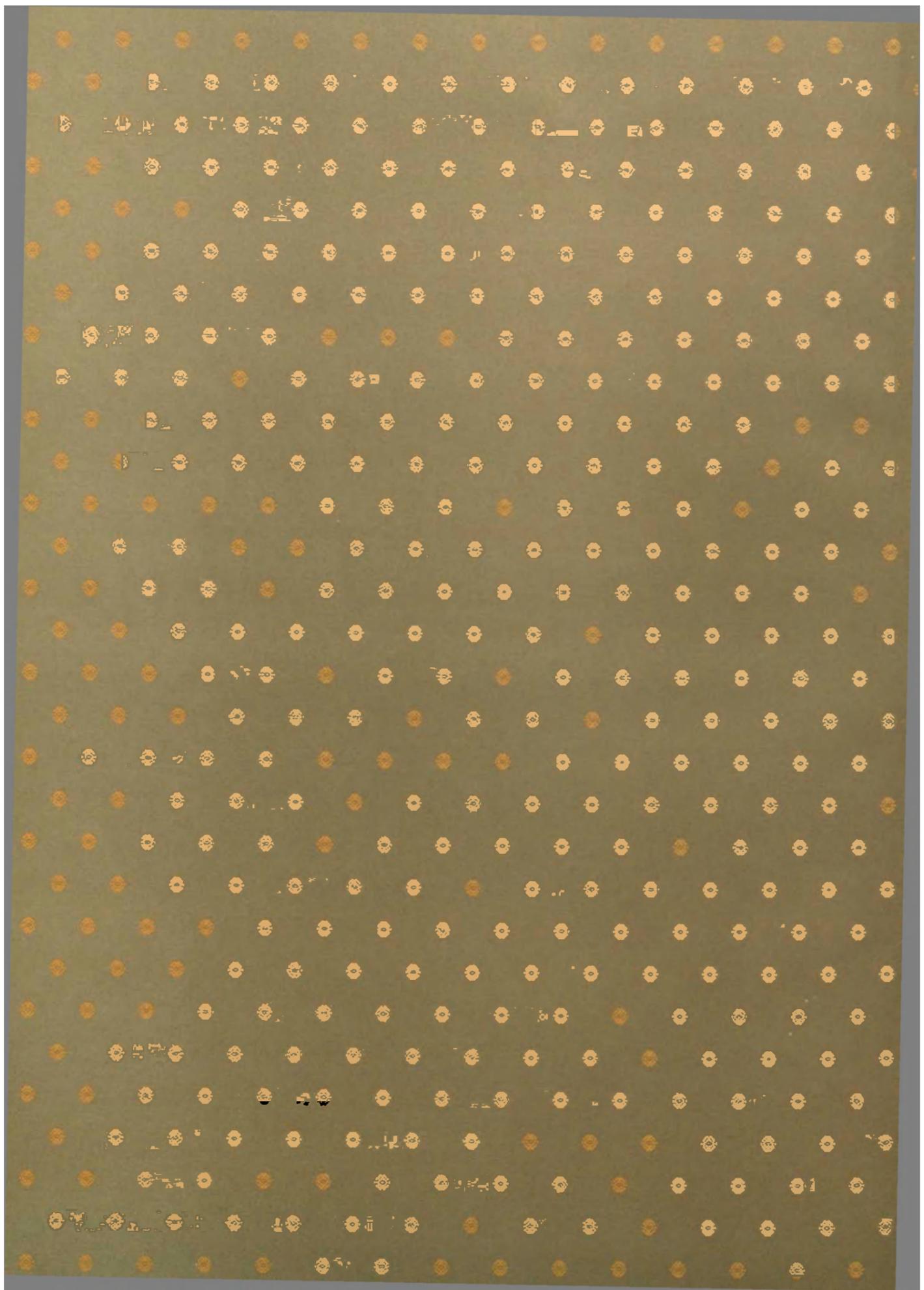
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-ч. пред. выдач. _____

2009	2011
11.03-49794	9.04-51185
23.05-2303	05.01-50488
23/05-2303	2012
01/07-905798/460	26.01-80000
2010L	2016
4/02-49063	26.05-24415
28.03-51001	16.06-2604
	29.10-64144
	21.01-2011
	03871

К 84(2Рое-Рче)6
А 67

МАРГАРИТА АНИСИМКОВА

СКАЗЫ

ПО МОТИВАМ СКАЗОВ, ЛЕГЕНД,
МИФОВ НАРОДОВ ОБСКОГО СЕВЕРА
И ПРИПОЛЯРНОГО УРАЛА

Нижневартовское
МУ "БИС" /
инв. № 112262/7

3-КО

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПАКРУС»
2003

ББК 84 (2 Рос)
А 67

Книга издана по заказу
администрации муниципального образования
«Город Нижневартовск»

Макет и художественное оформление В.С. Солдатова
Иллюстрации Г.Н. Козловой

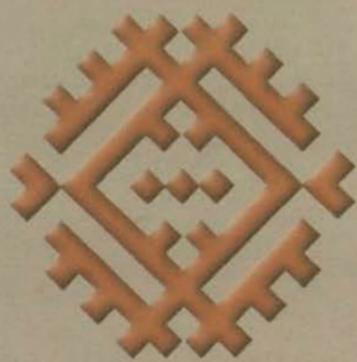
Анисимова М.К.
СКАЗЫ. — Екатеринбург: Издательский дом «ИАКРУС», 2003. — 228с., илл.

В основу этой книги положены мотивы сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала, а также мотивы преданий о событиях времен покорения их предков чужеземным оружием. Герои сказов и легенд наделены благородными качествами, дающими им силы противостоять Злу, бороться за счастье своих народов.

This book is founded on fairytales, legends and myths of the native inhabitants of North-Western Siberia and the Sub-Polar Urals, as well as the old tales about the conquest of their ancestors by the force of alien arms. The heroes of legends and tales are endowed with noble qualities, which help them to oppose the evil, to fight for the freedom of their people.

ISBN 5-901214-49-8

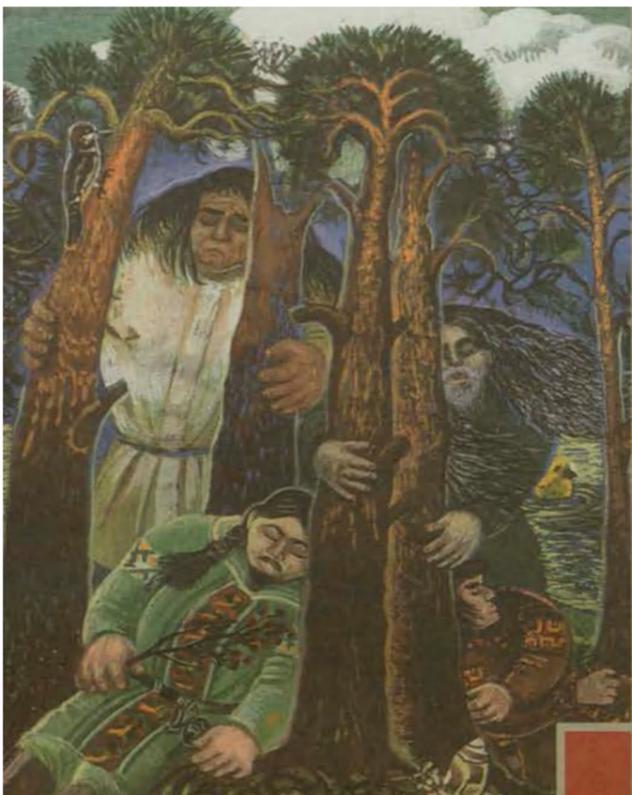
© Анисимова М.К., 2003
© Козлова Г.Н., иллюстр., 2003
© Солдатов В.С., оформл., 2003
© Издательский дом «ИАКРУС», 2003.

Как на свет появились сосновые братья • В царстве снеговой тундры
Откуда появилась красавица Ай-Мосьнэ • О сыне-богатыре Элле Севесе
Об утиных цыплятах • О людях на чугунных котлах
Как подобрели сосновые братья • Встреча Оли с чужими людьми
На что рассердилась Носатая баба • Разговор Ай-Мосьнэ с Элле Севесом
Про заячью обиду • Как Носатая баба вороний праздник справляла
Встреча Ай-Мосьнэ с лесной девкой Пурнэ • Бабушкины подарки

ЖИЛИ-БЫЛИ СОСНОВЫЕ БРАТЯ

Как на свет появились сосновые братья

Н

а голом месте, где всем ветрам по пути, росла одинокая сосна. Ветра качали и гнули ее из стороны в сторону, в осеннюю пору дожди секли, зимой лютые морозы ветки примораживали. Пора бы ей вырасти, силы набрать, семена на землю ронять, а она не могла.

Но вот в одну весну на самой вершине сосны показался зеленый росточек, а на нем шишечка. Одна-единственная. Все лето росла, но скоро кончилось короткое осеннее лето, подули ветра, затрясли сосну и сорвали шишку. Упала она на землю, ударилась так, что сразу все орешки высыпались. Шесть орешков крепких, а седьмой крохотный, еле приметный. Прошло несколько дней, и из крепких орешков маленькие мужички выскочили. Стали они расти, и не по дням, а по часам. Крохотный орешек долго на сырой земле лежал, под дождями мок, а как лопнул — из него тоже выскочил маленький человек, на травяного кузнечика схож. Увидели его старшие братья, отвернулись.

— И зачем такому человеку на земле жить? — сказал старший брат.

— У-у-у, — согласились с ним остальные.

— Ладно, — остановил их старший. — Пусть живет. Подрстет, будет у нас на побегушках, а мы свои ноги жалеть станем.

Поставили сосновые братья чум еле-еле, со всех сторон ветрами продуваемый, стали жить-поживать. Маленького братца Лари назвали. И не было ему покоя от старших.

— Лари, дрова наруби!

— Лари, воды принеси!

— Лари, обувь почини!

— Лари, еду свари!

Бегал маленький братик, как горностай, туда-сюда, отдыха не знал.

Старшие братья только ели да спали — великанами выросли, а Лари по колено старшему брату.

— Неумеха ты, бестолковый! Какой чай горячий поставил!

Я губу обжог! — кричал старший!

— Мне строганину мелко нарезал!

— Полешки дров мелкими нарубил!

— Толку от тебя никакого!

— Кормить больше тебя не будем! — кричат наперебой братья.

Пообиделся Лари, сел на корточки, спрятал косматую голову между колен, боится посмотреть на братьев. День сидел, два сидел — от голода совсем крохотный стал. На третий день, когда братья крепким сном спали, смастерил Лари себе лук, вышел из чума. Куда ни поглядит — кругом снега и снега. «Замерзну!» — думал он, бредя по снегу. Тут увидел под ногами снежный комочек. Только сделает Лари шаг, а комочек впереди него перевернется. Остановится — комочек к ноге прижмется.

— Кто ты? — спросил Лари. Комочек подпрыгнул, и оказался перед сосновым братцем маленький гномик. Шапка на нем снежная, кафтан — ледяной.

— Оли меня зовут. Я хозяин здешних мест.

— Такой крохотный хозяин? — удивился Лари, а комочек покатился вперед. Лари за ним. Забежал лесной гномик в кедровый лес и потерялся. А в кедровнике том соболей видимо-невидимо.

Резвятся зверьки, с ветки на ветку перепрыгивают. «Вот так удача! Вот обрадуются старшие братья, когда я с богатой добычей в чум вернусь!»

Хорошо поохотился Лари, но подумал: «Как всю добычу до чума дотащу? Сил у меня мало».

А снежный комочек уже тут как тут.

— Как живешь-поживаешь? — спрашивает. Обежал вокруг кучи пушнины. — Не ленивый! — только и сказал.

Скоро лес наполнился звоном колоколец. Видит Лари: олени бегут — снег вихрем! Между рогов Оли сидит, песенки пурге подпекает.

— Садись, подвезу! — крикнул.

Быстро домчали олени Лари к чуму сосновых братьев.

Откинул он в чуме шкуру, заменяющую дверь, видит: лежат братья на пихтовых ветках исхудалые, огонь в чумале погас, в чуме холодно. Жмутся друг к другу — согреться не могут, а встать не хотят. Леня их одолела. Увидели Лари, обрадовались, закричали:

— Братец наш меньший! Братец любименький!

Лари разжег огонь, чай вскипятил, строганины нарезал, накормил братьев, напоил.

— Посмотрите на добычу, — сказал Лари. — Продадим ее купцам — богато жить станем.

— Неохота выходить из чума, — сказал старший.

— Неохота-а-а, — ответили остальные. — Там и смотреть не на что. Наверное, одни беличьи хвосты.

Ничего не сказал Лари, прикорнул возле порога, отдохнул.

Проснулись братья, сели на пихтовые ветки, прочесали затылки, стали из чума на корточках выползать. Скоро крик послышался. Вваливается в чум старший брат, кричит:

— Богатый будешь! Столько соболей добыл!

— Про нас забудешь! — кричат остальные.

— Как я вас забуду! Мы из одной шишки родились.

Братья стали между собой переглядываться да перешептываться.

— Может, он в лесу Оли встретил? Этот лесной гном, хоть и козявка крохотная, вездесущий. Мне про него ветер рассказывал, когда мы в шишке сидели, — шепотом говорит старший брат.

— А нам лесная девка Пурнэ про то же ведала, — подмигнули младшие братья. — Она знает этого гнома Оли.

Приутихли сосновые братья. Долго молчали, не спали, не ели, забота их одолела: не даст в обиду Лари этот маленький лесной гном.

— Может, мы убьем Лари и гном убежит из наших мест, — сказал кто-то из братьев.

— Убьем, — согласился старший. — Я сам это сделаю, а по пути и гнома пяткой придавлю.

Утром поели, попили, старший брат и сказал:

— Пойдем, Лари, на охоту. Покажи, где ты охотился.

— Пошли, — согласился Лари.

Сосновые братья надели лыжи. Старший великан — впереди идет. Ему один шаг сделать, Лари — десять шагов. Шли, шли, зашли в дремучий лес.

— Иди вперед, — сказал Лари старший брат, а сам подумал: «Как он станет проходить мимо меня — я его ножом...» Бежит Лари по братовой лыжне, посвистывает. А брат в это время достал нож и только замахнулся, как он выскользнул из рук и утонул в сыпучем снегу. В это время Оли мимо пробежал и все видел.

Нечего делать — повернул старший брат назад, спрятался за кустарником, оставив Лари одного в лесу.

— Убил Лари? — спросили братья.

— Убил, — соврал старший брат.

Стали жить они да купцов поджидать, чтобы Ларину пушнину продать и богатыми стать.

А Лари вышел на опушку леса, присел возле дерева, сидит, слезы вытирает.

— Не печалься, Лари, — услышал он в стороне голос. — Садись на оленью упряжку и поезжай на край снеговой тундры.

— Там чужая сторона, — ответил Лари. Он узнал голос Оли.

— Не чужая тундровая сторона, а студеная, — услышал в ответ.

Поднял Лари голову, а перед ним стоит белая упряжка оленей. Олени сытые, копытами снег бьют, из ноздрей пар валит. «Будь что будет!» — подумал Лари, зажмурив глаза. И понесли его быстроногие олени на край снеговой тундры.

В царстве снеговой тундры

Б

ежала оленья упряжка через леса и болота, через боры и озера, а навстречу ей летел Ветер ветров Нерум Пос Ики. Обмотал он длинной снеговой бородой упряжку, перевернул ее набок.

— Ты зачем так дуришь, Ветер ветров?! — кричал Лари, привязывая себя сыромятными ремнями к нарте.

А ветер сорвал с головы Лари башлык малицы, перевернул нарту, знай, свистом свистит.

— Поворачивай назад, маленький человечек. Поворачивай! Там дальше морозы живут лютые, в льдинку тебе превратят, в ледяного истукана.

— Не мешай! — отвечает ему Лари. — Еду я на край снеговой тундры.

Засмеялся Ветер ветров, стал сугробы ворошить, плясать перед нартой снеговым столбом.

— Ха-ха-ха, — кричит ему в уши Ветер ветров. — Может, ты надумал рассмешить красавицу Ати? Ха-ха-ха!

— Может, и рассмешу, — кричит Лари.

— Ха-ха-ха! Все мои сыновья хотели рассмешить дочь шамана. Как они перед ней плясали! Какие ветровые песни пели! А красавица Ати даже голову не подняла. Какой ты глупый маленький человечек, ха-ха-ха! — засмеялся Ветер ветров и снова задурил, заворочал снеговые сугробы. — Не попасть тебе в край снеговой тундры! За каждым поворотом Великой реки чумы большие стоят, в них люди с ледяными колотушками. Только дотронутся до тебя колотушкой, и ты сразу в ледяного истукана превратишься. Много их там, в ледяной пустыне.

— А далеко еще до края снеговой тундры? — очищая от снега малицу, спросил Лари.

— Какой ты непослушный, — взвыл Ветер ветров. — Мои сыновья весь снег в снеговой тундре по одной снежинке пересыпали, всех истуканов в снегу перевалили, оленей и собак поднимали к поднебесью, а Ати даже бровью не повела. Поворачивай и ты обратно!

В ответ Лари крикнул Ветру ветров:

— Покажи-ка мне дорогу в снеговую тундру. Подуй в спину, чтобы упряжка побыстрее бежала.

— Ладно, — согласился Ветер ветров, полетел вперед, стал снеговой бородой дорожку разметать, между оленьих рогов песни свои насвистывать.

На излучине Великой реки показался большой белый чум, послышался собачий лай. Ветер ветров улетел за реку, а Лари остановил упряжку возле ягельной боровинки, пошептал что-то на ухо кореннику, а сам пошел обходить чум с подветренной стороны, чтобы собаки его запах не учуяли. Тихо по снегу шел, оставил в стороне один белый чум. Упряжка уже ждала его за болотом. Дальше поехал Лари. На другой день опять увидел впереди чум. Тоже обошел его с подветренной стороны, но услышал сзади какое-то урчание. Оглянулся, видит: бежит за ним большая собака, ростом с оленя, уши торчком, хвост колесом. Подбежала к Лари, оскалила зубы.

— Куда едешь? — прорычала. — Как пропустили тебя люди с ледяными колотушками?

— Я перехитрил их, — ответил собаке Лари.

— Р-р-р-р! — прорычала собака, обнюхала Лари со всех сторон, схватила за шиворот и побежала. Бежит, урчит, когтистые лапы по насту скользят, а у Лари перед глазами только снег и снег.

— Куда ты ташишь меня? — кричит он, а собака от этого бежит еще быстрее. В глазах у Лари потемнело, потерял он счет дням.

— Какой крохотный человечек! Может, он и говорить умеет? — слышались вокруг голоса. Собака тем временем поставила Лари на ноги, и он только сделал шаг — опять повалился. Собака, прорывав, схватила его за шиворот, поставила на скользкий лед.

— Какой крохотный! Меньше тундрового песца! — кричали неподвижные снежные истуканы. Поднял Лари голову, а вокруг такая белизна — глазам больно. Снежные сугробы искрами искрятся, ледяной пол радужными цветами переливается, снежинки по поднебесью хороводы водят.

Изловчился Лари, встал на ноги — и будто кто-то его нарочито в спину толкнул. Покатился он по льду, вверх ноги задрал.

Ледяные истуканы загрохотали громовыми голосами, облаками снег посыпался, чуть было не придавили Лари большие тундровые снежинки.

— Повеселил ты снеговых истуканов, — прорычала над ухом собака, помогая Лари выбраться из сугробов. — Делай теперь, что знаешь. Это и есть край снеговой тундры.

Скоро среди снегов Лари увидел высокую гору. Видит, на ледяной лавке, устланной теплыми белыми шкурами, сидит девушка, одетая в нарядную малицу. Голова у ней наклонена, лицо цветастым платком закрыто. Возле ее ног старый человек сидит с бубном в руках и бьет колотушкой, и слышны размеренные звуки глухих ударов. «Тоскливо в краю снеговой тундры», — подумал Лари, поежился от холода, направился к горе. И снова упал.

Снеговые истуканы загрохотали сильнее прежнего, а девушка будто и не слышит смеха. «Молодец, Ати, — подумал Лари. — Зачем смеяться над маленьким человечком?» — И тут он почувствовал, что в ногах у него стала сила появляться.

— Посмотри, Ати, какого маленького человечка твоя собака принесла, — сказал старый человек с бубном в руках. — Погляди! Ножки у него кривые, глазки узенькие, волосы черные.

Ати еще ниже наклонила голову. Тут Лари не растерялся, положил два пальца в рот да как свистнет! Полетел его свист по всему тундровому краю. Выпал из рук старика бубен, покатился с грохотом по ледяному полу.

— Достань, Лари, сосновую шишечку, — узнал Лари голос доброго Оли. — Достань.

Сунул Лари руки в колчан, достал со дня сосновую шишечку, а она тут же превратилась в лодочку.

— Дуй, дуй на лодочку. Дуй на лед!

Целый день дул на лед Лари, пока маленькое озерцо не образовалось. Спустил он на него сосновую лодочку. Поплыла она по озерцу.

Закричали снеговые истуканы, старый шаман подбежал к озерцу, встал на колени и стал пить из него воду пригоршнями.

— Дай нам светлой водицы-ы-ы! — закричали истуканы. — Надоело льдинки глотать.

В это время Ати подняла голову, увидела озерцо и лодочку в нем, засмеялась, захлопала в ладоши.

— О-о-о-о-о, — застонали снежные великаны и повалились ледяными глыбами, а Лари на глазах у всех великаном стал.

— Это же наш спаситель! Это Яланг Ики! — закричал шаман.

Вскочила с ледяной лавки красавица Ати, подбежала к озерцу.

— Покатай меня в лодочке, великан, — сказала Ати.

— Покатаю, если поплывешь со мной на простор великой реки! — Она кивнула вместо ответа головой. — Садись в лодочку, возьми резное весло, а я стороной пойду.

Откуда появилась красавица Ай-Мосьнэ

П

лыла лодочка по Великой реке, сидела в ней красавица Ати, резала веслом волны. Лари все берегом шел. Скоро по реке заходили грозные волны, стали бросать лодку из стороны в сторону.

— Господин мой! Боюсь я. Захлестнут мою лодочку волны! — закричала Ати. Подхватил ветер ее слова, дунул Лари в уши. Зарумянились у него щеки, вздрогнуло от радости сердце. Шагнул Лари в реку, взял лодочку в руки, вынес на берег.

— Не бойся, Ати, нам с тобой долгую жизнь прожить.

Разожгли они на берегу костер, сели рядышком, смотрят на воду, любят закатом солнышка.

— Кажется, где-то отцовский бубен гремит, — озираясь по сторонам, сказала Ати. Лари встал, оглядел округу. Верные слова сказала Ати: бежал вдоль берега старый шаман с бубном в руках и мешком за плечами. Видать, торопился: волосы на голове растрепаны, колотушка в болотной жиже испачкана, бубен порван.

— Куда путь держите без моего подарка? — закричал старик издали. — Разве я без тайны жил и мерз на краю тундры?

— Посиди возле нашего огня, — обласкал словами Лари старого человека.

Подошел шаман к костру, подставил теплу один бок, потом другой, а у самого по щекам слезы катятся.

— Устал я жить на краю снеговой тундры. Если бы не пришел ты, Лари, Ати через десять лун в льдинку превратилась бы, а я в — снегового истука-на.

— Не сам я пришел, — собака меня к вам притащила.

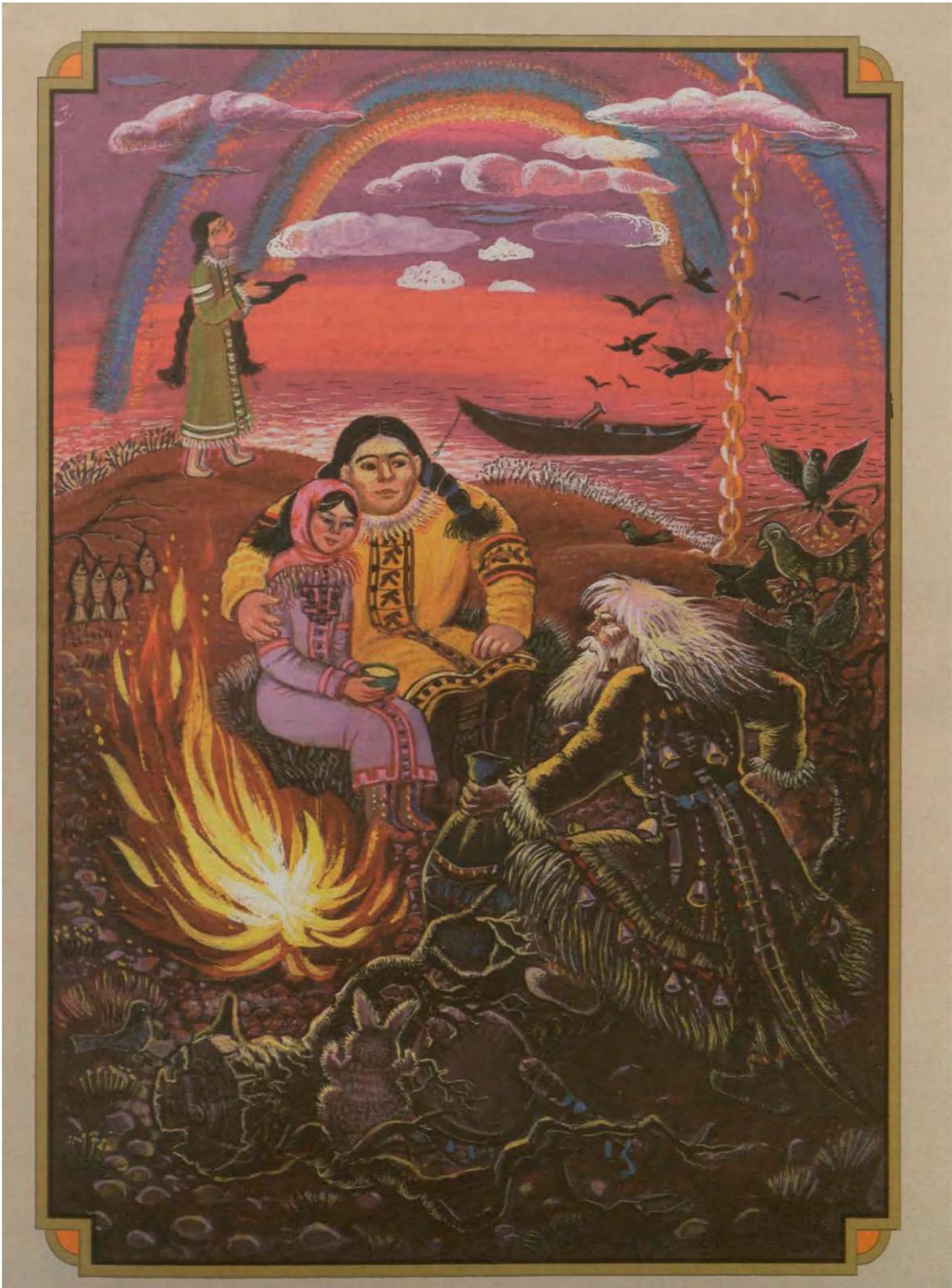
— Знаю, знаю я все, — отмахивался рукой старый шаман. — Мне о тебе Оли рассказал. Много он знает богатырей, но ни у кого нет такого доброго сердца, как у тебя. А мне надо тайну передать.

— Смогу ли я сохранить ее? — усомнился Лари, призадумался.

— Ждать больше некого, — перебрасывая в ладонях горячий уголек, говорил шаман. — Вот в этом мешке лежит золотой ковш. Мешок из шкуры молодого олененка сшит. Храни этот мешок, как я хранил.

— Зачем мне этот золотой ковш? — спросил Лари.

— Не простой ковш, самим Нумо людям подарен. Моя бабушка бедной пастушкой была у богатого оленщика, он часто бил ее. Один раз села она на берег озера и заплакала. Вдруг слышит, над головой небесный звон. Подняла глаза, а с неба золотая цепь спускается. Крикнул кто-то ей: «Держись, сиротка, за цепь». Она схватилась обеими руками, и та цепь подняла ее на небо. Сколько она там пробыла, сама не знает, а как спустилась на землю, то оказался при ней вот этот золотой ковш. Из него, она говорила, сама радуга воду пила. Значит, нам, людям, надо его силу знать и крепко беречь.

— Не сильный я богатырь, — вздохнул Лари.

— У тебя доброе сердце. А у других богатырей — только сила и есть, вместо сердец — утиные цыплята. Но не пей ни с кем пахучей воды, — сказал старый шаман и пошел обратно берегом Великой реки.

Откуда ни возьмись, возле берега оказалась большая тесовая лодка. Сели Ати и Лари в лодку и вместе поплыли по течению. Долго плыли. Видели, как бережком бежал пронырливый Оли и махал им рукой, видели серого зайчика, Носатую бабу с берестяным коробом за спиной, лесную девку Пурнэ и даже самого хозяина леса — бурого медведя.

В одно утро открыла Ати глаза и увидела на дне лодки красную ягоду. Взяла ее в руки, поднесла ко рту,дохнула теплым воздухом. Пискнула ягода, заморгала глазками.

— Погляди, Лари! — закричала Ати. — Погляди, какую я девочку-ягодку нашла на дне лодки.

— Так это наша дочь, Ай-Мосьнэ! Я ее все время во снах вижу! — обрадовался Лари. — Какая она красивая! Милая наша доченька. Хорошая наша доченька.

Ати стала ей личико речной водою мыть, хорошие сказки рассказывать. Ягодка-девочка быстро росла. Птицы стали стаями над лодкой пролетать, над ее головой песни петь.

— Не гляди, доченька, в воду, не показывай своего личика водяному царю. Он может взять тебя в свое подводное царство.

Слушала Атины слова девочка-ягодка, сидя на дне лодки тихо, да еще только пение птиц.

Плыли они долго — третье весло сносило, тоненькой дощечкой стало. Места пошли лесистые. Повеселела Ай-Мосьнэ, стала чаще по сторонам оглядываться. Вдруг повернулась неловко и столкнула в реку меховой мешок с золотым ковшом. Только и успела ойкнуть, как со дна пошли большие круги, крутые волны стали бросать лодку к берегу и прибили к подножию горы. Грохот раздался, покатались с горы камни. Взглянул Лари на вершину и увидел на ней шесть великанов.

— Выходи на берег. Или ты хотел разломить пополам гору? Ха-ха-ха!

Узнал Лари по голосам своих сосновых братьев. Постарели они, волосы длинные отросли. Ветер треплет их космы, пряди грязных волос глаза закрывают. Лица у всех немые, животы большие.

— Говорите, где лежит мешок с золотым ковшом? — кричат наперебой.

— Был у нас мешок, да в воду упал, — сказал Лари. — Наша дочь нечаянно столкнула его.

— У-у-у-у, — закричали братья.

— Тогда пойдем с нами на гору, — сказал старший брат. — Напьешься нашей воды — правду скажешь.

— Нам дальше плыть надо, — вставила слово Ати, но сосновые братья не слушали ее.

Потянули они Тари за руки на гору Пут-юг, там из кедрачей большой деревянный бочонок выкатили.

— Какой горький дух в вашей бочке! — закричала Ати, прикрыла ладонью чистые глазки Ай-Мисьнэ, из которых сразу покатались слезы.

— Наша вода на мухоморах настоена! — похвалился старший брат, — да еще в ней ржавые мхи плавают. Попробуй ее — сразу веселым стаешь.

— Не пей, Лари! — закричала Ати. — Вспомни, что отец наказывал!

Старший брат черпанул берестяным чуманом пахучей воды, выпил и начал по земле кататься, с корнями дерева выдергивать.

— Убежим, Лари. Поплывем дальше! — просит Ати.

А сосновые братья одно кричат: «Испугался! испугался!»

Отхлебнул Лари несколько глотков пахучей воды, и поплыл у него перед глазами круги, и сам тут же на землю рухнул.

Сосновые братья захохотали, расставили в стороны руки, в болотной жиже вымазанные, и закричали на Ай-Мосьнэ: — Это ты утопила в реке золотой ковш! Ты! Нам Пурнэ все рассказала. Она все берегом бежала и видела.

— Беги от них, доченька! Беги, милая! — закричала Ати. — Не послушал наш отец человека старше себя. Останусь я возле него. Они бессердечные, обидят его, а ты, доченька, беги — куда глаза глядят, куда ноги понесут.

Резво побежала с горы Путь-ях красавица Ай-Мосьнэ, долго убегала от сосновых братьев, да, на счастье, раскидистый кедр прикрыл ее своими густыми ветками.

— Горе нам будет! Горе! — в злобе кричали сосновые братья. — Узнает она про наши утиные сердца. — И принялись они ссориться.

— Перестаньте! — остановил их старший брат. — Пока мы здесь ссоримся, проснет-ся богатырь и уплывет по реке.

— Правда твоя, — согласились сосновые братья и побежали на вершину горы. Лари еще спал крепким, непробудным сном. Ати сидела возле него.

— Плетите из ивовых прутьев крепкие клетки! — сказал старший сосновый брат. — Да прячьте его в дремучем кедраче, а я пойду на берег, напьюсь пресной воды да разломаю их лодку в мелкие щепки.

Сплели сосновые братья из ивовых прутьев крепкие клетки, в одну затащили спящего от пахучей воды Лари, в другую — перепуганную Ати, потащили клетки в дремучие кедрачи, привязали на самые высокие ветки, а сами ушли снова пахучую воду пить, деревья ломать, кусты мять.

О сыне-богатыре Элле Севесе

Ш

умит ветер, качает ветки, качает ивовые клетки. Много лет и зим сидят в них богатырь Лари и красавица Ати. Сосновые братья забегают в дремучие кедрячи, все больше пахучую воду пьют, босыми ногами болота топчут.

— Хоть бы доченька наша Ай-Мосьнэ нашла к ним дорогу. Мне бы водицей губы смочила, — стонет красавица Ати. — Губы все пересохли.

— Далеко наша Ай-Мосьнэ, — впервые ответил красавице богатырь Лари. — Испугали ее сосновые братья, а виной всему я. Не выпил бы пахучей воды, перехитрил великанов.

— И богатыри слабыми бывают, — только и ответила Ати.

А дни летели за днями, годы за годами. Но вот однажды темной ночью в кедрячи залетел ураган. Закачал стволы могучие, гнул вершины, выше подбрасывал ветки с ивовыми клетками.

— Разобьемся, — стонала Ати, — не увидим своей дочери.

— Крепче держись за прутья! — кричал Лари. — Держись! Неспроста сюда ветер залетел.

Три дня бушевал ураган. Много кедрячей на землю повалил, многие с корнями выворотил.

— Жива ли наша доченька? — об одном печалится Ати и вздыхает тяжело.

— Жива Ай-Мосьнэ, — услышала в ответ Ати. Своим ушам не поверила, узнав голос Оли. — Ходит она по лесу, с птицами песни поет, маленьких зверушек с рук грибами кормит. Где пройдет ваша Ай-Мосьнэ — на деревьях листья распускаются, хвоя шепчется, кустарники переговариваются. Все о ее красоте говорят.

— Не идет ли она в нашу сторону? — отважился Лари спросить у Оли. — Я водицы хочу.

— Нет, не идет сюда Ай-Мосьнэ. Как только поглядит в вашу сторону — ей тучи глаза закрывают, птицы гам поднимают.

— Ох, ох, совестно мне, — повинулся Лари.

— За то и наказание несешь. В другой раз советы старших людей помнить будешь.

— Буду, буду, — держась за ивовый прут, отвечал Лари, крепче сжимая его в руках.

— Я вам новость принес, помните ее: у сосновых братьев нет сердец. У них внутри утиные цыплята.

— Знаем, знаем, — ответила Ати.

— Как встретите богатыря — скажите ему об этом.

— Где вам здесь, в дремучих кедрочах, богатыря встретить? — ответил еле слышно Лари.

— Мое дело — сказать, а ваше дело — думушку думать. Поймать тех цыплят можно ночью, когда они на озерки вылетают кормиться, а сосновые братья в это время крепким сном спят.

В это время послышались голоса сосновых братьев. Вездесущий гном скрылся из виду.

— Зови сюда свою красавицу, — дочь Ай-Мосьнэ, — отпустим тебя! — закричали издали старший сосновый брат.

— Наша Ай-Мосьнэ с птицами песни поет! — крикнула сосновым братьям Ати.

— Значит, Оли здесь побывал. Новости вам рассказал! — закричали в голос сосновые братья. — Ловить его надо. Ловить!

Но разве могут ленивые сосновые братья поймать такого ловкого, юркого, быстрого Оли! Его каждая травинка, каждая хвоинка от дурных глаз прятала.

На другую ночь опять ураган поднялся. Стал еще выше клетки ввысь подбрасывать, стучать ими о стволы деревьев. Тут к ногам Ати упал мокренький комочек. Изловчилась она, взяла в руки промокшего и продрогнувшего бурундучка. Пожалела — спрятала его за пазуху. Обогрелся он, обсохла на нем шерстка.

— Тепло тебе? — спросила зверька Ати.

— Теплей не бывает.

Ни свет ни заря бежали к кедрочам сосновые братья. Стали трясти они все мхи-лишайники, травинки перегибать, кочки и муравейники с места на место перекидывать.

— Эй, отвечайте — не видели здесь бурундука? — спросил у Ати и Лари старший сосновый брат. Оба молчали, только Ати прижала к себе зверушку.

— Где им увидеть кого? Деревья так трясло, они, поди, и слова выговорить не могут, — бурчали младшие, обламывая ветки кедрочей.

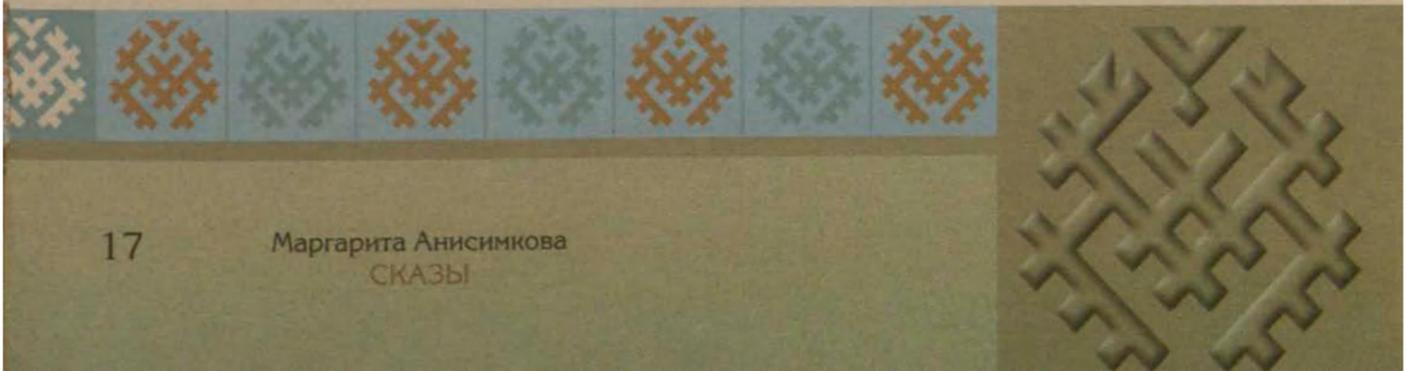
А бурундучок взял да и выскочил из-за пазухи Ати!

— Дерите его! Ловите его! — закричал сосновый брат и, изловчившись, успел царапнуть когтистыми пальцами по спинке зверька. С тех пор у него и остались на спине темные полосочки.

— Не убежишь далеко. Попадешься в травяные сети! — кричали сосновые братья. — Мы их давно наплели из прошлогодних трав.

Так и вышло, не сумел убежать от сосновых братьев маленький зверек. Поймали они его, долго трепали за уши, потом посадили в клетку из осиновых прутьев и привязали к высокому кедру. Сами ушли.

Сидит бурундучок в осиновой клетке, жалобно пищит, пить просит. Стали Ати просить великого Торума послать на землю дождь. Много дней и ночей руки к небу тянула,

молила небо сжалиться. Пошел дождь. Сломил Ати веточку, стала по ней спускать бурундучку дождевые капли. От этих дождевых капель начал расти бурундучок, стал тяжелее. Обломился кедровый сук, стукнулась о землю осиновая клетка, и встал из нее богатырь.

— Я ваш сын — Элле Севес! — радостно крикнул молодой богатырь. — Освободить вас пришел, только у меня силы мало. Мне надо сходить на коряжный остров, напиться воды из речки Нинкин-еган. Вот тогда я приду к вам. Но вначале сестру свою Ай-Мось-нэ найду.

— Знай, сынок, у сосновых братьев вместо сердец серые утятки. Они по ночам на озерцах плавают. Может, поймаешь их, — сказал Лари.

— Все сделаю, как велишь, — ответил богатырь.

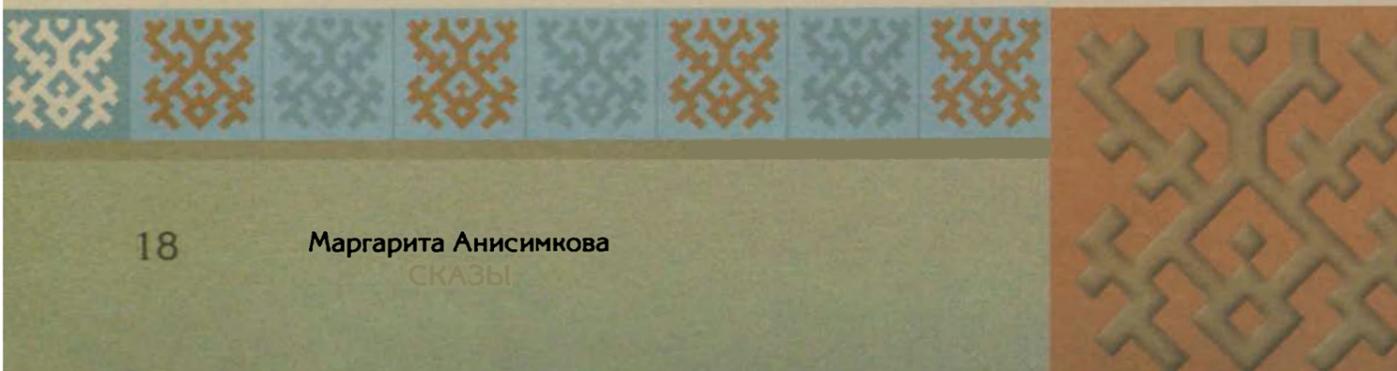
— Пусть легкой будет тебе дорога, — сказала Аги.

Только скрылся богатырь за лесом, слышались крики сосновых братьев.

— Кто давал воды Элле Севесу? Кто ему давал воду? — в ярости кричал старший сосновый брат и рвал на себе косматые волосы.

— Догнать его! Поймать его!

Кинулись сосновые братья в погоню. Знали, не мог он далеко уйти, хотя каждый шаг его был длиной в версту.

Об утиных цыплятах

Т

оропился Элле Севес в сторону восхода солнца. Видит, навстречу ему бежит Оли. Наряд — из брусничных листьев, на голове шапка, ягодными гроздьями украшена.

— Посторонись, не мешай, а то раздавлю нечаянно! — кричит на бегу Элле Севес. — Бегу к речке Нинкин-еган силы набраться.

— Надо вначале думу в голове держать, для чего тебе сила? — ответил ему Оли. — А я про твою думу знаю. Хочу поскорее своих отца с матерью освободить.

— Правда твоя. Об этом я думаю. Голова у меня большая, в ней много дум разных.

— Еще тебе надо сестрицу Ай-Мосьнэ увидеть.

Удивился Элле Севес, остановился. Тем временем Оли взобрался на плечи к богатырю и шепнул на ухо: «Вначале поймай цыплят, да над сосновыми братьями господином будь!»

Призадумался Элле Севес. Голова большая, а придумать ничего не может.

— Ночами, когда сосновые братья спят, из них утята на кормежку вылетают, — шептал Оли на ухо богатырю. — Они чаще всего на тихие озера летают или в заводях плавают. В это время их изловить можно.

— Ладно, — согласился Элле Севес. Быстро спустился под берег, сел под корягу, притаился. Слышит — земля задрожала. Бегут сосновые братья, фырчат, кряхтят, воздух, как охотничьи собаки, обнюхивают. Старший говорит:

— Здесь он где-то. Слышу, богатырским духом пахнет.

— Может, Элле Севес в реку забрел? — подсказал кто-то из младших братьев.

— Чего толку в этой речке? — ответил старший. — Он к Нинкин-егану побежал. Только в той реке богатыри силы набираются.

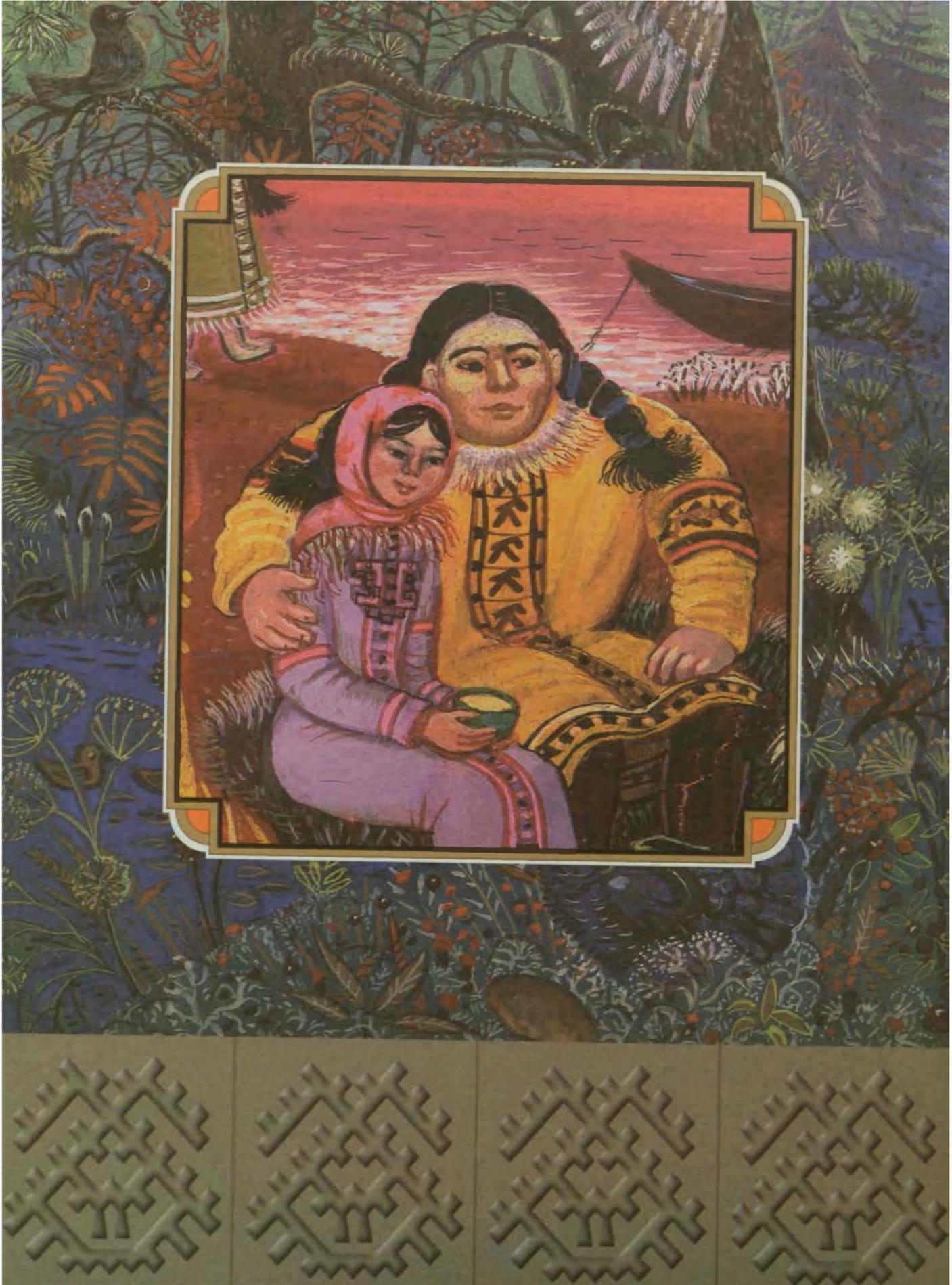
Весь их разговор слышит Элле Севесу. Сидит он под корягой, перебирает в памяти слова Оли, дивится: как в такой маленькой голове столько мыслей живет. Думал-думал, слушал-слушал разговоры сосновых братьев, и есть ему захотелось. Достал из кармана кедровые орешки, стал шелкать.

Старший сосновый брат оттопырил пальцами уши, долго слушал и говорит:

— Кажется, Элле Севес где-то тут, орешки шелкает.

— У тебя уши мхом заросли, плохо слышат. Это вода с берегов в речку каплет. Давайте поспим. Вечер ко сну клонит.

Уснули сосновые братья. От храпа земля содрогнулась. Долго Элле Севесу ждать не пришлось. Поглядел он на речную заводь и увидел, как к камышам маленькие, серенькие утиные цыплятки поплыли. Забрел Элле Севес в воду, подставил большую ладонь, сели на нее утиные цыплятки. Он их в карман сунул и зашагал к речке Нинкин-еган.

Проснулись сосновые братья, пошевелиться не могут, стонут. «Неужели Элле Севес нашу смерть нашел?» — думает каждый, а вслух сказать боится.

— Бока болят, — простонал старший сосновый брат. — Руки-ноги болят.

— У-у-у, — застонали и остальные.

В это время появился из берега Элле Севес.

— Не губи нас! — стали просить братья.

— Нет-нет, — ответил Элле Севес. — Вначале отпустите моих отца с матерью. Потом схожу к реке Нинкин-еган, да еще свою сестру поищу. Когда ворочусь, подумаю: отдать вам утят или нет.

— Слушаем каждое твое слово, Элле Севес, — покорно произнес старший брат. И, с трудом, переставляя ноги, побрели они обратно.

Еле-еле добрались до хмурых кедрочей на горе Путь-юх. Ати сидит в своей клетке исхудалая, тоненькая, как тростинка.

— Ступай на волю. Иди куда глаза глядят, — сказал ей старший сосновый брат, разломав клетку.

— Не пойду я без моего господина. Я без него ни одной тропки не найду.

Подбежали братья к клетке, в которой Лари сидел, глядь — а его там нет. «Куда делся? Все прутья на месте?!» — испуганно переглянулись братья. Тут младший крикнул:

— Вон в углу какой-то муравей с большими глазами притаился.

— Это мой господин без водицы так высох! — закричала Ати.

— Разжигайте костры! — просипел старший сосновый брат. Сам на землю повалился, рукой-ногой пошевелить не может. — Носите из реки воду, кипятите ее и купайте в ней этого муравья.

Стали братья из последних сил его приказание выполнять. Один котел вскипятили, второй, а когда третий вылили, выскочил из-под горячей струи маленький человечек. Точь-в-точь такой, какой из сосновой шишки родился.

— Неужели это ты, наш самый меньший братец? — застонал старший сосновый брат. — Прости нас!

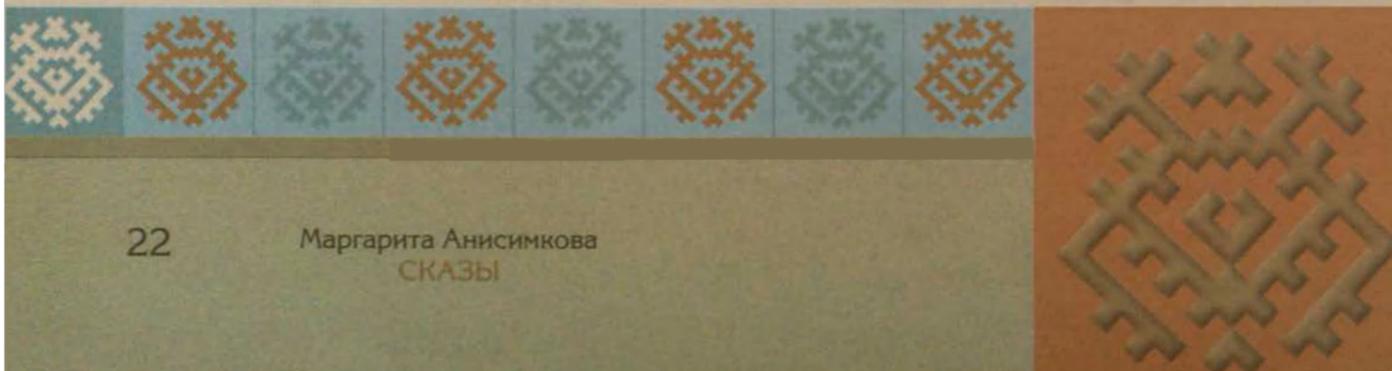
Вылил на себя остатки горячей воды маленький Лари — снова богатырем стал.

— Нет, не прощу! — покачал головой Лари. — Живите так, без сердца, перебирайте в памяти, сколько людям зла сделали, а потом встретимся.

— Как нам жить, если наши сердца, серые утятки, у твоего сына Элле Севеса?

— Будете добрые дела делать — сердца ваши сами найдутся. И будут не утиными цыплятками, а самыми настоящими.

В это время Лари взял на руки Ати и понес ее к берегу реки.

О людях на чугунных котлах

П

ришел Элле Севес на Нинкин-еган, отыскал на середине коряжистый остров, весь заросший черемушником. Попил. Лег отдохнуть.

Но спал богатырь чутко: пошевельнул травку ветерок — он один глаз открыл, прошебетала птичка в кустах — другой глаз открыл, а как скользнул по небу солнечный лучик — Элле Севес на ноги встал. Зевнул — покатилося эхо по болотам! Птицы на крыло поднялись, тучей небо закрыли.

Сколько прожил на том коряжистом острове Элле Севес — забыл, а берега речки так истоптал, что стали они зыбкими, непроходимыми для людей. А он все ходил и ходил, следы своей сестры Ай-Мосьнэ отыскивал.

Вечерами, когда садился на пенек бродни чинить, то вспоминал про отца-мать, про Ай-Мосьнэ да утят, что в кармане сидели. Смирные они, далеко не уплывали, по первому посвисту плыли к Элле Севесу. «Значит, смирно живут сосновые братья», — думал про себя богатырь.

Так и не встретив Ай-Мосьнэ, не отыскав ее следов, надумал Элле Севес в родные края отправляться. Тут пришла самая пора ему силы набираться. Встал Элле Севес на колени перед речкой Нинкин-еган: уперся руками в берега, раскрыл рот. Потекла ему река в рот. На третий день стали между зубов попадать песчинки. Тут поднялся Элле Севес, крикнул. Росту стал громадного — выше столетних кедрочей. Опоясал себя ремнем, сплетенным из черемуховых прутьев, перекинул через плечо тяжелый лук да колчан со стрелами и пошел. Идет — под ногами вода ключами вскипает, ноги по колено в трясины проваливаются. Подался к лесистой боровинке. Вдруг видит — бежит ему навстречу Оли. В богатом осеннем лузанае, только шапка сбилась набекрень.

— Или глаза у тебя плохо видят? — пробасил богатырь. — Мог бы раздавить нечаянно.

— Ой, устал, — вздохнул Оли. — Посади меня себе на плечо.

— Садись, — наклоняясь к земле, сказал Элле Севес. И спросил: — Ты моей сестры Ай-Мосьнэ не видел?

— Как не видел? Ты ее не в той стороне ищешь. Ты все болота топчешь, а она возле Великой реки ходит, птицам песни поет, со зверями играет. Красавица Ай-Мосьнэ! Ветер хотел ее в жены взять — она не пошла. Мороз хотел в жены взять — она не пошла. Сам водяной царь из воды голову высовывал на нее поглядеть...

— Не говори! У меня сердце от обиды лопнет! — вздохнул богатырь. — Ну да я все равно ее найду. Вот только починю бродни и пойду к берегам Великой реки.

— Туда иди, туда, — убегая в лес, кричал Оли.

Починил Элле Севес крепко-накрепко один бродень. Надел на ногу, стал на другом пришивать заплатку, услышал над головой шипение. Приложил ладонь к уху — понять не может, откуда шум? То ли ветер в листьях дурит? То ли протока водой полнится? То ли мошкара свой праздник справляет?

Взглянул Элле Севес на небо, видит: сидит на краю темного облачка добрый дух Лунк, бородой тучу разметаёт.

— Беда к нам пришла, — шепчет с высоты.

— Какая беда? Неужели снова озоруют сосновые братья? — потрогал в кармане утят — сидят смирно.

— Нет, — вздохнул Лунк. — Люди в наши края на чугунных котлах прилетели.

— На каких чугунных котлах? — спросил богатырь.

— Ох, — снова вздохнул Лунк. — Птицы и звери давным-давно об этом знают, а ты все в землю смотришь. Ай-Мосьнэ следы ищешь.

— Правда твоя — не видел, не слышал, — ответил Элле Севес.

— А сестрица твоя возле тех людей ходит, знаки им подает, дальше в тайгу манит.

— О, Торум! — взмолился богатырь. — Открой мне глаза. Собери вокруг меня птиц и зверей!

— Разве не веришь мне? — тихо спросил Лунк. — И Носатая баба, и девка Пурнэ, и заяц Шковарлэ, и Хозяин тайги — все видели эти чугунные котлы и подальше, подальше от них уходят.

Разгневался Элле Севес. не стал чинить второй бродень, побежал в сторону Великой реки.

Лунк ему и кричит:

— Тебя Ай-Мосьнэ ищет! К тебе навстречу идет.

Подпрыгнул от радости богатырь, не выдержала тряпина и стала затягивать его в болотную пучину. Элле Севес только и успел из кармана утят выпустить. А на том месте, где он провалился, сразу громадное озеро разлилось.

В это время Ай-Мосьнэ недалеко была, вскоре к нему вышла. Закачались на нем волны, засверкали искрами капель, ополоснули и без того чистое лицо Ай-Мосьнэ. Наклонилась она над озером, увидела доброе лицо богатыря Элле Севеса.

— Брат мой! — крикнула девушка. — Долго я искала тебя, да только в другой стороне.

Села она на бережок и заплакала.

— Не плачь, сестрица. Тяжело мне от таких слов на дне лежать да золотой ковш держать.

— Разве он у тебя? — спросила Ай-Мосьнэ. — Я его в волнах Великой реки утопила.

— У меня, — ответил Элле Севес. И тихо на озере стало, только, попискивая, поплыли к ней шесть сереньких утиных цыпляток. Покормила их Ай-Мосьнэ — отплыли они от берега и спрятались в высокой осоке.

Как подобрали сосновые братья

ивут утятки на озере, прячутся в траве да кочарнике и всего боятся. Хрустнет где веточка, прошуршит на ветру осока — они от страха головки под крыло спрячут и дрожат. В это время дрожью дрожат и сосновые братья.

— Видать, беда какая-то с Элле Севесом, — прошептал старший сосновый брат. — Поди, скоро и наша смерть придет.

— Беда, беда, — соглашаются с ним остальные братья. По земле они уже давно стали ходить тихо, травы не топчут, деревья не ломают.

А вездесущий Оли нет-нет да пробежит мимо них, послушает, о чем они разговор ведут. Как-то раз кафтан в реке полоскал...

— Эй, Оли! — кричал во весь голос старший брат. — Не знаешь ли ты, где теперь Элле Севес?

— Знаю, да не скажу! — крикнул издали Оли. И давай поскорее одеваться.

— Скажи. Будь добр, скажи. Устали мы жить без сердец! Умрем скоро!

И сосновые братья заревели так громко, что из воды голова водяного царя показалась.

— Ваши утятки по озеру плавают, — ответил Оли.

— Зачем Элле Севес их на волю выпустил? — еще громче заголосили сосновые братья. — Смерть наша придет неминуемо. Научи нас, Оли, что делать.

— Некогда мне, — закуражился гномик. — У меня есть дела поважнее.

— Разве могут быть дела поважнее, чем добро делать? — расхныкался старший сосновый брат.

— Ваши утятки на озере плавают, а к тому озеру люди на чугунных котлах прилетели.

— На чугунных котлах? — закричали сосновые братья все разом и повалились на берег.

— Покажи нам то озеро, Оли, — еле слышно просит гномика старший сосновый брат.

— Ты мне вначале в глаза погляди, — сказал ему Оли. — По глазам видно, живет ли в тебе злоба.

Нечего делать старшему сосновому брату, встал он перед Оли на колени.

— Гляди, гляди! — торопит его Оли.

— Не могу.

— Тогда не скажу, где ваши утятки.

Нечего делать, уцепился старший сосновый брат пальцами за длинные свои ресницы, с силой приподнял одно веко, потом другое. Из глаз покатились слезы.

— Пойдемте. Покажу вам озеро, — сразу согласился Оли и зашагал вдоль берега реки. Сосновые братья за ним. Много дней они шли, пока показалось большое озеро, заросшее по берегам черемушником.

— Вот на этом озере плавают ваши серые утятки.

— Такое большое озеро! — закричали сосновые братья. — Они не подплывут к нам. Они к воде привыкли! — застонали сосновые братья. — Помоги нам, Оли! Скажи, что делать?

— Ладно, — согласился Оли. — Поймайте в болоте по лягушонку — будет для утят приманка. Сами сидите в траве, не шевелитесь. Как только подплывут утята, схватят лягушонка — тут и ловите их, не зевайте!

Разбрелись сосновые братья по болоту. Сделают один шаг — по колено в болотной няше тонут, сделают другой — по пояс в воде окажутся. Кое-как поймал каждый по лягушонку. К озеру на животах подползли.

— Пришла и ваша пора трудиться, — говорит Оли.

Разлеглись братья на берегу озера, протянули руки с живыми лягушками на озерную гладь. Лежат, не шевелятся. День лежат, два лежат, а утятки не подплывают.

— Терпение надо иметь! — кричит им Оли.

На третий день видят братья — на середину озера серые утятки выплыли.

— Лежите, не шевелитесь! — опять шепчет сосновым братьям Оли.

Весело замахали крылышками утятки. Схватили лягушатов — на небе гром прогремел. Гремел долго, а потом ливень пошел. Лилась с небес вода, будто кто-то ножом все облака разрезал. А когда перестала, тихо кругом стало.

Поднялись с земли сосновые братья один краше другого.

— Какое красное солнышко! — сказал старший брат.

— Какое светлое озеро!

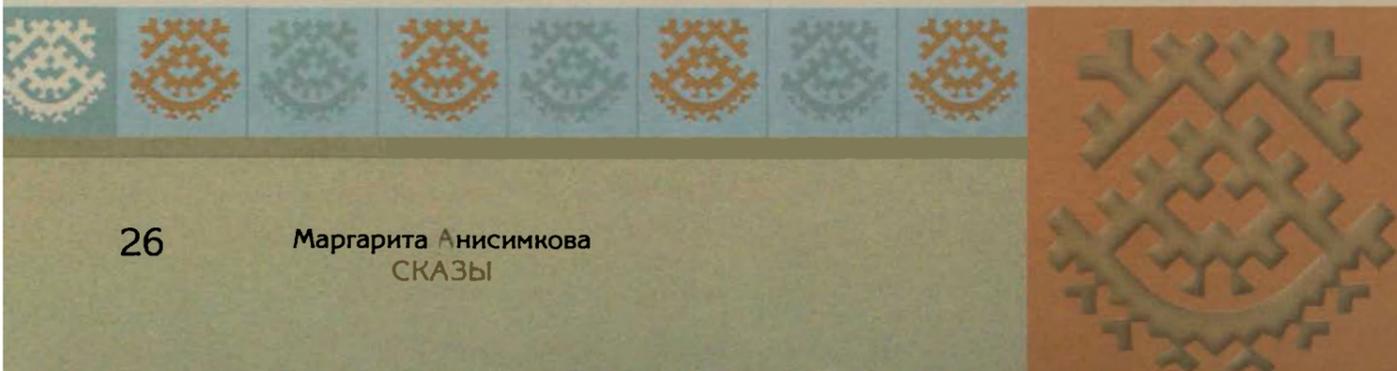
— Какие травы высокие!

— Какие мхи сочные!

— Простору конца-края не видно!

— Как много птиц кругом!

Весело засмеялся Оли и побежал по болоту, с кочки на кочку перепрыгивая.

Встреча Оли с чужими людьми

П

одобрили сосновые братья, стали жить-поживать, как все люди: на охоту ходить, оленей пасти, рыбу ловить.

Как-то в осеннюю пору идут братья с охоты домой и видят: возле дерева сидит незнакомый бородатый человек: с ног сапоги стащил, на кустах портянки сушить развесил, тихонько стонет. Из рта дым пускает.

— Ноги болят? — спросил незнакомца старший сосновый брат.

— Болят, — ответил бородатый человек. — Болота топкие, вода холодная.

— Ноги в муравейник толкай! Муравьи твою хворь сразу вылечат, — посоветовали братья. — А в какую сторону идешь?

— Мы здесь золотой ковш ищем, — потирая ноги, ответил бородатый человек.

Обомлели сосновые братья, глаза вытарасили, слова выговорить не могут, словно бы все клюквинками подавились.

— Это вы на чугунных котлах летаете? Зверей, птиц пугаете? — строго спросил старший сосновый брат, и все, будто обидевшись, заторопились в лесную чащу.

Любопытный Оли сидел под листочком и весь разговор слышал. Подкатился к незнакомцу и глядит, как тот изо рта дым пускает. Тут на Оли чих напал. Незнамец завертел головой из стороны в сторону. Маленькая искорка на землю упала.

Не выдержал Оли, закричал:

— Зачем по земле огонь пустить хочешь?

Встал человек, глядит по сторонам, а Оли увидеть не может.

— Твоя искорка попадет на сухой лист, подхватит ее ветер, а он любит с огнем играть! И запылают леса.

— Ты живой, что ли? — присел на корточки бородач перед гномом.

— Разве не видишь? — спросил Оли и побежал к искорке, погасил ее.

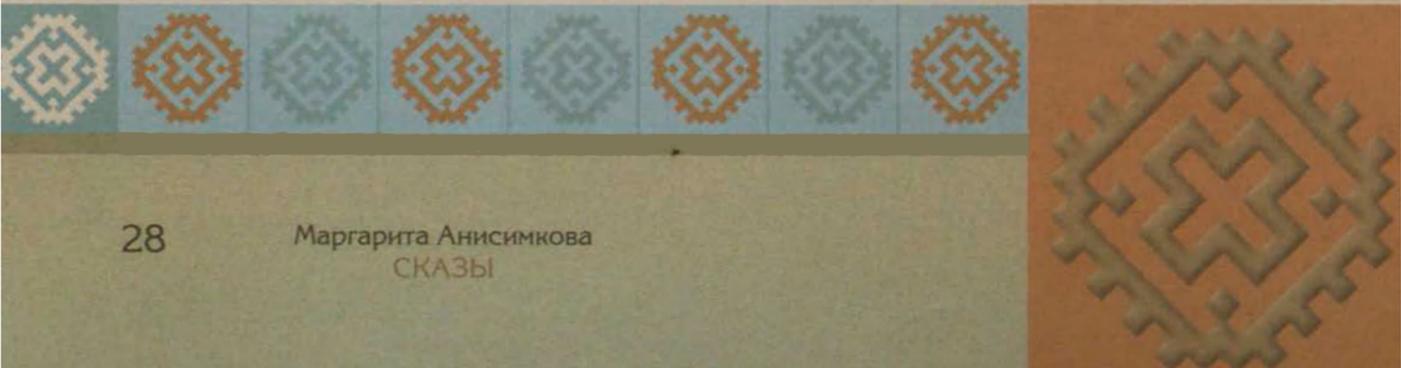
— Так, может, ты знаешь, где мне найти золотой ковш?

Отбежал в сторону Оли, скосил набок головку, глядит на незнакомца человека.

— Наша лесная красавица Ай-Мосьнэ, когда маленькой девочкой-ягодкой была, в лодке плыла и тот ковш в реке утопила.

— А может, ты знаешь болота, на которых масляные пятна плавают?

— От таких болот дурной запах идет, олень ягель не ест, стороной бежит.

— О-о-о, какой ты всезнающий, — захохотал человек. — Иди ко мне. Расскажи про свою землю.

— Зачем тебе наша земля? — спросил Оли, отбежав подальше.

— Иди, не бойся. Я тебе подарки дам. У меня есть бубенцы-колокольчики, монетки звенящие, зеркала блестящие.

— Не надо мне подарков. Прислушайся-ка хорошенько, и услышишь, какими голосами наши леса звенят! Какими зеркалами озера и реки блестят!

— Твоя правда, — усмехнулся бородач. А сам все ближе и ближе к Оли подходит, схватить его хочет. — Мне ваша лесная девка Пурнэ большое озеро показала, на нем жирные пятна плавали. Мои друзья-товарищи туда прилетели.

— Пурнэ дурная девка. У ней в голове ветер гуляет, — ответил Оли.

— Ты повтори, куда делся золотой ковш, я сразу и не понял тебя, — а сам осторожно к Оли подходит.

— Ты вначале мою загадку отгадай, а потом в руки поймать собирайся.

— Ты еще и загадки знаешь? — захохотал мужчина. — Ну, загадывай.

— Какая палка может сразу до неба достать? — спросил Оли и спрятался под листьями.

— Какая палка может до неба достать? Какая палка? Где взять такую палку? — вслух рассуждал чужак.

— Думай, думай! — говорит Оли, сам за ухом себе чешет, посмеивается.

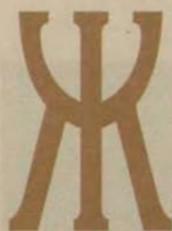
— Какой палкой можно до неба достать? — топчется на одном месте незнакомец.

В это время кто-то громко чихнул. Оглянулся Оли и видит: из-за кустов глядит Носатая баба и грозит ему корявым пальцем.

— Ой, — крикнул Оли и побежал во всю прыть, только эхо донесло до слуха бородача «а-а-а-а! глаза-за-а-а!»

На что рассердилась Носатая баба

ила Носатая баба со своими долгоносными детками среди лесных заломов, вязких болот и редко кому попадала на глаза. По лесу она ходила тихо, ко всему прислушивалась, травы не мяла, веток не ломала, кустов не гнула. Пройдет — никакого следа не оставит, будто птицей пролетит. Разве только кто среди кустов подол ее длинной юбки увидит или берестяной короб.

В это утро она проснулась ни свет, ни заря. Долгоносые детки пищали, спать не давали. Со стороны озера запах дыма учуяла, прикрыла большой нос травянистым платком, пошла по подберегу между ивовых кустов. Вдруг зайчиной запахло. Заглянула Носатая баба за кочку и видит: лежит зайка лапками вверх.

Облизнула она свои обветренные губы, схватила зайку за одну лапку.

— Ой-ой-ой! — запищал зайка. — Не видишь — я лапки в огне опалил. Убежать от тебя не могу. Ой-ой-ой!

— Где лапки опалил? — спросила Носатая баба.

— Там! — махнул зайка в сторону озера. — Там чугунные сосны выросли. Мужики в руках огонь носят.

— А-а-а-а-а-а! Это Пурнэ им все рассказала, да вездесущий Оли болтливым языком болтает, — и забросила зайку в свой берестяной кузовок. — Это из-за них мои детки сон потеряли? Ни свет, ни заря будят, есть просят. — Бежит бережком, грозитя: — Поймаю Оли — разорву на кусочки!

Только вышла на болото, прошла между кустарниками и услышала тот разговор Оли с незнакомым человеком. Задрожала Носатая баба. Тут ее хриплое дыхание Оли услышал и побежал изо всех сил.

— Поймаю тебя, разорву на кусочки! — кричит Носатая баба.

Бежала, бежала, уставать стала, стащила со спины берестяной короб, швырнула через голову: зайка из него выпрыгнул, а Оли с разбегу забежал в него.

— Хах-хах-ха! — закричала Носатая баба, схватила кузов, надела на плечи и побежала домой. «Вот обрадуются детки, маленьким Оли позабавятся, а потом сами на кусочки и разорвут».

Скоро послышался писк и гвалт. Носатые детки подбежали к матери, стали царапать когтистыми лапками кузовок.

— А вы берестяные чашки сшили? — спросила у деток Носатая баба.
— Нет, не сшили. Мы забыли. Все играли да играли.
— Бегите в лес! Делайте себе чаши, а я поплю на травяной постели.
Оли отыскал в коробе трещину и увидел старшего сына Носатой бабы. Он нес из лесу берестяную чашку.
— Давай поиграем! — крикнул через щелочку Оли.
— Обманешь меня, — сказал сынок Носатой бабы. — Давай подождем братьев. Они давно не играли.
— Давай, — согласился Оли.
Скоро к коробу прибежало множество пташек — не пташек, зверьков — не зверьков. Стали они долбить носами короб.
— Давайте-ка в прятки играть! — крикнул из короба Оли.
— Будем играть! В прятки играть! — закричали детки Носатой бабы.
— Тогда развязывайте травяной платок, которым короб завязан, — говорит деткам Оли.
— Ты убежишь! — закричали детки Носатой бабы.
— Я сам развяжу! — осмелел старший сын и развязал осоковый платок.
Выскочил из короба Оли, кафтан помят, шапка набекрень.
— Ой, какой ты маленький. А мы думали, ты великан! — удивился старший сын.
— Давайте играть! Давайте играть! — просили детки с длинными носами.
Разжег Оли костер. Старший сын Носатой бабы первым перепрыгнул через огонь, опалил одежонку, пискнул и булькнулся в кадку с водой. Потом второй сделал так же, потом третий... Как только прыгнул последний, Оли накрыл кадку берестяной крышкой и побежал в лес. Поймал он там птичку-синичку, забежал в избушку Носатой бабы, откинул над печкой полог, впустил туда птичку-синичку и побежал в лес.
Под вечер проснулась Носатая баба. «Неужели детки все еще берестяные чашки делают?» Подошла к избушке — кругом чашки валяются, а деток не видно. Зашла в избу, а над печкой полог из стороны в сторону колыхается. Подумала Носатая Баба, что ее детки там играют, и говорит:
— Хватит вам полог рвать. Скоро я вас зайчатинкой угощу да гномика Оли на потеху дам.
Затащила Носатая баба короб в дом, глядь: а он пустой. Дернула полог, а оттуда птичка-синичка выпорхнула и вылетела в окно на волю.
— Обманул, обманул! — закричала Носатая баба, подбежала к кадке, открыла крышку, увидела там своих деток. Стала вытаскивать их из воды, обтирать, да на печку сушить. — Догоню, все равно догоню этого Оли! — погрозила она и побежала к озеру. Шаги у нее широкие. Оли и туда, и сюда, а она догоняет. Вспомнил Оли про ветку, которую возле железной сосны видел. Подбежал он к этому месту и шепнул: «Огненный столб, не долетай до неба, не лети, нижняя искра, вниз!» Сам сидит на ветке, прижавшись к стволу.

Остановилась Носатая баба перед пламенем, зачихала, зафыркала, закрыла лицо руками, выскочила из огня черная, косматая. Тут Носатая баба достала из-за пояса топор и давай сосну рубить. День рубила, два рубила, на третий день упала с вершины сосновая шишечка, ударилась о землю, и выскочили из нее маленькие сосновые братья.

— Зачем ты раньше времени рубишь наше родовое дерево? — спросили они.

Испугалась Носатая баба, бросила топор в сторону и повернула обратно, к своей избушке.

— Все равно я поймаю тебя, — убегая, грозила она гному.

Разговор Ай-Мосьнэ с Элле Севесом

Б

ежит Оли, а навстречу ему Ветер ветров летит.

— Ты, Оли, совсем забыл про край снеговой тундры, — прокричал на лету Ветер ветров Нерум Пос Ики.

— Забот много, — ответил Оли.

— Без забот живут только бездельники да Пурнэ — девка ленивая. Все еще в платье из желтых листьев разгуливает. А мои сыновья изо всех сил снега метут.

— Зато Ай-Мосьнэ в белой шубке, в белых рукавичках, в белой шапочке по лесу ходит.

— А мы давным-давно след ее потеряли! — закружил Ветер ветров. — В какую только сторону ни летали, у кого только ни спрашивали — никто не назвал нам имени дочери Ати, — просвистел Ветер ветров, улета.

Опечалился Оли. «Надо мне в снег спрятаться, к земле прижаться, зиму проспять, силы набраться. Правду говорила Носатая баба, болтлив я стал».

Только хотел уснуть, да услышал ветровой свист. Вихрь смешал землю со снегом. Это сыновья Ветра ветров между собой ссорились. Положил Оли ладошечку к уху, слушает:

— Я сделаю так, чтобы Пурнэ на Ай-Мосьнэ походила! Одну ее в снеговой наряд.

— А я одену ее в ледяной наряд!

— Сошью ей шубку из серебристых сосулук!

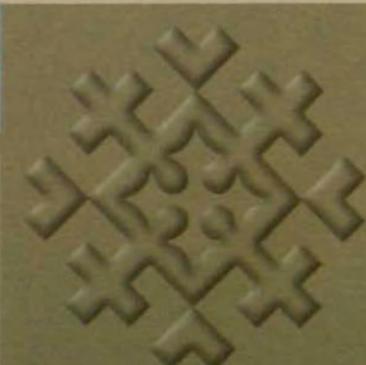
— А я не стану наряжать Пурнэ ни в какой наряд. Она худая и длинная, как лесная сухара, глаза маленькие, руки большие, песни петь не умеет. От нее гнилой дух идет. Ай-Мосьнэ тайгой пахнет! Не хочу, чтобы Пурнэ на Ай-Мосьнэ походила. Не хочу! — кричал Молодой ветер Вот Пох Ики.

Тут Ветер ветров схватил младшего сына за пушистую бороду и потащил вдоль берега реки.

— Куда ты тащишь меня? — свистит молодой ветер.

— Не троньте Ай-Мосьнэ! — шипит младшему сыну Ветер ветров. — Без нее осиротеет тайга.

— Я про то и говорю! Об этом с братьями спорю!

«Нет, не время мне спать, — подумал Оли. — Надо с Ай-Мосьнэ встретиться и рассказать ей обо всем, потом и спать можно ложиться». Бежал, бежал Оли вдоль берега, катился клубком по болоту, прыгал с куста на куст, с кочки на кочку — нигде Ай-Мосьнэ не увидел. Побежал к озеру богатыря Элле Севеса. Громкий чих прокатился по округе и потерялся в черемушнике. «Неужели Ай-Мосьнэ чихает, как Носатая баба?» — подумал Оли, покатился между кочками колобком. Видит, сидит Ай-Мосьнэ, глядит в озеро, а рядом с ней Носатая баба, припала к уху и шепчет: «Оли с нашей земли выгнать надо. Он к железным соснам бегаёт. Моих деток чуть в кадушке не утопил».

— Без Оли опустеет наша земля, — не соглашается с Носатой бабой Ай-Мосьнэ.

А та свое:

— Помоги поймать этого гнома вездесущего. Нет от него житья: куда ни пойду — везде его следы вижу.

— Оли многим добро делает, про все знает. Он старше твоей матери, а ты такие слова про него говоришь. Устали мои уши слушать твои слова, — ответила Ай-Мосьнэ. — Ступай к своим деткам.

Пробурчала что-то Носатая баба, пошла лесом, прикрыла большой нос осоковым платком.

Долго глядел Оли на Ай-Мосьнэ, любовался лесной феей. В это время над озером плыло облачко, на нем сидел добрый дух Лунк.

— Пригорюнился? — спросил он у Оли.

— Пригорюнился, — признался тот и вздохнул.

— Робеешь к ней подойти? Не такая наша Ай-Мосьнэ, — шепчет с высоты Лунк. — Не узнаю я тебя. Или ты устал, Оли?

— Устал, — признался Оли. — Много слов надо сказать Ай-Мосьнэ, а не знаю, с чего начать.

— А ты отдохни, отдохни! — прошептал Лунк. — Прижмись к земле, она тебе силы даст, а потом все и расскажешь лесной фее.

И полетело облачко в синюю даль.

Повеселел Оли, но спать ложиться не захотел. До самого позднего вечера просидел под кустом, много дум передумал, потом подбежал к Ай-Мосьнэ, сел рядом с ней на берегу. Повернула к нему голову Ай-Мосьнэ, а в глазах феи печаль.

«Кто обидел тебя?» — хотел спросить Оли, да передумал. Ай-Мосьнэ заговорила сама.

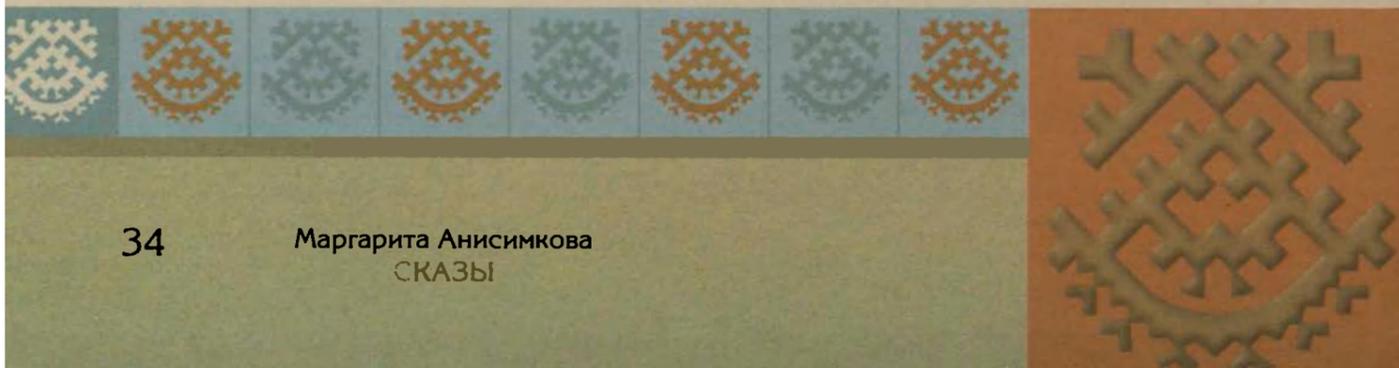
— Слышала я, будто чужие люди спрашивали тебя про золотой ковш.

— Спрашивали, да только я никому не скажу. Носатая баба зря на меня наговаривает. Я не меньше ее люблю нашу землю. А золотой ковш — с небес!

— Знаю — ответила Ай-Мосьнэ.

— Он долго хранился на краю снеговой тундры.

— Знаю я.

— Потом твой отец да мать в лодочке его по Великой реке везли.

— Дальше я все знаю! — заплакала Ай-Мосьнэ.

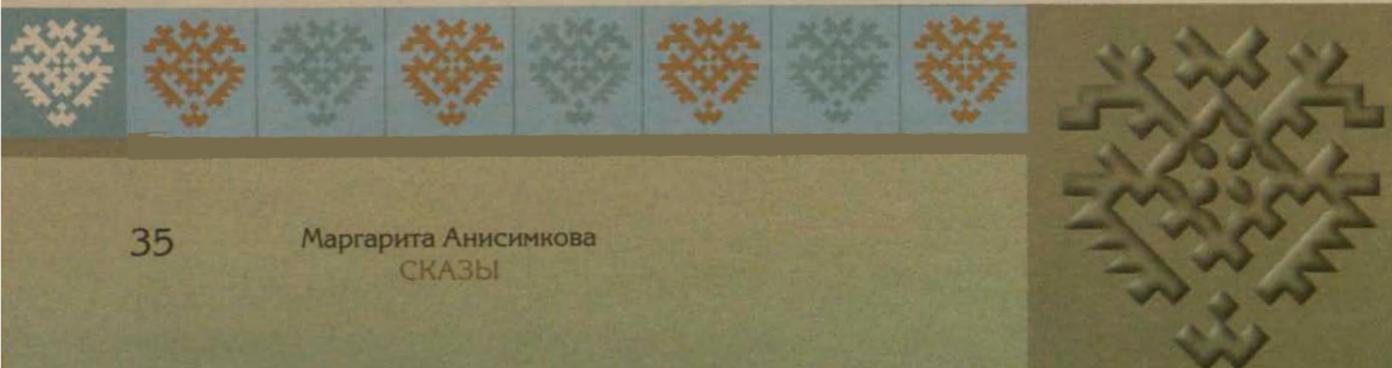
Потемнели на озере волны, засвистели на ветру ветки черемушника, застонали вокруг болота.

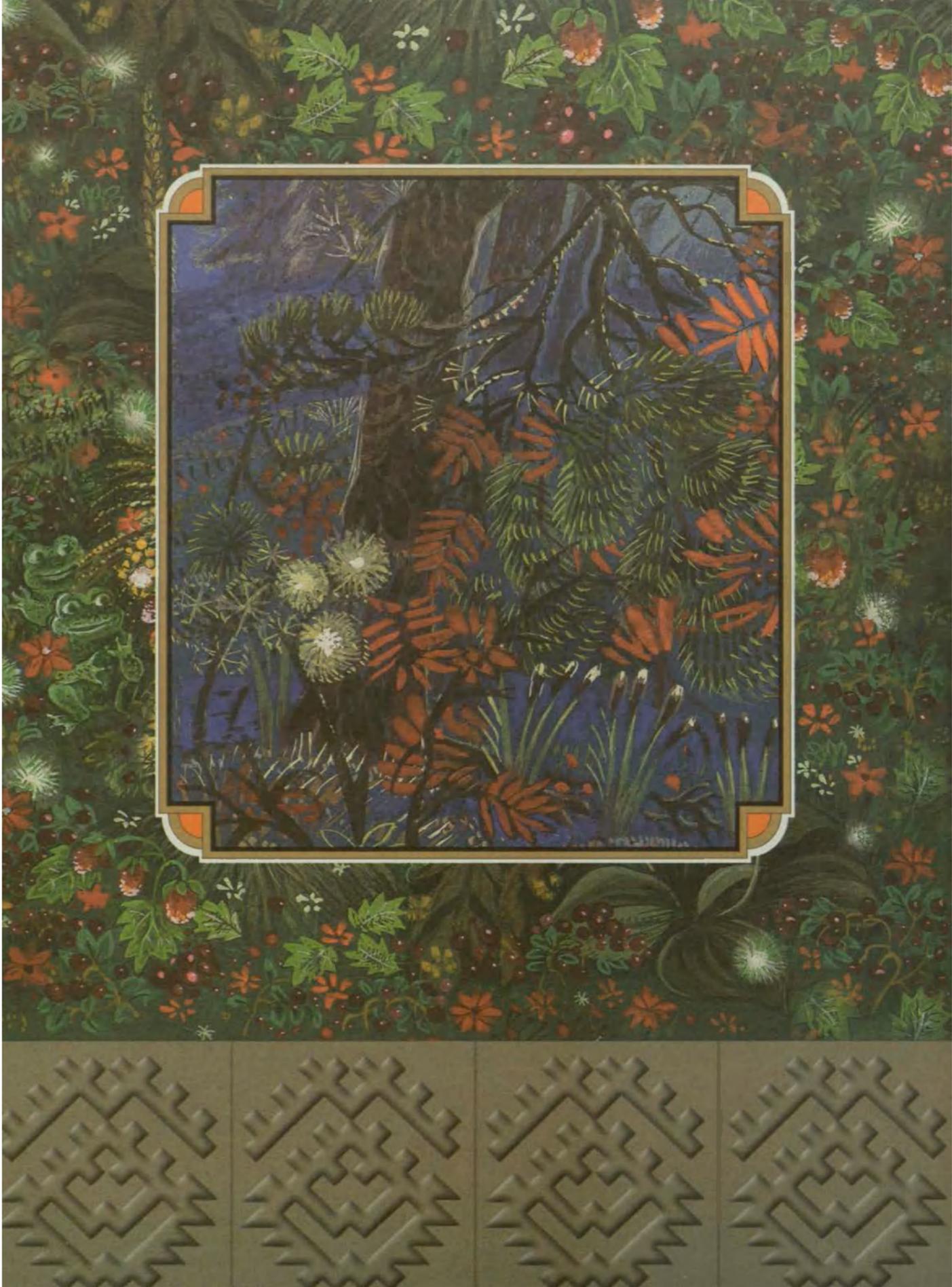
— У меня золотой ковш, сестрица, — донесся голос со дна озера. — Никому я его не отдам.

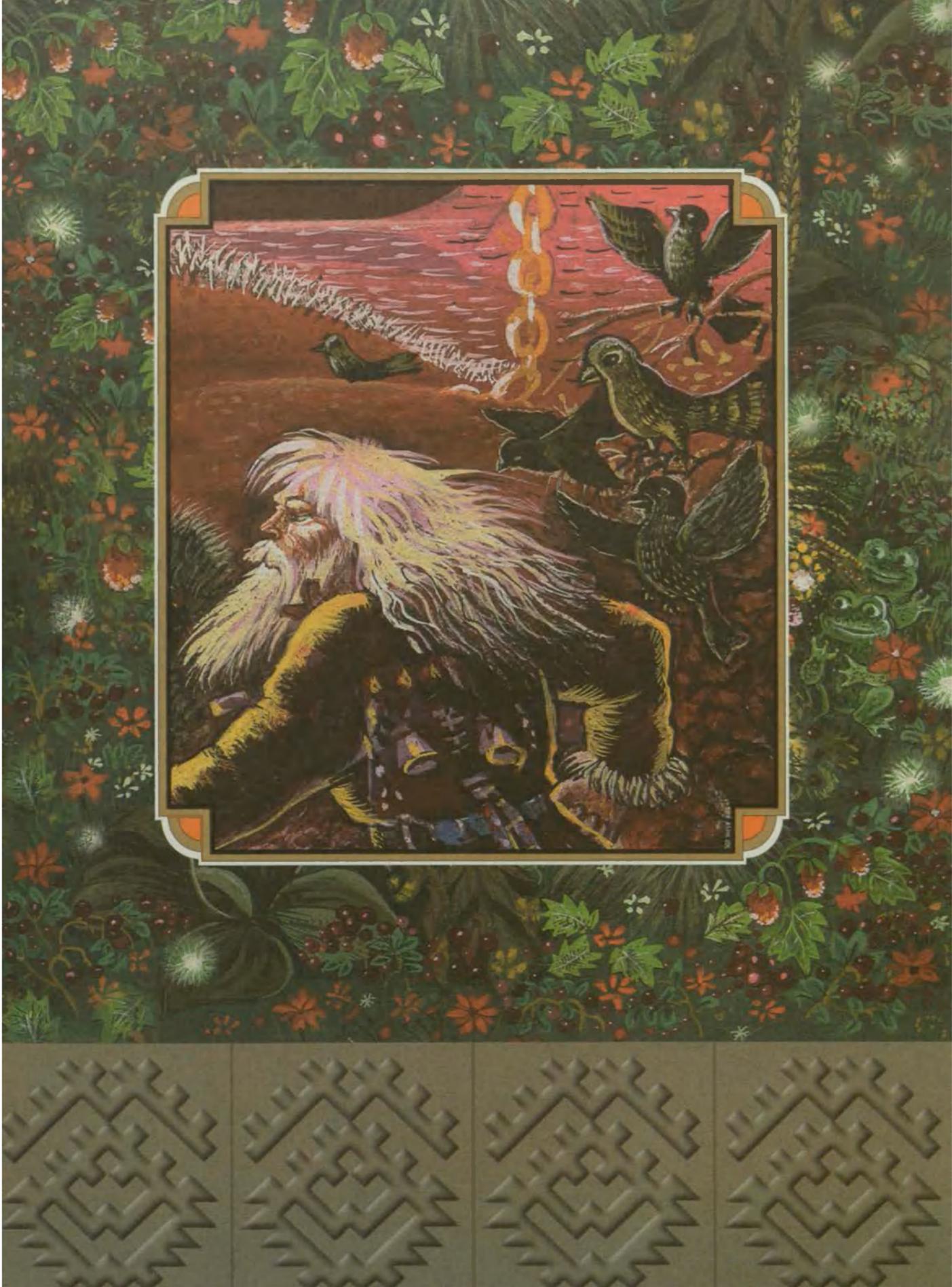
— Элле Севес, брат мой! Моя вина, и мне и хранить надо тайну золотого ковша! — закричала Ай-Мосьнэ.

— Я сильнее! — шепнули волны. — Обо мне узнайте от небесной радуги. Она всегда пьет воду из золотого ковша в моем озере.

Тут с неба густой снег повалил, одел всю землю от края до края в белый наряд.

Про заячью обиду

К

репким сном спал Оли под снегом. Как только учуял запахи мхов, понял — весна близко. Разгреб лунку, выскочил на свет веселым да пригожим. Огляделся — вокруг никого. Прислушался. Долетели незнакомые звуки: бух! бух! бух! бух!

«Наверное, дятел о сосновую кору клюв сломал», — подумал Оли.

Выбежал на берег, глянул и ахнул: на берегу сосновые братья топорами лодки-колданки долбят. Свистнул Оли. Первым его голос Лари узнал, закричал:

— Здравствуй, Оли. Здравствуй, спаситель наш! — и побежал ему навстречу. За ним Ати, за ней все сосновые братья.

— Где так долго был? Мы потеряли тебя. Скучно, тоскливо без твоих новостей! — кричали сосновые братья наперебой.

— Отдыхал я. Под снегом спал. Силы у земли набирался. Слышите, стонет она.

— Стонет, стонет, — ответили братья.

— Оставайся, Оли, с нами жить. Мы тебе чум поставим, — сказала Ати.

Оли покачал головой.

— Мое дело по стылой земле бегать, про все знать... Ну, мне пора.

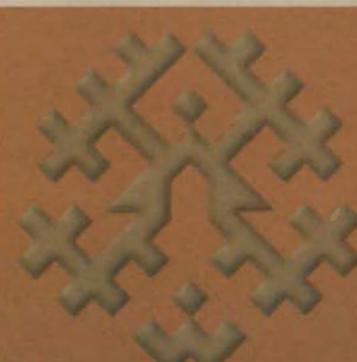
— погоди, посиди, — остановила его Ати. — Мы тебе сами про зайку новость расскажем.

— Ладно, — согласился Оли.

— Бегал зайка по луговым обочинам и не заметил, как к железной сосне подбежал. Опомнился, когда лбом стукнулся да из глаз искры посыпались. Там себе лапки опалил. Побежал тогда зайка на опаленных лапках, сам не зная куда, — говорил Ати. — Скоро он из сил выбился. Опять под кустом спрятался. Долго лежал, есть захотел, а подняться не может. Потянул губами с болотной кочки осоку. Она ему и разрежала верхнюю губу. Рассердился на нее зайка: теперь вся его заячья красота испорчена, и стал думать, как бы осоку наказать. Тут он про огонь и вспомнил. Хромая, подошел к железной сосне, увидел огонь, зашептал: «Огонь, огонь, спали осоковую кочку. Она мне губу разрежала». Огненные языки поднялись ввысь, потом прижались к земле.

— В тебе, зайка, собачья жадность живет, — прошипели.

Побежал зайка к реке. Сел на бережок, стал звать водяного царя:

— Вон Йнг Вой! — Выставило голову из воды чудовище. — потуши огонь, он не хотел сжечь болотную кочку, где растет осоковая трава, она мне губу разрежала.

— В тебе собачья жадность живет, — ответил Вон Йнг Вой и скрылся под водой.

Прихрамывая, зайка побежал в лес. Встретил там охотников, закричал:

— Охотники, охотники, убейте водяного царя, он не хочет огонь потушить, огонь не хочет болотную кочку спалить, на которой осока растет. Та осока мне губу разрежала.

— И так проживешь, — ответили охотники. — Это в тебе собачья жадность живет.

Нечего делать — поскакал зайка к ягодной боровинке. Там сосновые сестры ягоды собирали. Стал просить их зайка сломать у сосновых братьев охотничьи стрелы.

— Ты безумный, зайка! — закричали на него сосновые сестры. — Как мы будем жить, если наши мужья не будут на охоту ходить. В тебе собачья жадность живет!

В это время мимо две мышки пробежали.

— Мышки, мышки! — окликнул их зайка. — Сбегайте в бор, там сосновые сестры ягоды собирают, а их берестяные короба на земле лежат, перегрызите их.

— В тебе собачья жадность живет! — пискнули мышки и убежали.

Надумал тогда зайка встретиться с главой собачьего семейства. Только подумал, а у самого сердце в пятки ушло, вся шкура задрожала, глазки задергались. Глава собачьего семейства — серый косматый пес — издали учуял заячий запах, залаял, стал точить о землю когти.

— Скажи мне, — еле выговорил зайка, птясь от серого пса. — Скажи мне: почему мне все отвечают, что во мне собачья жадность живет?

— Кто все? — прорычал пес.

— И огонь, и вода, и сосновые братья, и сосновые сестры, и мыши.

— Мыши? — почесал когтистой лапой за ухом косматый пес.

— Мыши, — ответил зайка.

— Ну, с мышами я справлюсь: завалю их норки землей, а на остальных у меня нет силы. Кто же осилит огонь и воду? Кто перемудрит человека? — Пригорюнился зайка, — А чего хромаешь? — рыкнул на зайку пес.

— Я на лапках пяточки спалил. Я их травкой лечу.

— Лечи, лечи! — твякнул над длинными ушами пес и оскалил зубы. Хотел было схватить зайку, да передумал: паленым он пах.

От страха зайка про свою порезанную губу и про опаленные лапки забыл. Рад, что жив остался.

Как Носатая баба вороний праздник справляла

—К

ак живет-поживает Носатая баба, — полюбопытствовал Оли. Громко засмеялся старший сосновый брат. Глядя на него, полдня хохотали остальные.

— Носатая баба всю зиму по лесам и болотам бегала, тебя искала. Глупая Носатая баба, хотя голова большая! Бегала она, бегала, остановилась на перекрестке дорог. Стала ждать Нерума Пос Ики, он должен был раньше всех лететь в северную сторону. Крутилась она, крутилась на одном месте, все пятки себе смозолила. «Может, другую дорогу нашел?» — подумала, села на кочку и стала растирать ноги. Слышит, где-то ворон каркнул. У Носатой бабы сердце екнуло. Приложила ладонь ко лбу, задрала вверх голову, увидела: черный ворон летит.

— Ты чего, ворон, захотел мне годы перепутать? — закричала Носатая баба птице.

— Кар-р-р, — ответил ворон, облетел болотину, слетал в лесок. — Не вижу гостинцев.

— Ты зачем раньше Нерума Пос Ики прилетел?

— Он сзади меня летит.

— Чего мелешь, непутевая птица? — кричит Носатая баба, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги и тянет к себе земля.

— Не грозись! — каркает с высоты ворон. — Годы твои уходят.

Еле поднялась с земли Носатая баба, доползла до своей избушки. Носатые детки окружили ее, зашумели.

— Бегите, летите по окрестным лесам! — закричала Носатая баба. — Ловите зверушек да пташек, раздайте воронам гостинцы. Кому заячьи косточки, кому куропачью лапку, кому песцовое ушко, кому утиное крылышко.

Побежали детки Носатой бабы по окрестным лесам и болотам. А Носатая баба еле дышит, глаза открыть не может. Ей надо до деревянного ящика добраться, достать со дна четырехгранную палку. На той палке все ее годы отсчитаны. Раз прилетели вороны — пора новую зарубку ставить. Поползла она к ящику, длинным носом бороздит землю. «Только бы еще одну зарубочку сделать!» — думает, доставая из-за пояса острый нож.

А в небе воронье уже черной тучей кружит. «Заключают до смерти!» — стонет Носатая баба. Изловчилась, нашарила рукой четырехгранную палку. А

палка, как живая, вот-вот из рук вывалится. Схватила она палку зубами, провела тоненькую черточку!

Поднялось ввысь воронье. Гам поднялся.

— Чему вы радуетесь? Зачем раньше времени прилетели? — закричала Носатая баба.

— Ничего ты не знаешь! — прокаркал с высоты черный ворон. — Люди на нашей земле тепло нашли!

— Шум и гам от этих людей. Земле покоя не стало!

— Молчи, Носатая баба, а то не получишь новую четырехгранную палку, на старой-то уже нет места ставить зарубки! Справляй нам праздник! Мы устали в долгой дороге! — зашумело воронье.

— Эй, вы, ленивцы! — снова закричала на своих деток Носатая баба. — Бегите опять в лес, несите воронью еще гостинцев, а то без матери останетесь.

Целый день носатые детки по лесам и болотам добычу искали и все в кучу складывали.

— Гуляйте, вороны! — закричала Носатая баба и стала во все стороны звериные косточки разбрасывать. Загуляло воронье! Многие подавились, да так крепко, что и по сей день каркают, из горлышка косточки выплюнуть не могут.

А старый черный ворон орет Носатой бабе:

— Пляши с нами! Пляши, если хочешь получить новую четырехгранную палку!

Нечего делать Носатой бабе, жить хочется. И стала она плясать.

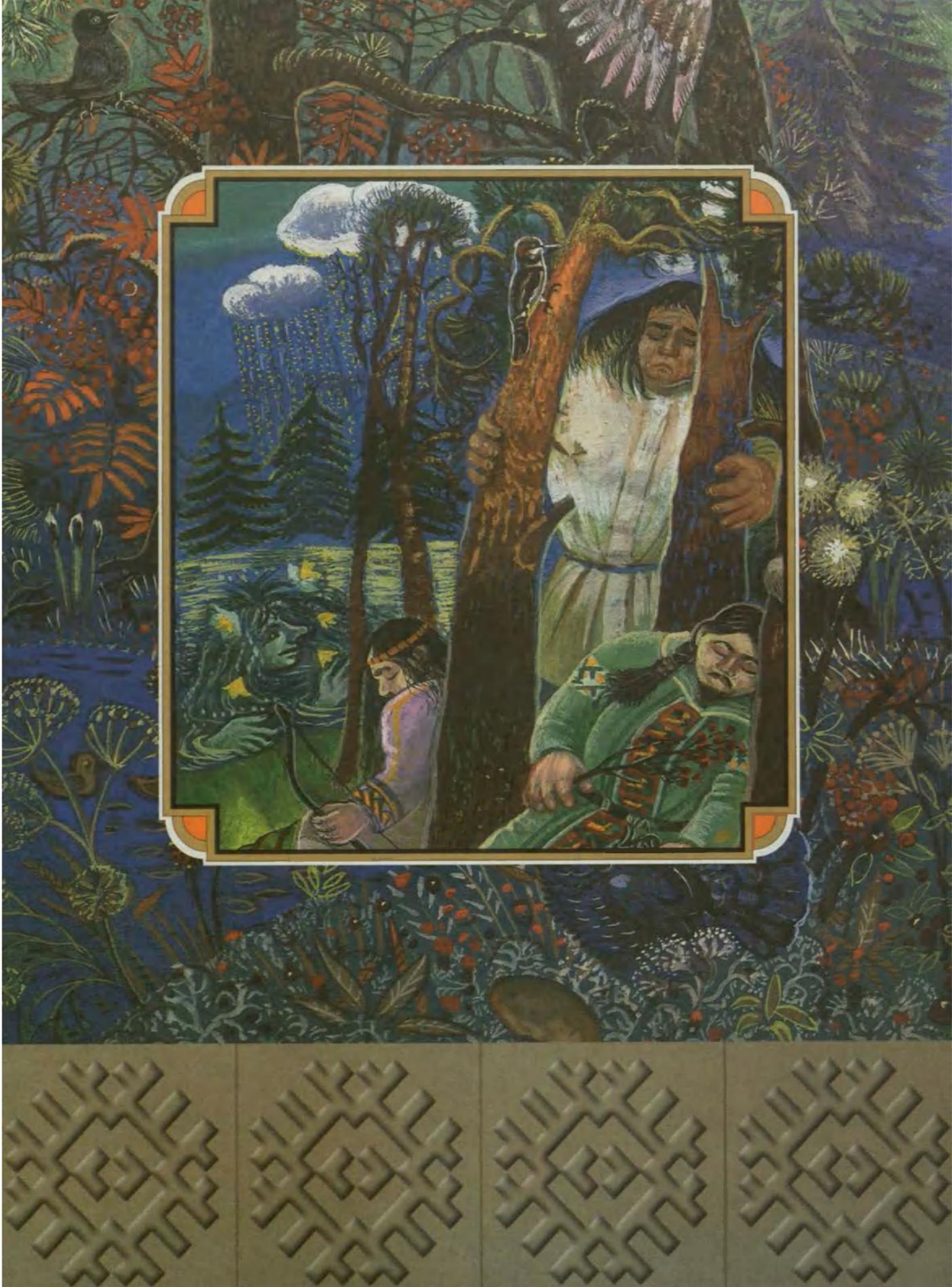
— Молодчина! — хвалил черный ворон. — Молодчина! Не видывал, чтобы кто-нибудь под наше карканье так плясал! Ай да Носатая баба!

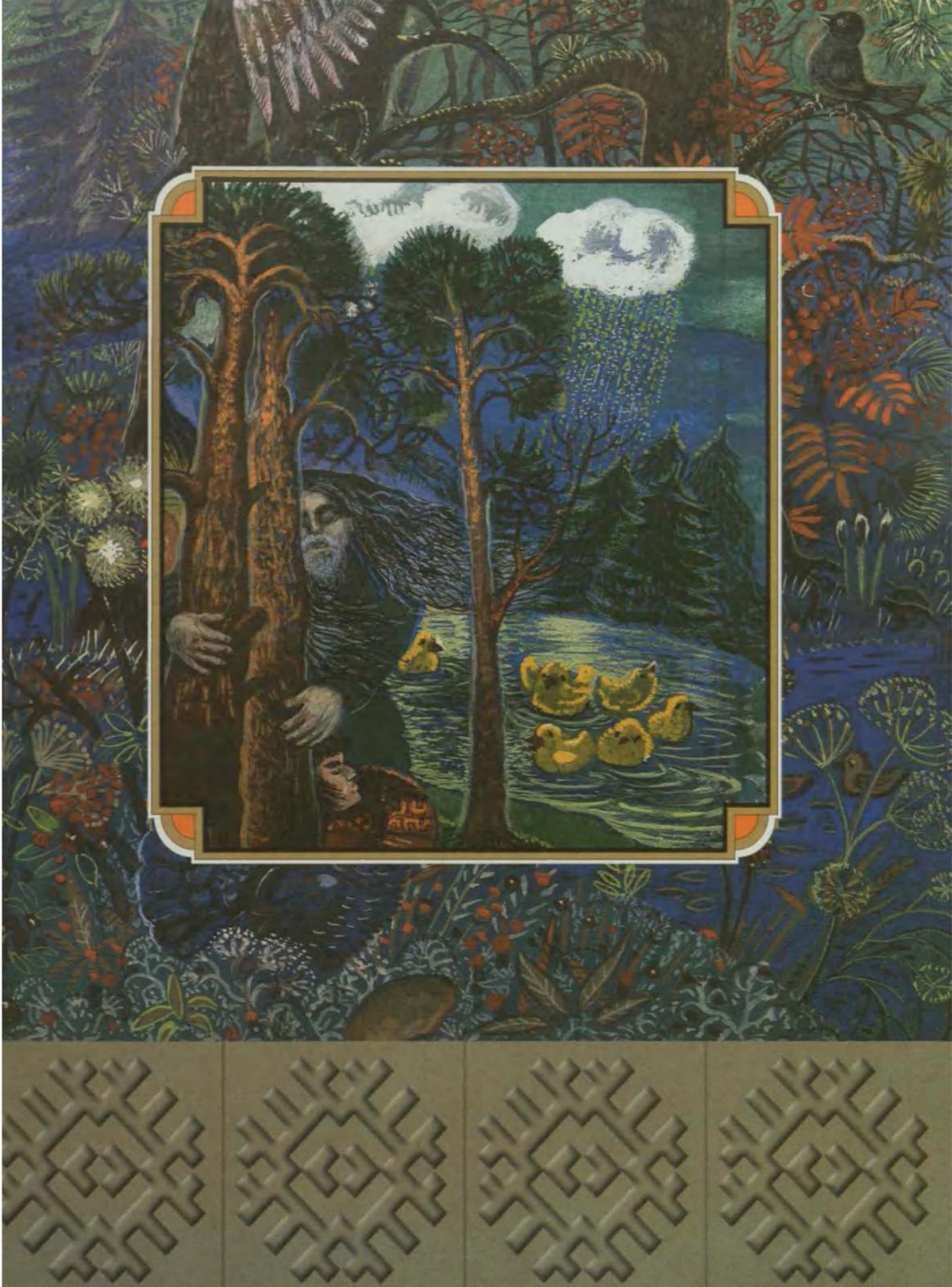
Плясала, плясала она изо всех сил, кочки мяла, мхи топтала, себя узнать не могла.

К исходу седьмого дня принес ей в клюве старый ворон новую четырехгранную палку, бросил на землю, прокаркал:

— Живи сколько хочешь, только весной нам праздники справляй.

Встреча Ай-Мосьнэ с лесной девкой Пурнэ

Схватила Носатая баба четырехгранную палку и поняла: теперь жить долго будет. На радостях надумала лицо вымыть. Подошла в реке и увидела свое отражение: лицо морщинистое, глаза как темные дырочки, нос на суховатую палку схож. Вскрикнула от страха Носатая баба, хлопнула ладонью по речной глади. Самой не поверилось, что она такая старая. Постояла, подождала, пока река успокоится, рябь пройдет, снова стала наклоняться. Только отразился в воде крючковатый нос — выскочила на берег, села на кочку, спрятала лицо в рваный подол платья. «Знаю теперь, почему все на Ай-Мосьнэ глядят — наглядеться не могут!» — горевала Носатая баба, размазывала по лицу слезы. За свою долгую жизнь она первый раз плакала. Стала Носатая баба собирать слезинки пригоршнями. «Умоюсь, — думала, — побелеет лицо, расправятся складки-морщинки, стану краше Ай-Мосьнэ».

— Зря стараешься! Куда ты свой длинный нос денешь? — услышала с высоты голос ворона.

— Я его топором отрублю! — в отчаянии зарыдала Носатая баба.

— Сразу помрешь, и четырехгранная палка не поможет, — вымолвил ворон. И улетел.

— Все равно сживу Ай-Мосьнэ со свету! Сживу! Жить я долго буду, пересекутся наши дороги!

Успокоилась Носатая баба и пошла в избушку. Брела буреломами, звериными тропками. А как вышла к болоту, еле приметный след увидела. Остановилась, обнюхала его, ощупала ладонью. «Неужели Ай-Мосьнэ рядом прошла?» Приподняла Носатая баба подол юбки, чтобы шаг шире был, побежала по следу, как охотничья собака за добычей. Бежит, а сама тяжело дышит — прожитые годы на плечи давят. Скоро между деревьями цветастый платок мелькнул. Прижалась Носатая баба к кустарникам, прищурилась подслеповатыми глазами. «Так это Пурнэ — лесная девка. Дочь моей старшей сестры. Как я забыла о ней?» — и Носатая баба громко чихнула.

— Кто там зубами стучит? — не оборачиваясь, спросила Пурнэ. — Не точте зря зубы, мое мясо старое и невкусное.

— Это я от радости дрожу, милая племянница, — убирая с лица космы, ласково проговорила Носатая баба.

— Я думала, твои кости давно растащили вороны. Нынче они всю весну так каркали! Оглохла от их карканья.

— Не-е-е-т, — протянула Носатая баба. — Вороны нынче принесли мне четырехгранную палку. Теперь я долго жить буду.

— Нашли кому подарить четырехгранную палку! Ума нет у этих воронов! — фыркнула Пурнэ.

— Ха-ха-ха! — расхохоталась Носатая баба. — Без меня нельзя оставлять лес. Кто будет Ай-Мосьнэ следы путать?

— Не говори мне про Ай-Мосьнэ! — закричала лесная девка. — Слышать ее имя не могу. Ненавижу Ай-Мосьнэ! Ай-Мосьнэ ветер любит — ей песни поет. Мороз любит — сказки рассказывает, лесной царь... Ненавижу-у-у! — и побежала от Носатой бабы.

— Давай вместе со свету сживать Ай-Мосьнэ! — вслед Пурнэ крикнула Носатая баба.

— Давай! — Пурнэ воротилась. — Только научи как. Я дни не сплю, ночи не сплю — все об этом думаю, милая тетушка! — призналась лесная девка.

— На кого ты похожа? — посмотрев на Пурнэ, с тоской сказала Носатая баба. — Тебе надо одеться по-нарядному. Распусти-ка свои косы, расчеши гребешком, лицо росной водицей умой. Как отмоешь лицо, уберешь морщины — так и позовем Ай-Мосьнэ на берег речки Еган Килека. В ней живет водяной царь.

— Он сразу узнает меня! — закричала Пурнэ.

— Ха-ха-ха! Какая ты недогадливая! На что ему ты, если рядом будет Ай-Мосьнэ? Он ее утащит к себе.

Прибежала Пурнэ через тайгу к высоким горам. Нашла ручей с прозрачной водой. Наклонилась Пурнэ к ручью, стала шептать: «Убери, ручей, с моего лица морщины-трещины, а потом пусть солнечные лучи подрумянят его, как брусничную ягоду. Хочу я на Ай-Мосьнэ быть похожей».

Задрожала в ручейке вода, коснулась грязного лица Пурнэ, ополоснула сучковатый нос, шершавые губы. Замутнела в ручейке вода.

— Семь дней и ночей надо мыть тебе лицо, чтобы оно чистым стало, — прожурчал ручей.

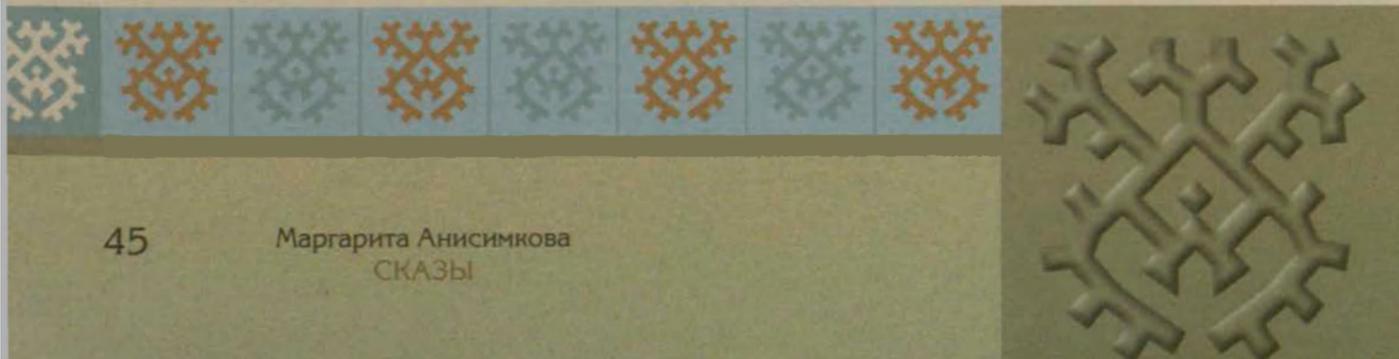
— Ладно. Стану мыться, сколько скажешь. На Ай-Мосьнэ походить хочется.

Тем временем полетел ворон к реке, позвал Ай-Мосьнэ к берегу речки Еган Килека в куклы играть с Пурнэ.

Шла Ай-Мосьнэ по лесу осторожно, боялась на ягоду наступить, грибочек помять, птичку с гнезда спугнуть. Пришла к речке Еган Килека, нарвала лопушника, стала себе и Пурнэ веночки плести. Издали лесная девка увидела Ай-Мосьнэ, задрожала от злости. Но, пересилив себя, сказала вкрадчиво:

— Как живешь-поживаешь, красавица! Как до Еган Килека дошла?

— Ворон дорогу казал, сам впереди летел, а я все за ним и за ним. Так на бережок Еган Килека и вышла.

— Давно я в куклы не играла, — Пурнэ присела рядом с красавицей.
Носатая баба в это время за стволом огромной сосны стояла, слушала их разговор.
— Я тоже не помню, когда играла в куклы, — ответила Ай-Мосьнэ, подвигая к себе берестяной короб с игрушками.

«Как же Ай-Мосьнэ со свету сжить? — задрожала Носатая баба. — Она слова говорит, как песню поет».

Стали доставать они куклы, сшитые из лоскутов оленьего меха. Пурнэ одну куклу за спину бросила, другую под ноги, а Ай-Мосьнэ каждую стала по бережку раскладывать, в руки брать, по головке гладить, в лоскуточки заворачивать или в одеяльце, из сухой травы вывязанное. И песенку напевает:

Хорошо в лесу сосновом
Видеть сосны в темной хвое
И смотреть на них, прищурясь,
Видеть тонкую вершину,
Как она, касаясь тучи,
Разговор ведет с ветрами,
Им рассказывает сказки,
Про житье зверей и мошек.
Застонала от злости Носатая баба, застучала зубами.

— Бестолковая Пурнэ! — крикнула, но ветер угнал ее слова в сторону.

Бабушкины подарки

Семь дней играли в куклы на берегу Еган Килека Пурнэ и Ай-Мосьнэ. Надое-
ло лесной девке Пурнэ притворяться и говорить ласковые слова. Вскочила
она и побежала вдоль берега отыскать Носатую бабу да попросить у нее со-
вета: как сжить со света красавицу Ай-Мосьнэ. Бежит, под ноги не смотрит,
угодила в береговую топь, еле-еле выбралась. А Ай-Мосьнэ кричит ей:
— Вернись, Пурнэ. Твоих куколок по берегу ветер раскидал.
Вдруг по округе разнесся громкий крик Пурнэ.
— Водяной царь! Водяной царь из воды выплыл. Видела я его травяную
голову да зеленую бороду! Уташит! Уташит нас.
— Зачем ему нас тащить? — спокойно ответила Ай-Мосьнэ.
А в это время водяной царь, выплевывая изо рта речную тину, сказал:
— Живущая на том берегу старуха Имен Ими зовет тебя к себе, Ай-
Мосьнэ.
— Не верь ему, Ай-Мосьнэ! — закричала Пурнэ.
Стала лесная красавица убирать с берега кукол, а Вон Йнг Вой снова вы-
нырнул и проговорил:
— Садись мне на спину. Не бойся.
— Так тебе и надо! Унесет тебя под свои волны водяное чудовище, — воз-
ликовала Пурнэ.
Ай-Мосьнэ без страха села на спину Вон Йнг Вою. Нырнул водяной царь
под воду, и вмиг оказалась Ай-Мосьнэ на другом берегу.
— Ступай по этой тропке. Она выведет тебя к бабушкиной избушке, —
сказал Вон Йнг Вой и скрылся под водой.
Огляделась Ай-Мосьнэ по сторонам: кругом птицы поют, мотыльки-ба-
бочки летают, белки с дерева на дерево перепрыгивают. Только сделает лес-
ная фея шаг — трава в разные стороны раздвигается, тропку показывает.
Шла по ней Ай-Мосьнэ осторожно, по сторонам смотрела: как бы не пройти
мимо бабушкиной избушки. Тут увидела два старых лабаза, почерневших от
времени, и низенькую избушку. Тихо открыла дверь, видит, лежит на шкурах
старая-старая бабушка с длинными седыми волосами.
— Холодно, — сказала она, приподняла голову, подозвала к себе Ай-
Мосьнэ и еле слышно попросила заштопать ей старую шубу.

Ай-Мосьнэ быстро разожгла чувал, поставила в котле кипятить чай и принялась старую бабушкину шубу чинить. Долго шила, во многих местах иголкой пальчики поранила, но ни разу не охнула. К ночи починила шубу, подала бабушке, накормила ее, напоила чаем. Приподнялась со шкуры бабушка и спросила Ай-Мосьнэ:

— Что дать тебе в награду?

— Ничего мне не надо, бабушка. Проси, что еще тебе надо сделать.

— Ступай-ка ты, доченька, в лабаз.

— Там два лабаза, — ответила Ай-Мосьнэ. — Оба старые.

— Иди в тот, в какой ноги поведут. На полках лежат утиные крылышки: на одном новые, ты их не трогай, на другой старые, заплесневелые, — ты их и бери.

Послушала бабушку Ай-Мосьнэ, пошла, взяла с полочки старые, покрытые плесенью крылышки. Потом спросила:

— Как же, Имен Ими, на другой берег переберусь?

— А водяной царь ждет.

— Спасибо, бабушка!

— Не все еще тебе сказала, — ответила старушка. — Когда спать будешь ложиться, сунь эти крылышки себе под голову, да никому о том до утра не рассказывай.

— Так и сделаю, — ответила Ай-Мосьнэ, поцеловала бабушку и пошла по тропке к берегу. Водяной царь уже ждал ее. Вмиг оказалась она на другом берегу.

Пурнэ в это время кукол на берегу раскидывала. Увидела Ай-Мосьнэ, закричала:

— Разве водяной царь не утопил тебя?

— Нет. Я только к бабушке съездила. Шубу ей починила.

— Чини, чини, — пробурчала Пурнэ и пошла спать. Ай-Мосьнэ тоже сон склонил, улеглась она на травяную постель, положила под голову крылышко, как бабушка велела. Тепло пошло от тех крылышек, цветные сны приснились лесной красавице. Проснулась она и видит, сидит перед ней красавец юноша Ной Пох.

— Что же ты так крепко спишь, красавица? — спросил ласково.

— Устала, — тихо ответила, а про себя думает: «Чем же я угощать гостя буду?» Ной Пох угадал ее мысли, велел сходить в новенький лабаз, где не только еды, но и добра всякого видимо-невидимо.

Увидела это все Пурнэ, выбежала на берег и стала звать водяного царя. Приплыл Вон Йнг Вой.

— Хочу на тот берег. Хочу к старухе! Хочу, чтобы она мне такого же жениха послала, как Ной Пох.

— Не звала тебя старая женщина, — ответил водяной царь.

— Все равно хочу к ней!

— Ну, садись, — подставляя спину, сказал Вон Йнг Вой.

Села Пурнэ ему на спину, закричала, завизжала, захлопала по воде руками и ногами. Умолкла только тогда, когда под водой оказалась. Высадил водяной царь Пурнэ на берег и скрылся под волнами. Вокруг лес стоял непроходимый, небо хмурое, моросил

дождь. По бездорожью, через бурелом пошла Пурнэ, нашла старые лабазы и избушку. Оттолкнула дверь, сорвала с силой с кожаных петель. Приподняла старушка голову.

— Чего глядишь? Или не знаешь, что я есть хочу? — закричала лесная девка.

Простонала бабушка, встала, с трудом развела в чувале огонь, поставила чай кипятить.

— Может, мою шубу починишь? Скоро холода наступят, а она прохудилась.

— Вот еще выдумала! — ответила Пурнэ. — Я сама себе платье сшить не соберусь.

— Как знаешь, — сказала бабушка.

— Ладно, давай. Ай-Мосьнэ ведь чинила тебе шубу. Что ты их все рвешь да рвешь?!

Взяла шубу, зафыркала носом, принялась чинить. Там, где была маленькая дырка, еще больше разорвала, где была дырка побольше, едва одной стежкой сшила и, швырнув шубу в угол, крикнула:

— Надевай, и такая работа сойдет. У меня руки устали. А подарок мне будет?

— Как не будет, — ответила бабушка тихим голосом. — Сходи в лабаз, выбери себе крылышки. Чистые не бери. Лучше старые возьми с полки.

— Выдумала! Зачем мне старые и грязные крылья?

Побежала, набрала полную охапку чистых крылышек и, не попрощавшись с бабушкой, помчалась к берегу.

Вон Йнг Вой вынырнул из воды. Села Пурнэ водяному царю на спину, закричала во все горло. Очутившись на другом берегу, похвасталась перед Ай-Мосьнэ.

— Мои крылышки чистые. Жених будет краше твоего Ной Поха.

Легли спать. Положила она крылышки под травяную постель, уснула. Поутру слышит: кто-то будит ее. Открыла Пурнэ глаза, видит: сидит перед ней лесное чудище, скалит зубы и говорит:

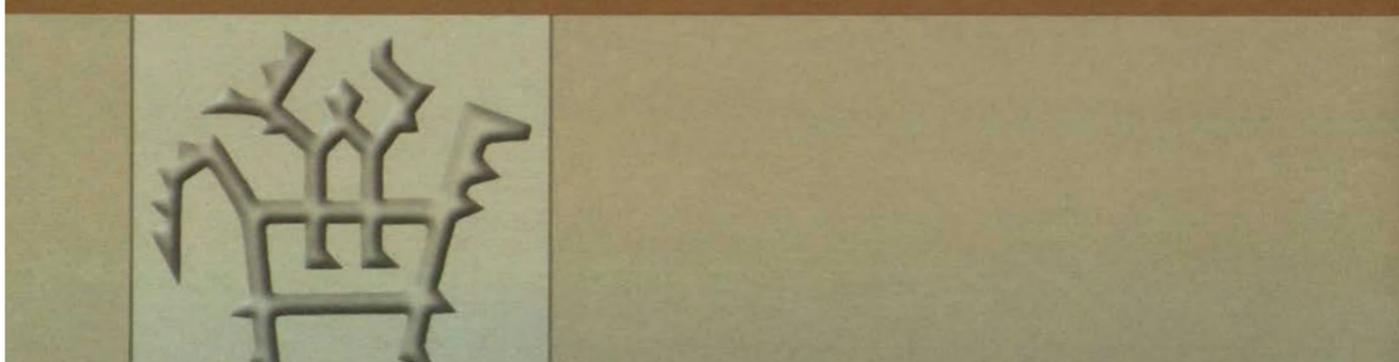
— Я жених твой!

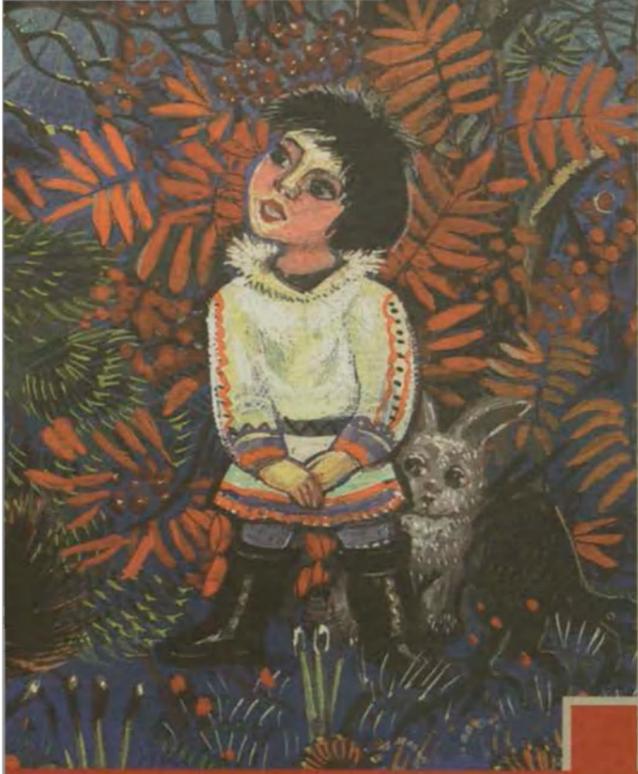
Закричала лесная девка не своим голосом, выбежала из избушки и побежала куда глаза глядят, куда ноги несут. И теперь бегает по лесам и болотам, места себе найти не может, только ухает да кричит вместе с лесными духами, которые в ночи людей пугают.

Сенькин пай • Сосновая веточка • Родное стадо • Таня-богатырь
Оленья шкура • Волшебные лыжи • Железные сосны • Ёганское огнище
Куда летала гагара • Нер Ойка • Пяташное озеро • Гнев тайги • Дочери Отортена
Сонный ручей • Оленья долина • Золотая баба • Про рябчика • Дорогая шкурка
Гордая лиса • Огонь-камень • Неверный шайтан • Храбрый Бахтиар
Страшные кедровники • Яны рума • Первый пауль • Заколдованное слово
Трусливое сердце • Тимка-пауль • Агрыч

ЁГАНСКОЕ ОГНИЩЕ

Сенькин пай

Н

е на шутку расхворался старик Коконя: на глаза накатила темная ночь, по спине будто кто палкой ударил, ноги не шевелятся — словно в капкан пойманы.

Много ночей не спит, лежит старик, думушку думает да сыновей ждет. А сыновей все нет. За теплом послал их старый охотник. Слышал он от отца своего — есть места, где земля теплом дышит.

К вершине реки Нельмы послал он Прокопку, к реке Кедрачей направил Никифора. Только младшего, Сеньку, не знает Коконя, с какой стороны ждать. Не знает, в какой бор, в какой урман он пошел.

А Сенька тем временем исходил, измерил шагами берега рек пологих и крутоярых, обошел дремучие леса, ходко, торопко борами ходил. Да увидел он вдруг под горой, в логу, непроглядный дым.

Смотрит: клубы черные к небу тянутся, гарью, копотью затянуло все, а у самой земли пламя великое на ветру дрожит, жаром дышит — то затухнет вдруг, в землю спрячется, будто силы там набирается, то опять вырвется, клубы черные гонит по небу.

Никогда глаза Сеньки такого не видели, даже бабушка длинными ночами в сказках своих про то не рассказывала.

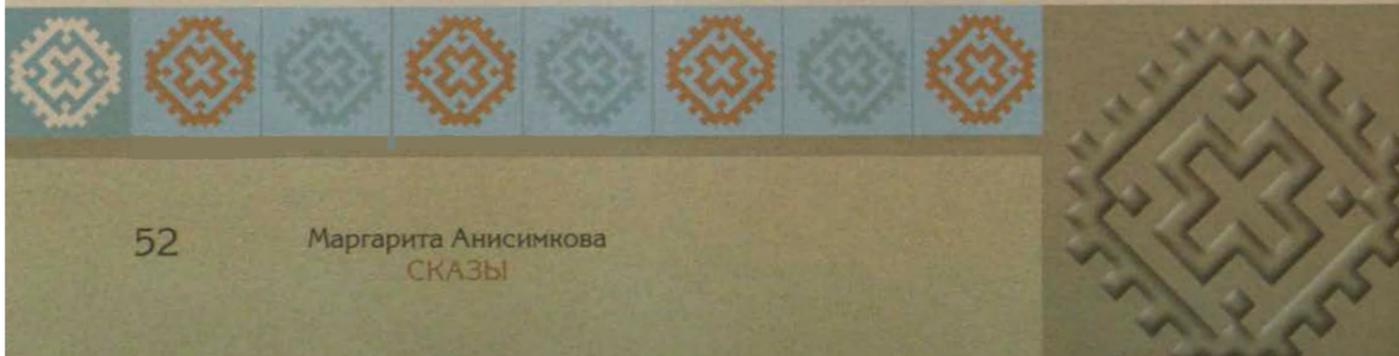
Испугался Сенька. За кустом присел, спрятался, переждать хотел пожара. а оно в осенней ночи разгоралось пуще прежнего. И казалось, что сама земля под ним движется, содрогается.

Непугливый Сенька был с малых лет. По лесам днем и ночью расхаживал, не однажды ель в медвежью берлогу с отдушиной вталкивал и будил в ней сердитого хозяина. Только этим днем не узнал себя Сенька. Задрожали ноги, заподкашивались, руки плохо ружье держали.

А жара вокруг стояла нестерпимая.

Спохватился тут Сенька, догадался, что тепло земное нашел. Вскочил и хотел бежать в отцовскую сторону, рассказать про чудо виденное, про тепло, про жар, которым дышит земля, за которым послал отец братьев в разные стороны.

Но одна беда: как к огню подойти? Как отцу увести, показать его, рассказать про то людям?

Не занимать Сеньке смекалки, сноровитости. Он сухарку за комель схатил, подтащил поближе к пожарищу. Поначалу сам на цыпочках шел, до земли едва дотрагивался да к огню сухару подталкивал.

А прожора огонь будто ждал того: облизал сухару языками своими могучими, а потом обвил ярким пламенем, засветил в темноте, обогрел округу теплом.

И понесся Сенька сколько духу есть к родным местам, на простор речной, где отец жил. А в руках тащит сухару, земным огнем зажженную.

А в это время Коконя-старик еле вышел из чума с деревянной колотушкой в руках и давай стучать в бубен, сзывать сыновей.

Бил, бил, устал. Ушел в чум, лег на шкуры.

Не один раз луна ходила небом, не два — не пришли сыновья.

Видно, далеко ушли, думает он. Набрался силы старый охотник, вышел снова из чума и стал стучать по деревьям да глухими ударами землю бить.

Не услышали сыновья.

Не хотелось умирать старику, не повидав сыновей своих. Стал просить старик птиц и зверей. Разлетелись с шумом по тайге птицы, разбежались по округе звери.

А Прокопка с Никифором в то время улеглись на боровинке, мхом выстланной, где речной прибрежный ветер гнус отгонял, где не тревожил их ни комар, ни заблудший шмель.

— Где найти-то земное тепло? — открывая лениво глаза, Прокопка спрашивал брата.

— Его нет совсем! Это отец выдумал! — промычал сквозь зевоту Никифор, на другой бок переворачиваясь.

В это время они услышали громкий птичий крик. Вскочили.

А птицы летят, курлычут, стрекочут, крыльями машут, каждая на своем языке просьбу охотника Кокони рассказывает. Догадались сыновья, что старик собрался навсегда оставить землю. Домой их зовет. Догадались, что отец надумал угодьи делить. У отца они немалые. По реке широкой Югану тянутся хмурые урманы с соболями да белками, с горностаями да лисами и с другою всякою живностью. В тех урманах сам хозяин тайги живет.

В реках, в заливных местах у чистых песков да в заводях косяки рыб плавают. На болотинах зыбких вкусный душистый ягель-мох растет. Ест его олень — сильный становится, ветер и тот не догонит его, отстанет.

Округлились у братьев глаза, потерялся голос в испуге, глядят друг на друга, боятся, как бы кого из них отец не обделил.

— Мой пай будет — все урманы с соболями, с кедрочами и грибами! — закричал во всю силу Прокопка.

— Нет, мой пай — все урманы с соболями, с кедрочами и грибами! — перекричал его Никифор.

— Нет, мой пай, — хрипел Прокопка, — на реке, где рыба стерлядь косяками ходит!

— Нет, мой пай! — орал Никифор.

И бежали они так, что травы гнулись, расступались деревья. А с другой стороны бежал лесом Сенька, освещая ярким светом дорогу нелегкую, дорогу неблизкую, дорогу неторную.

Да не разглядел второпях он корягу смолистую, споткнулся, упал и уронил пламя на землю,

И пошел огонь по кустам, по деревьям шарить: зачернил кусты, поджег травы, охватил пламенем деревья вокруг. Долго хлестал Сенька огонь ветками, тушил пожар. Да видит: не сможет он один справиться. Испугался Сенька. Побежал к реке Югану и давай поклоны бить, и давай ее просить пособить беде.

А река сложила волны, приумолкла, почернела, будто не слышит его. На колени пал Сенька, пригоршнями черпает воду и шепчет сквозь слезы: не хотелось, чтобы ветер услышал мольбу его и разнес по тайге тайну, что не донес он земное тепло.

Вдруг одна волна всплеснулась, окатила Сеньку, смыла грязь и копоть с лица и толкнула его дальше от берега.

Отбежал Сенька, а вода за ним. Сенька смотрит — глазам не верит: вода течет. Он шаг шагнул, она за ним, второй шагнул — она волну подгоняет и сама торопит охотника.

Вокруг пожарище бушует, дурит, жжет и палит все вокруг. А протока Юганка торопит Сеньку, вся дрожит мелкой рябью.

Сколько дней пробежал Сенька, сам не знает, птицы знали, да забыли.

А речка бежит, позади себя берега крутые оставляет, пламя дальше в тайгу не пускает.

Тут выскочил Сенька на крутой яр, а речушка обежала круг да с другой стороны к самому Югану навстречу, радуясь, выбежала. Обняла вода огонь, остров сделала. Черный остров, горелый остров. Огляделся Сенька кругом, видит: приумолкла река, присел огонь к земле, только черным дымом от него гарь стелется. Обтер изодранным рукавом малицы Сенька пот с лица, затыкнул крошечку потуже, вздохнул глубоко и в отцовскую сторону быстрыми шагами отправился,

В это время били бубны. Под раскидистой сосной хоронили старого Коконю. Так и умер он, не дождавшись младшего сына с земным теплом.

Упал на колени Сенька, зашептал отцу: «Ты прости меня. Не донес я тепло. Потерял. Оставил на острове».

Только после этих слов сразу облака над лесом поплыли темные, налетел ураган, ветер верхушки деревьев сломил, многие совсем с корнем вывернул, повалил Сеньку, прижал к земле.

Слышит Сенька тихий незнакомый голос: «Помолчи. Не пришла пора про земное тепло разговор вести».

Оглянулся Сенька вокруг. Никого. Только братья стоят злые, брови нахмурили. смотрят так сердито, будто Сенька и не брат им. Но осмелился Прокопка и проговорил нехотя:

— Не оставил отец пая тебе. Нам с Никифором разделил уголья. Ты и так проживешь.

— Шибко долго земное тепло старался найти, пусть оно и греет тебя. Ха-ха-ха! — засмеялся Никифор.

— Уходи скорее к себе на остров, а то еще принесешь свое пламя сюда, — сказали жадные братья.

Повернулся Сенька. Видит, около ног собака вертится, в глаза ему смотрит, скулит жалобно. Ничего не взял с собой Сенька, так на остров горелый отправился, позвав с собой друга косматого. Чум поставил, снасти сплел и стал жить в дружбе с ветром и рекой.

Много зим прошло по свету, побелели кудри у Сеньки, обросла борода белым мохом, паутинка тонкая исчертила лицо.

Проезжали иногда веселые братья мимо горелого острова. Подворачивали упряжки оленей к жилью Сеньки да на бедность ему то связку белок, то боровую птицу оставляли.

А Сенька жил не печалился. Сыновей растил, учил честно жить, земное богатство беречь.

Как-то на рассвете, когда лучи солнца из-за леса показываться стали, когда в заводи сонно утка прокрякала, сзывая птенцов из гнезда, да потягивалась на суку белка, хвост прихорашивая, выехал на своем обласке на рыбалку Сенькин младший сын. Едет, любит простором речным, островом родным, на который отец земное тепло приносил да много сказок про него рассказывал.

Видит: из-за мыса лодка выплыла да к острову направилась. Плынут шумно люди, разговор ведут, на берег сходят. Увидели Сеньку-младшего. Подъехали. Говорят что-то на незнакомом языке, понять Сенька-младший не может и позвал их к отцу. Захлопотал старый охотник, угощал гостей вкусной нельмой малосольной и варил уху налимым. Рад был старик, что люди его про тепло земное спросили. Стал рассказывать, а сам все то на небо поглядит, то на Юган взгляд бросит, — не поднимется ли ураган, не рассердится ли Торум на болтливость охотника.

Только тишь стояла кругом. Солнце ярко светило, река серебрилась.

«Видно, время пришло! — радостно подумал охотник. — Видно, пора пришла людям про земное тепло рассказать да места показать».

Смотрит на гостей, радуется, а они по острову ходят, оглядываются. А потом Сеньку-старшего и спросили:

— Как зовут люди твой остров черный?

Посмотрел вокруг Сенька, прищурил глаза, почесал пятерней седую голову, пожал плечами да и говорит:

— Тут! Тут Сенькин пай! — И снова обвел рукой весь простор вокруг Югана.

— Сенгапай? — переспросили его люди.

— Ага-ага, Сенгапай! — добродушно согласился охотник. — Тут тепло земли живет много-много. Сенька-младший казать будет. Он знает, — улыбнулся охотник.

И молва про остров пошла неслыханная. Нефтяною кладовушкой это место люди стали звать. А когда пришла пора, то Сеньку-младшего, как хозяина острова, задвижку

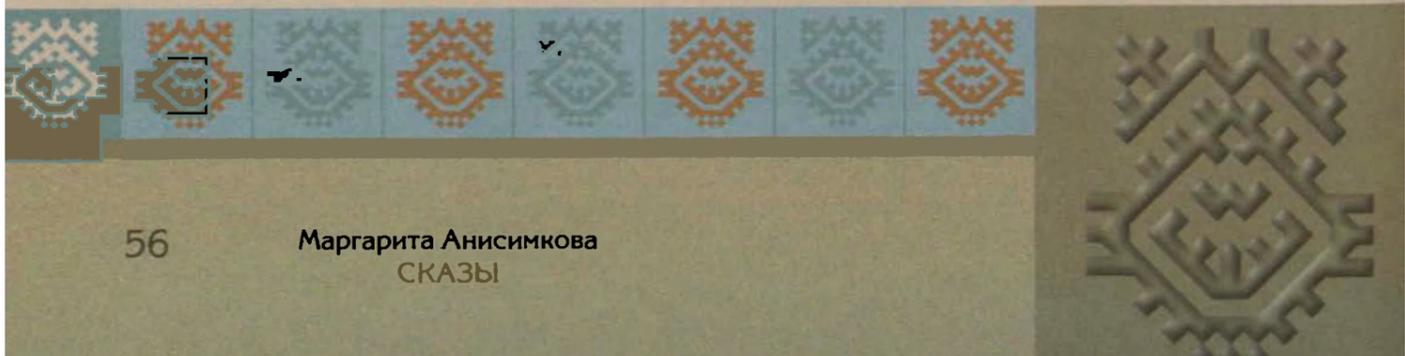
открыть просили. Та задвижка была от большой трубы, по которой люди собрались отправлять земное тепло. В тот день народу на горелом острове было видимо-невидимо.

Смотрят: Сенька-младший идет — и не узнать его. Разнаряжен по-праздничному: ма-лица белая, как лебяжий пух, вся расшита по рукавам и подолу рисунками замысловатыми, на ногах бродни новые, перевязанные у колен разноцветным шнурком с кистями пушистыми. На широком сыромятном ремне в ножнах висит нож охотничий с разукрашенной рукояткой да табакерка отцовская с амулетами.

По-хозяйски подошел к задвижке Сенька-младший, улыбнулся всем, вздохнул полной грудью и открыл ее. Заурчало что-то в трубе, зашумело.

Припал Сенька ухом к трубе да как закричит от радости:

— Идет! Идет! Земное тепло идет!

Сосновая веточка

Б

огатый был старшина Хозумко. Оленьим пастбищам счета не знал, сам в стада редко ездил — ленился да морозов боялся, хотя и в тундре вырос. Всю работу за него пастухи делали. А он любил больше под теплыми шкурами лежать, да чтобы они поближе к теплу постланы были.

Разомлеет у тепла Хозумко, распарится, по щекам и шее капельки пота покатятся, нападет на него зевота. Вытянется он под шкурами, хлопнет несколько раз в ладоши: вздрогнет у стенки чума куча оленьих шкур. Вначале одна скатится, потом другая, третья — и высунется из-под них седая косматая голова морщинистого старика с большим горбом на спине. Закашляет старик громко, вытрет нос подолом широкой красной рубахи и, переваливаясь на кривых коротких ногах, подойдет к огню, сядет перед Хозумкой на корточки, поговорят.

— Ну как, шаман Янко, выспался? — спрашивает Хозумко, все еще зевая.

— Спал, спал, да сон досмотреть не успел, — шамкает шаман беззубым ртом.

— Какой сон не досмотрел, Янко?

Поморщился шаман, посмотрел искоса на своего хозяина.

— Приснилось мне, будто в твоём дальнем стаде, что пасется у гор, волки всех белых оленей перерезали.

— Так там у меня самые красивые, самые сильные олени! — закричал Хозумко. — Зачем тебе такой дурной сон приснился?!

— Не знаю, — говорит шаман.

— Так чего сидишь! Гадай скорее: правду ли во сне видел? Гадай на тополе! Послушай, что там в стаде делается!

Пошел Янко к большому деревянному чурбану с вбитым в него топором, взял в руки колотушку и ударил по топору. Раздался звон. Бросил шаман колотушку на шкуры, припал ухом к топору, закрыл глаза.

— Ну, что там? — спрашивает его Хозумко шепотом.

Шаман помахал ему широкой ладонью.

— Говори скорее! — закричал Хозумко.

— Плач пастухов слышу. Завывание вьюги слышу. Пустой лай собак слышу. Бега оленей не слышу! — говорит шаман, не открывая глаз.

— Может, ты оглох, как старая охотничья собака? — сказал сердито Хозумко и позвонил в маленький серебряный колокольчик.

В чум ввалился запорошенный снегом пастух, в худой облезлой малице. Посмотрел со страхом на Хозумко.

— Поезжай, Санко, в дальнее стадо, в котором живут белые олени, скажи пастухам — пусть гонят стадо поближе к моему чуму.

Поклонился Санко, вышел из чума. Сел Хозумко снова к огню, греется.

— Что еще скажешь, шаман Янко? — спросил Хозумко.

— В чуме Паланы мясо молодого оленя сварено. Вкусный дух от него по всему чуму идет. У всех слюнки текут, а она никому не дает.

Опять зазвенел Хозумко серебряным колокольчиком.

Скоро, согнувшись в поклоне, вошла в чум черноглазая Палана с жареной олениной в берестяном корытце. Облизнул Хозумко толстые губы, потер ладони, взглянул ленивым взглядом на нарядный, расшитый нагрудник Паланы, на цветастый платок с шелковыми кистями, выдернул из ее рук корытце с мясом, поставил себе на колени и начал есть. Ел он долго, чмокал и сопел, слизывая сало с губ. Шаман украдкой смотрел на него, глотал слюнки.

Насытившись, Хозумко оттолкнул от себя берестяное корытце.

— По всей округе ни у кого нет таких белых оленей, как в моем стаде у гор, — сказал Хозумко, царапая толстым пальцем в ухе. — Если, Янко, сон твой станет правдой, то всех пастухов-ротозеев собаками затравлю, в тундру пешком выгоню!

Может быть, он и дальше придумывал бы всякие кары для бедных пастухов, только шаман Янко прервал его мысли.

— Мне еще снился сон, — сказал шаман, — будто ты, Хозумко, свою красавицу дочь Тученбалу долго замуж не отдаешь, а вокруг твоего стойбища каждую ночь олени упряжки носятся с молодыми охотниками. Не увезли бы ее!

— И это худой сон! — сердито закричал Хозумко.

— Что делать? — ответил шаман. — Ночи зимой длинные, сны снятся всякие.

— За Тученбалу я большой выкуп возьму!

— Возьмешь, возьмешь! — согласился шаман. — Другой такой девушки нет в тундре. Брови у нее выгнуты, как крылья у обской чайки, губы красные, будто брусничным соком вымазаны, глаза — как осенние ягоды после дождика. Ходит Тученбала — как летает. Не видели мои глаза такой красоты!

— Может, и правильный сон приснился тебе, — сказал тихо Хозумко. — Только нет в тундре такого богатого жениха, чтобы мог заплатить мне за нее выкуп в тысячу оленей.

— А на что тебе олени? — не поднимая глаз, спросил шаман.

— Ты что, сдурел? Без оленя в тундре человек — сирота!

— Может, лучше найти жениха-удальца, чтобы храбрым был, чтобы умным был, чтобы красивым был.

— Это какой такой удалец без оленей? Нет, Янко, ты худые слова стал мне говорить.

Плохие сны стал видеть! — сердито сказал Хозумко, пододвинул шкуры поближе к огню и скоро захрапел.

Спал много дней, переворачиваясь с боку на бок, а когда проснулся, узнал, что первый сон шамана был вещим: всех белых оленей в стаде у гор перерезали волки. Приздумался Хозумко. Почернел лицом, потерял голос, перестал разговаривать даже с шаманом Янко.

Шли дни за днями, а он все молчал и в один из морозных дней велел прийти к нему в чум дочери Тученбале.

Вошла девушка в отцовский чум тихо, с поклоном. На ней — белая малица, расшитая хитрыми узорами по рукавам и подолу. На голове платок кашемировый с яркими цветами и кистями. На ногах кисы легкие, в косах украшения из колец, тонких цепочек, монет золотых и серебряных. От легкого поворота головы вздрагивают косы, звенят украшения, позвякивают.

Обошел Хозумко вокруг Тученбалы. Дотронулся рукой до плеча, заглянул в глаза.

— Пришло время, дочь моя, выдавать тебя замуж. — сказал Хозумко, усаживаясь на шкуры. — Но жениха тебе надо богатого!

— Спроси вначале, отец, меня: какого я хочу себе жениха!

Засопел Хозумко. Опять стал толстым пальцем в ушах шевелить. Покраснела у него шея, затряслась нижняя губа, но сдержал свой гнев, пересилил себя.

— Ну, говори!

— Мне Янко сон свой говорил, хороший сон. Янко говорил, будто видел он парня на белых оленях и будто тот парень, проезжая мимо меня, сумел зажечь в моей руке сосновую веточку! Вот за такого удальца и пойду я!

— Да что такое мелет Янко тебе! Он, видно, ум терять стал! Кто и где найдет теперь в тундре белого оленя? Были они в нашем стаде, да не уберегли их.

— А может, этот смельчак и приедет на белых оленях! — не унималась Тученбала. Присела опять перед отцом на корточки, потупила глаза и совсем тихо сказала: — А за другого не пойду!

— А может, такого смельчака вовсе и нет в тундре! — сказал Хозумко.

— А ты узнай. Пошли людей по тундре, позови женихов на смотрины. Сам их всех увидишь. А людям, что поедут по тундре, наказ дай, чтобы везде говорили одно: пойдет Тученбала, дочь богатого старшины, за того замуж, кто сумеет в ее руке сосновую веточку зажечь.

Ничего не сказал ей отец, лег на шкуры, отвернулся. Долго думал Хозумко над словами дочери и надумал послать по тундре гонцов, а наказ такой дал: кто приедет посмотреть на дочь его Тученбалу, пусть к его ногам сосновую веточку бросит, а на ней зарубки сделает — сколько оленей в приданое дать сможет.

Понеслись гонцы по тундре.

Долетела эта весть до всех дальних чумов, и до отважного охотника Лейко тоже. Давно он слышал про красу Тученбалы, видел ее один раз на ярмарке, когда она каше-

мировый платок у купца на песцовые шкурки меняла. С тех пор часто тосковало сердце Лейко, по ночам снились ее глаза. Но только умел Лейко отгонять от себя мысли о ней. Бедным, очень бедным был Лейко.

А когда узнал, что Хозумко по тундре послал гонцов, совсем закручинился. Из рук всякая работа стала валиться, далее натянуть тетиву лука у него не хватало сил. Заметили это сородичи, призадумались, собрались у большого огня думу думать: как снарядить Лейко да на смотрины к богатому старшине послать?

— Я отдам Лейко свой нарядный савик, — сказал старый Таек.

— А у меня на Молебном камне, в лабазе, хранится атласная рубаха. Я в ней на своей свадьбе гулял. Помните? — добавил седой, с согнутой, как нартовый полоз, спиной охотник Потепка. — Подарю я ее Лейко.

— А я подарю ему пояс с амулетами, с семью медвежьими зубами на медных цепочках. Он как раз подойдет для такого удалого парня, как наш Лейко, — сказал Мотий. — Он достался мне от деда, давно хранится в моем чуме. Может, и пригодится ему в дальней дороге.

— Это все хорошо, — сказал старый Таек. — Но разве сможет Лейко попасть на смотрины без доброй упряжки оленей? Не помогут ему ни савик, ни пояс с амулетами, ни атласная рубашка. Кто посмотрит в сторону юноши, если у него нет резвой, сытой упряжки, а наши олени все усталые и худые.

Призадумались мужики, замолчали. Понятное дело: собака оленя в таком деле не заменит.

Заворочался под шкурой старый Улякси, закашлялся, поднялся со своей лежанки, подошел к огню, подставил руки к тлеющим углям, долго вертел ими, будто играл, потом повернулся ко всем, поклонился низко и прошептал:

— У меня есть от всех вас тайна. Наверное, теперь пришло время сказать о ней. — Сел он рядом со старым Таском, снова закашлял и, вздохнув тяжело, сказал: — В снежных горах, где раньше наши отцы оленей пасли, между высоких хребтов есть глубокая лощина. Там с давних пор пасется пара белых оленей. Теперь их, наверное, много стало. Они там с тех пор, когда я молодым был. Не могут эти белые олени ни обойти горы, ни взобраться на них. Они перескочат их, когда храбрый наездник сядет на них да сумеет не упасть. А уж если усидит на оленях, то быть ему счастливым, и земное тепло он найдет. Я не сумел усидеть на белой упряжке, не хватило у меня храбрости!

— Иди, Лейко, к снежным горам! Иди, Лейко, к снежным горам! — закричали мужики. — У тебя хватит ловкости справиться с белыми оленями,

— Как подойдешь к горам, — сказал Улякси, — свистни три раза. От вершины горы камень отвалится — и выскочит к тебе навстречу белый олень. Ты сразу хватай его за правое ухо и не выпускай!

Поклонился Лейко сородичам и стал в дорогу собираться. А дорога дальняя. Долго шел Лейко к горам, а как подошел, увидел: вершина горы наклонилась в солнечную сторону, и на ней снежная буря пляшет, метет, сыплет снежинками во все стороны. Отошел

Лейко подальше, приложил ко рту ладони да просвистел три раза.

Улетело эхо в горы, и умолкла пурга, притихли метели, а с вершины вдруг камни посыпались. Испугался Лейко, зажмурил глаза и услышал, как горы заскрипели, поворачиваться стали. Смотрит, а на горе, опершись передними ногами о камень, олень стоит большерогий, головой из стороны в сторону качает, мычит жалобно. Лейко стоит, глаз отвести от него не может. Красоты небывалой олень. Шея гордая, ноги высокие, рога небо бодают, борода снег метет. Подбежал к Лейко олень, дыхнул теплым паром ему в лицо и голосом человеческим сказал:

— Не бойся меня! Испытай себя, если пришел! Только крепко держись! А сейчас пойдем за гору каменную, там упряжка стоит. Может, от ветров и дождей сгнила она, но это уж не моя вина, что долго не шел ко мне, удалец.

Пошел Лейко за гору каменную, а там стадо белых оленей всю ложину заняло, ступить некуда. Растолкал Лейко оленей, нашел резную нарту, впряг еще двух оленей в упряжку, поднял над ними хорей. И взвились над горами олени, и понеслись над горами и лесами!

Сидит Лейко на нарте крепко, летит упряжка, обгоняя ветер, то по снегу бежит, то по воздуху летит, а Лейко нет-нет да хореом большого оленя по спине заденет.

Вот и день на исходе, и вдруг остановилась упряжка. Обернулся олень с большими рогами, подошел к Лейко, стоит, смотрит. Тяжело дышит — из ноздрей пар валит — и говорит:

— Ну, молодец, Лейко! Удалой ты парень! Говори, в какую сторону тебя нести?

— К стойбищу старшины Хозумко. Он Тученбалу, дочь свою, замуж: отдать хочет. Попытаю счастья и я.

Поднял вверх голову олень, замычал, забил снег копытами и говорит:

— К Тученбале надо ехать с земным теплом. Надо зажечь у нее в руке сосновую веточку. Только за того она замуж пойдет.

— Нет, — ответил Лейко. — Надо сосновую веточку самому Хозумко на шкуру бросить и зарубки сделать: сколько оленей в приданое жених дать сможет.

— Неправду говоришь, Лейко, — сказал олень. — Тученбала пойдет только за того, кто зажжет в ее руке сосновую веточку.

— Откуда ты знаешь? — сердито сказал Лейко оленю. — Всю жизнь простоял в ложине, никого не видел, никого не слышал!

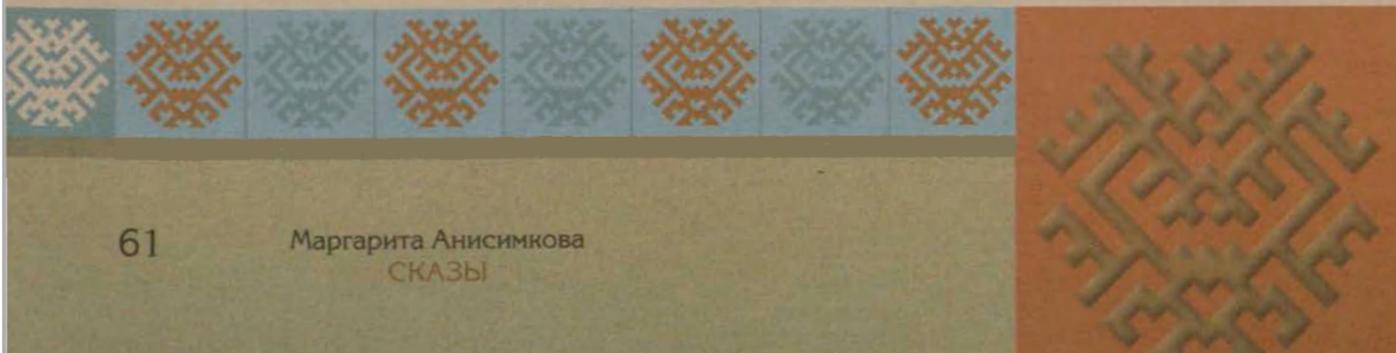
Повернул олень голову к оленихе, пошептал ей что-то толстыми губами на ухо и снова забил снег копытами.

— Зажечь надо сосновую веточку!

— А где мне столько тепла взять? — спросил Лейко.

— Знаем мы, где земное тепло живет! Только держись покрепче! — сказал олень. И помчались олени.

Сколько дней носилась упряжка по тайге и тундре, Лейко счет потерял, а привезли его олени к месту, где земное тепло живет.

Нарубил Лейко смолевых веток полную нарту, поджег одну, и помчали его олени к стойбищу старшины Хозумко. Горит в руках Лейко огонь, освещает дорогу. Как начнет догорать смолевая ветка, он скорее другую подставляет, вспыхивает она, горит огонь. Несется Лейко на лихой упряжке.

Скоро стали попадаться следы от оленьих нарт, а там и стойбище показалось. Чумы на берегу реки стоят островерхие, снегами заметенные, а возле них олени упряжки носятся. Шум и гвалт стоит. Олени упряжки все разукрашены, у оленей разноцветные лоскутки не только в сбруе, но и на ногах. У женихов савики один краше другого, в косах украшения разные, унты широкими плетеными полосками с пушистыми кистями перевязаны пониже колен.

На широком помосте из нарт, покрытых оленьими шкурами, сидит Тученбала. Лицо ее платком покрыто, а рука, унизанная кольцами, держит сосновую веточку. Рядом с ней сидит Хозумко, смотрит по сторонам, осматривает женихов.

Тут раздались удары бубна. Махнул Хозумко правой рукой, и помчались по снежной равнине на лихих упряжках женихи. Впереди всех оказался бородатый Алыч, родом из лесных урочищ. Выхватил он из-за пазухи сосновую ветку, всю изрезанную мелкими полосками, и бросил ее к ногам Хозумко.

Повернула Тученбала голову в сторону отца, а он сидит, корявыми пальцами зарубки считает, улыбается, рукой машет бородатому Алычу. Потом он снова взмахнул рукой, и опять полетела сосновая веточка с зарубками к ногам Хозумко.

Поняла Тученбала, что обманул ее отец, не хочет он иметь зятя удаłego да храброго, а надо ему только богатство. Опечалилась Тученбала, положила свою сосновую веточку рядом с собой, натянула на лицо платок и не смотрит на женихов.

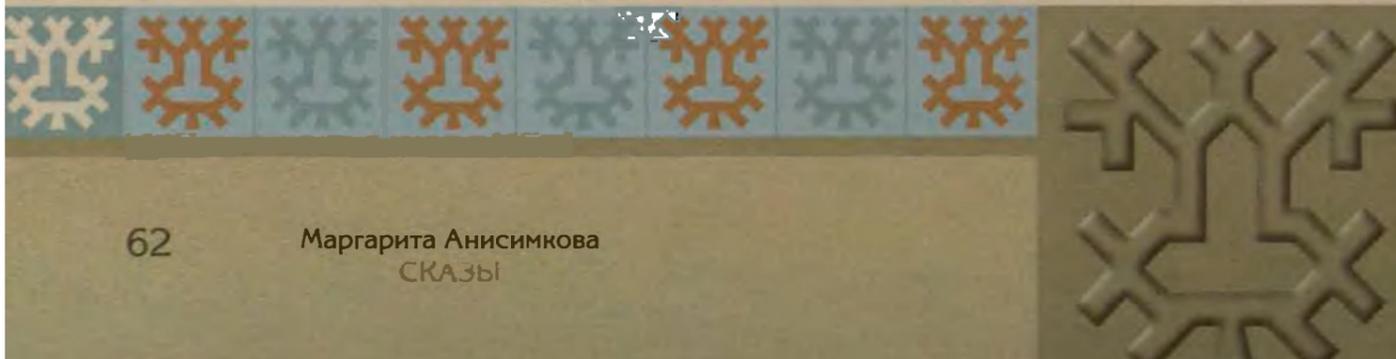
Вдруг шум и крик раздался. Побежали в стороны люди, понеслись олени, не слушаются каюров. Все увидели, как из-за леса вылетела упряжка белых оленей.

Не бегут олени, а летят. Из-под копыт снег искрами, а на нарте стоит молодой охотник и держит в руках горящую палку. То погаснет, то вспыхнет с новой силой пламя, озарит округу. Вскочил с помоста Хозумко. Глаза руками закрывает, под шкуры голову прячет, а Тученбала сбросила с лица платок да подняла высоко над головой свою сосновую веточку. Промчалась мимо нее упряжка в первый раз — успел Лейко только заглянуть в глаза Тученбалы, промчалась в другой раз — зажег Лейко в ее руках сосновую веточку, промчался в третий раз — подхватил он на руки Тученбалу, посадил на свою упряжку и умчался.

Закричал Хозумко не своим голосом, зазвенел бубен, залаяли собаки, опомнились женихи и бросились на своих упряжках догонять белых оленей. Да где там!

Много лет прошло. От горя состарился Хозумко, совсем ленивым стал, не спал по ночам, все звал к себе шамана Янко, все спрашивал его, какие он сны видел, только про Тученбалу не спрашивал, боялся сердце тревожить, но не выдержал, простонал:

— Не снилась ли тебе Тученбала? Не знаешь, куда увез ее этот отчаянный парень на белых оленях?

Засопел шаман Янко, закричал.

-Чего молчишь? Или вместе с вкусным мясом моих оленей проглотил свой язык?

Не выдержал таких горьких слов шаман, присел к Хозумко поближе.

— Говори, не бойся. Все равно знаю — не вернется больше Тученбала в мой чум. Раз-
ве сможет она забыть такого храбреца!

— Увез ее Лейко к земному теплу. Видел я во сне: пламя огромное из земли вырывает-
ется, а над ним Тученбала хозяйкой ходит. Как взмахнет она рукой — пламя к земле при-
жимается, как поднимет руку — языками огненными небо лижет.

— Может ли такое быть? — спросил Хозумко. — Что-то тебе последнее время все
плохие сны видятся.

— Видел еще, что все наши люди к этому теплу потянулись. Может, и нам с тобой за-
прячь оленей да съездить, посмотреть на него?

— Ты, Янко, видно, двадцать сушеных мухоморов съел! — сердито сказал Хозумко и
отвернулся.

— Ты как хочешь, а я не хочу умереть, не повидав земное тепло. Лучше в снегах ус-
ну, а на него взгляну! Не напрасно же его люди нашли!

И уехал Янко вместе с другими.

Родное стадо

П

ришла в род Лазариных беда: сильное племя из-за гор отогнало у них всех оленей. Не бывает в жизни манси страшнее беды. Сразу и голод пришел, и болезни всякие.

Поставили Лазарины свои чумы на берегах рек и стали рыбачить. А рыбалка для них дело новое, непривычное. Пока научились сети вязать да заводи примечать, узнали, какая рыба раньше на нерест идет да в какой месяц жирнее она, — немало лет ушло. Успели к тому времени нарты мхом обрести, а вдоль оленьих троп и дорог деревья высохнуть.

Спросил как-то молодой юноша Иля у отца: почему так много вокруг почерневших, гнилых нарт?

Рассказал отец о печальных днях всего рода, о своей тоске по оленям.

Заплакал Иля. День плачет, другой плачет, третий плачет, а на четвертый и говорит отцу:

— Пойду я на лыжах к богатым оленщикам! Верну домой родное наше стадо.

— Что ты? — испугался отец. — Разве под силу тебе такое? Молодой еще! Братья твои давно ушли за своими оленями. Уже и деревья успели вырасти, и моя голова поседеть, а они все еще не вернулись!

Замолчал отец, а сам стал точить топор с утра до вечера. Точил неделю. Таким острым топор стал, что им можно было траву косить. А вечером подошел отец к сыну и говорит:

— Наточил я топор и убью тебя сам. Зачем тебе, как братьям, в чужие края ходить да там погибать?

Да как замахнулся! Отскочил Иля в сторону, просвистел топор над самым ухом. Отец второй, третий раз взмахнул топором, потом бросил его в сторону и говорит:

— Собирайся, сын мой! Ловкость есть у тебя. Возьми в дорогу щит, колчан со стрелами.

Достал отец свои доспехи старые, подал Иле. Примерил он их и говорит:

— Легкие они очень: не чувствую я ни лука, ни стрел,

— Давай саблю смастерим, как у русских, — говорит отец.

Согласился Иля. Стали они саблю ковать. Нелегкое это дело, незнако-

мое. Сел отец в нарты, в русскую деревню съездил, мужика привез. Тот помог им смастерить саблю. Взял ее в руки Иля, помахал вокруг себя.

— Чувствуешь силу в руках? — спросил отец.

— Теперь чувствую. Потяжелее сабля, чем лук со стрелами.

— А теперь возьми в нартах тынзян и иди к болотине. Там давно четыре оленихи падутся.

Обрадовался Иля. Поклонился отцу и побежал к болотине.

Почуяли оленихи приближение человека, захоркали широкими ноздрями, убежали на середину болотины, прижались друг к дружке, рогами снег стали бодать.

— Ты лови их, Иля, сразу в одну петлю! — кричит сзади отец, догоняя сына. — Только так они покорятся тебе!

Послушался Иля, размахнулся тынзяном и прямо с первого взмаха заарканил всех четырех. Присмирели сразу оленихи, подошли к Иле, обнюхали ему руки.

Выгашил из-под дерева отец обросшую мхом нарту, впряг олених — и понеслись они, взлетели над облаками, лесами, реками. Потом полетели над оленьими стадами. На третий день стали принюхиваться, шевелить ноздрями, поводить ушами да к земле ближе спускаться.

Видит Иля — у высокой пихты чум стоит. Поставил он упряжку в стороне и подошел к чуму. Вокруг тихо. Вошел Иля в чум. У огня сидят старуха и молодая девушка. Возле них на полу лежат кучи шкур выделанных, а они шьют из них сахи, малицы, унты и топоги.

Вдруг вскочила со шкур старуха да как закричит страшным голосом. Закружилась на одном месте, замахала руками и давай рвать на себе волосы и бросать их в огонь. Вспыхнули волосы, и полетели вверх искры огненные.

— Говорите, в какой стороне ваших мужиков искать? — сердито спросил Иля.

Заплакала девушка, смотрит украдкой на старуху и дрожит от страха. А старуха кричит на разные голоса, бормочет что-то, понять Иля не может.

— Не ори ты! — закричал ей Иля. — Говори, в какой стороне ваших мужиков искать?

Замолчала старуха, села, спрятала лицо в подол широкого платья, а девушка прикрыла лицо и кивнула Иле в сторону, откуда солнце встает по утрам.

Выбежал Иля из чума, подбежал к своей упряжке, и помчали его оленихи в сторону, откуда по утрам солнце встает.

Скоро на снегу показались следы от нарт, а еще подальше большое стадо оленье. Косматые собаки в снегу прыгают, сгоняют стадо в кучу, а мужики торопят, кричат, ловят оленей, впрягают их в нарты.

Как увидели оленихи стадо, замычали. Подняли вверх головы олени в стаде, стали бить копытами снег.

Закричали мужики на собак, а старый старик с редкой белой бородой выскочил на середину болотины и давай сам бросать тынзян на большерогого быка. Кричит старик хриплым голосом: «Гоните оленей по нашей тропе! Гоните оленей по нашей тропе!»

И погнали они стадо. Видит Иля, что много тут оленщиков, не справиться ему одному, повернул свою упряжку обратно, а на душе все равно радость: нашел свое стадо. Узнали олени олених!

Едет, а сам все думает: как перехитрить оленщиков да стадо в родные края угнать?

Вернулся он опять в чум, где старуха с девушкой шкуры выделывают. Увидев его, старуха опять закричала, да скоро от крика голос совсем потеряла, дрожит вся и одно твердит: род Лазарин, род Лазарин!

— Правда твоя, — ответил Иля. — Я из рода Лазариных, который ваши мужики на голодную смерть оставили.

Услышала его слова девушка, заплакала.

— Зачем ты пришел сюда? — спросила она. — Они убьют тебя.

— Ты не реви, а лучше скажи: где мои братья, которые давно ушли за своим стадом, да так и не вернулись?

— Твои братья давно замерзли в тундре! — закричала старуха. — Их кости давно растащили голодные волки.

— Нет, нет, — шепчет девушка. — Ты иди в тундру. Там у реки стоят семь чумов. В одном из них живет всеильный шаман, а в остальных — твои братья. Только все они бессильны. Шаман отобрал у них силу, и лежат они на шкурах, как дети маленькие, подняться не могут.

Как услышала это старуха, вскочила, схватила девушку за волосы и стала их рвать и в огонь бросать. Оттолкнул старуху Иля, взял с собой девушку, посадил на нарту, и понесли их оленихи!

К вечеру на берегу речки показались чумы, послышался звук бубна, из крайнего чума дым валил черный, искры яркие летели в небо. Прижалась девушка к Иле, дрожит вся, слова сказать не может.

— Ты чего это?

— Это наш главный шаман Саян духов по тундре послал. Тебя искать велит, дорогу путать тебе велит. Метели шлет, чтобы следы они замели.

— Не бойся! Все равно шаман старый! Разве у него столько силы, сколько у меня?

— У него колотушка сильная. Кого он ею заденет — тот сразу силу теряет. Так и братья твои силу потеряли!

Ничего ей не сказал Иля. Поставил упряжку в стороне, а сам тихонько к чуму шамана подкрадывается. Слышит: бьет с силой шаман по бубну, в тугую оленью шкуру, и кричит во все горло:

— Неужели у Лазарин младший сын вырос? Неужели у Лазарин младший сын вырос? Зря Майпа свои волосы жечь не будет, у нее и так их осталось на одну драку со мной.

Услышал это Иля, подошел к оленихам, призадумался, сел на нарту рядом с девушкой, думает, как бы ему перехитрить шамана. Скоро стало темнеть, стал гаснуть огонь в чуме шамана, меньше искр летело из него, и тут вышел из чума сам шаман Саян. Повер-

телся вокруг, схватил в пригоршню снег и стал им тереть лицо и руки. Вскочила с нарты девушка и спряталась под шкуру, упав в снег между оленями, лежит ни жива ни мертва.

— Видно, много я сегодня багульника пил, — пробормотал шаман. — Все перед глазами у меня внучка, будто где-то она здесь, рядом с моим чумом.

Услышал это Иля, еще одну шкуру на девушку положил. Прижали ее между собой оленихи, лежат в снегу, водят ушами, прислушиваются.

Походил вокруг чума шаман, да скоро и ушел обратно.

Встал Иля, пошел к чуму. Выскочила из-под шкур девушка и шепчет ему:

— Ты только колотушку у него возьми да сломай ее! Как сломаешь — братья твои сразу сильными будут! А одному тебе с шаманом не справиться.

Идет Иля тихо, к чуму пробирается. Только хотел отбросить шкуру, закрывавшую в чуме вход, как из-под нее выскочила собака, взлаяла, а тут и шаман — вот он стоит. Высокий, горбоносый, с распущенными волосами, с большими оленьими рогами на голове.

— Ах, ты подумал, что я уснул? — закричал шаман.

Выхватил Иля саблю, занес ее над головой шамана. Один взмах — и оказалась голова у Илиных ног, но не успел он моргнуть, не успел дух перевести, как голова шамана подскочила и снова оказалась на месте, а шаман хохочет Иле в лицо. Растерялся Иля, а шаман руку под шкуру толкает, достать колотушку хочет, задеть ею Илю — и тогда все, тогда потеряет Иля силу и станет беспомощным, как его братья.

— Не ту саблю смастерил! Не ту! — кричит ему шаман, а сам все рукой под шкурой шарит. — Эта сабля не возьмет моей шеи! Не возьмет!

И засвистел шаман голосами разными. Поднялся вокруг ветер, задрожали стены чума, а у шамана вместо глаз загорелись огоньки.

Испугался Иля, но вида не подал, снова размахнулся, и опять покатила голова шамана к его ногам, погас свет в глазах, да только снова вскочила голова — и еще громче стал смеяться шаман.

— Хватай скорее колотушку да ударь его! — услышал Иля девичий голос.

Взвыл шаман, обернулся назад, а в это время и схватил Иля колотушку, замахнулся да как ударит ею по голове шамана, и тихо вокруг стало. Упал шаман к ногам Или обесиленный и застонал:

— Пощади!

— Руби скорее ремни сыромятные на чумах, освобождай братьев своих! — кричит девушка. — Коли оленя из шамановой упряжки. Напой их горячей оленьей кровью, и придет к ним прежняя сила!

Сделал Иля все, как говорила ему девушка. Ожили братья. Обнимают Илю, домой зовут.

— Разве можно домой без родного стада возвращаться? — сказал Иля. — Или вы забыли, зачем сюда шли?

— Мы истосковались по родным местам! — говорят братья.

И тут Иля заметил, что нет рядом с ним девушки, которая помогала ему во всем. Заметался он из стороны в сторону. Стал кричать, звать ее, а ее будто и не было, даже следов на берегу не может найти Иля. Подошел к оленихам, а у них на глазах слезы. Большие черные глаза их смотрят грустно, жалобно мычат они.

«Ох ты, беда какая! — думает Иля. — Я даже и имени ее не знаю!»

— Давай, Иля, скорее свое стадо искать! Давай скорее домой ехать! — торопят его братья.

Вздыхнул Иля, да делать нечего, сам виноват. Обрадовался, забыл девушке доброе слово сказать, а и надо было сделать-то совсем немного.

— Ладно, поедемте стадо искать. Оно где-то тут недалеко. Мои оленихи нашли его.

И пошли братья. Кто на лыжах, кто в упряжку рядом с Илей сел. Вышли они с разных сторон к большому болоту. Стадо пасется.

— Это наши олени! Наши! — закричали братья. — Смотрите: у всех на шее наш родовой знак стоит: утка со стрелой в клюве! Смотрите!

Услышали пастухи, что хозяева стада пришли, — и бежать в разные стороны. Бегут, кричат: «Лазарины пришли! Лазарины пришли!» Собаки за ними. Так и оставили стадо.

Домой дорога хоть и труднее была, но короче всем показалась. Бежит стадо к родным местам весело, только топот стоит.

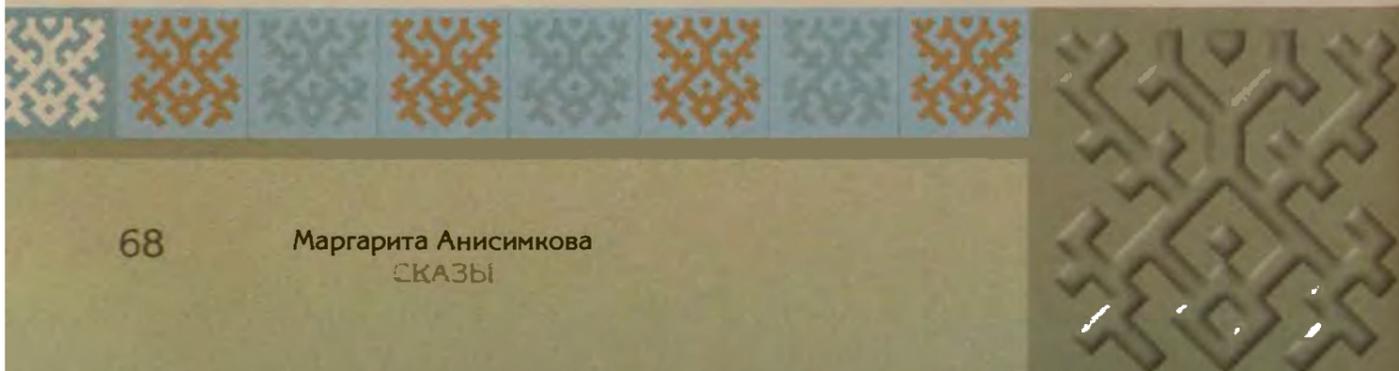
А старик Лазарин сидит целыми днями на берегу да все по сторонам поглядывает: сыновей ждет. Потом стал ругать себя, что зря отпустил младшего сына в чужую сторону, пожалел, что не с кем ему на старости лет всех добрых слов сказать, а их у него много было. И тут показалось старому Лазарину, что земля у него под ногами стала качаться. Припал ухом к земле, послушал. Земля все сильнее и сильнее вздрагивает. «Неужели это наше стадо домой бежит?» — подумал Лазарин, а сам от радости встать не может. Еле добрался до первого лабаза, залез на него, смотрит вдаль. Видит: оленей бежит видимо-невидимо! Впереди коренник с длинной бородой. Выбежал, остановился, обнюхал воздух и побежал к берегу. Слышит Лазарин возгласы погонщиков и узнал по громкому гиканью своего младшего сына Илю. Заплакал Лазарин, на колени стал, начал поклоны бить в сторону, откуда стадо бежит. «Молодец, Иля, — шепчет старик Лазарин. — Не напрасно я тебя вырастил! Сумел ты отыскать в чужом краю родное стадо!»

Иля хоть и рад, да места себе найти не может, тоска его одолевает, ночи не спит. У всех радость, а он будто и не рад. Не может он простить себе, что потерял на радостях славную девушку, которая помогала ему в трудное время. Подошел к отцу и говорит:

— Не сердись на меня, отец, собираюсь я опять в чужую сторону. Девушку я там потерял. Искать ее поеду!

— Ищи, если сердцу любя! — ответил отец.

Пошел Иля опять к своим оленихам, и помчали они его по бескрайним просторам, далеко в снега! Невесту искать.

Таня-богатырь

Д

авно замечали пастухи-оленоводы болота, которые и в жгучие морозы не промерзали, дымом курились.

— Дурной дух из земли идет! Олень морду воротит в сторону, — сокрушались пастухи.

А олени сердито били крепкими копытами богатые мхом кочки, фыркали широкими ноздрями и бежали прочь из этих мест — вкусный чистый мох искать, который летом пахнет грибами да сочными ягодами, морошкой и клюквой.

— Побежал олень! Видно, земное тепло близко! — говорили оленоводы. Собирали, складывали на нарты свои чумы и шли дальше от этих мест.

Случалось и рыбакам на озерах видеть, как плавали на волнах большие черные жирные пятна.

— И сюда земное тепло из земли вылезло, — говорили они.

А охотники — те половчее: найдут где в низине между кочками воду жирную да пахучую — подожгут ее. Вспыхнет пламя, озарит округу и начнет слать тепло.

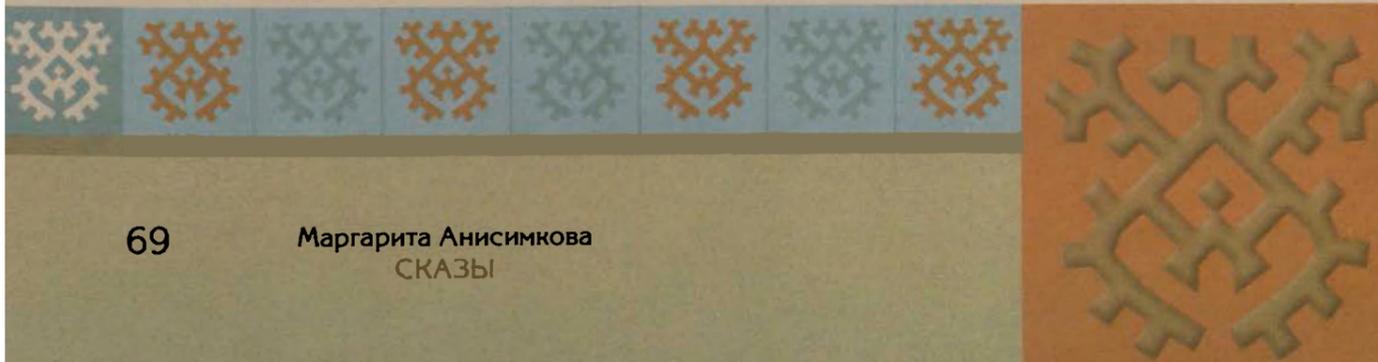
Хоть с опаской, а все тянулись к теплу: руки, ноги погреть у костра, чаю попить.

Сидят у огня, про всякие небылицы лесные рассказывают; ну, конечно, и про земное тепло не умолчали, про Таню-богатыря вспомнили, и давно это было... Когда еще могучая Ась в берега не входила, когда вместо озер, болот море-океан на просторе гуляло, когда на месте великанов пихтачей тонехонькие тальники на ветру свистом свистели, напали на племя Алыча князья богатые с войском сильным. Много дней подряд стрелы свистели в воздухе, валили без жалости стариков и детей малых. Храбро дрались воины племени Алыча, да не хватало сил. Одолели их враги. Крепким сном уснули воины.

Сколько стонал от ран Алыч-воин, никто про то не знает, только разве птица-халей.

Не хотелось умирать воину. Не хотелось отдавать свои угоды богатые врагам. Видит Алыч — халей летает, машет с утра до ночи крыльями, будто ищет кого. А вокруг тишина стоит: вся округа смолкла-вымерла. Вдруг в испуге как прокричит халей:

— Лах! Лах! Лах!

Вздрыгнул Алыч, хотел приподнять голову, а в глазах круги темные вертятся, а халей все кричит, будто зовет война. Собрал силы Алыч, приподнял голову и видит: по другую сторону реки войско движется. Пал Алыч к земле, будто прильнул, и зовет шепотом:

— Халей! Халей!

Услышал острокрылый халей, крылья сложив, камнем свалился.

— Лети, халей, к Танье. Поначалу по могучей реке лети, ни в одну протоку не сворачивай. А как увидишь косу песчаную, а за ней протоку черемушную, тут и ищи его. Танью сюда пошли. У Таньи оленей нет. У Таньи пастбищ нет. У Таньи доброе сердце есть. — И закрыл глаза Алыч.

Тише комара взлетел халей, прижался к реке, крыльями воду режет. Долго летел вдоль реки могучей, а как увидел косу песчаную, потом протоку черемушную — давай кричать:

— Лах! Лах! Танья-богатырь! Лах-лах, Танья-богатырь!

Парит в воздухе, расправив крылья, слышит, как рыба в реке играет, плавниками о воду бьет; слышит, как ветер с тальником разговор ведет. А Танью не видит. Дальше полетел халей, леса дремучие пошли, а он снова кричит:

— Лах-лах! Танья-богатырь! Лах-лах, где ты?

Снова к реке могучей вылетел. Веселее по ней лететь халею. Вдруг грохот в стороне раздался. Вздрыгнул халей, одно, потом другое перо с усталых крыльев на воду пали.

Видит халей — богатырь по колено в воде стоит. На нем рубаха красная, замысловатыми узорами расшитая, тугие две косы, нитками разноцветными переплетены, а вокруг пояс широкий с амулетами да табакерками; нож большой охотничий, мешок кожаный со стрелами, лук огромный, через плечо перекинутый. Стоит богатырь, руками-веслами друг о дружку хлопает. А от этого вокруг грохот стоит страшнее небесного.

Догадался халей, кто это такой, и, закрыв глаза, к Танье полетел. Да не донесли крылья птицу, в полете измученную, пал халей поодаль на гриву песчаную, слышит плеск воды, да головы поднять, крылья расправить сил нет.

— Танья-богатырь! Танья-богатырь! — шепчет халей.

Подошел богатырь, поднял халея, расправил крылья да спрятал себе за пазуху.

Скоро тепло Таньи оживило халея.

— Зачем дорогу большую летел? Зачем Танью звал? — спросил богатырь.

— Воин Алыч послал Танью искать, а найду — сказать: пусть вперед ветра летит Танья, не то всю землю враги топтать будут.

Выпрямился Танья-богатырь. Плечи расправил да говорит халею:

— Обожди. Силы от родной земли-воды набраться надо.

Пошел к реке Танья, по колено встал и давай воду пить пригоршнями. Пил, пил, пока его нярки из воды не показались. Повернул круто Танья да к лесу направился. Схватил сосну под самый комель да на берег с корнем легохонько вышвырнул. Подошел к кедр, потянул да сам по колено в землю увяз, а кедр только ветками помахивает.

Снова вернулся Танья к реке, снова по колено в воду встал и пил, пока река наполовину меньше не стала. Полетели тогда к берегам кедры, пихтачи и лиственницы, а халей со страху спрятался в тальниках прибрежных да за Таньей поглядывал.

— Как не увидеть шерсти на оленьих копытах, так врагам земли нашей не видать! — громом прокричал Танья и пал на колени лицом к солнышку, поклон низкий земле отца-матери послал, горсть земли поцеловал да в лузан спрятал, перекинул лук и крикнул халею: — Не отстань от меня, птица!

И замерял Танья землю шагами-верстами. На широких лугах трава к земле гнулась, молчаливая тайга расступилась, ветер крылья свои отдал Танье.

Раз один да еще один солнце пряталось за дремучий лес, а когда покатило в третий раз, услышал Танья знакомый крик птицы-халея. Остановился Танья. Видит: халей низко у земли летит. Прислушался Танья. Слышит стон кругом. «Неужто земля человеком стонет?» — подумал богатырь.

А стон все громче да громче, прямо за сердце ловит Танью.

Выбежал богатырь на берег да замер на миг. На берегах войны будто уснули, только черной тучей над ними вороны кружат, орут. Поодаль в логу костры горят, а по могучей реке чужие колданки плавают. Притаился Танья, ночи скорой дождался да Алыча-воина искать стал. Долго ходил по берегу, через убитых братьев перешагивал. Да снова услышал халея стон. Побежал Танья на крик, тут и Алыча нашел.

Взглянул Алыч в чистые глаза Таньи, вздохнул полной грудью, и слеза теплая по щеке покатилась. Взял богатырь ее в ладонь да к реке могучей отправился. Опустил в реку слезу воина, почернела река, расхотелась, волны вздыбила, опрокинула, смыла с берегов колданки все. А Танья тем временем достал из лузана землю родную да всю на берег высыпал. Застонали, проснулись, поднялись воины храбрые, схватили луки свои и снова в бой пошли. Прогремел Танья громким голосом, затряслись деревья могучие, с перепугу птицы на разные голоса заорали, тучей в небо взлетели, солнце закрыли.

Взглянул вдаль Танья, тяжело вздохнул: не видать конца и края войску вражьему.

— Ничего, Танья-богатырь. Веди нас, — проговорил Алыч-воин. — На родной земле и заяц силен.

И пошел Танья на смертный бой. Стрелы тучей в Танью летели, а он словно от комариного роя отмахивался. Развернет плечи Танья, только кости хрустят, и летят тогда враги в разные стороны. Кто в реку летел, кого богатырь через лес перекидывал, кого к небу подбрасывал.

Сколько шел тот бой, разве только Торум знает, не запомнить человеку. Перебили врагов. Тихо стало. Приумолкла река, пригорюнился лес. И опять войско спит мертвым сном, теперь беспробудным сном. Не осталось у Таньи живительной земли целованной, земли от отца-матери.

Только Алыча-воина в этот раз стрела не задела, не ранила. Видит Алыч: Танья к реке тяжело идет, пошатывается да и повалился вдруг от усталости или от многих ран, не понял Алыч. Побежал к Танье и видит, как у него из глаз свет выкатывается, а из ран всех кровь густая горячая хлынула. Подбежал Алыч к реке, притащил воды в пригоршне, только губы Танье помазал, а кровь так и свищет, так и хлещет.

Захотел Алыч ближе к реке подтащить богатыря, хватать — не может. Силой бог не наградил Алыча. Давай бегать Алыч к берегу да к Танье, как горностаю, туда-сюда. Одну рану водой зальет, десять других открываются. А Танья-богатырь распластал руки в раз-

ные стороны, обнял землю и захрапел.

Видит Алыч — нет толку от старания его. Сел Алыч около Тани, задумался. «Птица мест родных не забывает, а человек и подавно, — думает воин. — Надо Таню тащить к земле отца-матери».

Нарубил Алыч ваги из молодых сосен, уложил на них Таню и поволок. По лесам волок и лугам, около озер и болот. А из ран Тани кровь ручейками горячими в землю пряталась.

Долго вез Таню Алыч, долго плутал по тайге. Обернется, поглядит и заплачет воин: Таня-богатырь все меньше и меньше становится. Да, видать, привез Алыч Таню на родную землю. Открыл Таня глаза, вздохнул глубоко да и потерялся весь, только глубокая яма на этом месте осталась да блеском черным вода на озерах, болотах покрылась вокруг.

— Посиди, отдохни, я след Тани посмотрю, — сказал халей Алычу и улетел.

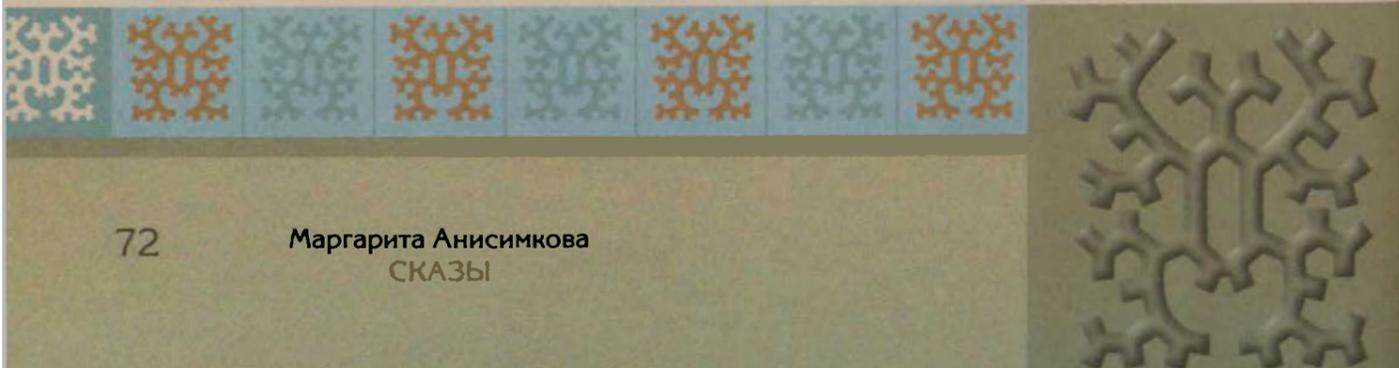
Долго летел халей. Прилетел, сел на вагах, где Таня лежал, закрутил головой из стороны в сторону, снова взлетел и прокричал на лету:

— Плачь не плачь — нет Тани. Нюхай не нюхай — все кругом Таньей пахнет. Когда солнца светить не будет — тогда люди Таню забудут. — И улетел халей, жалобно крича.

Долго думушку думал Алыч-воин, как рассказать людям о Тане-богатыре, о его горячей кровушке, что вся в землю ушла.

— Река сохнет — название остается. Богатырь погибает — имя в народе живет, — говорил всем Алыч.

Не дожил и Алыч-воин, не узнал, что нашли люди земное тепло и что горячую кровь богатыря Тани нефтью звать стали.

Оленья шкура

З

атосковал старый Суеват, когда в сосновом бору схоронил свою старуху. Ночи стали длинными казаться, дни темными. Опустились плечи, отяжелели ноги, а в голове будто метельные бури зашумели. Перестал Суеват слышать лай собак, токование глухарей, свист уток, мычание оленей. Тоска подкралась да и извела человека.

Попросил он сыновей принести из лабаза старую оленью шкуру, подстелить под него.

День лежал на ней Суеват, два лежал, три лежал, а потом и говорит сыновьям:

— Не уходите на охоту далеко от чума. Как начнет солнце за темный пихтовник прятаться, — торопитесь. Скоро я умирать буду.

Не хотели сыновья такие слова от отца слышать, да только знали: попусту отец слов не теряет, на ветер их не пускает.

Прошло еще несколько дней. Вытянулся Суеват на оленьей шкуре, положил сухие длинные руки под голову, уставил в звездное небо глаза и долго смотрел, прощаясь со звездами и облаками. А когда холодная слеза покатилась по частым бороздкам у глаз да спряталась в редкой бородачке, окликнул сыновей.

Присели они у изголовья Суевата, слушают, что он скажет. Приподнялся Суеват на локтях, посмотрел каждому в глаза. Видит — лица у всех побелели, губы пересохли, а свет в глазах старших сыновей недобрый, так в них и пляшут огоньки нетерпения и жадности. Только у меньшего — Куземки — на ресницах слезы дрожат.

Застонал Суеват, лег на шкуру, закрыл глаза и говорит:

— Как умру я, увезите меня в сосновый бор, поближе к матери. Везите меня, сидя на оленях, чтобы сам Торум видел, что поехал я к нему как оленщик.

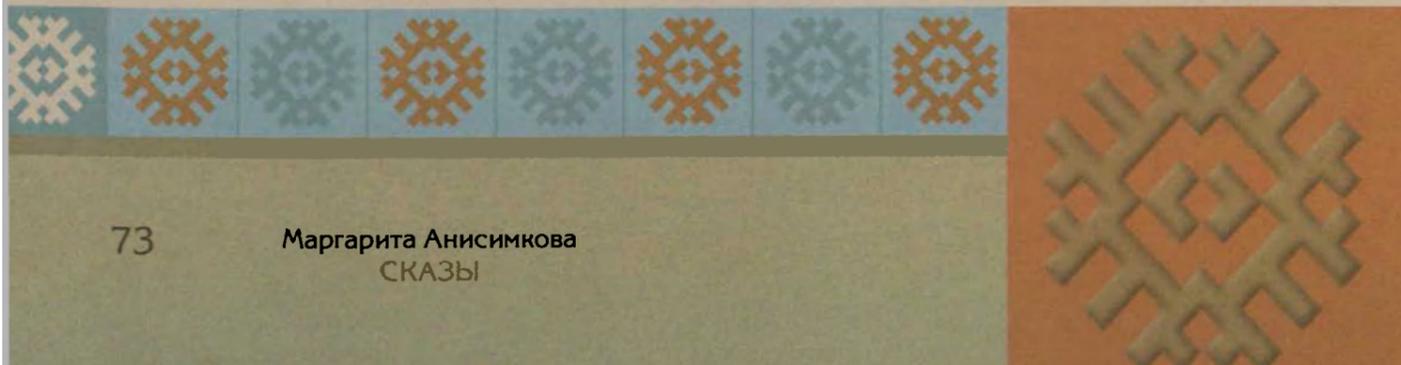
— Отвезем, отвезем! — в голос ответили старшие.

— Как изловите на пастбище оленей, поровну всех разделите. Не обижайте друг друга.

— Разделим, разделим! — согласились сыновья.

— Как станете шкуры делить, то вот эту старую, что подо мной лежит, младшему, Куземке, отдайте.

— Отдадим, отдадим! — сказали сыновья.

Закрыв глаза Суеват да так после и не открывал их, больше не посмотрел ни на кого, умер. В это время вбежали в чум жены старших братьев и давай кричать на своих мужей: — Чего вы перед ним на коленях сидите? Куда он денется? Чего по сторонам смотрите? Делите скорее оленей, мы уже стадо пригнали!

Вскочили старшие братья, выбежали из чума вслед за своими женами.

Стадо у Суевата было большое, олени сытые, большерогие. Быки с бородами длинными. Бегают олени по округе встревоженные, шарахаются из стороны в сторону, купаются в глубоком снегу, мычат, из сил выбиваются, убегая от разъяренных собак, которые лаем и визгом своим пугают их, сгоняют к речной долине.

— Ловите быков! Ловите коренников! — кричат жены. — Чего вы с этого дырявого чума глаз не опускаете? Остался там Куземка, он и похоронит отца. Не больно трудная эта работа.

Не посмели старшие братья послушаться своих жен. Стали ловить оленей да делить тут же между собой, а про Куземку совсем забыли.

Слышит Куземка — тихо вокруг стало. Прикрыл он оленьей шкурой отца, вышел из чума. Видит: стоит в стороне упряжка из трех оленей, а на снегу остались только следы от отцовского стада да оленьих нарт. Подогнав Куземка упряжку к чуму. Одед отца в савик, в котором он на охоту да в дальние стада ездил, пояс застегнул со всеми амулетами, положил на нарту оленью шкуру, посадил отца на правую сторону, дал в руки ему хорей, а сам на левую сел, с какой всякий каюр садится. Погнав оленей неспешно. Понесли они нарты в сосновый бор. Там и схоронил Куземка отца. Только положил на его могилу охотничий лук, как буран поднялся. Заметелило вокруг, зашумели деревья, заскрипели сухими стволами сухары, затрещали, застреляли перемерзшие сучья. Почуяли олени пургу, сразу в снег легли. Подбежал к ним Куземка, хотел между ними лечь погреться и видит: поднялась с нарты старая оленья шкура, покружила у него над головой и расстелилась на снегу перед ногами Куземки. Только успел Куземка встать на нее, она обняла ему плечи, прикрыла ноги. Вроде и дырявая была шкура, а как подлетела — ворс поднялся, густым стал, мягким. И такое тепло от нее пошло, будто материнские руки Куземку погладили. Так и не заметил Куземка пурги, не тряс его озноб, не щипал за щеки и нос мороз, не летел снег за шиворот. Обогрела его старая оленья шкура.

Приехал он к чуму, отряхнул шкуру, положил ее в угол.

Пусто, сиротливо стало Куземке одному в чуме да и обидно, что не пожалели его братья, не взяли с собой, одного оставили, завещанного отцом пая не дали. Только подумал он так, а шкура в углу пошевелилась, приподнялась, подлетела к Куземке, расстелилась у его ног. А на самой середине ее лук оказался со стрелами, охотничий нож в резных ножнах да тынзян. Посмотрел Куземка, отодвинул тихонько от себя подарки, руки за спину спрятал, а шкура перевернулась и положила все это у его ног, а сама снова в угол улетела.

Не стал Куземка долго раздумывать, взял подарки, сел на упряжку, поехал на охоту. А в охоте он был удачлив. Может, оттого, что угодыя отцовские были богаты, может, сноровка у Куземки была и стрелы сразу нагоняли зверя, может, дырявая оленья шкура помогала ему, только скоро о Куземке заговорили в округе. Купцы в его сторону стали почаще заглядывать.

Прослышали про это жены старших братьев, рассердились, ночи спать перестали, на шкурах с боку на бок ворочаются, все думают, как же мужей своих к Куземке послать, отцовский чум раскидать, выгнать Куземку с родного места.

В один из дней встала старшая жена и говорит:

— Сон я видела, будто Куземка сжечь отцовские уголья надумал. Пламя хочет пустить по борам и кедровникам!

— А я видела во сне, — с плачем сказала вторая, — будто Куземка весь ягель истоптал, чужие стада в отцовские пастбища пустил.

— Так мы же сами угнали оленей из родных мест. Сами Куземке только одну упряжку оставили, — ответили женам братья.

— Поезжайте к Куземке! Поезжайте! Узнайте, откуда он столько зверя берет.

Нечего делать братьям — поехали. Едут, смотрят по сторонам, видят много вокруг следов собольих, беличьих, горностаевых. Подальше поехали — стали попадаться следы росомых и рысей. Заехали в бор, а там гул поднялся от взлета боровой птицы. Небо закрыли птицы своими крыльями.

Молчат братья, едут дальше. Отцовский чум показался.

Прислушался Куземка к бегу упряжек. По звону сразу узнал отцовские колокольчики. Выбежал из чума, обрадовался встрече с братьями, угощать стал.

Сидят братья, молчат, а потом старший и говорит:

— Мы приехали в отцовских местах поохотиться.

Обрадовался Куземка, что не один будет ходить по лесу, заулыбался и говорит:

— Хороши отцовские уголья. Зверя всем хватит. Зря вы отсюда уехали. Хватило бы здесь всем места.

Молчат братья. Нечего им ответить Куземке.

Как только пришло новое утро, старший брат и говорит:

— Я с дороги отдохну еще, а вы идите на охоту вдвоем. Я вам еду приготовлю, чум на топлю.

Ушли Куземка со средним братом на охоту. Остался старший брат в чуме, перевернул все шкуры, пересмотрел все пустые берестяные туески. Пока дрова рубил, котел скоблил, полдня прошло. Стал мясо варить. Сварил мясо, поставил его в сторону, сидит, ждет братьев с охоты.

Вдруг в дальнем углу шум раздался. Видит: повалились в углу шкуры — и вышла из-под земли старая черная баба. Волосы длинные, как салом намазанные, блестят, руки худые, черные, платье длинное, до пят. Села перед старшим братом на корточки, смотрит на него, потом как дыхнет на огонь. Чувал как ожил — затрещали дрова, искры в небо столбом поднялись. Испугался старший брат, слова вымолвить не может, ноги под себя спрятал, сидит ни жив ни мертв.

— Ага, это ты! — закричала черная баба. — Воротился. Про отцовские уголья вспомнил. — А старший брат сидит, молчит. — А я за Куземкой пришла. Тебя мне не надо. Жадный ты! — сказала черная баба, забегала по чуму, обнюхала все шкуры, схватила котелок с мясом, съела все, фыркнула старшему брату в лицо и обратно в землю полезла.

Пришли Куземка со средним братом с охоты с хорошей добычей, а в чуме холодно, чумал еле теплится, еда не сварена, а старший брат на шкурах лежит, морщится, стонет, больным притворяется.

Нечего делать: разжег Куземка огонь, сварил мясо, поели все, ободрали с убитых зверей шкурки, сушить повесили, спать легли.

Утром старший и говорит:

— Пусть сегодня в чуме средний брат останется, еду нам сварит.

Остался средний брат. Тоже, как старший, обшарил все углы, все берестяные туески. Только сварил мясо, а из земли снова черная баба вылезла.

Побегала по чуму, съела в котле все мясо, потрясла за шиворот среднего брата, крикнула ему в лицо хриплым голосом:

— За Куземкой я пришла. Тебя мне не надо! — и обратно в землю ушла.

Пришли с охоты Куземка со старшим братом, а есть опять нечего. Катается по шкурам средний брат, за живот хватается.

— Ладно, идите на охоту, — сказал Куземка братьям на новое утро. — Я останусь в чуме, еду вам сварю.

Ушли братья. Быстро сварил Куземка еду, освеживал белок, сидит у огня, стрелы делает. Вдруг в углу треск раздался, повалились шкуры — и вылезла из-под земли черная баба. Глаза уставила на Куземку, руки худые к нему протянула.

Испугался Куземка, а виду не подал, говорит:

— Чего глазищи уставила? Или есть хочешь? Ешь, я братьям еще сварю. — Замотала черная баба головой, закружилась вокруг Куземки и давай его за ворот рубахи хватать. — Ты чего это балуешь? — спросил ее Куземка.

Зафыркала черная баба, от ее дыхания в чумале искры затрещали, дрова вспыхнули.

— Пойдем со мной, Куземка! — присев перед огнем на корточки, сказала черная баба. — Тебе одному хочу земное тепло показать. Сердце у тебя доброе и жадности никакой нет. Давно я такого человека искала.

— На что мне твое земное тепло? Мне и этого хватит.

— Ох, ох! — простонала черная баба. — Ничего ты не знаешь. Тепло, которое я тебе покажу, может всю твою стылую землю отогреть.

— Не надо мне твоего тепла, черная баба! Уходи подобру! Уходи, пока мои уши не устали тебя слушать.

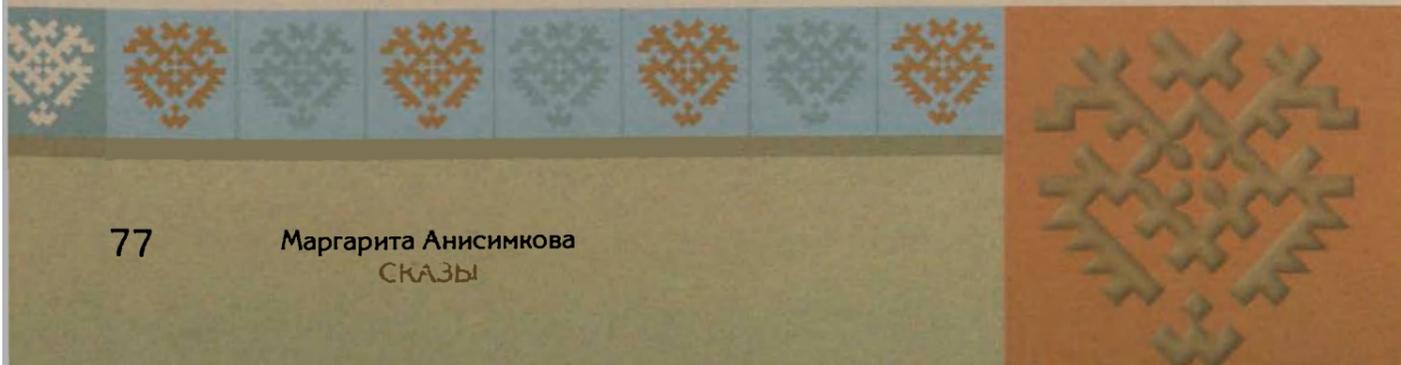
Но не успел Куземка обернуться, как черная баба подскочила к нему, схватила его за волосы и потащила в яму. Не оплошал Куземка, перебросил бабу через себя, перекрутил ей руки и ноги ремнями и толкнул в угол на шкуры.

В это время возвращались с охоты старшие братья. Подходят к чуму, дрожат, а как увидели в углу черную бабу, забормотали всякие заклинания, спрятали головы под шкуры.

— Вот отчего у вас животы болели да еда не варилась! — сказал Куземка братьям. — Не бойтесь ее, идите есть. Ничего вам не сделает черная баба. Крепко держат ее ремни сыромятные.

Наутро и говорит Куземка братьям:

— Давайте посмотрим, откуда к нам черная баба пришла.

Испугались не на шутку старшие братья, замахали руками, попятились назад, хотели выскочить из чума, сесть на упряжки и уехать домой.

— Не надо, Куземка! — просят братья. А Куземка свое:

— Несите сюда ремни длинные! Спустимся, посмотрим, про какое земное тепло говорит черная баба.

— Боимся мы! Домой поедем! — чуть не плачет старший брат.

— Полезай ты первым! — сказал Куземка, будто и не слышал его слов.

Нечего делать. Подошел старший брат к яме и говорит:

— Как только я закричу, тяните меня наверх.

Полез он в яму. Сколько ни храбрился, а как только голова скрылась под землей, закричал не своим голосом. Вытащили его скорее наверх, а он трясется от страха, слова сказать не может.

Нехотя полез в яму средний брат. Тоже закричал, не успев с головой под землей скрыться.

Пришла очередь Куземке лезть. Перед тем как сесть в ременную петлю, постелил он на нее оленью шкуру и говорит:

— Если я закричу, не тащите меня наверх, а скорее вниз спускайте.

— Ладно, ладно! — согласились братья.

Только Куземка сел на ремни, только скрылся под землей с головой, братья тут же перерезали ремни, потом подбежали к черной бабе, перерезали ремни у нее на руках и ногах, а сами скорее выбежали из чума, сели на олени упряжки и погнали оленей во весь мах.

Полетел вниз Куземка. Подхватила его дырявая оленья шкура и понесла по подземелью. Видит Куземка — за ним черная баба летит. Подол юбки — как хвост большой птицы колышется, широкие рукава как крылья, длинные волосы — как перья. Увидела Куземку, захохотала. Как гром, под землей ее смех загремел. А внизу видит Куземка реки широкие да пахучие, камни какой-то неземной красоты. Вдруг пронеслась его шкура возле огненного пламени. Осветило зарево все подземелье, зажмурился Куземка, прижался к шкуре, зашептал:

— Неси меня, шкура, в родные края. Неси меня к нашему солнышку, к нашим широким рекам, к зеленым лесам! Неси меня к отцовскому чуму.

Услышала его слова шкура, повернула обратно. Летит. Вдруг промелькнула возле шкуры черная баба, да потерялась, а на том месте светлое пятнышко оказалось. Все ближе и ближе к шкуре подлетает. Видит Куземка — возле него девушка кружится. Малица на ней нарядная, разными узорами расшита, шапка соболья, косы длинные, до пят достают.

— Мосьнэ это, что ли? — вскрикнул Куземка. — Как ты попала сюда? Или не нравятся тебе наши леса?

А оленья шкура летит мимо, не останавливается. Приподнялся на шкуре Куземка, посмотрел на красивую девушку и увидел глаза черные, искры огненные в них так и прыгают!

— Уходи! — закричал во весь голос Куземка. — Ты не наша Мосьнэ! У нашей Мось-

нэ, лесной красавицы, глаза как озера, голубые да добрые! У нашей Мосьнэ косы золотистые, белым инеем искрятся! Не подлетай ко мне, чужая девка!

Достал Куземка из-под рубахи лук со стрелами да и выстрелил в девушку. Попала стрела в нее, и раздался под землей гром. Покачнулись черные реки, и взвилась над Куземкой не нарядная девушка, а опять черная баба.

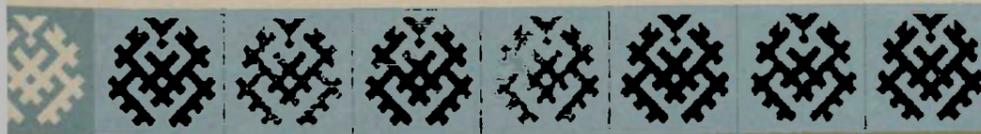
— Не улетай, Куземка! — кричит баба, схватить его хочет, а оленья шкура не пускает ее.

— Не нужно мне твое земное тепло! Не нужно! — кричит ей Куземка. — Домой я хочу! Беречь буду оленей и зверей в лесу, лес и реки.

Подняла оленья шкура Куземку еще выше да скоро и в свой чум доставила.

Обрадовался Куземка. Свернул скорее старую оленью шкуру и унес ее в лабаз до поры до времени. Да и стал спокойно в родных местах жить. Долго жил не тужил, уже совсем и про шкуру, и про земное тепло забывать стал, а тут все про него заговорили. Говорят, где-то оно из-под земли к людям вышло.

Доставал ли свою шкуру Куземка? Летал ли посмотреть земное тепло? Не знаю. Может быть, и летал, потому как утерпеть, наверное, не смог.

Волшебные лыжи

В ранешние времена в мансийских семьях первым отец умирал. Успевал он за свою короткую жизнь износить себя. И не мудрено: целые дни на лютых морозах, да под дождями, да на ветрах. А по-другому было нельзя. Если не пойдет он на охоту, не выследит зверя, не добудет его, — значит, всей семье помирать с голоду. А при такой жизни к нему и простуда, и болезни разные подбирались. А нередко и беды всякие приключались: то ногу на охоте изувечит, то неожиданно с каким-нибудь зверем встретится, вступит с ним в единоборство да половину сил и здоровья оставит, пока победит его.

Не обошла эта участь и семью охотника Вырпаду. Недолгую жизнь прожил их отец. В одну из суровых зим он на медвежью берлогу набрел. И собаки с ним были хорошие, а сам оплошал. Потревоженная медведица выскочила с другой стороны, потому как в берлоге два выхода оказалось.

Бросился на нее Вырпаду, а она успела его с ног сбить. Налетели на медведицу сзади собаки: давай рвать ей бока, только шерсть в разные стороны летела, а она хоть и рычала от боли, а под собой крепко держала Вырпаду, гнула его, ломала ему спину. А когда собаки стали сильно донимать, медведица встала во весь рост, раскрыла пасть и бросилась на собак.

Еле-еле поднялся Вырпаду да успел медведице нож прямо под левую лопатку всадить. Взревела грозно медведица. От ее рева собаки, поджав хвосты, в лес убежали. Пошатнулась, повернулась несколько раз вокруг себя да и рухнула замертво в снег. Но и Вырпаду не смог больше подняться. Лежит на снегу, головы поднять не может, зовет к себе собак.

Подбежали они к нему не сразу, жалобно повизгивая. Снял Вырпаду с руки меховую рукавицу, подозвал к себе серобокого остроглазого Серко и отдал ему рукавицу. Заскулил Серко, забегал вокруг своего хозяина, коснулся холодным носом его лица и побежал через тайгу к чуму.

Был вечер. В небе горели высокие яркие звезды, светила луна, когда жена Вырпаду Пайка и ее трое маленьких сыновей встали на лыжи и побежали по следу собаки. Услышали они в стороне жалобный вой собак. Подбежали, а Вырпаду уже умер.

Так и осталась жить Пайка с тремя сыновьями и дочерью Неркой. Мало-помалу сыновья стали подалее в лес уходить охотиться. Вначале вокруг чума белку промышляли, потом начали следы соболя выслеживать. А соболя

— зверь хитрый! Заметит погоню да так начнет свои следы петлять, что и бывалый охотник потом еле дорогу обратно найдет.

Речка, где стоял их чум, была небогата хорошей рыбой. На ту, что ловили, ни у кого спроса не было, добывали только себе на уху да собакам на корм. Вот и говорит Пайка сыновьям:

— Смастерите-ка вы мне обласок, и поплыву я на нем с Неркой к берегам великой Оби. Посмотрю, как там люди живут. Может, и мы туда уйдем, там поставим свой чум.

Сделали сыновья обласок, и поплыла Пайка с дочерью к Оби. День плыли, два плыли. Речка их все шире и шире становилась, волны на ней стали сильнее да темнее. Подгоняет Пайка лодку ближе к берегу. А от берегов дух идет — голова кружится. Черемуха цветет! Белые гроздья все деревья обметали. Издали берега белыми кажутся, будто с них так и не сходил снег. А скоро и Обь показалась. Видит Пайка — на берегу костер горит, а рядом с елью маленький шалашик стоит, из черемуховых прутьев сплетенный. Подъезжают они и видят: старый хант из сил выбивается, из реки рыбину большую тянет. Пот с него градом катится, руки дрожат, а корявые пальцы крепко держат крапивную сеть. Рядом с ним молодой паренек по пояс в воде стоит, помогает. «Ну и рыбина!» — подумала Пайка. Видит: рыба большим хвостом волны бьет, порвала сеть, вот-вот обратно в воду уйдет. Не оплошала Пайка, выскочила из лодки и давай помогать старику. Вытащили они на берег осетра чуть поменьше обласка Пайкиного. Побился на песке осетр, покрутил свое сильное тело в кольца да скоро и уснул, а старик сидит, отдышаться не может. Обтер рукавом пот, развел костер, а сын тем временем из осетра черную зернистую икру вынул в берестяное корыто да уху поставил. Горит костер. Смотрит старик на Пайку, на Нерку, головой качает, а потом и говорит:

— Куда это ты поехала на своем обласке? Волна обская сильная! Она тут же перевернет тебя! Оставайся с нами. Места тут хорошие, рыба белая водится, сама видела, а купцы только такую и берут. За нее хлеб, сахар, медный котелок дадут. А если надо тебе, то и топор и ружье сможешь на рыбу сменять: ружья их и зимой в тайге гром делают, зверя сразу насмерть бьют!

Послушала Пайка старика, осталась. И стали они рыбачить. Уловы хорошие были.

Нерка тем временем починила старику и его сыну всю одежду, из выменянной у купцов материи новые, нарядные рубахи сшила. А время шло. Скоро и осень показываться стала. То ветер холодный по Оби пробежит, то волны темные заворачиваются целыми днями и ночами, то дожди заморозят долгие, тягучие, а в одну ночь весь черемушник оголился. Раздели ветры черемуху, одни голые ветки оставили.

— Пора нам в свою сторону собираться, — сказала Пайка. — Спасибо вам за дружбу, за привет.

Призадумался старый ханты. Сидит, на огонь смотрит и говорит Пайке:

— А может, мы с вами сроднимся? Понравилась мне твоя Нерка, да и мой Арэмча, сама видишь, не ленивый парень.

Промолчала Пайка. Не могла она одна, без сыновей, ответить старику, хотя и видела — Нерка часто с Арэмчей по берегу реки ходили.

— Чего молчишь? Или не понравились мы?

— Не могу никакого слова тебе говорить, — сказала Пайка. — Если хочешь, пусть Арэмча на одну зиму поедет в нашу сторону. Пусть мои сыновья посмотрят на него, испытают в охоте.

— Ладно. Пусть собирается Арэмча с вами, — сказал старик.

Стали собираться. Старик отдал Арэмче резное весло, лыжи, передал свой лук и стрелы, а потом отвел в сторону и сказал:

— На вот, возьми этот ящик и не открывай его, пока у тебя большой нужды не будет.

Пообещал Арэмча отцу сделать, как он велел.

Как только выдался день посветлее, поплыли они вверх по реке, а скоро и в маленькую речушку свернули. Ветер тут уже дохнул севером: по реке шуга пошла, и стало льдинами прибывать лодки к берегу. Связал Арэмча лодки рядом и греб веслом не переставая, сколько было сил. Но вот потянуло дымком, и услышали они собачий лай — значит, чум недалеко.

Обрадовались сыновья встрече с матерью и сестрой, а на незнакомого парня искоса поглядывали. Не нравилось им, что пришел он с чужой стороны. Но нашла Пайка много хороших слов, и подружился все.

— Ладно, — сказали братья. — Пусть живет. Посмотрим, на что он годится.

Тут и зима пришла. Повалил снежище, подули ветры, замели метели.

— Пора на охоту идти, — сказал старший брат, когда стихла метель. — Собирайся и ты с нами, Арэмча!

Услышала Пайка, говорит:

— Не трогайте вы его! Нет у Арэмчи лыж.

Рассердился старший брат, отвечает матери:

— Пусть сам мастерит лыжи. Что это за человек, если на охоту ходить не будет? Не отдадим тогда ему в чум нашу Нерку. Пусть запрягает старых оленей и едет по нашему следу.

Согласилась Пайка. Верные слова говорит старший сын. Согласился и Арэмча. Запряг он оленей и поехал по их следу, а догнать не может. Проехал день, проехал два, видит: двое старших братьев чум ставят. Подъехал Арэмча, стал помогать. Вдруг выбегает из лесу меньший брат. Лицо и голова инеем покрыты, от спины пар идет.

— Вы чего чум ставите? Чего ленитесь охотиться? Наш отец эти уголья за одну зарю кружил! — кричал меньший.

— Устали мы. Дорога тяжелая! — ответили братья. — Да и тебе отдохнуть надо.

Замолчал младший брат, снял лыжи, вошел в чум.

Пришло новое утро. Старший брат и говорит Арэмче:

— Теперь и ты, как мы, иди на охоту. Если меньше нашего набьешь соболей, не отдадим тебе нашу сестру.

Призадумался Арэмча: непривычен ему охотничий промысел. «Видно, не видать мне Нерки», — думает он.

— Смотри, не сиди у огня! Поезжай на охоту! — крикнули ему братья, встали на лыжи и пошли в урман.

Сидел, сидел Арэмча да и вспомнил про ящичек, который ему отец дал. Достал его, открыл крышку, а из него тут же пара легких лыж выскочила, а за ними — и лук со стрелами. Обежали лыжи вокруг Арэмчи, встали перед ним и спрашивают:

— Куда нам бежать? В какую сторону?

Обрадовался Арэмча и говорит:

— Несите меня в урман, где старший брат Нерки охотится. Только бегите впереди него.

Встал на лыжи Арэмча, насторожил лук — и помчали его лыжи! Не идет Арэмча, а летит, только деревья мелькают. Добежали лыжи до высокого хмурого кедровника и давай вилять между деревьями. Только заметят соболий след — помчатся по нему быстрее ветра. Не успеет соболю в дупло спрятаться, а стрела Арэмчи уже догонит его.

Еще солнце за вершины кедрочей не спряталось, а у Арэмчи уже лузан соболями набит.

Идет по урману старший брат и видит впереди себя чей-то след, дивится: «Кто это посмел в наши родовые уголья прийти? Кто посмел впереди меня урман обойти и первым соболей выстрелять?» Рассердился старший брат. Свернул в сторону, пошел в буреломы и валежники соболий следы смотреть. Но и там следы от каких-то незнакомых лыж.

А Арэмча говорит лыжам:

— Теперь пора в чум возвращаться. Хватит нам на сегодня.

Повернули лыжи обратно.

Натопил Арэмча чум, ободрал соболей, сложил шкурки на оленью упряжку к старшему брату, а напоказ одного соболя оставил. Сам сидит, лыжи мастерит.

Вечером стали возвращаться братья с охоты. Средний и младший с хорошей добычей пришли, веселые, смеются, а старший ввалился в чум чернее тучи осенней. Выбросил из крошней трех соболей, говорит:

— Никогда такого не было, чтобы в лесу кто-нибудь меня обогнать мог. Все шел по чьему-то следу! Давайте переходить в другое место! Тут удачи не будет!

Послушали его братья. Запрягли упряжки, поехали на другое место охотиться.

Утром опять пошли на охоту. Арэмча достал ящичек, выскочили из него лыжи, спрашивают:

— Куда теперь бежать?

— Теперь несите меня впереди среднего брата.

Побежали лыжи. Арэмча опять отстрелял всех соболей засветло, приехал, натопил чум, ободрал соболей, все шкурки на нарту к среднему брату положил. Себе только одного оставил.

Пришли братья с охоты веселые, только средний в этот раз двух соболей добыл и говорит:

— Поедемте дальше! Кто-то успел всех соболей раньше меня отстрелять.

Так же было и с младшим братом. И он просил переехать в другое место.

Настала ночь. Не спят братья, на шкурах ворочаются, думы разные в голову лезут.

— Как придет рассвет, — сказал старший брат Арэмче, — пойдем мы на охоту, ты вместе со мной пойдешь!

— Пойдем, пойдем, — согласился Арэмча. Надел он самодельные лыжи, и пошли они. Шли, шли, устал старший брат.

— Ну и бредешь ты! — сказал он сердито. — Кто так на лыжах ходит? На лыжах надо ходить, чтобы ветер в ушах свистел.

Промолчал Арэмча. Вышли они на озеро. Большое озеро. Другого берега не видать. Остановился старший брат и говорит:

— Ты иди на ту сторону озера, Арэмча, там много соболей водится, а как набьешь соболями мешок, так в эту дудочку засвисти, мы сразу и услышим тебя.

Достал старший брат из-за пазухи длинную свистульку из черемухового прутка и отдал Арэмче.

Взял ее Арэмча и отправился на своих лыжах по озеру. Шел, шел, устал. Достал отцовский ящичек. Выскочили волшебные лыжи, покружились около него и спрашивают:

— Куда нести тебя, Арэмча?

— На ту сторону озера. Если есть там какое жилье — несите прямо к нему.

Понеслись лыжи. Только снег летит в разные стороны. Вынесли лыжи Арэмчу на берег озера, а там рос густой темный лес. Видит Арэмча: стоит большой чум возле пихтача. Присмотрелся и видит вокруг чума следы косолапые. Спрятался Арэмча за пихтач, поставил возле себя лыжи, ждет. Под вечер заскрипела на чуме шкура, выползло из него косолапое чудовище. Ноги кривые, руки по земле волочатся. Голова косматая, с длинной седой бородой. Остановилось чудовище, завертело головой, зафыркало, засморкалось, закряхтело да вдруг и увидело следы Арэмчи. Закричало голосом звериным и побежало по следу. Только заглянуло под пихтач, Арэмча не оплошал. Набросил чудовищу на шею ременный тынзьян, как оленя, заарканил и потащил к себе. Упало чудовище и давай когтями снег грести, а само все норовит длинными лапами схватить Арэмчу. Тут подскочила одна лыжина и давай колотить чудовище. Взвыло чудовище от боли, а Арэмча успел притянуть его к дереву и привязать крепко-накрепко. Оставил одну лыжину возле него, а сам скорее в чум побежал.

Видит: у огня три девушки сидят, шкуры выделывают. Как увидели они Арэмчу, вскрикнули, цветастыми платками лица закрыли.

— Кто вы такие? Из каких краев? — спрашивает их Арэмча.

— Давно еще утащило нас в этот лес лесное чудовище из родных чумов. Не отпускает от себя, велит с ним жить, ему песни петь, ночью пятки чесать.

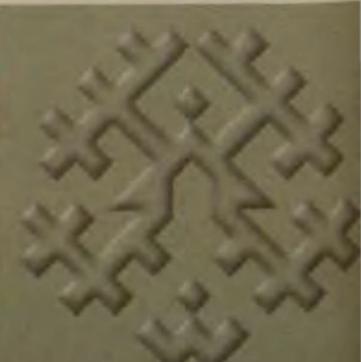
— Не бойтесь меня! Откройте свои лица. Привязал я чудовище к дереву, а скоро и в озере утоплю! — сказал Арэмча.

Обрадовались девушки, сбросили с лиц платки, а сами все — красоты писаной. «Вот невесты для моих братьев!» — подумал Арэмча, выскочил из чума, вытащил из-за пазухи свистульку и хотел засвистеть, позвать братьев, да вспомнил, что нет в его сумке ни одного соболя. Взял он в руки одну из лыжин и спрашивает:

— Сможешь одна меня на охоту свозить?

— Смогу, если устоишь, — ответила лыжина.

И понесла она Арэмчу по лесу. А там следов соболей видимо-невидимо. Весь снег истоптали! Играют, пищат, бегают по деревьям. Тут Арэмча набил их полон мешок, а к ночи вернулся обратно.

Девушки ему суп из боровой дичи сварили, мороженой рыбы принесли, ягод насыпали, а сами сели в угол, прижались друг к дружке, закрыли лица платками и сидят, не шевелятся.

— Что вы ко мне не подходите? Опять лица свои не открываете?

Заплакали девушки и говорят:

— Кричало нам без тебя чудовище, что братья твои обжоры ненасытные, что они только увидят нас и сразу проглотят.

Засмеялся Арэмча и говорит:

— Неправду оно говорит вам. Мои братья самые красивые! Самые ловкие! Самые смелые! Вот вы увидите их!

Выбежал Арэмча из чума, достал черемуховую свистульку и засвистел. Полетел свист по земле и воздуху, по рекам и озерам, по деревьям и кустарникам. Услышали его братья, удивились: «Неужели Арэмча полон мешок соболей набил?»

— Не может того быть, — говорит старший. — Он только до берега озера дойти мог на своих лыжах.

А свист снова летит по округе.

— Поехать надо. Может, к нему беда какая пришла.

Поехали. Видят — на берегу чум большой стоит, а у дерева чудовище привязано. «Видно, Арэмча попал в урочище самого лесного хозяина!» — подумал старший, но ничего не сказал братьям. А в это время и Арэмча им навстречу вышел.

— Неужели ты успел полон мешок соболей набить? — спросил Арэмчу старший брат.

— Соболи — это еще не богатство, — ответил ему Арэмча. — Пойдемте в чум.

Вошли братья в чум. Только подошли к огню и сразу увидели девушек красоты небывалой. Опустили они руки, наклонили головы, на колени перед ними встали, слов сказать не могут, будто потеряли их все.

— Где ты их взял? — спросил Арэмчу старший брат. — Мало таких красавиц на берегах всей Оби сыщешь. Взяли бы мы их в жены, да разве пойдут они за нас, бедных охотников.

— Наши отцы тоже охотники, — ответила одна из девушек.

— В добыче зверя мы в этот год совсем неудачливы, — сказал средний брат.

— А у вас на оленьих нартах соболей полные мешки лежат, — сказала вторая девушка.

— Так хотелось бы мне скорее домой попасть да свадьбу справить, — сказал младший брат.

— А у Арэмчи есть волшебные лыжи. Они быстро домчат нас до родного чума, — сказала третья девушка.

— Это правда, Арэмча? — спросил старший брат.

— Правда, чистая правда, — ответил Арэмча.

Заглянули братья в свои мешки на нартах, а они полны соболей.

— Откуда они? — спросили братья.

— Не дал бы мне отец лыж волшебных, не нашел бы вам невест, соболей целую зиму промышлять пришлось бы.

Хлопнул Арэмча два раза в ладоши, прилетели к нему лыжи, закружились вокруг ног.

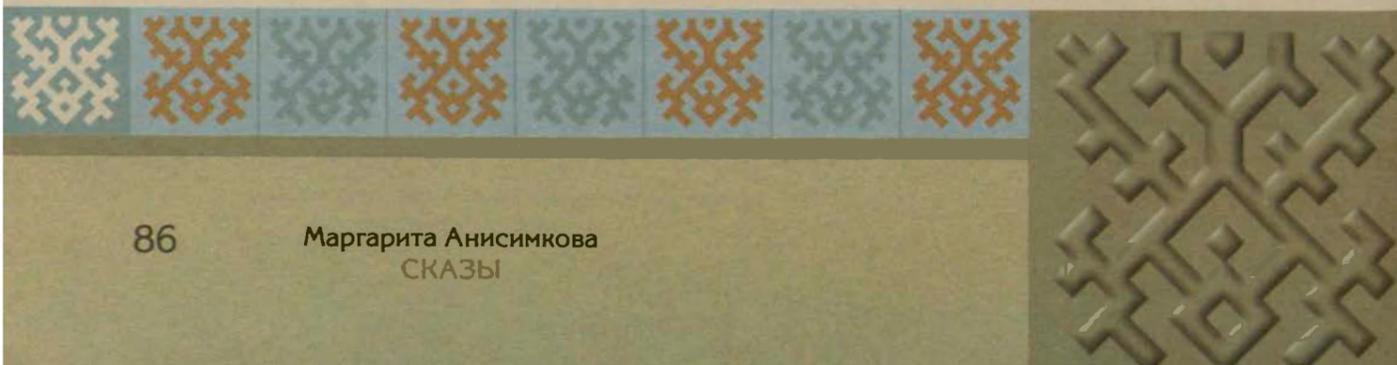
— Ну и зять нам достался! — сказал старший брат. — Видать, счастливей нашей Нерки не будет.

Посмотрел Арэмча на братьев, на лыжи, что возле его ног кружатся, и говорит:
— Хватит, лыжи, у вас силы, чтобы всех нас скорее увезти в чум к Пайке?
— Хватит, — ответили лыжи. — Садитесь все, только не забудьте чудовище в озеро спрятать, а то оно еще много худых дел сделает.

Пока бегали к чудовищу братья, лыжи вытянули полозья, подкатили к чуму. Уселись все на волшебные лыжи, пристегнули сзади упряжки и понеслись над урманами и борами, реками и озерами к чуму Пайки большую свадьбу играть.

И кого только не было на этой свадьбе! Даже птицы все лесные слетелись, слушали песни веселые, по всей тайге их разнесли да и сейчас еще в лесах песни с той свадьбы поют.

Железные сосны

Спокойно жил Туетуй в своем стойбище, хотя дел у него на круглый год хватало. Не успеет отогнать в горы оленей, как грибы, ягоды поспевают. Только управится с ними, белая рыба пойдет. Наловит ее Туетуй, засушит, насолит на зиму, а ветры холодные тут как тут. Чум скорее надо чинить охотнику да оленей гнать. Погуляли они на душистых мхах, нажировались на лакомых грибах, силы набрались. Шерсть на них блестит, бороды у быков отросли, они ими тропы метут. Рад Туетуй.

Гонит он однажды оленей, песни поет. Позади нарты бежит олененок с черненьким пятнышком на лбу, мычит тихонько, тоненькими рожками снег бодает. Посмотрел на него Туетуй, улыбнулся и спрашивает:

— Чему радуешься, несмысленыш?

А олененок встал на задние ноги, забил передними копытцами да заговорил человеческим голосом:

— Слышал ли ты, как Сенька-охотник в тайге земное тепло нашел?

Вскочил Туетуй с нарты, остановил упряжку, манит к себе олененка, а тот отпрыгнул в сторону и затерялся в стаде.

Быстро бежит стадо, широкими копытами приминает снег. Из больших ноздрей теплый пар вьется, стучат друг о дружку ветвистые рога. Собаки то-ропятся, в снегу пурхаются, изредка на коренника-шатуна взлаивают и опять бегут, красные языки высунув. Все было бы хорошо, да слова олененка не дают покоя Туетую: «Какое такое тепло Сенька нашел?»

А зима пришла снежная да лютая — Сиверко слал одну метель за другой. Стучат они по ночам в тугие стены чума, норовят сорвать его! Хлещет, валит снежище. Солнечного света не видит много дней Туетуй.

— И чего раздурилась непогода? — сказал он вслух, связывая нарты, чтобы ветер не раскидал их, и тут услышал вдруг стук оленьих копыт. Оглянулся — на задних ногах олененок стоит. Вытянул шею и говорит:

— Это мороз и метели найденное Сенькой тепло обратно в землю спрятать хотят!

— Откуда ты знаешь? — спросил Туетуй и хотел схватить олененка за ухо. Тот ловко перевернулся через голову и убежал.

Показалось солнце. Оглядело каждую ложбину, каждый кустик пригре-

ло и ручьи послало. Весна пришла! Недалеко от болота поставил Туетуй свой берестяной чум и уснул крепко-накрепко, отогрев кости на солнышке. Спит и слышит, как утки и гуси в небе кричат. Обрадовался Туетуй, выскочил из чума, смотрит им вслед, а они не летят дальше, все над болотом кружат. Потом сели, спрятались в траве и кустах.

«Хорошо!» — подумал охотник.

К вечеру еще стая прилетела, а за ней другая. Кричат в небе, кружат, места ищут, чтобы дать отдохнуть крыльям. Черно на озере стало. Птицы такой шум и гам подняли, что Туетуй уши сухим мхом заткнул, надел на голову меховой треух. А птицы орут на разные голоса. Не вытерпел охотник, схватил большой тальниковый прут и давай гонять по болоту и озеру уток.

— Откуда вас столько взялось? — закричал Туетуй, обтирая вспотевший лоб. И услышал голос сзади себя:

— Они, глупые, испугались железных сосен, которые на болотах люди поставили.

Обернулся Туетуй и опять олененка увидел.

— Откуда ты все знаешь?

— Я сам туда летал.

— Как летал? Кто тебе крылья дал? — удивился Туетуй.

— Я на облачке летаю. Как только оно спустится на болото, я и сажусь на него. — И побежал олененок, подпрыгивая на тонких ножках.

— Да не бегай ты! — крикнул ему вслед Туетуй. — Расскажи мне про сосны железные.

— Не-ког-да! — крикнул олененок. — Облако подплывает.

Видит Туетуй: спускается на болотину, как лебяжье одеяло, легкое облако. Задело легонько мох на кочках, пригнуло траву и дрожит нетерпеливо, в небо подняться хочет. А олененок как разбежится — и прыг на него! Свернулся в клубочек, как белка в дупле, только рожки острые, как сосновые сучья, торчат. Поднялось облачко, поплыло над тайгой и рекой.

— Прилетай скорее! — кричит ему Туетуй.

А олененок ему с высоты рожками машет.

Долго ждал охотник олененка. Рыбачит ли, ягоды берет, сети чинит, а сам все на небо поглядывает, все про железные сосны думает: «Как будет жить человек, что в костер бросать будет, если все сосны железные будут?»

Однажды в утренний час снова услышал охотник голос олененка:

— Туетуй, Туетуй! Не печалься! Железные сосны скоро упадут, на болото дождевые тучи полетели. Они зальют огонь, утопят и сосны в воде.

Ничего не сказал Туетуй, сел на кочку и слышит — тихо стало вокруг, спрятались, присмирели птицы, перестала ловиться рыба, замолкли, спрятались в траве комары. Страх взял Туетуя.

Рыбачит Туетуй и видит, как по небу плывут из дальней стороны тучи. Плывут тихо, секут мелкий дождь, как будто устали.

— Туетуй, Туетуй! — кричит сзади олененок и с кочки на кочку прыгает.
— Отчего тебя радость берет? — сердито спросил его охотник.
— Изорвали тучи все свои наряды о железные сосны! Вылили всю воду на них, а люди только смеются. Сидят у жаркого костра и песни поют.
— Не болтай своим шершавым языком пустые слова! — прикрикнул на олененка Туетуй.
— Правду, правду говорю! Тучи с ними не справились! Мне облачко рассказало. Оно возьмет меня, чтобы на тех людей посмотреть.
— А можно с тобой? — спросил охотник.
Замолчал олененок, отошел в сторону, хватает мягкими губами мох, будто не слышит слов Туетуя. А из-за леса облачко выплыло и спустилось на болото. Вскочил на него олененок, крикнул:
— Садись, Туетуй! Полетим вместе.
Вздрыгнул Туетуй, побежал и встал на облачко. Полетело оно над тайгой. Сколько летело, Туетуй не помнит. Только видит: впереди огни показались. Ярко светят в ночной тайге, манят к себе облачко.
— Это сосны железные! Сосны железные! Видишь, люди там! — кричит олененок.
Схватился Туетуй за край облачка, свесил голову и слышит — грохочет что-то, голоса людские.
— Сюда, сюда! — кричит кто-то с земли. Видит Туетуй — железная громадина в небо поднимается.
— Отлетай, отлетай, облачко! — кричит олененок. — Порвет тебя железная сосна.
А Туетуй смотрит на людей и глаз оторвать не может.
— Понравилось? — спрашивает олененок. — Это болото Аганским называется. Сейчас мы с тобой на Вар Ёган слетаем! Потом на Юганскую Обь полетим. Там везде железные сосны стоят, а рядом огни горят.
Замолчал Туетуй. В глазах радость поселилась: вот что сделали люди на сыром болоте.
— Здесь они тепло под землей нашли, — кричит олененок.
— Да ну? — воскликнул Туетуй. В это время опять зазвенело железо, и еще одна сосна стала подниматься к небу.
— Оставь меня, облачко, на земле! Пойду я к этим людям. Хочу вместе с ними тепло искать, сосны железные сажать буду.
И опустился, говорят, к вышкомонтажникам бывший охотник Туетуй. Пришел к ним как друг, как брат. Хорошо ему. Живет с песней в сердце.
Когда вместе с товарищами Туетуй поднимает новую буровую, видит он в небе белое облачко. Оно то низко к земле опускается, то над самой вышкой плывет. Может, думает, что Туетуй к старому чуму лететь хочет. А парень улыбается облачку и машет рукой:
— Лети, лети! И расскажи всем — у Туетуя хорошая работа!

Ёганское огнище

П

роживет иной человек на земле, как дым проплывет — никакого следа после себя не оставит. Подумаешь так: для чего жил, только небо коптил! А другой живет себе, только диву даешься: откуда что и берется? За какое дело ни возьмется — в руках все спорится, какое слово ни скажет — все в строку идет. От таких людей всяких неожиданностей ждать можно. Такое сотворят, что и через века внуки их вспоминать будут.

Так это или не так было, но то, что охотник Ёган на земле жил, уж точно установлено: потому как протока Ёганская есть, Ёганское урочище есть и сама речка Ёганка живет!

Течет она тихо среди буреломов. Весной наполнится водой, выйдет из берегов, зальет всю округу — и не найдешь ее русла, а к летней поре упадет в берега и течет смирно и тихо, будто слушает. о чем ветры и травы, кусты и деревья разговор ведут.

Вот в этих самых местах и жил охотник Ёган. Много рядом боров и урманов было, а он как облюбывал эти места, так тут все время и промышлял. И была у него своя особая приметана. Не будь ее — мало бы кто знал про Ёгана. А приметина была в том, что зверья никакого никогда Ёган-охотник не бил, стрел не точил, луков не гнул, самострелов не настораживал, даже капканов, которые лапы зверям увечат, и тех не мастерил.

Была у него великая любовь ко всему живому. Зато ловушки какие умел делать Ёган! Таковую смастерит, что звери сами к ней бегут. Только он вынесет ее в бор, а зверь уже тут как тут. Сидит себе в клетке!

Идет тогда Ёган тихо, осторожно, чтобы не напугать зверя. Присядет на корточки перед клеткой, поговорит со зверем, корму положит, потом гладить по голове начнет. Взъерошится было лесной житель, зубы скалить станет, да только злость у него скоро проходить начнет. Кого ласковое слово за сердце не берет? Мало-помалу и привыкнет зверь да и станет жить с охотником в великой дружбе.

Привольно жилось зверью с Ёганом. Как услышат они, что он в тайгу пошел — ягод ли побрать, грибов ли пособирать, орехов посшибать или рыбу половить, — все навстречу к нему бегут! Все норовят руки лизнуть, а лиса, так та до щеки всегда умудряется добраться. Для каждого Ёган ласковое

слово имел про запас. А если к кому из зверей озорство приходило, — умел Ёган громким голосом страх наводить. Громкий голос его повторяли деревья и травы, кусты и цветы.

Смирели звери, поджимали уши, прятались в норы, и скоро ко всем приходил мир. Только такое редко бывало с Ёганом.

Охотники со всей округи любили к нему в гости ездить. Мастер он был небылицы всякие рассказывать. Лицо у Ёгана улыбочное было, в глазах всегда смешинки плясали, а зверушки в такие минуты к нему с разных сторон тайги бежали. Припадут к уху и шепчут ему, рассказывают, кто что видел вокруг.

Так бы, может, и прожил Ёган, если бы не прибежал к нему в весеннюю пору бурый медведь с опаленной шерстью. Добежал зверь до чума охотника, пал на траву и лежит, как человек, стонет, головы поднять не может.

Захлопотал Ёган, забегал вокруг косолапого, малину ему в пасть толкает, медом морду мажет, а медведь трясется от страха, косматую голову под расшитую рубаху охотника прячет.

— Беда! — ревет зверь. — Из озера огнище выскочило! Зарево до самого неба вылетело.

— Какое еще огнище? — удивился охотник и побежал со зверями к тому месту, где медведь огонь видел.

Тихо кругом. На озере волны ворочаются, на них утки плавают, качаются, травы на берегу шелестят, от росы головы к земле гнут.

— Ты, наверное, сегодня много мухоморов ел? — спросил Ёган медведя.

Тот виновато покачал головой, потер лапой глаза и отправился в бор берлогу строить.

«Какой еще огонь на озере был?» — думал Ёган и не заметил, как к своей речке подошел. Шел-шел по подъяру и видит: поперек речки бревно лежит. «Откуда такое бревно взялось?» — удивился охотник. Побежал по нему быстро в легких кожаных бродяжках. Только хотел на берег выскочить и, обомлел: ноги-то его на щучьей голове стоят! А она выставила зубы и большим ртом воздух хватает.

— Как это ты умудрилась в такую маленькую речку попасть? Или жадность тебя сюда принесла? — выскочив на берег, закричал Ёган.

— Столкни меня в речку! Дай сил набраться! — шепчет щука.

Схватил Ёган с берега палку березовую и давай ее под щуку подкладывать. Вертит щука, буровит брюхом илистое дно речки, изворачивается полосатым телом.

Долго бегал охотник по щучьей спине, то хвост, то голову отталкивал от берега. Очутилась наконец щука в воде. Растянулась вдоль берега, высунула голову и сказала:

— Это огнище выбросило меня сюда из озера!

— Какое еще огнище? — снова удивился Ёган. — Все тихо кругом, спокойно.

— Ох! — простионала щука. — Вот отдышись и расскажу тебе тайну его. Вдруг века моего не хватит, а у людей память длинная.

Сел Ёган на берег. Долго по небу ходила луна, много раз подбегали к обрыву звери, но как увидят, что Ёган все еще со щукой разговор ведет, убегают.

О чем говорила щука охотнику, так никто и не знает. Только с той поры стал искать Ёган тайную дорогу к огнищу.

Стали звери терять Ёгана. Как ни подбегут к его чуму, а еловая палка опять поперек лежит — значит, нет Ёгана дома. Соболь скажет, что рано утром его на яру видел, лиса днем его след на поляне нюхала, а заяц перед дождем с берега видел, как Ёган в колданке по озеру плавал.

Но скоро совсем потерялся Ёган. Всполошились звери и давай бегать по округе. Под каждым кустом, под каждым деревом обыскали, обнюхали его след. А Ёгана нигде нет!

— На озере он! На озере он! — кричал заяц, прыгая на лапках.

Сели звери на берег, прижались друг к другу, глаз с озера не спускают, а потом принялись кричать. Эхо далеко уносило их крик, а в ответ шумел только ветер.

Вдруг опрокинулась волна, и из озера показалась большая щучья голова. И говорит щука:

— Не ищите вы своего Ёгана! Не придет он к вам больше! Огнище он пошел искать. Когда найдет его, тогда и ждите своего Ёгана! — И, ударив широким хвостом по воде, спряталась обратно в озеро.

Потосковали звери, поискали еще Ёгана и разбежались в разные стороны. Бегают, всех спрашивают: «Кто знает, где огнище живет?»

А Ёган тем временем все шел и шел за своей речкой, и привела она его к большому озеру. Остановилась, завертелась, закрутилась около его ног, разными искрами засверкала. Так и зовет охотника дальше, так и манит.

— Иди, иди, Ёган. Тут недалеко живет огнище! — взметнув волны, сказала речка.

Вдруг как опрокинулось озеро! Зашумела, запела на разные голоса вода, мхи выстлались перед Ёганом, и очутился он под землей. Теперь вокруг птичьих голосов не слышно, солнечного луча не видно. Вздогнуло сердце Ёгана.

— Где ты тут живешь, огнище? — крикнул Ёган в темноту. Разнеслось далеко эхо. Слышит: под ногами снова речка зазвенела, а впереди черная девка, как вороново крыло, с косой показалась. Стоит в стороне тихо, черными глазами, как двумя озерками, на охотника смотрит и манит к себе, зовет.

— Не к тебе я пришел, а к огнищу! — крикнул охотник.

Заохотала черная девка, замотала из стороны в сторону черными косами.

— А огнище без меня не живет! Там, где меня увидишь, там и его жди! — ответила она и потерялась, а вокруг потекла река пахучая.

— Иди, иди сюда, Ёган! — прожурчала под ногами речка. — Смотри, огнище сюда бежит! Правду девка сказала.

Показалось вдали зарево, осветило все подземное царство, и увидел Ёган реки разноцветные и камни красоты неземной. Зажмурился охотник от света яркого, приложил руку к глазам, а сам в узкие щелочки между пальцами поглядывает, смотрит, как огнище

дурит, высокими языками землю лижет, стелется по глади рек, только красные языки летят в разные стороны, да остановилось вдруг, будто присело перед Ёганом, раскаленной бородой размахивая.

— Пришел ко мне! Отыскал меня, значит! — засвистело огнище и давай от радости прыгать, искры метать, густым дымом фыркать. — Только ты меня, человек, скорее на простор пусти! Только покажи мне в твоей земле трещину! Ну и разгуляюсь я на просторе! — свистит огнище.

И представил охотник Ёган, что сделает жадное огнище с его бором, лесом, с его зверями и птицами, и замолчал, прижался к земле, как песчинка малая, и уснул в чужом подземном царстве. «Видно, не пришла еще пора про тебя говорить, на простор тебя пускать!» — подумал он про себя.

Много зим прошло, много вьюг прошумело над землей. Даже звери стали забывать, когда в этих местах Ёган жил.

В один из весенних дней, когда медведь в малинник пошел, услышал в стороне голоса людей. Остановился зверь и тихо за ними отправился, за лесины прячется, их разговор слушает. А они на берег Ёганской речки вышли, свои чумы поставили, костры жечь стали, а сами все про огнище разговор ведут.

Слушал, слушал их медведь и обратно в малинник пошел да как вспрыгнет вдруг! Сушня затрещали, кусты подогнулись, птицы в разные стороны полетели. Выбежал медведь на берег реки да как закричит голосом человеческим:

— Тут оно, тут! Тут живет Ёганское огнище! Сам Ёган за ним ушел!

Испугались люди, бросились бежать кто куда, а медведь ревет им вслед:

— Куда вы? Тут оно, Ёганское огнище! Ищите его тут!

Кто знает, поняли ли люди слова зверя или сами узнали, что огнище в этом месте искать надо, только построили они здесь вышки железные.

Прислушались люди, услышали земную силу, а когда взметнулось к небу огненное зарево, залило светом всю округу, люди от радости стали бросать высоко над головами шапки, обнимать друг друга. В это время выбежали на берег и звери, своего Ёгана среди них отыскать хотели. И не зря, говорят люди, они его ждали. Тут он был! Раз людям свое огнище отдал, — значит, и сам в родной край вернулся. След его и соболю видел, и лиса на поляне снова учуяла.

Куда летала гагара

Дни считала гагара, чтобы лететь в родную северную сторону. Только скоро-
тает ночь, от радости защелкает клювом, перышки на шее переберет, пере-
считает и закрывает глаза. А перед ними сразу поплывет тундра мшистая да
ягодная, берега тальниковые да кочки с высокой травой, а вокруг все гнезда
гагарьи, пухом выстланные.

Торопила дни гагара, торопила — и пришла пора! Понесла весна тепло в
северный край, а вместе с ним и все птицы заторопились.

Летят, радуются, на родную землю насмотреться не могут, криком своим
привет ей шлют. Гагара еще издали узнала свой остров: загоготала, захлопа-
ла крыльями, облетела его много раз и уселась на кочку. Сидит, отдышаться
не может, крылья распустила до самой земли. Сама не верит, что дальняя до-
рога позади осталась. День прошел, другой. Осмотрела гагара на острове
каждый кустик, видит — никого рядом нет. Летят птицы мимо гагарьего ост-
рова, шумят крыльями. Устанет какая, сядет у бережка, а гагара тут как тут.
Ползком приползет, сядет чуть поодаль, подождет лапки, вытянет шею и
важно проговорит:

— Разве ты не знаешь, птица, что это наш остров? Гагарий? Что это мы,
гагары, на дно ныряли и в клювах своих землю вытаскивали? Вот и стала во-
круг земля! Оттого и вам теперь привольно живется!

Прокричит птица, откланяется гагаре и улетит. Простору много в север-
ном крае!

Так на гагарьем острове никто и не селился. не смел своих гнезд вить.

Довольна гагара. Вывела она своих птенцов, научила их нырять, плавать
и стала учить летать, крылья пробовать, силу в них копить.

Плавают гагара по озерным волнам, любит птенцами и слышит над го-
ловой свист. Видит: пара чирков летит. Покружили птицы вокруг гагарьего
острова и сели в траву. Прокричала гагара, а чирки сидят и не поднимаются
на крыло. Стала гоготать гагара, а чирки все сидят, будто и не слышат. По-
плыла гагара к тому месту, где птицы сели.

— Или вы не знаете, чей это остров? — важно говорит она, подплывая. —
Или забыли, кто землю со дна морского достал?

— Все мы помним, гагара, — ответил чирок с почерневшим крылом. —
Только вот чируха моя дальше лететь не может, силы в дороге потеряла, да и

заблудились мы. Видишь, как поздно летим? Еле-еле до твоего острова долетели. По всей реке шум стоит, на берегах костры горят, в лесу сосны железные выросли! — И чирок замахал крыльями, посмотрел под кочку болотную, а чируха там уже яйцо снесла.

— Совсем стали забывать птицы, кто эту землю со дна морского доставал! — не унималась гагара.

— Ох! — вздохнул чирок. — А вот нам по дороге острохвостка сказала, что не вы, гагары, эту землю сделали!

Вздрыгнула гагара, закоткала, будто ягодой подавилась, а чирок свое:

— Острохвостка сказала, что ваша земля холодная и мокрая, а вот дальше твоей земли огонь живет! Тепло живет! Просто у вас, гагар, клювы короткие, вот вы и не нашли тепло, а оно далеко спрятано!

Почернела гагара, слова сказать не смогла, от обидных слов чирка у нее даже крылья силу потеряли.

— Какая это еще острохвостка тебе сказала? На чьей земле все птичье царство живет? — закричала гагара.

— Не знаю! — виновато ответил чирок. — Но правду сказала острохвостка, что не достали ваши клювы тепла, а оно есть! Я сам его видел! Даже крылышки опалил. Видишь, какое сизое оно у меня стало? Это оттого, что около огня близко летел.

— Врешь ты, ленивый чирок! — закричала гагара. — Не хотел лететь дальше, вот и выдумал про земное тепло. Где ему тут взяться? Смотри: кругом вода и вода! Да и кому надо это тепло?

— И тебе надо! — сказал чирок. — Если бы было здесь тепло, зачем тебе летать в чужую сторону? Разве стала бы ты крылья ломать в дороге? Жила бы всегда дома.

Ничего ему не сказала гагара, закричала жалобно и поднялась. Облетела несколько раз свой остров и полетела...

— Куда ты полетела, гагара? — закричал ей вслед чирок.

А она летит, шею вытянула, крыльями воздух режет, торопится. Летит гагара через тундру и видит: стада оленей пасутся. Ходят олени по болоту, ягель едят. оленят бодать-ся учат. Увидели в небе гагару, закинули на спины рогатые головы, мычат:

— Куда полетела, гагара? Или уже холода почуяла?

Села гагара на рога семигодовалого быка и спросила:

— Кто-нибудь из вас про земное тепло слышал?

Замолчали олени, наклонили головы, мох есть перестали.

— Видел олененок земное тепло! — сказал гагаре старый олень. — И сосны железные видел.

— Зачем оно вам, это земное тепло? — сердито спросила гагара. — Разве плохо вам живется на моей земле?

— На какой — твоей? — спросил олень.

— А разве вы не знаете, что эту землю мы, гагары, со дна морского своими клювами достали?

Опять замолчали олени.

— Хорошо будет, если сюда земное тепло придет! — бегая по кочкам, кричал олененок. — Круглый год грибы будут, круглый год.

Не стала слушать его гагара, взмахнула крыльями, полетела дальше.

— Ты куда? — замычали олени ей вслед, но она не слушала их. Летела гагара, летела, до тайги долетела. Видит: зверье все в работе: медведь берлогу строит, выгребает яму, только земля в разные стороны летит; белка грибы сушит, шишки в дупло таскает, запасы на зиму готовит; соболь дупло мастерит.

Увидели гагару, закричали все в один голос:

— Куда ты полетела, гагара? Неужели так быстро холода пришли?

Расправила крылья гагара, уселась на кочку и спрашивает:

— Кто-нибудь из вас слышал про земное тепло?

— Нынче зима теплой будет? Можно и берлогу не строить? — спросил гагару тугухий медведь и бросил в сторону пень.

— Может, и грибы снегом не заметет? — радостно пропищала белка.

— Бестолковые звери! — рассердилась гагара и полетела дальше. Летела, летела, устала. Вылетела на речной простор и села на берег, чистит клювом перья. Услышала, как рыба по воде хвостом хлестнула. Нырнула гагара в воду и поплыла. Смотрит: в тихой заводи собрались рыбы. Хвостами шевелят, плавниками играют, а сами на одном месте собрались и слушают сырка серебристого. Он говорит торопливо, из маленького рта пузырьки летят:

— Если земное тепло будет нашу речку греть...

Не дослушала его разговор гагара, вынырнула из воды и полетела дальше.

— Что это они, как сговорились: только про тепло земное и ведут разговор? Может, мне человека спросить? Он лучше всех знает.

И полетела гагара к жилью человека.

Летит, а на пути все гремит и шумит. Увидели ее маленькие ребята и закричали:

— Гагара, гагара летит! Говорят, что это они, гагары, всю северную землю со дна морского своими клювами достали. Хорошая птица гагара!

Стала она кружить над головами ребят да скоро и села на поленницу, чуть поодаль от домов.

— Устала, птица? — ласково спросил ее мальчик и стал поправлять ей перышки. — Ты совсем не в ту сторону летишь! — сказал он. — Наверное, дорогу потеряла?

— А это правда, что под моей землей люди тепло нашли? — спросила гагара.

Удивился мальчик, что гагара человеческим голосом говорит, но не испугался, ответил:

— Правду, правду говорят! Видишь, как люди все радуются!

Вздыхнула гагара и сказала:

— И кто только это тепло не любит? — и полетела. Долго летела. Мимо леса и мимо болот, мимо озер, вдоль рек и проток.

— Куда это ты летала, гагара? — спрашивали ее птицы.

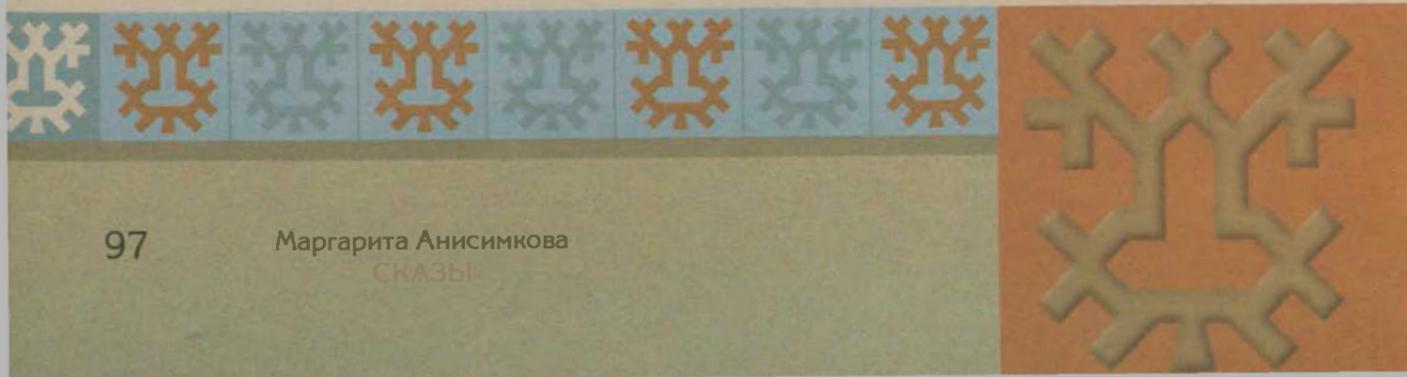
— Летала — земное тепло смотрела! — всем отвечала она.

— А видела земное тепло?

— Видела, видела! И железные сосны видела! На самой вершине такой сосны отдыхала. Пламя видела, как оно из земли вырывается и в ночи гаснет. Около него ходила, ягоды ела. И трубу, по которой земное тепло идет, тоже видела. Даже лапы на ней погрела!

И полетела гагара на свой гагарий остров радостную весть своим птенцам рассказывать.

Нер Ойка

К

ого ни спроси, где стоял чум Нер Ойки, каждый скажет: иди по берегу реки, как увидишь, что она к камню стрелой потекла, никуда не сворачивай, а где река сделает крутую изгибину, будто кто ту стрелу пополам сломал, тут и увидишь место, где стоял чум Нер Ойки.

Как говорят старики, ничего в нем особенного не было: чум как чум. Летом крытый берестой, зимой — оленьими шкурами. Только одна особина в нем была: день и ночь из этого чума дым шел — видно, в нем никогда огонь не гас. Интересно было всем узнать про дым в чуме Нер Ойки, да никто не осмеливался спросить про это его. Человек он был старый и одинокий, а значит, и обидчивый, хотя доброты великой.

Каждый охотник считал счастьем повстречаться с Нер Ойкой перед охотой или хотя бы его след в тайге увидеть.

А след его все сразу узнавали. Как только где пройдет старик, сразу тропку приметную оставит — или тут дорожка грибная пойдет, или ягодная боровинка останется, а если он болотом ходил, то там кочки выше поднимутся, если в кедровнике проходил — кедрачи все шишки со своих вершин сбросят.

— Хороший след у Нер Ойки! — говорили все.

А если зимой задурит непогода — все знают: давно из своего чума не выходил старик.

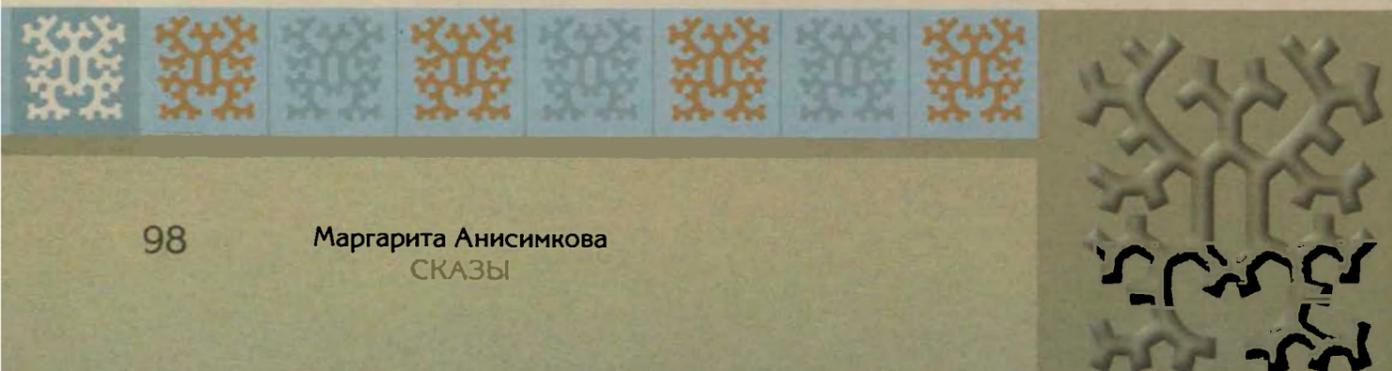
Так бы, может, и прожил он спокойно, да вдруг поодаль его чума какой-то шатун Манорага появился. Медведь не медведь, человек не человек: большой, косматый. Всех обходил стороной и его тоже. Берлогу себе смастерил из коряг да сухих пней. Как где пройдет — траву помнет, кусты притопчет, на болоте вода черными пятнами покроется.

— Плохой след у Манораги! — говорили все.

— Зачем это он в наши края пришел? — спрашивал всех охотник Топырко. — Зачем всегда след его в сторону чума Нер Ойки смотрит?

Никто ему ничего не говорил, только отец вечерами жевал табак и не ложился спать.

— Смотри, Топырко, — сказал он однажды сыну. — Ты чаще ходи к чуму Нер Ойки! Болит у меня по ночам сердце: не зря Манорага сюда пришел! А

если заметишь что неладное, сразу птиц кричи. Они всегда около чума Нер Ойки гнездятся, не улетают далеко.

Шли дни за днями. Манорага жил в тайге смиренно, гнезд не зорил, деревья не ломал. Когда пройдет мимо чума Нер Ойки, постоит в стороне, прорычит жалобно и опять к своему логову отправится.

А люди замечать стали, что Нер Ойка вдруг хмурым стал, лицо почернело, улыбка потерялась, да и ростом совсем маленький стал, будто весь в комочек свернулся. Бежит по земле, как клубочек катится, а след после себя еще краше оставлять стал.

И вдруг не стал старик выходить из чума. Ходит, ходит около его чума Топырко, а следа увидеть не может. Подошел поближе, видит: вокруг трава растет высокая, цветы тундровые облепили стены чума, все тропки белым мхом выстланы. Стоит Топырко в стороне, дивится: вокруг осень, а около чума Нер Ойки цветы цветут, а из чума все дым идет. Стоит он поодаль и слышит: кто-то кряхтит в стороне. «Манорага!» — подумал охотник, прижался к земле, за рукоятку ножа схватился. Видит: Манорага встал на задние ноги, вытянул косматую шею, смотрит на чум Нер Ойки и скулит жалобно, зубы скалит. Глаза огонь мечут.

— Как этот огонь погасить? — слышит Топырко слова Манораги. — При этом огне не взять мне богатства Нер Ойки.

И давай он от злости реветь, шерсть на себе рвать, а сам все мечется, все хочет к чуму пробежать, да только поставит лапы свои косматые на мшистые тропки, а из-под них искры огненные выскакивают. Отскочит в сторону Манорага, затрясет лапами и начнет мох драть да в сторону чума бросать. Дурил так целую ночь.

Как только стало всходить солнце, устал Манорага, упал под дерево, полежал и, пошатываясь, пошел к своей берлоге.

Тут Топырко вскочил, и ноги сами понесли его к чуму старика. Разостлался под ногами мох, пригнулась трава.

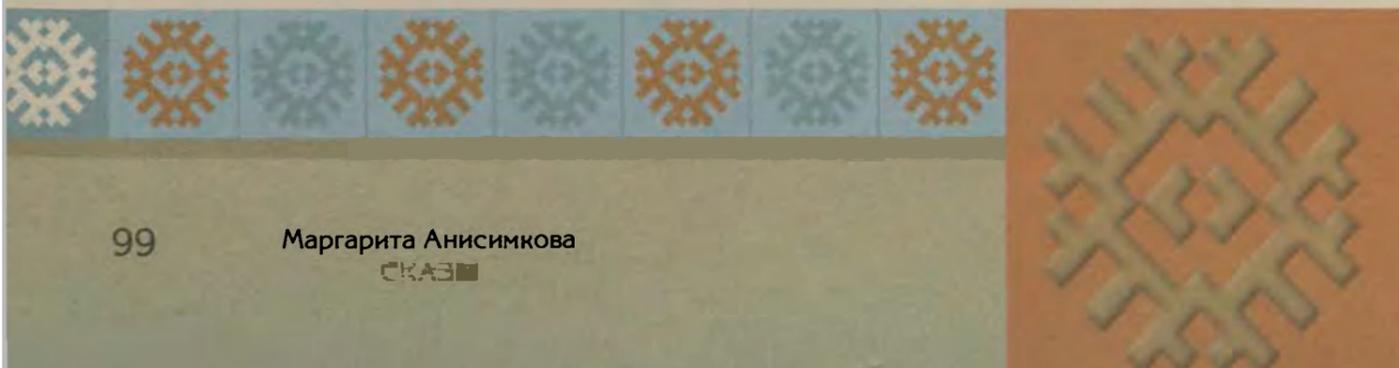
Приоткрыл Топырко шкуру чума и видит: бьет из земли пламя, лижет языками стены горы, в земле спрятанной, и блестят эти камни, от огня светятся, переливаются, а Нер Ойка сидит у огня и в руках камень держит. А камень тот будто изо льда сделан.

— Проходи, проходи, Топырко! — говорит Нер Ойка, не оборачиваясь. — Давно тебя жду. Посиди со мной, посмотри камни мои, которые я всю жизнь любил собирать, а теперь пришло время их людям отдать.

Стоит Топырко, глаз от камней отвести не может.

— И это земное тепло тоже людям отдать надо! — говорит старик. — Час пришел такой! — Сказал и будто забыл про слова свои. Вскочил проворно и стал угощать охотника запаренным чаем и всякими кореньями таежными.

— Ешь, ешь, Топырко! — говорил Нер Ойка. — От этих кореньев годы убавляются. Сколько кореньев съешь, на столько лет и помолодеешь. А мне они уже теперь впрок не идут. Шибко много я на земле прожил. Вот приходи завтра, и я научу тебя, что делать, куда и кому все эти богатства отдать. Сегодня бы сказал, да устал шибко, сил нет. Мано-

рага всю ночь около чума ходил, спать не давал. Ты смотри за ним, Топырко, неспроста он сюда пришел! Лесной зверь не будет просто так мастерить берлогу рядом с жильем человека. — И Нер Ойка прилег на белую мягкую оленью шкуру около огня и уснул.

Вышел Топырко из чума совсем молодой и счастливый от мысли, что Нер Ойка собрался свое тепло и все камни людям отдать. Идет, торопится. И вдруг у реки опять услышал храп Манораги.

«А что, если он пошел тепло взять у Нер Ойки?» — подумал Топырко и встал во весь рост перед Манорагой. Видно, коренья старика придали ему силы и храбрости.

— Убирайся отсюда! — закричал охотник. — Зачем пришел в наши края? Зачем не даешь спать старому Нер Ойке?

Взревел Манорага, вскочил на задние лапы, наострил когти, да, увидев, как Топырко вытащил охотничий нож, побежал прочь.

В это время снег повалил. Залетали в небе снежинки белыми оводами, стали падать на стылую землю и прилипли к ней насовсем.

Рад Топырко, что не испугался зверя страшного, идет, песни поет. Видит, по реке шуга пошла, на снегу звери свои следы оставляют. И не заметил он, как к чуму Нер Ойки обратно пришел. Смотрит, а на снегу совсем незнакомый след. Остановился Топырко, обошел его вокруг, видит — птица ходила. Только незнакомая птица, не зимняя — след на снегу лапастый, может быть, гуся, может быть, утки. «Как это так, — думает он, — эти птицы давно улетели. Как тут может их след оказаться?»

Пошел по следу, а он прямо к чуму Нер Ойки идет. Взволновался Топырко, наострил стрелу, натянул лук. «Все равно, — думает, — изловлю птицу непутевую!»

Видит — Манорага крадучись по земле ползет да вдруг как вскочит, как подбежит к столетнему кедр, как ударится головой о его могучий ствол — шум да треск раздался по тайге. Труха, кора да иголки посыпались с дерева, и гром раздался!

Отскочил в сторону Топырко и видит: вместо Манораги гусь стоит огромный, лапы красные, на голове вместо перьев шерсть торчит. Встал гусь на тропу и прямо к чуму Нер Ойки побежал. Тут не оплошал охотник, побежал за гусем и закричал что было силы:

— Нер Ойка! Нер Ойка! Гаси огонь! Гаси огонь!

А гусь подбежал к чуму, присел около него, раскинул в стороны лапы, а из них огромные когти выставились. Как схватят они чум Нер Ойки! Затрещала земля, пошатнулась. Закачались деревья, река из берегов воду вылила. Отскочил Топырко в сторону, а громадная птица подняла все богатства Нер Ойки в воздух и полетела.

— Топырко, Топырко! — слышит охотник голос Нер Ойки.

Стоит он на земле маленький, еле приметный, среди камней разбросанных.

— Зови скорее Мороз! Зови скорее Мороз! — кричит Нер Ойка. — Или совсем обеднеет наша земля!

А сам в камушек вдруг превратился. Только и помнит Топырко его последние слова: «Торопись, сынок! Торопись! А то Манорага утащит все богатства в чужие края!»

Сколько бежал Топырко к Морозу — не помнит, а быть может, Мороз сам слова Нер Ойки услышал. Только стал он догонять улетающую птицу да морозить в небе гуся!

Завертелся, закружился в воздухе гусь. Стали крылья его леденеть, клюв краснеть, закричал он голосами разными.

— Морозь его, морозь его! — кричит Топырко и бежит за гусем, под ноги себе не смотрит, о коряги и пни запинается.

Крепко держит гусь в когтистых лапах чум Нер Ойки с теплом и камнями разными. Рассердился Мороз, закричал. От холода на деревьях ветки ломаться стали, куропатки в снег прятаться, шуга на реке встала.

Заготтал гусь Манорага громовым голосом и давай в небе переворачиваться, а на землю спускаться не хочет.

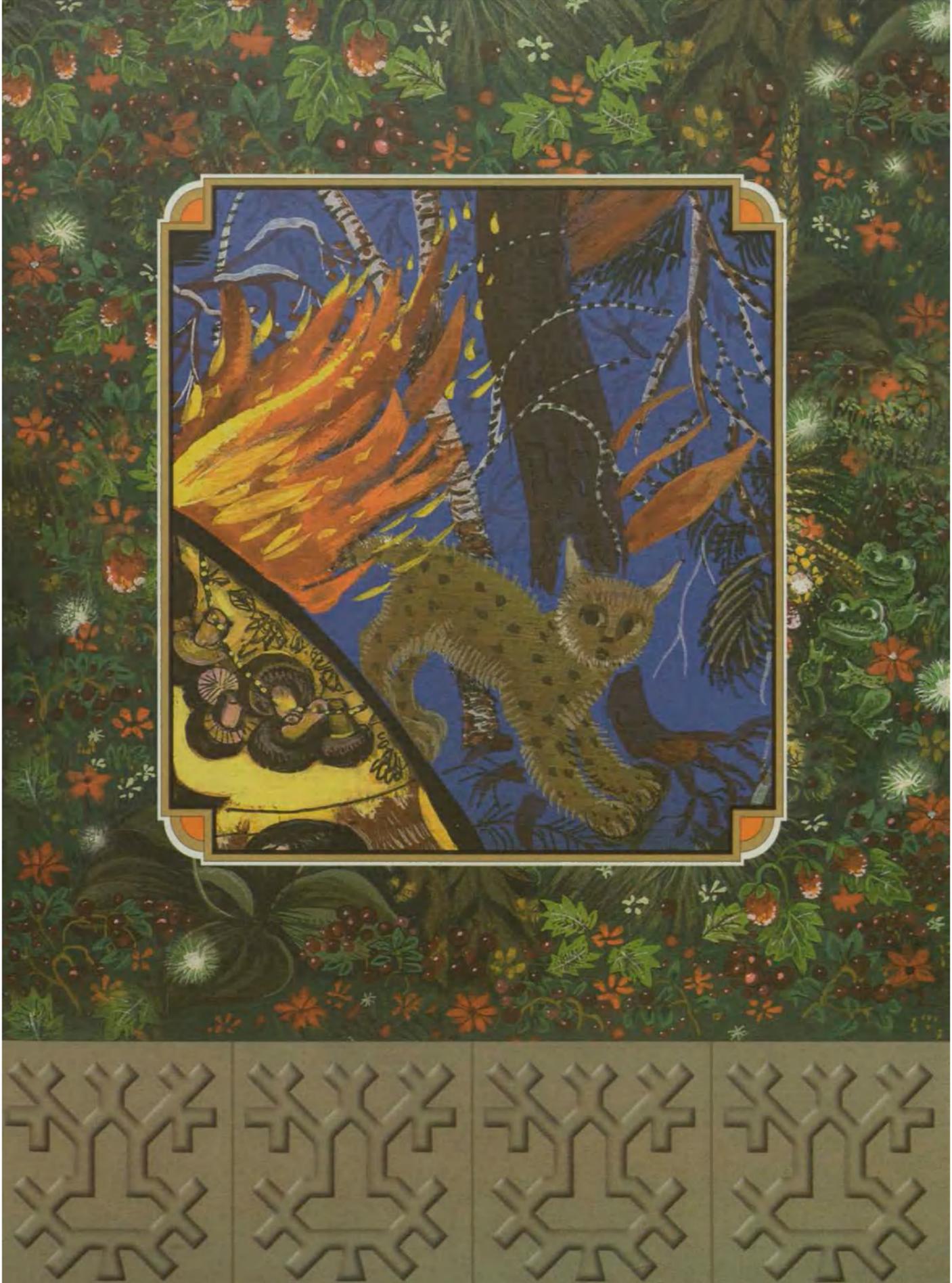
Видит Топырко — полетел на землю один отморозенный коготь, а вместе с ним и камни посыпались. Запоминает охотник место, сам лук натягивает!

А мороз крепчает, пуше прежнего морозит все! И полетели на землю отморозенные перья. Тянет тяжелый чум Нер Ойки гуся Манорагу к земле. Натянул тут Топырко свой лук и выстрелил. Посыпались на Топыркину землю камни разные, а Манорага грохнулся и почернел весь да все глубже в землю уходить стал, а сам обмороженной лапой машет, все чум Нер Ойки схватить хочет.

Так до сих пор и торчит из земли его каменная лепа, бороздит низкие облака, а поодаль красуется гора Нер Ойки. Часто солнечные лучи заливают ее своим светом, и сияет она радугой!

Говорят, в этих местах богатства лежат несметные. Искать только их надо. Старик Нер Ойка недаром жил на земле.

Пяташное озеро

У

жадного человека брюхо сыто, а глаза голодные. Так и у шамановой жены Мейты: даров охотники ей приносили, рыбы возили, дичи и боровой и озерной стреляли, а она все ворчала, все исподлобья смотрела. Ее, сказывают, и сам шаман боялся.

Да вдруг не стало шамановой жены. Потерялась. Прибежал к юрте один олень из ее упряжки, а остальных не дождалось.

Поискал шаман жену, искал, да скоро и забыл: спокойнее без нее стало.

А с ней беда приключилась.

Вечером запрягла она самых сильных оленей и поехала дары собирать. Ездил из юрты в юрту всю ночь, а к утру повернула упряжку в сторону своего жилья. Только не хотелось ей ехать по старому следу, и надумала она пересечь озеро напрямик. Олени, закинув головы, неслись во весь мах. Но вдруг раздался грохот, лед треснул, и не успела Мейта опомниться, как перед ней показалась огромная полынья, и упряжка, кроме вожака, вместе с нартой ухнула под лед.

Мейта оказалась в воде. Она почувствовала, что ноги ее не касаются дна, что-то движется под ними и несет ее дальше от полыньи. Над головой — толстый слой льда, и множество рыб плывет за нею.

Вдруг все остановилось, живая опора под ногами потерялась — и Мейта повалилась вниз. От страха она зажмурила глаза, а когда осмелилась открыть их, увидела такое множество рыб, что через живую стену не видно было воды и льда. «Какое богатое озеро! Мне бы все это!» — подумала Мейта.

— Не горюй, будет у тебя рыба, — услышала она.

Обернулась, а перед ней, разевая огромную пасть, еле поворачивалась незнакомая, невиданная в этих местах рыба. Ее чешую покрывал мох, огромные плавники чуть шевелились, от каждого движения дрожала вода. На голове — из озерных ракушек корона.

Увидев ее, рыбы прижали плавники, замерли. Она посмотрела вокруг выпуклыми глазами, плеснула хвостом — и не стало вокруг рыб. Только один маленький карасик с перепугу не успел уплыть, заплутался в водорослях и притих.

— Долго я ждала тебя, — широко разевая рот, говорила огромная рыба. — Долго, ох как долго. Мхом вся обросла, а ты все не шла, ай-ай!

— Что ты хочешь, старая рыба, со мной сделать? — чуть слышно спросила Мейта.

— Мейта злая и жадная была, Мейта много добра хотела, вот и бери всю рыбу.

— Не надо мне рыбы! — сквозь слезы проговорила испуганная шаманша.

— Поздно теперь! Жить будешь до тех пор, пока шаман не бросит тебе в озеро свой дар. А бросить он должен медный кружок — пятак называется. Если найдешь пятак в озере, быть тебе счастливой. Живи смиренно и тихо, — наказывала старая рыбина. — Полюбят тебя рыбы — помогут медный кружок найти.

Не успела Мейта опомниться, как рыба набросила ей на голову корону, и шаманша тут же превратилась в полосатую большую щуку, а говорящей рыбы не стало. И жадная Мейта-щука поплыла по озеру. Вся мелкая рыбешка торопилась ей навстречу. Но Мейта-щука схватила первую рыбку, проглотила ее и поплыла дальше.

Худая слава наперед летит, и чем дальше плыла Мейта-щука, тем меньше около нее было рыбы — все стали прятаться кто куда.

Рассердилась Мейта, стала хватать всех подряд: и большую рыбину, и малую, и карася, и окуня, и чебака даже.

— Какая прожорливая щука! — шептали рыбы, а больше других возмущался маленький карась.

А щука каждый день, наевшись досыта, нагонявшись за рыбами, била всех хвостом и плавниками.

Не стало покоя в озере. Собирались рыбы косяками и жаловались на свою судьбу.

«Как избавиться от жадной Мейты?» — думали все.

И как-то поутру, когда солнце проело лед у берегов, собрались около полой воды рыбы, и карась рассказал всем, как подслушал разговор старой рыбины с жадной Мейтой.

Обрадовались рыбы. И целыми днями не отплывали от берега. Ждали.

По всегдашнему лесному обычаю каждую весну собираются манси к озерам и одаривают их, одаривают реки, одаривают леса и поляны — за рыбу в воде, за зверя в лесу, за ягоды и мхи. И вот все рыбы в озере стали ждать заветный кружок, но его не было. И так шел год за годом.

Стало озеро беднеть. Смотрит щука, как мужики пустые мережи вытаскивают, и радуется. Недаром говорят: худая погода пройдет, а злоба жадного человека никогда.

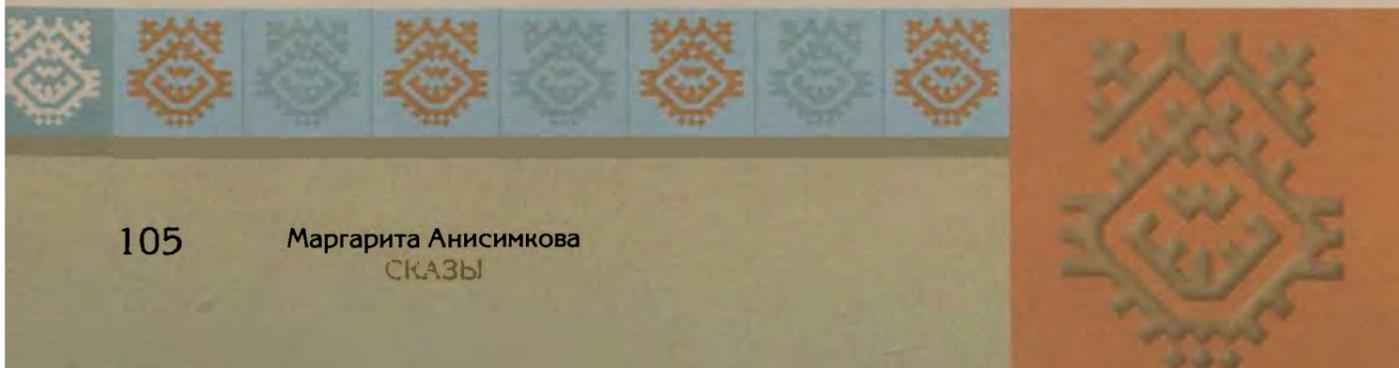
А скоро и совсем опустело озеро. Остались только караси, которые в илистое дно прятаться могли от щуки. Голодно и скучно Мейте-щуке стало.

Вспомнила она тогда про наказ старой рыбины и стала звать к себе всех рыб. Да кого позовешь? Карасей одних? Они ее не очень-то и боятся. Спрятавшись в иле, на глаза ей не попадают, червячков поедают.

А время шло.

Стала Мейта-щука мхом обрастать, неповоротливой сделалась — видно, старость пришла. И стала тогда щука карасей просить:

— Никого трогать не буду, даже плавником не задену.

Стоят перед ней притихшие караси, дрожат от страха. Тогда маленький карасик выскочил вперед и запищал отчаянно:

— Зачем теперь отдавать пятак? Не надо жадной щуке давать его. Пусть век живет в бедном озере. Сама озеро бедным сделала.

А сам скорее — шмыг за большой щучий хвост.

Совсем обеднело озеро.

— Кто разгневал озеро? Куда девалась рыба? — удивлялись люди.

Делать нечего. Пришли они к шаману просить, чтобы он одарил озеро. Большие куски мяса, сала, ягод и грибов принесли ему люди, а маленький карасик целый день от берега не отплывает, смотрит, как бы не прокараулить дар шамана.

И вдруг поздно вечером, когда тишина стояла над озером, увидел карась, как, переворачиваясь, летит ко дну круглый пятак. Кинулся он, проглотил блестящий кружочек и снова зарылся в ил.

Нашелся кто-то в озере и сказал щуке о добыче карася. Рассердилась щука, крупные чешуйки посыпались с ее большого полосатого тела.

— Найти его! Найти его! — кричала она.

А маленький карась зарылся еще глубже в ил и лежит.

Долго искали его, да так и не нашли.

Сказывают, что маленький карась и теперь живет в озере, и никакой рыбы, кроме карасей, в нем нет. Караси маленькие, кругленькие, и озеро с тех пор зовут кто Круглое, а кто Пяташное.

А кто, говорят, поймает этого карася, тот вернет озеру былую славу богатого озера. Еще, сказывают, видят иногда в озере щуку огромную, поросшую мхом, только при виде ее уплывают рыбацкие лодки подальше. Так, видно, и осталась в озере злая Мейта-щука.

Верно ли это все, не знаю, только так люди говорят, а зря говорить не станут.

Гнев тайги

В давние времена в нашем крае столько водилось всякой птицы, что шум да свист стоял от ее крыльев. Все озера и болота были заняты утками, гусями да лебедями, а в лесах — тучи боровой птицы. И зверя всякого было полным-полно. Люди тоже жили привольно. Да только люди, когда живут в достатке, не замечают, что все, что дано им природой, беречь надо.

— Ай-яй, что делаете? Зачем птицу зря губите? — говорил старый Тасман парням, которые для потехи стреляли серых уток.

Подраненная утка, чуть взлетев, падала на озерную зыбь. Осиротевшие утята, громко крича, прятались в зарослях камыша и осоки, а озорник шел дальше.

Грустными глазами смотрел старый Тасман на оставленную птицу.

— Зачем бьет, если не надо? — сокрушенно качал он головой. Он шел по тайге и видел вокруг и заботливых белок, и хлопотливых глухарей, и торопливых оленей.

«Богата тайга! Шибко богата!» — рассуждал Тасман. И вдруг старик остановился. В ложбине, придавив большой куст, лежал подраненный лось. Он силился подняться на длинные ноги, но снова падал, от боли закинув на спину тяжелую голову с большими рогами. Тихо подошел к нему Тасман. Лось не испугался, не вздрогнул.

— Добрый человек! — промолвил зверь. — Помоги мне встать на ноги, и тогда они понесут меня как ветер!

Наскоро Тасман нарубил жердей и стал поднимать тяжелого лося. Пот стекал с лица, от усталости дрожали руки и ноги. Уже на закате солнышка помог Тасман встать лосю. Зверь лизнул руки Тасмана, сказал:

— Если трудно будет тебе, старик, ищи меня. Помогу! — и скрылся за лесом.

...Шло время, но озорники не слушали старика Тасмана и били зверя не жалеючи. Затосковал Тасман и не стал выходить из юрты, чтобы не встречаться с ними.

А однажды проснулись люди, вокруг ни ветерка, ни свиста, ни взлета птиц, ни шороха зверей. Люди вышли из юрт. Светило солнышко, но тайга стояла безмолвная. Они стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать.

Многие, взяв луки, пошли в лес, поплыли по реке, но вечером возвратились ни с чем. И снова все молчали. Озера и болота вымерли: не стало в них уток. В лесах потерялся зверь.

— Страшно ходить по тайге! Страшно! — говорили охотники, возвратившись с охоты.

Стал людей одолевать голод. Большая беда пришла в тайгу, и тут все вспомнили про старого Тасмана.

— Это великий гнев тайги! — сказал Тасман. — Тайга рассердилась, тайга свой гнев послала.

— Добрый Тасман, научи нас, что делать? — стали просить старика люди.

Вышел Тасман из юрты, и сразу на сосну сел глухарь. Обрадовались люди, за луки схватились, а глухарь улетел. Долго искали его, да не нашли. И поняли все, что Тасман не виноват перед тайгой, что его послать к Гневу тайги надо — только к Тасману давно старость пришла.

А тайга стояла хмурая, молчаливая. Долго думал старик, как помочь людям. Вспомнил слова лося. Надел малицу Тасман и направился в тайгу. Только зашел он за первое дерево, как навстречу ему лось.

— Не меня ли ты ищешь, старый Тасман? — спросил зверь. — Проси, что тебе надо, только быстрее, я помогу тебе!

— Вижу я, что торопишься ты!

— Говори!

— Помоги, добрый зверь, нашим людям! — промолвил старик. — Страшный голод пришел в наш край.

Лось молчал. Потом говорит:

— Это Гнев тайги. Он наказал всех, кто не берег добро ее.

— Горе! Горе! — вздыхал старик.

— Всех зверей и птиц спрятал Гнев от человека, — продолжал лось.

— А как же тогда ты, лось, на свободе? — спросил Тасман.

— Гнев отпустил меня на три дня и три ночи найти ослушницу сову. Но я обещал тебе, старик, помочь. Садись на меня, и я понесу тебя, куда скажешь!

— Вези, добрый лось, к Гневу тайги! Хочу его видеть.

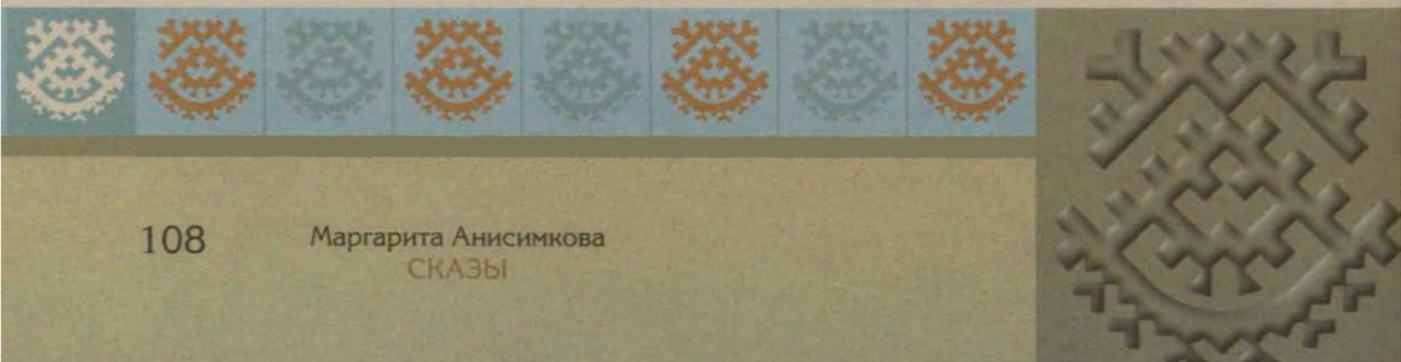
— Да знаешь ли ты, старик, как далеко живет Гнев? Никто еще не бывал у него и не видел его.

— Вези, — сказал Тасман, и лось побежал.

Он бежал, словно летел, обгоняя ветер, оставляя позади леса и болота, горы и реки. Наконец остановился. Кругом стояли старые, хмурые кедры. Было темно вокруг: ни звука, ни шороха, ни света.

— Здесь живет Гнев тайги, — показал лось на лесную тропинку. — Иди, иди, но если не будет тебя до первого луча, — меня не ищи.

Тасман низко поклонился на все стороны и пошел в царство вечной тьмы. Чем дальше шел Тасман, тем лес становился гуще, и скоро темная стена деревьев встала перед

ним. Долго старик приглядывался. Вдруг промелькнул солнышка луч и вспыхнул огоньком рябиновый куст. Перелетела с ветки на ветку птичка серенькая с белой грудкой, клюнула ягодку одну, другую, звонко щелкнула клювом, повернула головку с бойкими глазками к Тасману да проговорила голосом человеческим:

— Зачем ты пришел в мое царство?

Тасман ласково спросил:

— Кто ты есть, добрая птичка?

Птичка молчала.

— Я пришел к Гневу тайги спросить: зачем он упрятал все живое от людей? Зачем он так сердит на людей?

— Искать долго не надо, — сказала птичка, — я Гнев тайги.

— Ты? Такая-то крохотная птичка — Гнев тайги?

— Я и доброта, и гнев, — прощелкала белогрудка. — Когда люди разоряют лесное царство — уходит доброта, прячется, остаются гнев и голод. Когда люди добры — плачу я им щедро: грибами, ягодами, шишками, лесными зверями и птицами. В такую пору сама дружу с человеком, сажусь на плечо к нему.

Вздыхнул Тасман и сказал:

— Не права ты, птичка-белогрудка. Не все виноваты в тайге, а ты наказала всех.

Притихла птица. Услышал Тасман, как забила она крылышками, забегала бойко по рябиновым веткам.

— А кто в тайге не грешен? Все! Все разоряют тайгу!

— Нет, не все! — спорил Тасман.

— Нет, все! — сказала птичка. — Вчера на вечерней зорьке мальчонка маленький с щеками румяными, как брусничный сок, выстрелил из лука и попал мне в крылышко. — Замолчал Тасман. — Ладно! — проговорила птичка. — Сейчас мы посмотрим, грешен ли ты. Попробуй-ка из пчелиного роя взять пригоршню меду. Если возьмешь — твоя правда, помогу тебе. Если нет, разговаривать с тобой не о чем.

Притих Тасман.

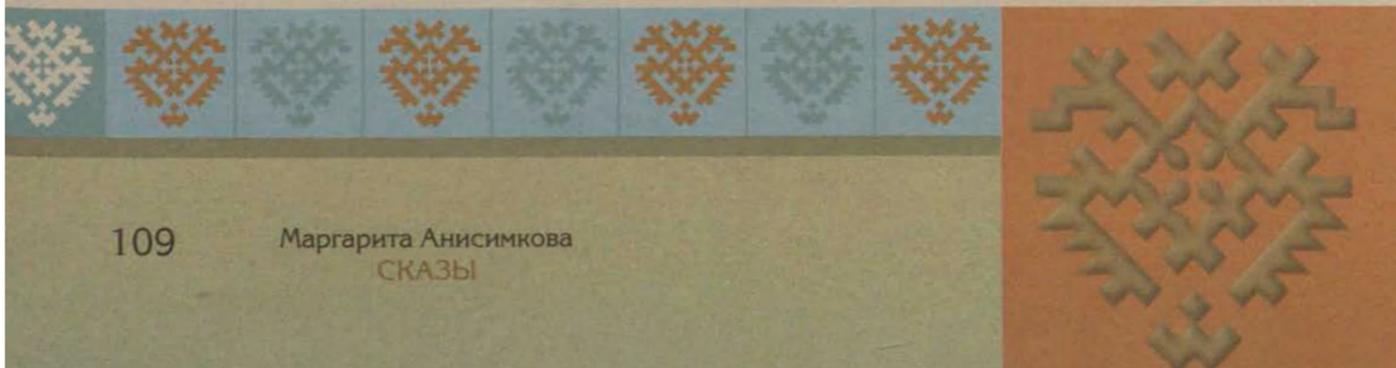
Вдруг снова промелькнул лучик солнышка, и перед Тасманом появилось старое дуплистое дерево. Вокруг него роились пчелы. С опаской подходил к дуплу Тасман.

А пчелиная матка облетела вокруг него, прожужжала над самым ухом и села на соты. Дотронулся Тасман до ноздристых восковых домиков. Притихли пчелы, заползали, зашекотали руки старика. Достал Тасман пригоршню меду чистого, только хотел обернуться, как слышит голос сзади.

— Твоя правда, старик. Виновата перед тобой я, — прошептала белогрудая птичка. — Но озорники принесли много горя. А тебе скажу: если ты мою просьбу исполнишь, верну людям богатство тайги. А найти тебе надо сову-ослушницу и привести сюда.

Нечего делать, заторопился Тасман на тропинку, по которой пришел. Лось ждал его. Когда Тасман спросил о сове, лось сказал:

— Далек это! Шибко далеко. Искать ее надо у гор, где солнце совсем не заходит теперь и светит все время.

И снова быстрее ветра понес лось старого Тасмана по угрюмой тайге. Унес лось Тасмана далеко. И увидел Тасман, как, поклевывая ягодку, у подножия горы ходит птица.

— Это она, — прошептал лось.

А сова взлетела на выступ скалы и завертела головой из стороны в сторону, громко постукивая крепким клювом. Не пришлось старику долго раздумывать.

Сплел он петли из трав и припрятал их под каждым кустом. Ждет. Прошел день, другой, а сова сядет поодаль, клювом пощелкает, словно смеется над стариком. Вдруг от громкого крика вздрогнул Тасман, спохватился, побежал на шум и видит: лось наступил сове копытом на крыло и держит. Орала сова во все горло, била свободным крылом, клевала ногу лося, но он дождался Тасмана. Взял мешок старик, набросил его на сову, завязал накрепко и пустился в обратный путь.

Был на исходе третий день, когда лось привез Тасмана в царство Гнева тайги.

— Поймал ослушницу! Спасибо, старик! — прошепала белогрудка.

Оказавшись в темноте, сова поползла по земле, распустив крылья.

— Не видать тебе больше солнца! Не будешь летать днем, обижать птиц и зверей маленьких. Ночью на охоту вылетать станешь.

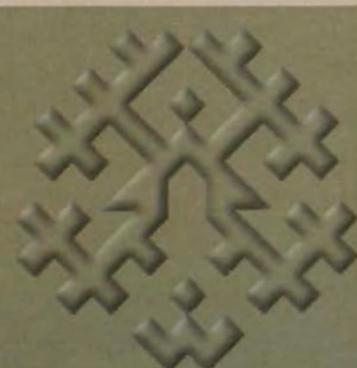
А Тасману сказала:

— Иди домой, старик!

Долго еще стоял Тасман, но ничего больше не сказала ему птичка.

Лось послужил старику и тут. Повез Тасмана в родной пауль. А над ними с шумом пролетела стая уток к озеру.

Много лет прошло с тех пор, но ослушница сова и сейчас боится солнца и охотится только ночью, а люди помнят о Гневе тайги и берегут лесные богатства.

Дочери Отортена

Т

олько ветер знает да Чистоп-камень помнит, может, гусям-лебедям матери рассказывали про то время, когда в этих местах молодой охотник Отортен жил.

Первым солнце встречал Отортен, первым ветер ласкал Отортен, первым слышал он громкий плач улетающих птиц.

Как забьют в бубен, позовут на бой, всех туже лук у Отортена, всех острей стрела Отортена. «Ай-я-я! Какой храбрый манси Отортен!» — говорили все.

За рога удержит сохатого, из берлоги достанет медведицу, переставит валун с места на место. «Ой-ой-ой! Какой сильный манси Отортен!» — говорили все.

Если лодки нет — по волнам пробежит через речку любую или озеро... «Ее-е-е! Ну и ловкий манси Отортен!» — говорили все.

По следам запорошенным он обгонит зверя, изловит его. Даже птица с высот не приметит Отортена! «Ай-я! Хитрый какой Отортен!» — говорили все.

Одиноко в тайге жил Отортен. Мать, отца схоронил, братьев лед уташил, а невеста по сердцу не встретила.

Шел как-то Отортен берегом говорливой речки Тосемья да вдруг слышит сзади завывание сердитое. Оглянулся, видит: ветер летит, ветки деревьев к земле гнет, траву с корнем рвет.

— Что ты делаешь, ветер Сиверко? — взмолилась река Тосемья. Облила ветру бороду косматую. Долго тряс ее ветер, моросил дождем, а сам кричал сколько было сил:

— Неспроста кружу! Неспроста иду-у! Океан послал жениха найти своей дочери. Чтобы храбрый был, чтобы сильный был, чтобы ловкий был, чтобы хитрый был.

Приумолкла река Тосемья, призадумалась, волны спрятала, стала тихой. А ветер кружит, дрожит, как олень на привязи, ждет, что скажет река говорливая. Вдруг всплеснула одна и другая волна. Замутилась река. Ветер тут как тут.

— Отортен — жених! Лучше не найти, — прошептала река. И давай хле-

стать волны в разные стороны.

— Что ты делаешь? Неразумная! — проревел Сиверко.

А река ревет, волны пенятся, к берегам летят.

— Подожди! Расскажи! Успокойся! Не расслышал я.

А в ответ, будто человек, простонала река Тосемья да в камнях и спряталась.

Слышал все это Отортен и с тоской смотрел на сухие каменистые берега. Как травы между собой разговаривали, слышал, видел, как утки в страхе крякали, с гнезд поднимали птенцов слабокрылых да к озерам скорей летели.

Чаще стал ходить к сухим берегам Отортен. И увидел раз, как облака с землей встретились. Закачались деревья, стали землю вершинами бить, а по сухой реке Тосемье ручеек прозвенел.

Обрадовался Отортен, что река снова в берега входит. Только перед ним вдруг появилась девушка-красавица. Солнце дало ей руки свои, травы дали нежность и стройность, а озера подарили глаза голубые, бездонные.

— Прячься, Отортен! За тобой летит ветер Сиверко! — громко крикнула девушка и потерялась, а за ней пробежал ручеек.

— Это ты пришла, Тосемья-река? — крикнул радостно Отортен. — Где ты? Покажись еще! Пойдем в чум ко мне!

А буран поднялся невиданный. Это хитрый ветер Сиверко услышал имя охотника и задурил, закричал:

— Отортен! Отортен! Отортен!

— Ты иди скорей ко мне! Прячься под берег! Я укрою, засыплю камнями тебя! — слышит Отортен слабый голос девичий.

— Отортен! Отортен! — слышно ветра крик. А косматые тучи закрыли все, закружили все.

— Не отдам тебя в чужую страну! Оставайся со мной. Отортен, храбрый сын народа, сильный сын тайги, ловкий сын лесов! — крикнула каменная Тосемья-девушка.

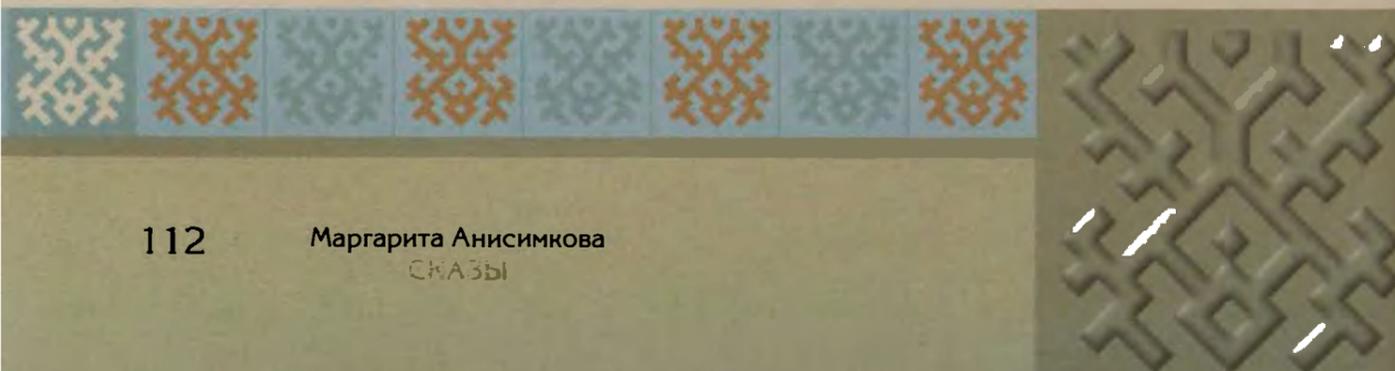
И рассеялось, потерялось облако темное. На том месте меж гор, где стоял Отортен, очутился вдруг большой камень. А Тосемья-река обежала журча его, обласкала водой. И стоит с тех пор камень Отортен. Давным-давно снег не тает, лежит на вершине его.

Чтоб не грустил Отортен, не печалился каждую весну, ему Тосемья-река по ручейку говорливому дарила. Пошумят ручейки и убегут в болота, у подножия Отортена спрячутся. Любовался ими Отортен. Год от года ручейки ширились. В реки полные собираться стали. Отортен стал звать их по имени. Постарше дочь Печорой назвал, помоложе которая — Вишерой.

Раз в весенний день солнечный замолчала, задумалась Печора-дочь. Долго ждал сказок ее Отортен, прислушивался. Горсть снега с вершины сбросил, а Печора молчит. Видит Отортен — почернела Печора, нахмурилась дочь Вишера.

— Ты пусти нас, отец, в сторону! — прокричала Отортену Печора-дочь.

Посуровел Отортен. Сбросил камень один, а за ним другой, много камней, заковал доче-

рей в берега. Замолчал. Год молчит, два молчит. Крепко держит дочерей в утесах каменных.

Утки с криком летели, гуси крыльями свистели, над вершиной Отортена разговор вели:

— Дорога длинная, нелегкая. Нет озер! Нет лесов. Пусто-мертво все без воды.

И садились птицы на речную гладь, и купались в Печоре и Вишере. На утесах крутых перья чистили, в низинах речных гнезда вили, птенцов выводили. А Отортен все молчал. Все думушку думал.

Как-то в теплый день Отортен послал звонкий чистый ручей к дочерям своим. Испугались они, приутихли, слушают.

— Я раздвину плечи свои, — разнесся голос Отортена, — открою ходы-выходы, на простор пушу. Пусть в водах ваших рыба водится, пусть по глади вашей птицы плавают, по берегам пусть леса растут.

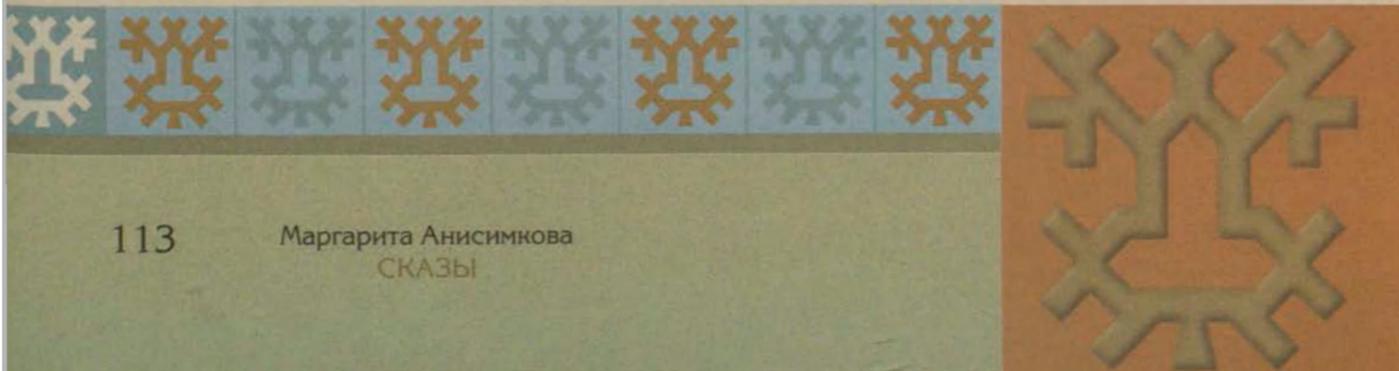
И умолк.

Заметались реки, закачали волны и запели песню камню Отортену.

Долго сил Отортен набирался, тихо поворачивался, раздвигая свои плечи каменные с той стороны, где солнце падает, и отпустил дочерей по широким лугам воды нести.

Он им каждый год свои думы шлет, талым снегом отцовским потчует. С побелевшей головы светлые ручейки гонит. Да не знают про то сестры, что отец Отортен на другой стороне, что ближе к солнышку, отпустил дочерей самых меньших своих: Лозьву с Сосьвою — так их люди зовут. Наградил их водой прозрачной. Каждый камушек в них птицы видят с небес. Облака в этих реках купаются, прихорашиваются, а в награду дал им Отортен рыбку малую позолоченную. Все селедкой ее зовут сосьвинской. Не увидеть такой, не сыскать нигде!

Стоит Отортен, снежная шапка на нем и савик расшит мхом да лишайником. Низко кланяется ему ветер Сиверко, и подножия ласкают дочери, да течет у подножия малый ручеек Тосемьи-реки. Тот, кто был в тех краях да у камня Отортена стоял, тот и сам, наверно, сказками его заслушивался.

Сонный ручей

М

ного веков стояли под горой хмурые молчаливые пихты. По стволам и ветвям распустили они свои старые мшистые бороды. Тоскливо и сыро было в их царстве: ни пения птиц, ни луча солнца. Только сильный порыв ветра, прилетавший с гор, будил их, слегка покачивал ветки. Они начинали скрипеть, кряхтеть и как будто просыпаться от вечного сна. И вдруг с гор с шумом и грохотом побежал ручей. Брызги его блестели на солнце, прыгали с камня на камень и катились к подножию в царство молчаливых пихт. У ложка, среди бурелома, успокоился ручей, остановился и призадумался. В него, как в зеркало, посмотрелись старые пихты. Никогда еще ручей не видел таких деревьев, и, как показалось ему, пихты замахали от радости ветвями.

Скоро скрылось солнце, деревья так прижались друг к другу, что не видно стало солнца. Подремал, подремал ручей — надоела ему такая тишина, и стал он искать себе выхода. Уж очень скучно стало ему среди хмурых деревьев. И куда бы он ни пускал своих гонцов, так никто к нему и не возвращался. Тогда собрался он сам, вспомнил прежнюю прыгь, булькнул, фыркнул, разбрызгал по берегам водяные капельки и покатил свои воды.

Всюду стояли могучие деревья. Он огибал их, пробивал, но снова вытекал в хмурое, темное царство. Долго искал себе дорогу ручей, но устал, силу всю потерял и заснул. Осенью старые пихтачи засыпали его своими иголками, и он на радостях спокойно покачивал их.

Вдруг сильный топот нарушил сонное царство. Человек бежал по берегу всеми забытого ручья. Он ударялся о стволы громадных деревьев, падал, вставал и снова падал...

Ручей сбросил с себя дремоту, отогнал от берегов прошлогодние иголки и зажурчал. Человек лежал возле самого берега, и не было сил у него подняться. Но вот он встал на колени и, захлебываясь, стал пить из ручья воду. Только успел отпить несколько глотков, как тут же уснул. Спал человек долго. Ручей слал ему свою прохладу. Проснувшись, поправил свои доспехи и снова хотел напиться из ручья. Только глотнул, стал зевать и снова засыпать.

«Нет! Ты хитрый, ручей! Коконя больше не будет пить твоей воды! Коконя не будет спать! Ему надо торопиться. Коконю Варвара ждет! Коконя долго был на войне!» — Быстро встал и пошел, но вернулся.

— Ты, наверное, и есть тот ручей, про который мне дедушка рассказывал? — спросил Коконя, но ручей только брызнул ему на доспехи пахучей водой. Оглянулся Коконя, и вправду: кругом дремота, тишина. Страшно стало ему. Солнце увидеть охота, пение птиц услышать. Но думает: «Воды бы прихватить из ручья надо. Его не сразу найдешь. Чуман бы сделать, да березы вокруг нет». Снял с ног нярки Коконя, набрал воды из ручья и скорее побежал из темного царства. Долго шел Коконя по тайге: по темному бору, по топким болотам, увалистым сопкам и пришел наконец к подножию горы, где его Варвара жила. Тихо вокруг. Не лают собаки, не слышно стука топора, не слышно песен, которые так хорошо пела Варвара. Заболело у Кокони сердце. Вспомнил он, как дрались они с чужими племенами, что пришли их родные места отнимать, уводить к себе жен и невест, стариков и детей. Долго дрались родовичи и братья Кокони. Стрелы, как снег, летели во врага. Долго гнали непрошенных степняков, только в родные места вернулись не все. Коконя вернулся. Он обошел много юрт, но нигде никого не встретил. Нет отца, нет братьев, нет сестер.

Вот и тропка к юрте Варвары, уж морошка спелая на ней. А ее нет. Юрта открыта настежь, какой-то зверек смастерил себе гнездо в углу. А вокруг юрты цветут одни незабудки голубые — ступить некуда. Сорвал Коконя несколько цветков, а они смотрят на него, будто глаза.

— Не цветы мы, а слезы Варварины. Сколько цветов вокруг, столько слез о тебе пролила Варвара, — говорит в руках Кокони незабудка. А сама смотрит на него глазами Варвары, добрыми да ласковыми.

— Где искать Варвару? — спрашивает Коконя.

— Не знаю! — покачала своей красивой головкой незабудка. — Увез ее парень на белом олене в сторону океана, так говорил ветер.

Коконя не стал разжигать костра и пошел в сторону океана.

«Возьми воды из сонного ручья», — еле расслышал он голос незабудки. Сделал тут Коконя чуман из бересты, вылил из нярок воду и пошел. Цветы махали ему вслед.

Долго шел Коконя. Потерял счет дням и ночам. За всю дорогу никто не встретился ему, никого не мог спросить он: правильно ли идет к океану. И вдруг в стороне услышал он лай собаки. Коконя пошел на него. У огромной сосны, словно прижавшись к ней, стояла юрта. Низко кланяясь, Коконя вошел в нее. На шкурах лежал дряхлый старик. Увидев воина, он хотел приподняться, но не смог, поманил его к себе. Коконя рассказал старику, куда и зачем идет. Старик слушал, кивал головой, а потом сказал: «Слышал я, что атаман великого войска увез из бедной юрты красивую девушку. Слышал, что он ее никогда одну не оставляет. Уж и война давно прошла, а он все кого-то боится. Если это твоя Варвара — трудно тебе победить его. — И старик замолчал. — Вот если бы достать из сонного ручья воды, мы бы с тобой что-нибудь придумали».

Достал Коконя чуман с водой из ручья, подал старику. Долго нюхал ее старик, попробовал на язык, затем шепотом промолвил:

«Она! Бери моего оленя, он сам выбежит к тебе из-за сосен, как только ты три раза цокнешь языком. Олень будет верно служить тебе! Иди, сынок!»

Вышел Коконя, цокнул языком три раза, и перед ним появился сильный олень. Он помчал его вихрем. Вскоре Коконя увидел большое стадо оленей, а потом и большой пауль. Олень остановился поодаль и рогом указал на большой чум, что стоял посреди пауля.

Как только стемнело, Коконя незаметно пробрался в чум, спрятался под шкуры, что ближе к выходу. Лежит и подглядывает. Все ему тут напомнило Варвару. Он узнал расшитые ею савики, унты, рубахи. Большой собаке, которая хотела схватить его за ногу, он дал лизнуть воды из чумана, она отползла под нарту и крепко уснула, оскалив зубы.

К вечеру, когда спряталось за лесом солнце, раздался лай собак, топот и крики. Шкура, закрывающая дверь, отлетела в сторону, и с криком ввалился хозяин, все остальные вошли молча. «Что-то я не вижу своего любимого пса?» — сказал и, разлегшись на белых шкурах, попросил пить.

По легким и быстрым шагам Коконя сразу узнал Варвару. Он улегся поудобнее, чтобы лучше разглядеть ее. Но лицо Варвары было закрыто платком, и она только успевала подносить еду своему хозяину и приехавшим с ним гостям.

— Где ты себе такую проворную хозяйку взял? — спрашивают хозяина гости.

— Хозяйка хорошая, да не любит меня, — признался гостям хозяин, развалившись на шкурах, и стал есть жирное мясо оленя, угощать гостей.

В это время Варвара хотела выбежать из чума, чтобы дать корм собаке, а Коконя, изловчившись, дернул ее за подол длинного платья. Она вздрогнула, но не крикнула. Тут Коконя и протянул ей берестяной чуман с сонной водой.

Варвара была смекалистой. И когда хозяин опять попросил пить, она подала ему и гостям воды из берестяного чумана. В ту же минуту хозяин и гости захрапели. Коконя вывел из чума Варвару, цокнул языком три раза. Выбежал из-за деревьев олень и помчал их в родные края.

Сколько спал богатый хозяин, никто не знает. Может, день, может, семь дней. Все заходили в чум к нему и дивились: Варвары нет, гости спят, хозяин спит, собака спит, но разбудить, потревожить никто не смеет.

Вдруг атаман великого войска как закричит на весь чум:

— Варвара! Чего не несешь мне воды? Чего не подаешь мне еды?

Но никто не пришел на его зов. Разъяренный, он выбежал из чума.

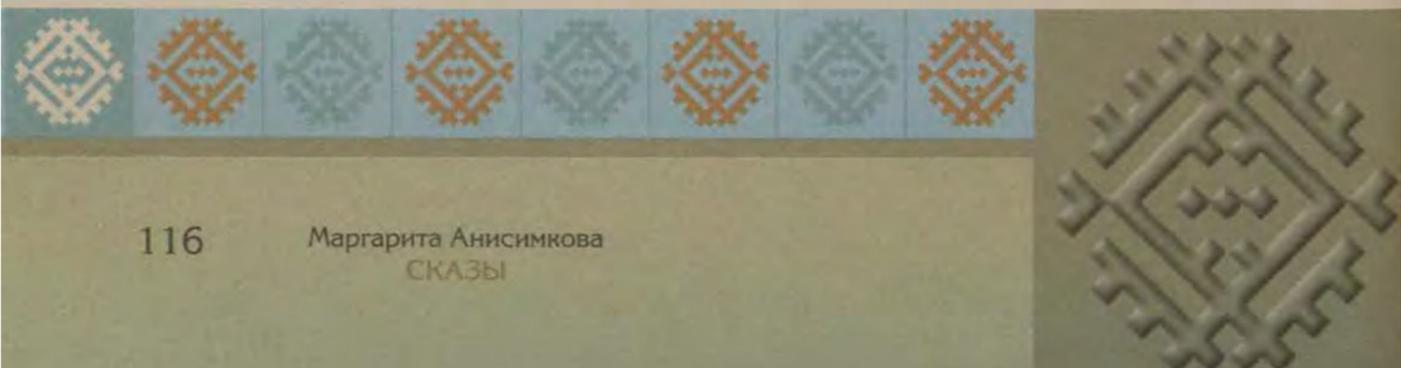
— Где Варвара? — заорал он.

— Ее давно уже нет, — робко ответил один из работников. — С тех пор, как ты уснул.

— Это он! Это Коконя пробрался ко мне! Подайте мне моих белых оленей и все мигом за мной! Мы вспомним былые походы. Мы догоним его! Мы раскидаем по ветру его кости! Из-за него я морожу здесь своих воинов, оставил родные края.

Олени помчались что было сил. Деревья гнулись, шарахались птицы, бежал зверь. К избушке дряхлого старика атаман прискакал в тот миг, когда отъехал от него Коконя.

— Давно ли, старик, был у тебя парень в гостях? — крикнул атаман.

Старик будто совсем оглох. Вместо ответа он угощал всех вкусной водой. Один за другим стали засыпать воины, а атаман, сгоряча отведав сонной воды больше всех, захрапел первым.

Опять долго проспали воины со своим хозяином, а проснулись — не нашли старика, в гневе только сожгли его старую, дряхлую юрту.

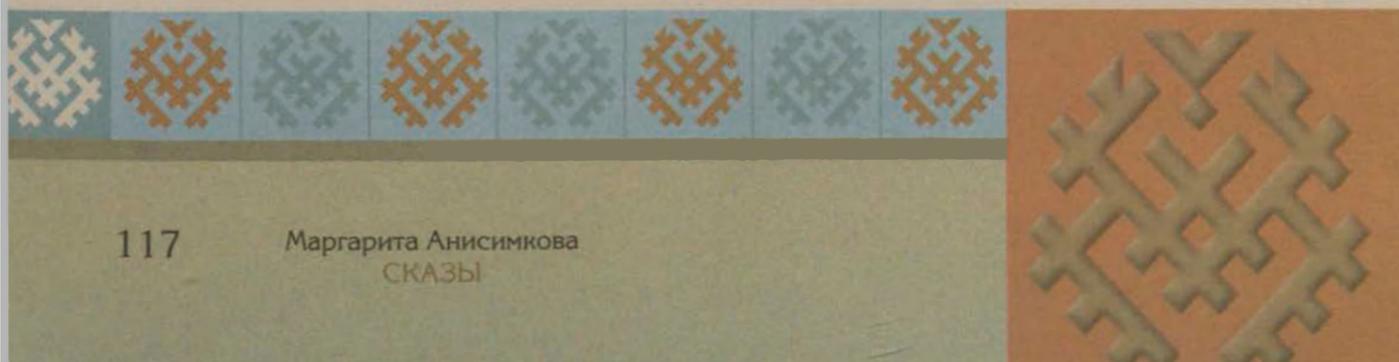
Коконя с Варварой уже подъезжали к своим местам, когда услышали погоню. Варвара заплакала. Нет, видно, не судьба ей быть вместе с Коконей. Не видать ей больше его. У атамана много силы, он убьет храброго воина.

— К сонному ручью! К сонному ручью! — закричали все цветы-незабудки. — Они никогда не вернутся оттуда!

И Коконя помчался к сонному ручью, к могучим пихтачам, где можно было легко спрятаться. С шумом и криком влетело атаманово войско в темное царство. А ручей очистил от иголок свои берега, заплескал прохладной водой.

С жадностью набросились атамановы воины на прохладную воду. И тут же все войско впало в сон. Далеко раздавался храп и пугал птиц и зверей, потом потихоньку стал затихать, а из атаманового войска так никто и не проснулся. А Коконя с Варварой ушли от него подальше.

Ручей и теперь усыпляет всех, кто испробует его сонной воды.

Оленья долина

Вскоре после того, как охотник Илья прогнал шамана с Молебного камня, у одной из шамановых жен родилась дочь. Обычно шаман каждому из своих новорожденных детей давал по два оленя, и пока подрастал ребенок, для него готово было приданое — целое стадо оленей.

А этой счастливике Софье, замаливая свои грехи, шаман подарил сразу пять пар оленей. Пометили их тамгой, подрезали каждому олененочку правое ухо, и стало стадо прибывать год от года.

Дивится сам шаман, проезжая мимо долины, где паслись олени Софьи. «Много оленей! Глаз всех оленей не видит, — думает он. — Вроде и долина мхами не богатая».

Как подросла Софья, стала все время ездить с отцом в долину. Она любила оленей, гладила их умные морды, кормила из своих рук. И олени так привыкли к ней, что, издали услышав ее голос, начинали мычать, беспокойно бегать по долине.

А шаман про одно думает: «Богатая невеста будет Софья! Отдам ее за муж за того, кто только в богатстве с ней сравниться сможет».

Время летит, как птица, и каждой ягоде время свое. Выросла и Софья... Много охотников заглядывалось на нее, но каждый боялся с шаманом заводить разговор о женитьбе.

Как-то раз Софья была одна в долине, где паслись олени. Вдруг слышит: олени в сторону кинулись, и не успела она оглянуться, как все стадо бросилось в разные стороны, побежало в горы. Софья подняла голову и увидела огромного волка. Он стоял на большом камне, оскалив зубы и рыча, выбирал себе жертву.

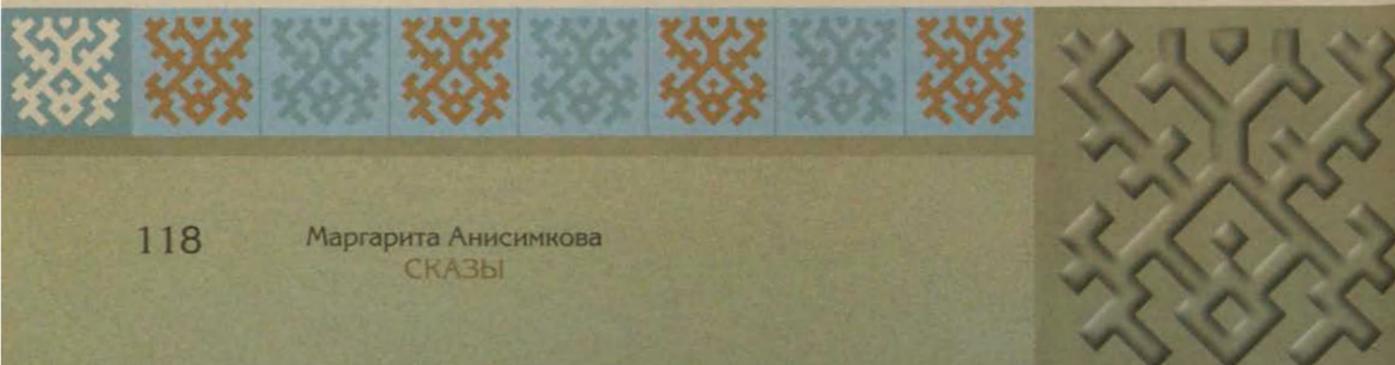
Но вдруг выстрел! Волк, высоко подпрыгнув, грохнулся и покатился вниз по камням. А за ним и вся стая.

— Кто этот храбрец? — громко крикнула Софья. — Бери себе в упряжку моих лучших оленей.

Из-за большого камня вышел молодой охотник Прокопка.

— Нет, Софья, мне не надо твоих оленей. Мне своих хватит на охоту ездить, — сказал и ушел.

Долго смотрела вслед охотнику Софья. «Какой хороший Прокопка! —

рассуждала Софья. — Другой только и говорит: «Дай оленей! Продай оленя!» Прокопка не такой. Скажу отцу: пусть Прокопку в наш чум зовет».

Дома она долго рассказывала отцу о храбром охотнике, но шаман будто слышал и не слышал ее. Он знал, что Прокопка — сын бедного Ильи, который осмелился прогнать его, шамана, с Молебного камня. Как и что он мог сказать Софье? Он только сердито ворчал, когда она называла его имя, клал табак за губу и зло покрякивал на своих жен.

Поняла Софья: не любит за что-то ее отец охотника Илью и его сына. Надумала она сама встретиться с Прокопкой еще раз. Погнала оленей к своей долине. И довелось им встретиться. Рассказал ей Прокопка все, что от своего отца слышал. Слова не прибавил, слова не убавил, а сам сказал ей, что больше никогда не придет к этим местам, уйдет далеко, далеко, за горы. Грустно стало Софье, она и говорит: «Скажу я сегодня отцу, пусть отдает меня замуж. И пойду я только за того, кто найдет и принесет мне черного соболя. Ты, Прокопка, в горы пойдешь и отыщешь там черного соболя. Бери из моего стада самого сильного оленя и ищи!»

Выбрал себе оленя Прокопка и помчался в тайгу. А шаман объявил по всей округе прихоть своей любимой дочери. И сотни охотников отправились по тайге искать черного соболя.

Каждый день к чуму шамана подъезжали упряжки, все привозили соболей, но они все были то с подпалинками, то с рыжеватыми ворсинками, то с голыми ушками. Опечаленные, уходили охотники снова в лес.

И каждый раз, когда подъезжала новая нарта, Софья выбегала посмотреть: не Прокопка ли приехал с черным соболем.

Долго гонялся Прокопка за старым и хитрым соболем. Но разве мог он перехитрить смелого охотника? И вот в лузанах у Прокопки мягкая, дорогая, черная с проседью шкурка соболя.

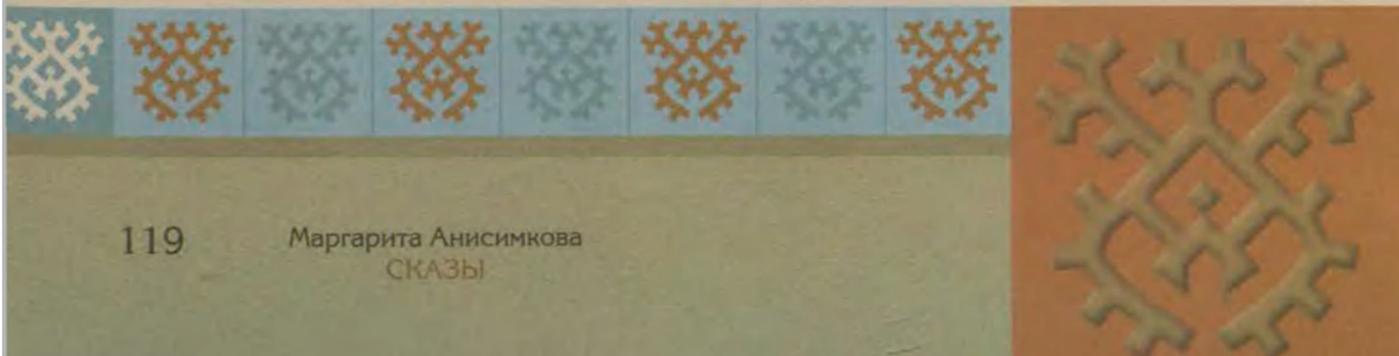
Робко подъезжал он к чуму шамана. И не напрасно тревожилось его сердце. Как только он подал шаману принесенную шкурку, понял: не видать ему Софьи. Не согласится шаман отдать ему в жены свою дочь.

Сильный ветер встретил его да темная ночь. Надев лыжи, шел Прокопка к долине, где паслись олени Софьи, где впервые он увидел ее. Сзади он услышал крик. Ему показалось, что это вьюга хохочет над ним. Но крик повторился. Прокопка узнал Софью. Проваливаясь в снег, она без лыж догнала Прокопку. «Побежим, побежим, пока отец не вернул меня», — просила она охотника.

И только хотели они бежать, как со всех сторон их окружили олени: рога наставляются, снег гребут копытами, мычат — не пускают из долины Софью с Прокопкой.

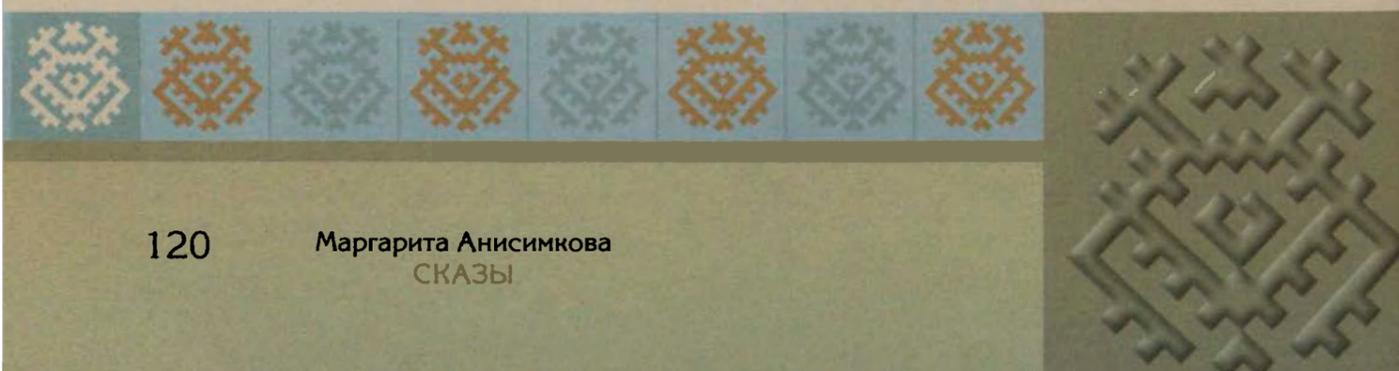
Ночью шаман спал плохо. Тревожные мысли не давали ему покоя: он ворочался с боку на бок, бормотал что-то про себя и, не дождавшись рассвета, стал собираться, чтобы отыскать по следу Софью, вернуть домой непослушницу.

Вьюга валила оленей с ног, никаких следов на снегу не было видно, а он гнал и гнал упряжку к долине. Из-за леса медленно выкатывалось солнце. Вся большая долина, что

лежала между гор, была полна оленей. У шамана на миг замерло дыхание. Он никогда еще не видел такого огромного стада. На белом поле видно было только черное пятно. Шаман быстрее погнал упряжку. Олени спотыкались и падали. Мела и выла метель. Подъехав ближе, шаман замер: среди огромного околешего стада оленей сидели, обнявшись, Прокопка с Софьей. Они тоже замерзли в пургу.

С тех пор и стало то место зваться Оленьей долиной. Так зовется и до наших дней.

Золотая баба

Как-то на закате, когда, словно прощаясь на ночь с землей, солнце заливало все своим светом, торопился в юрту охотник Куземка. Шел он мимо горной речки, потом завернул в ложок, что промеж гор затерялся, и решил прямо-ком скоротать дорогу. А кругом красота-то какая! Хочешь не хочешь, да остановишься, заглядишься на мать-и-мачеху, на кукушечьи лапки да лесные ландыши. Здесь вроде и мошара добрее, вся ярость у нее проходит — любитесь тоже. Много в наших местах таких уголков красивых. Идет Куземка ходко да тихо, словно спугнуть кого боится, слышит вдруг, что-то шумит у него под ногами, журчит да грохот раздается. А тут и солнце как-то враз за горы ушло. Сумрачно стало, тоскливо, вроде и не видно всей красоты, а под ногами все равно что-то шумит. Ничего Куземка понять не может. Припал ухом к земле, слышит: будто ручей далеко в горах течет, а стук и грохот от камней, словно их кто-то ворочает с места на место да по сторонам раскидывает. Прибавил шаг охотник, тетиву лука натянул покрепче.

И вдруг видит Куземка — стоит на горе баба да гору раскидывает, а сама то черная, то красная, то желтая, и платья на ней никакого нет — вся каменная.

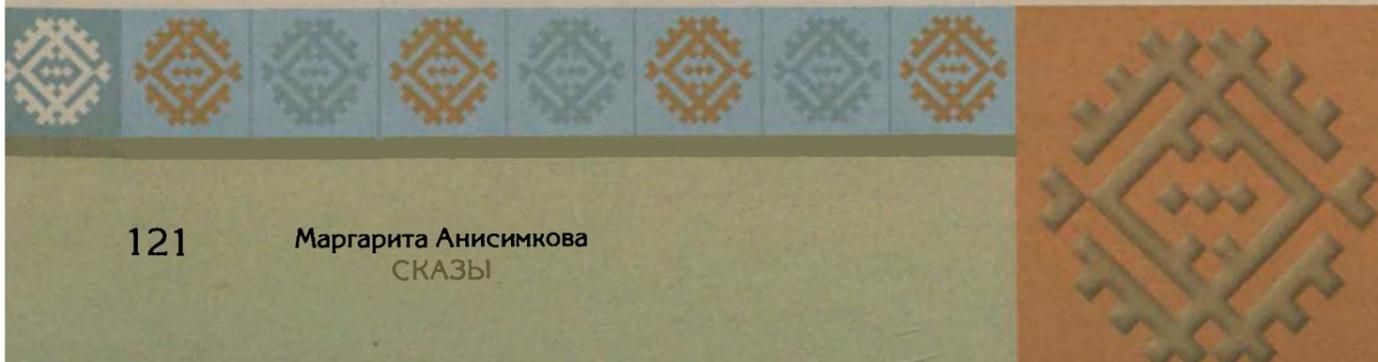
Присел от страха Куземка, а она, видать, заметила его, перестала разбирать гору и говорит: «Счастливый ты парень! Повезло тебе золотую бабу увидеть. Не думала, что так поздно ты здесь окажешься. Только молчи. Сам знаешь: все ищут золотую бабу!» И потерялась. Куда ушла — не заметил Куземка. Сидел: то ли дрожал, то ли забытье накатило какое. Поднялся и, сколько ни кружил, ни колесил по тому месту, никаких следов не увидел.

Шел домой, а сам все думал про золотую бабу и слова-наказ помнил: никому о ней не говорить. Стал подходить к дому, а мать бежит ему навстречу, кричит радостно: даже лицо платком забыла прикрыть: «Каждая олениха в твоём стаде по два олененка принесла!»

Порадовался со всеми Куземка, а сам про золотую бабу вспомнил.

Прожили дня два-три: вдруг собаки залаяли. Прямо к чуму охотника лося пригнали, птицы боровые возле жилья токовища выбрали. Ягелем болотина вся покрылась — оленей не гонять на пастбище.

«Кто так осчастливил Куземку?» — думают люди. Они целыми днями хо-

дят охотиться и все идут с пустыми ладунами. А Куземка не рад богатству. Много ли бедняку надо! А как разделить его между всеми — не знает.

Про Куземку плохая молва пошла, охотники его сторониться стали, шаман да богатые оленщики — завидовать.

— Говори, откуда к тебе такая удача идет? Какие ты слова знаешь? — допытывают все Куземку.

А шаман свое твердит: в Куземке недобрый дух сидит. Сжечь его на костре надо.

Охотникам жаль Куземку, а слова шамана сильнее.

Между гор развели большой костер, завязали Куземке глаза, повели на гору, а на самом краю обрыва развязали глаза. И видит Куземка: далеко на горе баба каменная стоит, вся как жар горит, а сама Куземке каменным пальцем грозит: молчать велит. Не вытерпел он да как закричит: «Золотая баба, каменная баба! Зачем Куземку таким счастливым сделала? Зачем мне столько богатства даешь? Устал я от него!» Костер под горой сразу погас, а Куземка в черный камень превратился.

«Надо искать золотую бабу! Надо искать золотую бабу! Она приносит счастье!» — закричали люди, а в какой стороне Куземка увидел золотую бабу, никто не знает. Собрались вокруг гор целые племена. Гору, на которой Куземка стоял, всю по камешку раскидали — ведь никому не сказал Куземка, большая она или маленькая. Знали одно: золотая баба счастье приносит. Думали все думали, где ее искать, и пошли племена в разные стороны. Кто к океану двинулся, кто к горам, кто возле рек чумы стал ставить, а нашлись и такие, которые в теплую сторону двинулись.

Долго-долго ходили по разным местам племена, и нашелся храбрец-удалец, а быть может, мудрец: «Разве бедны наши леса и реки, болота и озера!» — и запел песню:

Спасибо вам, глаза мои и уши,
Спасибо тебе, солнышко красное.
Спасибо вам, руки мои, что крепко лук держать умеете.
Спасибо вам, ноги мои, что по тайге ходко ходите.
Хорошая сказка про Куземку и золотую бабу!

Мы тоже расскажем ее нашим детям!

Про рябчика

М

ногие знают, наверное, рябчика — самую мелкую из боровых птиц. Рябчик зимует в наших местах, не улетает на юг. Перышки рябчика в два цвета: полоска беленькая, полоска серенькая — и так весь он рябой. За это его рябчиком и называли. Мясо у него белое, волокнистое и вкусное, да жаль, что мало его. А ведь сказывают люди, что рябчик когда-то большущей птицей был, гораздо больше глухаря теперешнего.

«Фр-р-р!» — и теперь далеко слышно, как он летит. А раньше-то, когда он большой птицей был, такой шум стоял от его полета, что вся пернатая мелочь шарахалась. Ну, ясно, гордился он сам собой. Только плохое это дело: одного себя любить, одним собою гордиться. И наказали его птицы за хвастовство и зазнайство.

Вот про то и сказ будет.

Золотая пора — уральская осень! Благодать вокруг, простор. Воздух свежий и чистый. В нарядном красном сарафане рябина, тяжелыми черными гроздьями увешана черемуха. А вокруг целое море багрово-красной брусники, перезревшей черники и, словно наливной, костяники.

В это время птицам раздолье! Отведает они всего, чем богаты лесные просторы. Осенью птица вся на лету: и перелетная, и зимующая.

Вон Филя, мальчик один, заглядевшись на птиц, зашел далеко в лес, где деревья стоят близко друг к другу и вершины их, кажется, упираются в самое небо. Не впервые видеть Филю птичье царство, да все равно как-то все любо-дорого! Птичка по-особому прокричит — Филя знает: это она птенцов об опасности предупреждает, ласково прошебечет — лучшую ягоду своему малышу показывает. Так и не заметил паренек, что от юрты далеко ушел. А тайга большая! Вначале Филя не боялся, думал, что найдет дорогу. Но вот уже и солнце стало за лес садиться, потемнело вокруг, а места Филю все незнакомые.

Сумерки наступили, да скоро и ночь пришла. В лесу сон не сон. Совсем рано утром, только солнце показываться стало, слышит Филя шелканье. Прислушался — глухарь токует. Посмотрел — на лиственнице сидит молодой глухарь, а старый его токовать учит. Говорит Филя старой птице:

— Дорогу потерял Филя, покажет глухарь дорогу?

Оставил свое важное дело глухарь, полетел, взмахивая тяжелыми крыльями. Долетел до озера, остановился. Видит Филя, устал глухарь.

— Спасибо, глухарь. Лети обратно. Утку просить буду.

Присмотрелся. Утка летать, плавать, нырять утят учит: то поднимется высоко — и утята за нею, то опять сядет на озеро — и утята вместе. Попросил Филя утку показать ему жилье человека. Утка оставила детей и полетела. Шел, шел за нею Филя, устал:

— Много дел у тебя. Стаями скоро собираться будете. Лети обратно!

Улетела утка. Отошел Филя немного, видит: косач по бору ходит, ягоды клюет, нет-нет да в сторону поглядывает, любуется, как молодые косачи наперегонки летают.

— Добрый косач, покажи мне дорогу к жилью человека.

Косач замахал своими черными крыльями, полетел. Филя за ним. Летел косач, пока не устал. Отпустил Филя и косача, пошел один.

Идет, идет и видит, нет бездельника в тайге. Все заняты своим делом. Сел Филя и задумался. Сидит, слушает, как тайга шумит. Вдруг как разнесется по всему лесу: «Фр-р-р!» Вздрыгнул Филя, обернулся. Птица громадная летит, солнце крыльями закрывает. Летит не спеша. Села недалеко, себя оглядывает, перышки клювом перебирает, приглаживает.

— Рябчик! Помоги мне! Филя дорогу потерял.

Как засмеется, как завертит птица головой из стороны в сторону:

— Думал ли ты, что сказал? Я — Рябчик! Я самая лучшая птица, самая красивая, самая большая! Мало тебе в тайге мелкой птицы? Вздумал еще, чтобы я ему дорогу показывал! — Захотел, зафыркал, взмахнул крыльями и улетел.

Услушали птицы речь рябчика и стали дорогу Филю показывать по очереди. Привели Филю к речке знакомой. Услышал он грустные звуки родной санголы, лай собак. Обродовался Филя и бегом побежал к юрте.

— Кто дорогу показал домой? — спросил отец.

— Птицы, — отвечает Филя, — хорошие птицы, только рябчик плохой.

— Зачем Филя рябчика ругает? Рябчик большая птица: мяса много дает.

— Плохая, плохая! Рябчик себя любит, других нет. Рябчик над горем смеется, не слушает других.

— Зря Филя рябчика ругает. Рябчик хорошая птица. — не верит отец.

Тогда Филя созвал всех птиц. Пришел отец послушать, правду ли Филя про рябчика говорил. А рябчик только одно и то же твердит:

— Кто вы все против меня? Мелочь! Кто еще сравнится со мной? Я один, а вас стаи. Я один лучше вас всех!

— Вот что, рябчик, — сказал тогда Филин отец, — вижу, зазнался ты, над другими смеешься. А за все это разделим мясо твое между птицами. Быть тебе отныне меньше всех боровых птиц.

Тут только опомнился рябчик, испугался, взмолился. Да нечего делать. Разделили птицы его белое мясо между собой, с кулачок оставили только. Так рябчик и стал незаметной птицей. Только и сохранилась у него привычка при взлете фыркать да крыльями шумно размахивать, но никто на это и внимания теперь не обращает.

Дорогая шкурка

Д

авно это было... Там, где страшные кедровники растут, болото было, где теперь болота, озера были большие. А звери все носили одинаковые шкурки, не отличались друг от друга. Это уж после каждый по заслугам себе шкурку получил. У каждого зверя по-своему судьба сложилась. А этот сказ про самую дорогую шкурку, как и за что ее зверек получил. Слушайте.

У одного охотника дочь была красивая, Зоя. Такая красивая, что никто в этих краях не видал другой такой. Косы толстые да такие длинные, что ходить мешали. Как случится быстро куда пойти, приходилось в руки их брать и нести, а остричься — такого понятия у народа не было. Даже мужик косу носил, а девушке стричься и мысль в голову не приходила. Охотница славная была Зоя. Да вот только из-за кос приходилось на охоту на оленях ездить.

В общем, всем вышла девка. Ну, и женихов приезжало к их юрте каждый день полно, да только все ни с чем обратно уезжали. Хоть и привозили отцу даров один больше другого, но отец говорил: «Ее душа — ее воля!»

Только замечать стал отец, что Зоя все к одному и тому же месту ездить стала. Посмотрит: опять дочь уехала к болоту. Поохотится тут же, посидит у разбитого дерева, попасутся олени у подножия горы — и обратно едет.

«С каких это пор она стала ездить туда?» — думал целые ночи отец и вдруг вспомнил, что с того времени, как вернулась однажды Зоя из лесу с незнакомым охотником. Но больше того охотника отец не видал. Кто он? Не встречается ли с ним Зоя у того сломанного дерева? Пытался отец след чужой отыскать, да все напрасно! Нет никого. Успокоился отец: видно, просто место Зое приглянулось.

Да вдруг не стало Зои. Встревожились все. Жаль охотникам смелую красавицу Зою.

Однажды на кисовых лыжах пришел к отцу охотник, тот, что когда-то с Зоей приезжал. Пришел, поклонился в ноги, а потом достал из-за пазухи такую красивую шкурку, какой отец отроду не видал. Охотник протянул шкурку и сказал, что это подарок Зое. Услышав дорогое имя, отец заплакал. И тут он заметил на руке у охотника кольцо. Это кольцо отец подарил Зое, когда умерла ее мать.

— Где взял кольцо? Куда ты дел мою Зою? — схватив лук, крикнул отец.

Но охотник не знал, где Зоя, и поведал он, что Зою видел только один раз. Он пас оленей у подножия горы. С горы во весь дух мчалась оленья упряжка, и не успел охотник опомниться, как олени с полного бега, не успев свернуть, налетели на огромное дерево. Один миг, и нарта с силой ударилась о лесину, олени оборвали упряжь и разбежались по лесу. Седока с силой отбросило далеко в сторону. Охотник подбежал к лежащему на снегу человеку и увидел, что это женщина. «Ай, какая беда!» — воскликнул охотник. Он поднял девушку. Из-под малицы упали две огромные косы. Догадался охотник, что перед ним красавица, о которой шла слава по всей округе.

Принес охотник красавицу в свою юрту и долго кропил ее святой водой и окуривал дымом. Наконец она открыла глаза. Тогда он поймал ее оленей, запряг в свою упряжку и поехал к юрте ее отца. Всю дорогу Зоя молчала, а как стали подъезжать к юрте, сняла с руки кольцо, отдала охотнику и сказала: «Приходи, буду ждать тебя».

Он ушел далеко в лес и все думал, с чем прийти к красавице Зое...

Выделав вот такую шкурку, решил подарить ее Зое, потому что знал — нет такой шкурки ни у кого из зверей в тайге...

Догадался тогда отец, почему так часто ездила Зоя на оленях к большому разбитому дереву.

А опечаленный охотник решил непременно найти Зою.

Долго ходил охотник по тайге, спрашивая зверей, но те только качали головами да отмахивались лапками и бежали дальше. Далеко ушел он от родных мест, и самое дорогое, что осталось у него, так это кольцо, которое подарила Зоя.

Как-то встретил охотник лису и говорит: «Если кто-нибудь из зверей найдет Зою, подарю тому хорошую шкурку, такую прочную да красивую, какой нет ни у одного зверя».

Лиса, она не была тогда рыжей, быстрехонько обежала весь лес и разнесла эту весть. Каждому зверю хотелось получить красивую шкурку, пошеголять, похвастать перед другими, полюбоваться собой.

Однако шли дни за днями, но ни один зверь не нашел Зою, не обрадовал молодого охотника.

Разжег раз охотник костер-ночью, посмотрел на дорогое кольцо и прилег отдохнуть. Вдруг слышит частое-частое дыхание какого-то зверька. Охотник встал! Прямо к нему, высунув язык, спотыкаясь и падая, бежала лиса.

«Бедный зверек!» — подумал охотник. Лиса на животе подползла к нему. Он погладил ее. Вмиг хитрая мордочка оказалась у него на коленях, а в зубах у нее кольцо. Точно такое же, как у него на руке, отличить невозможно. От радости охотник не знал, что делать. А зверь, принесший весть от Зои, вертелся у ног, лизал его теплые унты...

Теперь охотник знал, что Зоя где-то недалеко и что он обязательно найдет ее. Он достал легкую, пушистую шкурку, чтобы наградить зверька. В темноте от шкурки сыпались искры. У лисы жадно горели глаза, она поминутно оглядывалась по сторонам, словно чего-то боялась. Только хотел охотник расстаться со своей шкуркой, как послышалось урчание. Как ком снега, маленький зверек с тоненькой мордочкой упал к ногам

охотника. Он схватил охотника острыми зубами за малицу и, теребя его, потащил за собой в лес. И пришли они на поляну, где у большого дерева сидела Зоя. Оказалось, Зою нашел у злого человека маленький зверек — соболь. Он и показал ей дорогу к дому. Шли они с ней долгие дни и ночи, и, когда уже ни Зоя, ни соболь от усталости не могли идти дальше, повстречалась им лиса. Зоя отдала ей отцово кольцо, которое стала носить взамен подаренного охотнику, и попросила найти охотника и привести его. Но хитрая лиса хотела только получить дорогую шкурку. Догадался о том соболь и, передохнув, пополз за лисой следом.

Узнав все это, охотник взял измученного зверька на руки, положил Зою на широкие кисовые лыжи и повез к ноде.

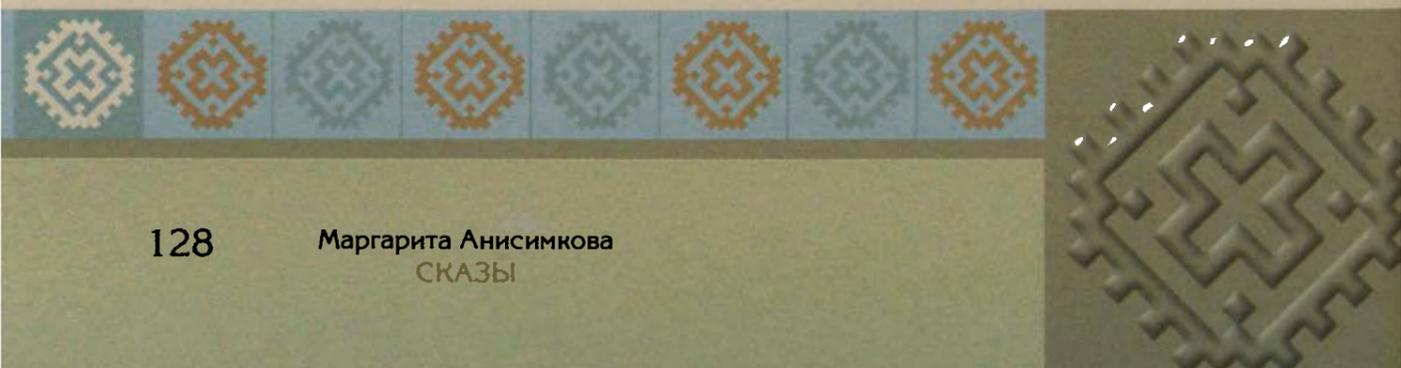
Была темная, звездная ночь; лиса грелась у костра в ожидании дорогой шкурки и подбрасывала сухие ветки в костер.

Увидев молодого охотника, она поползла к нему, глядя ему в глаза и виляя хвостом, а маленький усталый соболь, забыв обо всем, сладко дремал на груди охотника. Охотник взял за уши ползающую у ног лису и хотел прогнать ее, но она, почуяв неладное, завизжала, закрутилась в его руках и, вырвавшись, упала в костер.

Вмиг пламя охватило ее; в страхе забегала лиса по снегу, потом завертелась на одном месте, перевернулась на спину, и огня не стало. А шкурка с тех пор у нее рыжая, потому-то лису теперь Рыжей и зовут.

А соболь получил от охотника блестящую дорогую шкурку, в которой и теперь бегают по лесу, гордясь ее прочностью и красотой. Заслужил верно. А заслуженное-то не грешно носить.

Молодой охотник с тех пор больше не расставался с красавицей Зоей, прожили они счастливо в отцовской юрте.

Гордая лиса

П

остроил как-то в лесу охотник чемью, потому что время было осеннее, пора было думать о том, чтобы припасти на зиму мясо и от зверя сохранить. Тут же случилось и уток ему набить, а куда понесешь большую котомку? Вот он и сложил все в чемью.

Приходит на другой день, смотрит: ни одной утки нет.

«Ай, беда какая!» — говорит охотник. Пригляделся и понял — лиса была. «Надо поймать ее и укоротить ей ноги», — решил он.

Лиса эта была не только хитрая, но и гордая. Подразнила она охотника и пошла искать жирную уточку, которая ей во сне приснилась. «Отведу свеженькую, не то что у охотника в чемье...»

Шла она тихо, про себя напевала хвастливую песенку. Вот и озеро показалось, и утка плавает около самого берега. Стала лиса подкрадываться: лапки длинные да цепкие вытянула, ползет на животе, чтобы уточка ее не заметила, а сама глаз с добычи не сводит. Ползет от куста к кусту, от пенька к пеньку. Так загляделась на утку, что не заметила, как угодила в петлю, поставленную охотником. Как закричит, как забарахтается лиса. Услышала ее утка, вспорхнула и улетела. Обозлилась лиса. Дергается, кусает петлю, а лапу вытащить не может. Пуще всего досадно ей, что не пришлось уточки отведать. Успокаивает себя лиса: «Что ж, пусть летит, не очень-то жирная была. Вот вытащу лапку и еще лучше найду».

Вдруг слышит лиса шорох в кустах. Присела лиса. Ждет. Бежит зайчик. Увидел лису в петле, удивился. Много знал он про ее плутни, сам побывал не раз у нее в лапах, но и подумать не мог, что она в петлю попадет.

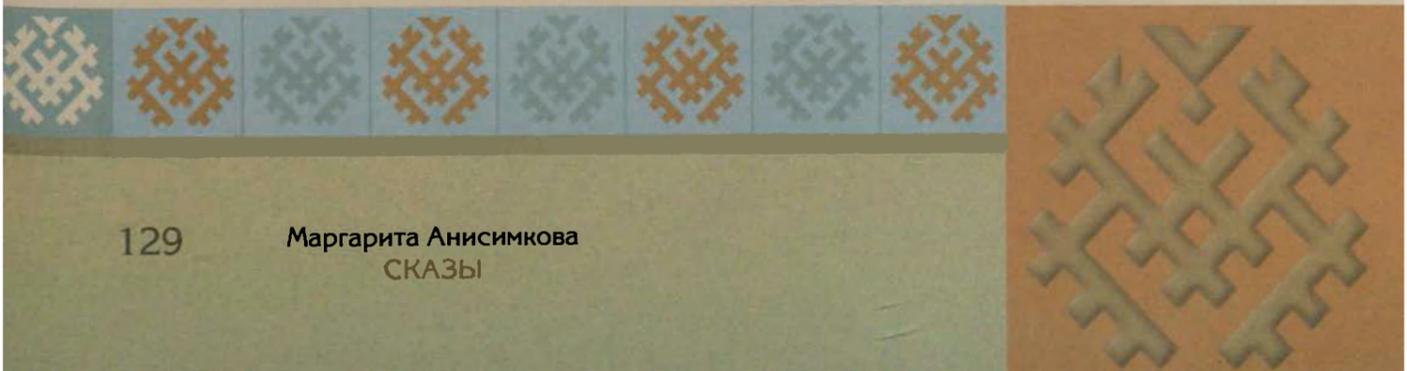
— Как это, лисонька, случилось с тобой? — спрашивает зайчик. — Дай я покажу тебе, как петли распутывать надо. Много раз я бывал в них, знаю, что делать.

А лиса гордая была. Не хотелось ей зайцу признаться в своей беде. Она и говорит:

— Что ты, зайнышка, да это я лапу сама в петлю сунула, чтобы знать, как зайцев из беды выручать.

— А-а! — сказал зайчик. — Ну, поучись, — и поскакал дальше.

Прыгает лиса из стороны в сторону, зубами грызет петлю. Пот градом бе-

жит с нее, а лапу высвободить не может. Вдруг слышит — сучья трещат. Прислушалась лиса: волк бежит. Удивился волк, что лиса в петле сидит. Глазам своим не верит.

— Ты ли это, сестрица, в такую беду попала? Умаялась вся, обессилела. Дай я тебе помогу, покажу, как из петли выбраться. Бывало и со мной такое.

А лиса гордая была. Стыдно ей признаться волку в беде, она и говорит:

— Иди, серый, по своим делам, да не вздумай кого насмешить, что в петле сижу. Все равно никто не поверит. Это я сама сделала, чтобы знать, как несчастных из беды выручать.

— Ну, ладно! — ответил волк и убежал.

Уж и солнце за лес закатилось, а лиса все в петле. Из сил выбивается, язык высунула, лежит чуть жива. Вдруг слышит: шум по лесу. Бежит медведь.

— О, батюшки! Вот невидаль-то какая! — рычит медведь. — Да ты чуть жива, лисонька. На тебе лица нет. Дай я разорву петлю. Силы у меня хватит!

А лиса хоть чуть жива, а горда. Она и говорит:

— Спасибо, Мишенька, за услуги твои! Ведь это я сама все придумала. Захотелось научиться из петли вылезать. Вот выучусь этому ремеслу и других обучать стану.

— Смела ты, сестричка. Шутейно ли дело — в петли залезать. А я-то думал, что беда с тобой стряслась. Ну, как знаешь! — И, треща сучьями, пошел медведь дальше.

Как ушел медведь, давай лиса плакать. Слезы вытирает, жалеет, что от помощи отказалась.

Поздно вечером, когда солнце спряталось за горы, слышит, свист в лесу, тьяканье собак. У лисы душа в пятки ушла. Стала она кричать:

— Заинька, миленький, помоги мне! — Нет зайца.

— Серый волк, сильный волк, помоги мне! — Нет волка.

— Мишенька, ты недалеко ушел, приди, помоги мне! — Нет медведя косолапого.

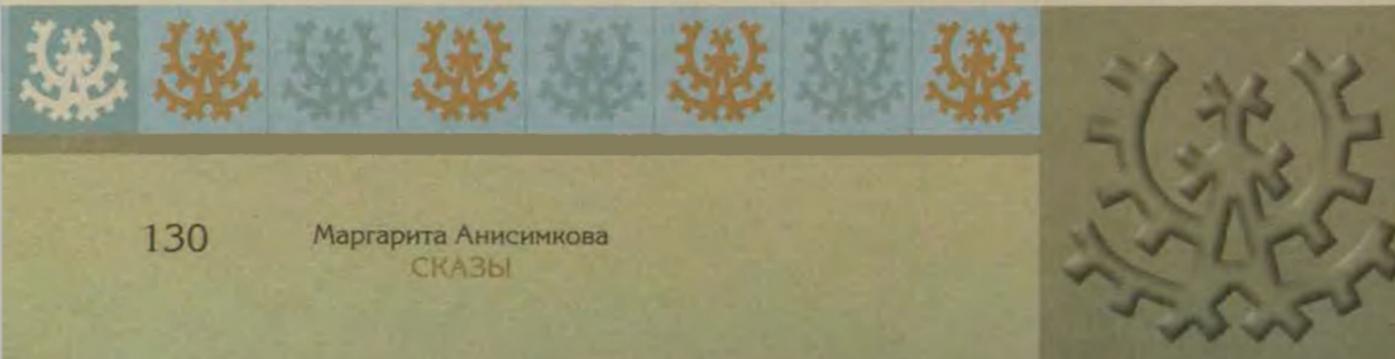
Сидит лиса ни жива ни мертва, а охотник уже близко. Стала ругать себя лиса, что от помощи отказалась, что горда слишком. Да поздно уж. Подошел охотник.

— А-а! — говорит. — Старая знакомая попала. Ловко я тебя обманул.

А лиса зубы оскалила: вот-вот укусит охотника. Да разве побоится он ее.

— Не убью я, рыжая, тебя. не бойся, а вот ноги тебе окоротить придется, чтобы по деревьям не лазила, гнезд чужих не разоряла, в чемью не забиралась, чужие припасы не трогала.

Взял он да и окоротил ноги ей наполовину. С тех пор лиса не стала лазить по деревьям. Да стыдно ей показывать свои изуродованные ноги, вот она и начала хвостом след заметать.

Огонь-камень

К

огда-то давным-давно в тайгу долго не приходила зима. Заждались все. На зверях шкурки поспели, охотники уже наготове, истосковались за лето по охоте, а снега все нет. Сушь стоит в тайге. Бывают у нас такие осени, только очень редко. Все насторожилось в ожидании северного ветерка, а с ним и снега. А когда подул долгожданный северный ветер, приключилась в тайге беда.

Остался в юрте мальчик один, Самбиндалом звали его. Ему и захотелось огнем поиграть. Слышал Самбиндал, что нельзя огнем играть, слышал, что тайга разгневается и камешком сделает озорника маленьким. Да уж больно хотелось Самбиндалу посмотреть, как огонь будет играть с деревом. Достал Самбиндал огонь и бросил на шкуру оленью. Затрещали, вспыхнули ворсинки. Встал Самбиндал на шкуру ногой — нет огня. Собрал он сухие листья и бросил на них огонь. Огонь быстро побежал по листьям, от травинки к травинке. Самбиндал упал на огонь, огонь и потух. Вскочил Самбиндал. Весь в саже, но довольный, что огонь быстро поймал. «Бойтся меня огонь!» — думает Самбиндал. Смотрит: сухие листья кругом. Поднес он огонь к сухому листку на дереве, а тот будто того и ждал. Побежал по каждому листку, вмиг перемахнул на другое дерево, опалил там каждый листок — и на третье. Самбиндал глазам своим не верит, что огонь так далеко убежал.

— Огонь! Огонь! — кричит Самбиндал. — Иди в юрту, огонь.

А огонь будто дразнит его, кружит вокруг, машет своими красными языками. И что только ни делал Самбиндал: кричал, прыгал, бил ветками, хотел схватить огонь — да нет. Вокруг все окуталось густым черным дымом. Загорелся лес, а в каждой юрте погас чувал.

Самбиндал бросился догонять огонь. Теперь Самбиндал плакал, звал на помощь, просил огонь вернуться, обещал никогда его не трогать, но огонь делал свое недоброе дело.

Страшное зрелище, когда в лесу хозяйничает огонь! Ветер легко перебрасывает искры с одного дерева на другое. Могучие деревья, охваченные пламенем, с силой рушатся, губят все живое. Зверь опрометью несется, не зная куда.

Измученный Самбиндал уже много дней бежал за огнем, пытаясь поймать его. А когда он выбежал к реке, то увидел, что все звери жались к реке,

лезли в воду. Птицы с криком летали, касаясь легкими крыльями горячей воды. Но все были дружны между собой. Общее горе сблизило их. И зайчик прижался к лисе, и старая волчиха держала в лапах испугавшегося соболя, и россомаха прятала от пламени белочку, а медведь просил лося выйти из воды и освободить место уткам.

И тут все увидели Самбиндала. Многие звери зарычали, оскалили зубы, норовя разорвать мальчика. Да в спор вмешался медведь:

— Надо, — говорит, — помочь парню огонь поймать. Он тоже измучился. Простить можно. Мал еще.

Медведь взялся сам помочь Самбиндалу. Забрался Самбиндал на медвежью спину, крепко ухватился за уши, ведь медведь в те времена быстро бегал, любого обогнать мог, это он с той поры лениться стал, потому что тогда устал очень.

Несет медведь Самбиндала во весь дух. Вот-вот схватит парень самый большой язык огня, спрячет его. Но не так-то легко это сделать. Рванулся огонь и опять зашагал по верхушкам. Деревья обгорелые валились одно на другое. Опалил о них бока медведь, с тех пор и бурым стал.

Видит Самбиндал, устал медведь, слез с него, похлопал по бокам да по шерсти обгорелой и отпустил, а медведь не хочет оставлять одного Самбиндала. Огонь пляшет прямо над головой, то лизнет волосы Самбиндалу — они затрещат, вспыхнут, то к ногам совсем опустится. Заплакал опять Самбиндал, в юрту бы вернуться, да нельзя без огня.

Вдруг что-то холодное его руку задело. Оглянулся он и видит: соболю вертится у ног.

— Садись, — говорит, — побежим догонять огонь.

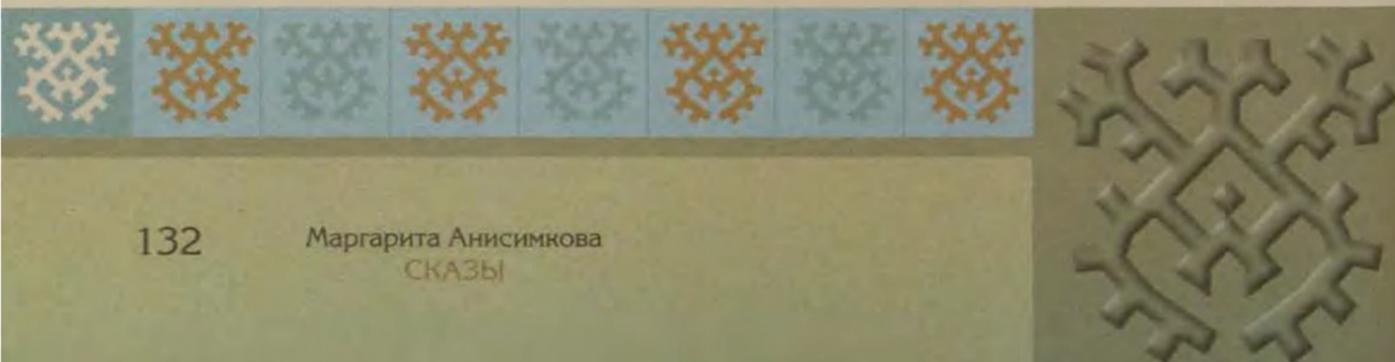
Сел Самбиндал на соболя.

Метровыми прыжками летел соболю. Видит огонь, что догоняет его Самбиндал. Вот он и завертелся во все стороны: то на дерево, то на кусты бросится, то на землю опустится, по траве побежит. А кругом горы Уральские пошли. Боится огонь камня. Самбиндал руками бьет, сбивает пламя, не пускает его в тайгу. Не под силу маленькому Самбиндалу бороться с огнем, а надо вернуть огонь в юрты. Плохо людям жить без огня, без света. Гонит пламя в горы Самбиндал.

Кончился лес, кустарник пошел. Огонь налетел на кусты, коробит, чернит их, а Самбиндал уже тут. Совсем схватил было огонь. «Ай!» — огонь уже опять прыг, да и в гору.

Самбиндал только того и ждал. Мечется пламя-огонь по холодным, скользким стенам горы, лижет скалы своими желтыми, синими языками, да камни-то от его злости только поблескивают. Тут уж Самбиндал не оплошал. Схватил огонь — и в тот-ящик. Обрадовался, хотел домой бежать, да нет — ноги тяжелые стали, хотел крикнуть — да голос пропал. Стал чернеть Самбиндал и превратился в огонь-камень. И сразу же в каждой юрте загорелся чувал. А огонь-камень тот расти и расти начал, да такой большой стал, что с его вершины весь Урал как на ладони виден. Этот камень, говорят, всю тайгу от огня бережет.

Жаль было народу Самбиндала, да что сделаешь? Неслух был. Так теперь и говорят в тайге: «Огонь друг — огонь враг!» Все, кто огонь по земле пускать будут, камнем станут.

Неверный шайтан

Д

авно, сказывают это было. Промеж высоких скал в долине небольшой речушки, на видном да на высоком месте, стоял деревянный шайтан, окруженный разными идолами.

Сюда ежегодно осенью, как пройдет по земле первая пороша, с дарами и жертвами направлялись манси просить помощи у идолов, просить удачи в охоте. И каждый манси нес дары, да такие, какие выворожил, запросил шаман на прошлом празднике. Дорого обходилось все это народу: много соболей, белок да куниц надобно было жертвовать деревянному шайтану-идолу.

Вот, говорят, жил в одинокой юрте охотник Илья. Каждый год лучшее, что имел, носил он в дар шайтану, но удачи в охоте все не было.

Далеко в лес Илья ходить не мог: ногу изувечил как-то на охоте. А близко ходить было нельзя: тут все места шаману принадлежали.

«Ну, — думает Илья, — уж нынче я постараюсь угодить шайтану».

С самого лета стал готовить тотап. На каждой стороне тотапа разные узоры наладил: на одной стороне оленя быстроногого вырезал, на другой — собаку свою верную, а на крышке тотапа — самого шайтана: точь-в-точь такого же пучеглазого, как на скале стоит. Как пришла пора, положил в тотап самого лучшего соболя и, ковыляя, на праздник направился.

Издалека еще Илья услышал шум горной реки. Подошел, видит: шуга идет. Берега, кажется, шире стали. Льдинки с шумом уносят вниз последние листья. Полюбовался Илья осенней рекой, вздохнул глубоко, поправил на плечах крошню, в которых лежал тотап с соболем, поправил малицу, откинул косы, переплетенные нитками всякими и украшенные кольцами медными да серебряными, и пошел к заветному месту.

Народу полно уж там. Все стоят на коленях и шайтану деревянному молятся.

После долгих просьб и молебнов перед шайтаном деревянным стали люди ему праздник справлять. Дары развесили на лесины вокруг шайтанов да идолов. Тут и лисы, и куницы, тут и соболи, и росомахи, и рысь, и горностаи, и белки висят на виду. А Ильюхин-то соболик ближе всего к шайтану.

Вдруг послышались удары бубна шаманова. Сам шаман стал шайтану молиться, за людей просить удачи в охоте, в песнях да плясках своих мило-

сти выпрашивать, все мастерство свое показывать. Кружится, мечется из стороны в сторону. Кричит голосами разными: птичьими и звериными. То на землю падет, то вскочит быстрехонько, то медведем зарычит, то собакой залает.

А бубен гремит-грохочет, шум такой стоит да гвалт, будто не один шаман все это прodelывает, а великое множество народу.

После такой-то службы усердной, весь растрепанный, ложится шаман к подножию горы шайтановой. А народ тогда обед справляет да пляски устраивает.

А Илье нынче невесело на празднике. Надоели ему за всю жизнь причуды да выдумки шамановы. Не видит он в том толку никакого. И думает Илья: «Если в тайгу иду и зверя найду — есть удача, если припас есть — тоже хорошо, тогда я и без шамана зверя добуду. Чем помог мне шайтан деревянный? Что сделал для меня шаман хорошего? Врут все они!»

Думал про себя Илья, а сам все на шамана поглядывал, не угадал ли шаман мысли его. А шаман лежит на земле и отдышаться не может.

«Дай-ка, — думает Илья, — я останусь да проведу, посмотрю, куда деваает шаман наши дары? Как наделять ими шайтана деревянного будет?» И с мыслями такими отправился в круг...

...Долго пели, плясали, молились все, целовали идолов, на столбах малеванных. Только поздно к вечеру, когда глаза шайтановы огнем загорелись, расходиться стали охотники.

А Илья не пошел домой. Спрятался он за кустами багульника, сам дрожит, чуть жив страха. Пролетела птица, задела крылом куст багульника, и еще страшнее стало Илье.

Прокричал где-то в стороне филин, а ему показалось, что это идолы меж собой перекликаются.

Поднялась луна из-за леса густого, осветила место заветное и речку быструю, шумную. Кажется Илье, что камни между собой переговариваются, а это речка журчит да от лунного света поблескивает.

«Нет, — думает Илья, — не боюсь я вас, помощников шайтановых!»

Видно Илье, что шаман собираться стал, что погасли глаза у шайтана деревянного. Снимает с лесины всю пушнину шаман и складывает в кучу одну. А куча растет и растет, да такая большая, что ни за что не поднять ее враз человеку.

«Вот богатство какое, — сколько мехов думает Илья. — На это все стойбище наше может прожить без охоты долгое время».

А шаман носит и носит пушнину. Тут запряг он оленей своих, да не одну упряжку, а целый ряд. И давай меха таскать, грузить да укладывать, а к шайтану деревянному и близко не подходит. Хоть бы белку одну в дар бросил ему. Нет, негодяй! Все забрал себе!

А Илья дрожит теперь уже от злости и обиды. «Не жаль мне и тотопы и соболя драгоценного, да обидно, что народ долгие годы обманывается. Обидно, что верят плуту лживому во всем!»

Тут раздался крик шамана, и одна за другой мимо Ильи пробежали нарты, увозя все богатство. Вскочил Илья, пошел по следу.

Хоть и больна у Ильи нога, да ходко идет он по тайге. Идет, торопится. Вдруг видит, за поворотом упряжка стоит. Шаман перевязывает нарту, плохо уложенную второпях. Подбежал к нему Илья да как схватит его, как встряхнет! Шаман заорал от неожиданности. Кричит что-то непонятное, не то заклинания, не то мольбу, прося пощады. Только Илья, как рысь, трепал его, перекидывал из стороны в сторону.

— Жадный волк! Хитрая лиса! Злой обманщик! — кричал в ярости Илья.

— Бери все! — взмолился шаман.

И сказал на это Илья:

— Я всю жизнь живу в тайге. Всю ее исходил, избородил, а богатства такого не видывал, и не надо мне его, чужого да краденого! Только знай и ты, бессовестный, чтоб ноги твоей больше здесь не было. Возьми нарту и убирайся прочь! Расскажи теперь в песнях своих, как охотник ограбил тебя, коли совести нет. Только знай, что все это тебе не достанется.

Повернув шаманские упряжки, поехал Илья обратно к реке и к шайтану.

Приехал охотник к месту заветному. Всюду идолы торчат, на кольях скрипят, от ветра поворачиваются. Страшно Илье, жутко.

Развязал он нарты и скинул всю рухлядь в горную быструю речку. Река подхватила легкие дорогие меха и унесла их вместе с шугой.

Душа Ильи была переполнена гневом, тоской и обидой. Ему хотелось крикнуть на всю тайгу, но только стон вырвался из его груди.

Илья выпил холодной ледяной воды и снова пошел к упряжкам. Распряг оленей и пустил их на волю в тайгу, а сам направился с шайтаном расправляться. Взобрался на скалу, где деревянный шайтан стоял, тронуть хотел, да страшно стало. Однако вспомнил Илья, что обман все это, осмелился: «Неверный шайтан, обманчивый». Как схватит его Илья да как бросит с утеса каменного, — только шум раздался кругом. Покатился шайтан, загрохотал о камни и бултыхнулся прямо в речку горную, быструю.

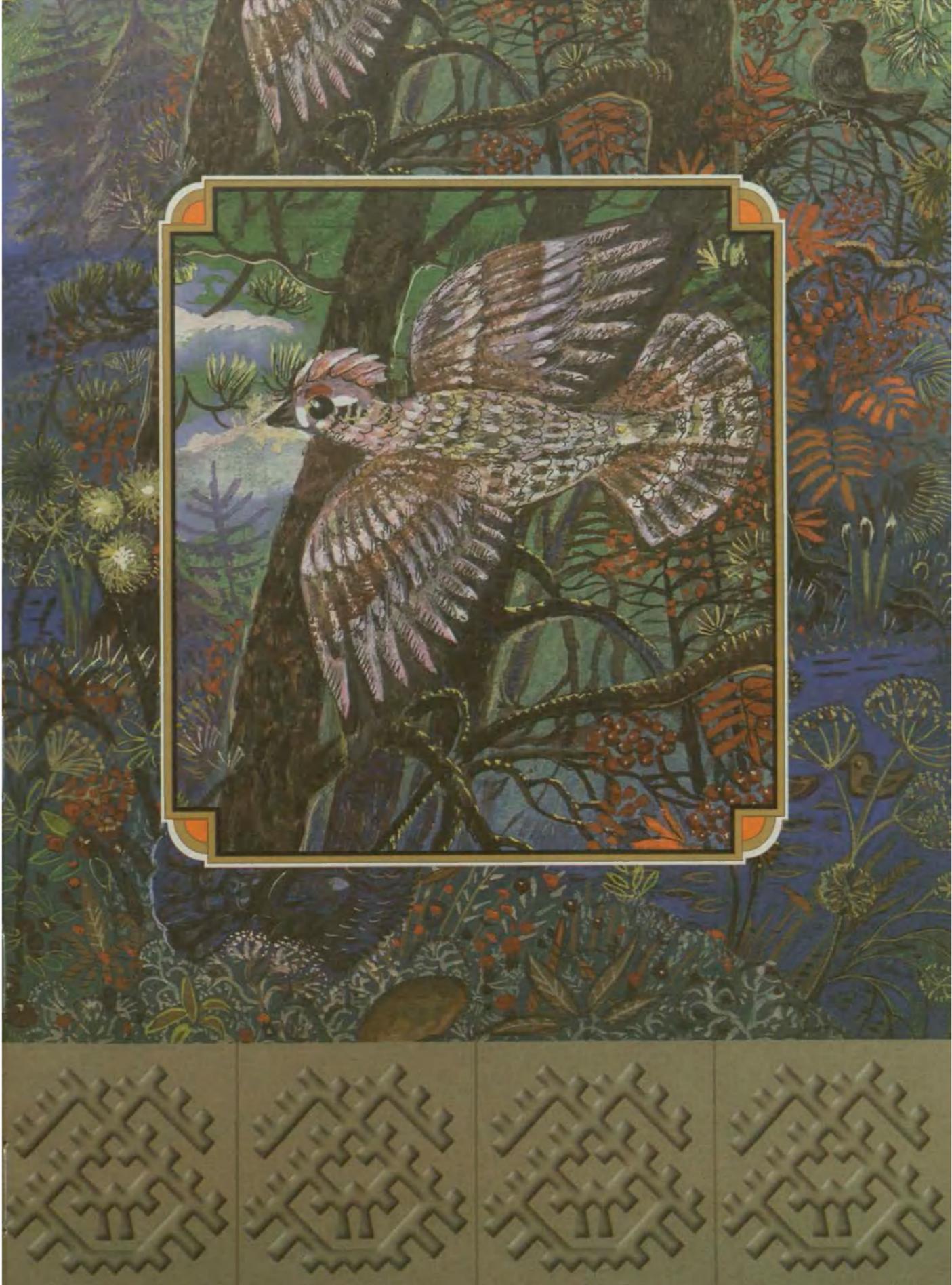
От шума да грохота сильного пробудились птицы и звери. Прокричала сонно сова и села на то место, где шайтан стоял. А сам Илья пошел домой.

И не знал никто про случившееся, только жадный шаман в эти места больше не ездывал, нашел, видно, новый Молебный камень.

Знали обо всем только старые охотники, знали, да помалкивали, да потихоньку над шаманом посмеивались. А место то и речку и теперь Шайтанкой зовут.

Храбрый Бахтиар

К

огда-то прогнал шаман одного мальчика, Бахтиаром его звали, навсегда из здешних мест. Невзлюбил шаман Бахтиара за то, что тот не боялся его. Шла молва, что Бахтиар мог один с двумя медведями в единоборство вступить и победить их, дерево любое без труда с корнем вырвать. А велик ли еще был! Боялся его шаман, вот и прогнал за это, велел идти куда глаза глядят.

Ушел Бахтиар, и видели его с тех пор в этих местах только один раз. И всегда, когда заходят разговоры у молодых охотников про Бахтиара, старики только руками машут: дескать, замолчите, раз ничего не знаете. Давно ведь это было. Вот эти-то горы, что стоят теперь вершинами в небо, наш Бахтиар сделал. Бахтиар тогда помирил двух шаманов, которые долгое время спорили и воевали друг с другом.

А спор вышел у шаманов из-за пустяка...

Бывало, только выпадет снег, наденет охотник свои лыжи, возьмет с собой собаку да и уйдет на целую зиму в тайгу. Сколько им исхожено, сколько изброжено — кто знает, кто сосчитает?

А в тайге и законы свои, и правила. Ходят охотники по лесу, промысляют зверя. Где достанет ночь, там и ночуют. Сначала-то все в снегу спали, как птицы. Потом ночью строить стали, это когда огонь появился, а позднее юрту ставить начали. Как зайдешь в нее, а там все приготовлено, будто только тебя и ждали: и валежник сухой около чувала, и мясо лежит, и стрелы оставлены. Ночуешь, и сам оставляй другому так же, чтоб было чем обогреться. А чтобы кому чужую ловушку обобрать или там капкан, так это грехом большим, позором считается.

С давних пор пошли такие порядки в тайге, да и до сих пор сохранились.

Ну, да только в семье не без урода. Вот один охотник, Григорием звали, как-то соболя уследил, гонялся за ним дня три, а изловить не мог. Известно, задор взял охотника. А зверь тоже, видно, хитер, старый, бывалый, не поддается охотничьим уловкам. До того бегал за сободем Григорий, что счет дням потерял. Замечать стал Григорий, что далеко от своих мест ушел, очень далеко! И вдруг соболя не стало, следов нет. «Вот беда какая!» — думает Григорий. Все обошел кругом — нет следов. Постучал по сухаре, не спрятались ли зверек в дупло. Нет! Срубил это дерево. Сел и сидит, опечаленный, Григорий: «Как далеко ушел! Сколько дней потерял!» Положил последний табак за губу и пошел обратно.

Пригляделся хорошенько, тропы с разных сторон ведут все в одну сторону. Вышел Григорий на одну из троп и пошел по ней. Смотрит, по всем деревьям шкур навешано располным-полно. Догадался Григорий, что это Молебен-камень. Обошел вокруг, нет ни души. А шкурки на ветру так и колыхнутся, так и просятся в руки, так и манят. Тут и вспомнились Григорию рассказы, как проучил на Шайтанке шамана охотник Илья.

«Пошто меха висят? — думает Григорий. — Или не успел шаман забрать их, или вправду с тех пор честным стал?» Мучают эти шкурки Григория, покоя ему не дают. Уйдет, далеко уйдет, но словно кто-то зовет его обратно. Дурные мысли поселились в голове Григория.

Решил взять он шкурки. Успокаивает себя: «Не беда, возьму, отнесу нашему шаману, покаюсь в грехах, и мне, может, даст».

Дождался Григорий ночи. Осмотрелся, вздохнул тяжело и пошел снимать дары. Руки тряслись, жалобно скулила собака, каждая шкурка ровно ожила и царапала его руки. Быстро наложил он полный охотничий мешок и бегом побежал от страшного места. Оставшиеся шкурки одиноко колыхались на ветру...

Думал Григорий, что все обойдется, съездил к своему шаману, отдал половину шкурок и вернулся в юрту. Да вдруг из-за этих шкурок такой шум поднялся, какого никогда в тех краях не было.

Чужой шаман, видно, поехал дары собирать, а их нет: Григорий там побывал. Заорал шаман на всю тайгу, собрал охотников, дрожит весь от злости, да еще и людям показать надо, что он честный, что Молебен-камень воры обирают, а на него, шамана, сваливают.

Ну, охотники сразу следы искать, а кто сравнится с манси по следопытству? Они и через месяц после метели и снегопада найдут и узнают, кто где был и когда. На след напали сразу...

А Григорий, хоть и принес домой пушнину богатую, никому ее не показывал, спрятал под глубокий выскирь да и сам боится к нему подходить. Мучает его совесть, не дает покоя, хоть иди обратно и развешивай все.

Вдруг к юрте Григория подъехало столько нарт, что глаза не оглянут, всюду упряжки олени, собаки рычат, полозья скрипят. Страшно Григорию стало, понял, что неладное сделал, да не исправишь.

— Отдавай, — говорят охотники, — дары, которые взял! — А сами все луки наготовили.

Нечего делать Григорию, пошел в лес к выскирю и отдал людям все сполна, до единой белочки, кроме тех, что шаману своему повез. А шаман-то помалкивает да еще Григория ругает, заклинания всякие шлет.

Взяли охотники пушнину и уехали молча.

С той поры не стало в тайге покоя. Начали враждовать между собой два шамана, а с ними и все манси.

Как-то не вернулся с охоты Григорий, да никто его и не пожалел, раз опозорил всех. Но и после этого покоя не стало: и ловушки разоряли друг у друга, и зверей из чужих капканов доставать стали. Плохо стали жить.

Принялись тогда шаманы готовить один против другого бой: надо, чтобы кто-то один

был хозяином в тайге. Плач поднялся в каждой юрте, матери целыми ночами молились деревянным идолам, прося их помирить двух шаманов. Но напрасно.

Настал страшный день.

Два шамана, а с ними хорошо вооруженные охотники встретились у большого болота. Олени, переступая с ноги на ногу, ожидали оклика хозяина.

На середину выехали два охотника, от каждой стороны по одному. Как только раздались звуки бубнов шаманов, две стрелы, как молнии, полетели навстречу одна другой, и в одно мгновение оба охотника, широко раскинув руки, пали на замерзшую поверхность болота.

Как густой снег посыпались стрелы. Крики и стоны наполнили тайгу. Напуганные птицы и звери метнулись прочь в окрестные леса. Снег на болоте перемешался с кровью.

Бой шел дотемна, пока солнце не спряталось за лесом. Сил оставалось немного, но уступать никто не хотел. Так прошла ночь. Наступил рассвет, и вдруг по тайге разнесся страшный грохот. Земля задрожала, и все увидели, как из-за леса появился большой человек с луком в руках. Он шел к месту вчерашнего боя.

Такого огромного человека никто никогда не видел.

Великан молча подошел к болоту и положил на его середину свой лук, а сам нагнулся вначале к одной стороне, потом к другой и выпрямился. Все увидели в его руках двух человечков, которых он поднял высоко-высоко над головой. Охотники узнали шаманов, их крик доносился, как комариный писк.

— Не бойтесь меня, люди мои, это я, ваш Бахтиар. Затеяли вы страшный бой! Зачем? Тайга большая! Места много! Живи хорошо, манси! Дружно живи! — И заставил Бахтиар шаманов народу о грехах своих рассказать. Помирились когда они, Бахтиар и говорит:

— Потому пришел к вам на помощь я, что всегда дружным был наш народ, не любил убивать человека. Лучше вот здесь богатство ищите! Найдете, совсем хорошо будет!

Достал Бахтиар из кармана мешочек маленький, а из мешочка песок посыпался. И сразу же горы появляться стали, а Бахтиар поднял свой лук и пошел дальше, посыпая свой след песком из кошелька.

И как ушел храбрый Бахтиар, так за ним след каменный остался. Далеко, видно, ушел, потому что краю и конца этим горам манси не нашли. И объехать их ни один удалец не смог.

По обеим сторонам этих гор народ манси живет. Дружно живет. Видно, крепко помирил Бахтиар шаманов-то.

Бахтиара с тех пор никто не видел больше. А про богатство в горах, о котором Бахтиар говорил, подумать надо. Поискать в тех горах, что далеко на север идут. Должно быть, много его.

Страшные кедровники

Справляли раньше люди праздник медведя. Гости съезжались со всех сторон к юрте Петра Анямова. Нарты колокольчиками, бубенчиками украшены, звякуют. Едут гости — люди веселые! Встречать надо. Выходит хозяин, кланяется гостям да в юрту приглашает. Сам-то богато одет: шапка соболья, совик нарядный, на ногах унты хитрыми узорами расшиты. Богат Анямов, знатен, тысячу оленей имеет. А жаден, скуп да зол — не сыскать в тайге такого. Знают все его характер, его скупость, а едут. Так уж ведется. Анямов убил медведя. Ему в охоте удача была. То ли у него ружье было хорошее, то ли места знал, только чаще других убивал он медведей. А иные говорили, что удачу ему приносит молодая жена Домна. И верно, она удачливая была. Анямов брал ее с собой на охоту, добычу хорошую привозил.

В юрте, в переднем углу, где убитый медведь за задние лапы посажен, хозяин устраивается с ружьем. Гости заходят, кланяются зверю и хозяину да горсть снега бросают в медвежью морду.

— Прости меня, медведь, — говорит Анямов, — не я тебя убил — ружье, а ружье не манси выдумали.

После этого идет в юрте пир горой. Раздаются звуки санголы и бубна, начинают танцы молодые охотники. Кто охоту изображает, кто рыбную ловлю. Тут же в юрту вбегают ряженные. Шум, смех, веселье! Кто присвистывает, кто приплясывает. А старики сидят у стен, табак пожевывают да улыбаются, глядя на расходившуюся молодежь.

Не удержался и Петр Анямов. Поставил ружье около медведя, расправил расшитую рубаху и тоже пустился в пляс.

Веселились только мужчины, а женщинам на этом празднике быть не полагалось, они с детьми сидели в другой юрте и готовили кушанья для мужчин. Была с ними и жена Анямова. Не любила Домна мужа своего за жадность. Анямов обирал охотников, не пускал их на охоту в свои владения. А как только встретит кого в лесу, тогда беда: собак натравит на несчастного, избьет. Говорила, бывало, Домна ему:

— Ну чего ты жадничаешь? Тайга большая! Много зверя в тайге!

Только слушать Анямов не хотел ее. Зло посматривал на нее, а тронуть боялся. Она была особенная, не похожая на других. Ей отец за любовь к зве-

рю поведал тайну великую — знание языков звериных и наказ дал защищать тайгу и зверей от беды. Втихомолку манси называли ее «царицей тайги». Да и Петр понял, что только с появлением в его юрте Домны он стал богатеть.

Пир шел уже несколько дней. Опьянел Анямов и стал хвастать перед охотниками своими богатствами, начал им строго-настроено наказывать, чтобы они не ходили в его охотничьи угодья, чтобы на сто верст вокруг своей юрты он не видел ни одного человека. Не понравилось это охотникам. Сидят они, нахмурились, а перечить хозяину не смеют. «Не миновать большой ссоры!» — думают все. А на празднике был молодой охотник Игнат. Он не вытерпел да и говорит Петру Анямову:

— Не хвастайся! Нас много, а ты один в тайге хозяин, ты один продаешь и меняешь дорогих зверей. Неправильно это. Будем убивать зверя, где захотим!

Как расходился тут Анямов! Побагровел от ярости. Глаза кровью налились. Обругал Игната и гостей, вышел из юрты, запряг своих оленей и умчался... «Недоброе дело затеял Анямов», — решили все.

Засобирались охотники и, не окончив праздника, разъехались по юртам с тяжелыми думами. Только Игнат остался.

Вдруг послышался страшный шум: звери и птицы бежали и летели к юрте Домны, словно просили защиты. Гарью потянуло, сучья затрещали, дым повалил. Это тайгу Анямов поджег от злости. Вскоре из леса выехал и сам Петр.

Бледный, испуганный, понял, что неладное натворил. А звери хода ему не дают: теснятся, зубы скалят, рога наставляют, когти нацеливают — вот-вот разорвут. А он в юрту. Знает, что любят Домну звери, здесь и ему спасение будет.

Посмотрела на него Домна злыми глазами да как крикнет своим властным голосом: «Звери и птицы! Летите, бегите сюда!» И Анямов бессильным вдруг стал, ползает, встать не может. Кричит только в страхе:

— Спасите тайгу! Уберегите ее от огня!

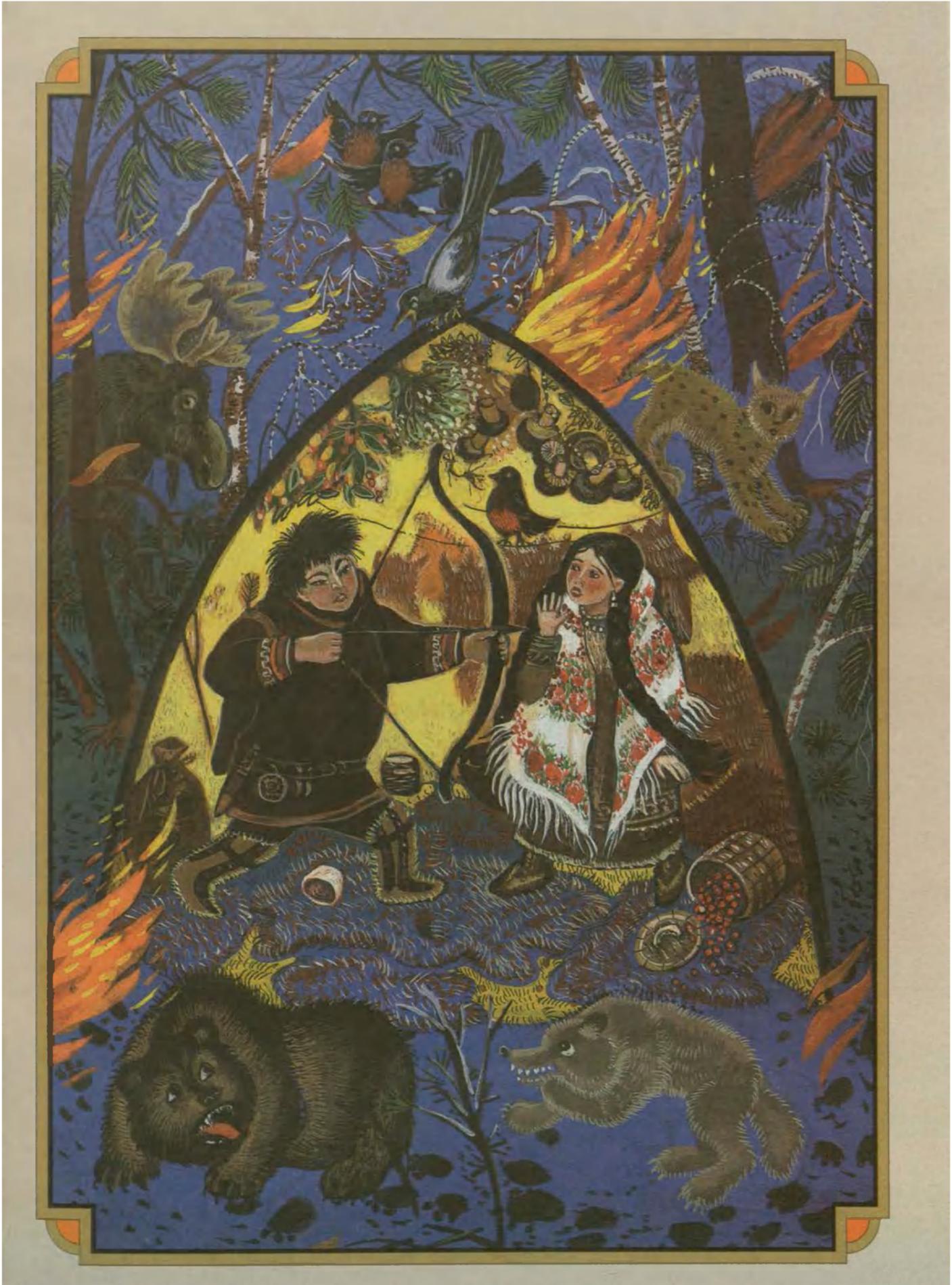
А кругом такое пожарище, что сказать страшно, не только видеть. Подумать только: ведь первая пороша прошла, а тайга горит таким пламенем! Домна и говорит Анямову:

— Иди теперь да проси у зверей пощады. Простят — жить тебе, нет — заслужил, значит, сам себе кару!

Знает Петр, несдобровать ему, потянулся он к луку, хотел заставить Домну под страхом смерти просить за него пощады у зверей. В это время в юрту вбежал Игнат. Как увидел он, что Петр в Домну целится, так и бросился на него, да уж поздно было. Пронзила стрела Домну насквозь.

Схватил Игнат Петра и выбросил из юрты на растерзание зверям, а сам к Домне. Подхватил ее да скорее с ней из юрты выбежал. Раскинулись руки у Домны в разные стороны, и поднялись слева и справа от них кедры могучие, встали сплошной стеной, зашумели, замахали ветвями огромными: не пускают дальше в тайгу пламя-пожарище. Злитесь злое пламя, трещат сучья, летят искры во все стороны. Но стоят на страже кедры могучие, и зверь спасается в тайге, защищенной высокими кедрами...

С тех пор прошло много лет, а кедры по-прежнему стоят на том месте, такие большие, стройные да густые, что вершины их переплелись ветвями. Темно под ними, даже солнечные лучи не просвечивают; дождь пройдет, а в кедровнике сухо; буря поднимется, а там, как в убежище, человек спасается, а уж зверью — раздолье, и говорить не приходится. Но оттого, что там кедры сильно шумят да солнышко редко показывается, не всегда туда ходят охотники, а уж если пойдут, то без удачи не возвращаются. Места эти, однако, и по сей день страшными кедровниками называют.

Яны рума

А

рэмча был большим мастером по охотничьим делам. Даже трижды бывавший в лапах медведя охотник Нерин уступал ему в смекалке. Только по первой легкой, как пыль, пороше пробежит соболь, все знают — Арэмча догонит его. Только начнут оттаивать болота, резким весенним ветром станет сдувать с вербы желтую пыльцу, прилетят утки знают все: первая утка Арэмчи.

— Ай-ай! Ловкий какой Арэмча! — говорили охотники.

Только вот слух про Арэмчу ходил по юртам, что знает он людей из-за увала.

— Живет там большой народ. Злой народ. Манси — народ маленький, ему в лесу жить надо. Отнимет большой у манси все: зверя, птицу, рыбу, — так говорил старый шаман, поднимая вверх дрожащий палец. Из его красных больших глаз, не переставая, текли слезы.

Арэмча не слушал шамана, его мысли были далеко-далеко, за увалом, где живут хорошие люди, совсем не такие, о каких говорил шаман. Арэмче вспомнился солнечный зимний день, когда снег, сверкая, до боли слепил глаза и звонкий залиvistый лай торопил Арэмчу.

— Эх! — вздохнул Арэмча. — Зачем Верба нашла незнакомца? Жил тихо Арэмча, спал спокойно, а теперь? Теперь нет! Теперь хочется сходить туда...

Он невольно посмотрел в сторону увала. Верба, лежавшая у ног, словно угадала его мысли, завиляла хвостом, лизнула его руку. Арэмча гладил собаку, прижимал к себе и говорил:

— Ты виновата! Зачем близко пустила? Э-эх, Верба!

...В тот день Верба нашла след, чужой след, который шел с увала. Арэмча побежал по следу и увидел чужого человека. Он одет был не так, как манси, а главное, был без кос, и изо рта у него шел дым. «Видно, правду говорил шаман, что «огонь рот держит!» Ай-яй!» — Арэмча хотел незаметно отойти, но чужой человек заметил его и направился к нему. Свой дым он бросил в сторону, ружье отставил к стволу молодого дерева, с ветвей которого сразу повалились комья снега. Освободившись от тяжести, ветки словно подпрыгнули, приветливо замахали. Взгляды охотников встретились. На Арэмчу глядели добрые светлые глаза. Чужой человек подошел, похлопал Арэмчу по плечу, потом что-то сказал. Арэмча заулыбался и, услышав знакомое слово «пач» — «здравствуй», засмеялся, обнажив желтые зубы.

С этого дня все и началось.

Они стали часто встречаться, и скоро в юрте Арэмчи появились необычные вещи: плетеные «варежки», сладкие белые камешки — «сахар». Вербя всякий раз встречала и провожала гостя и уж при одном только слове «Никола» начинала громко лаять, нюхать воздух.

Друзья стали вместе ходить на охоту. Арэмча мог в любой снег догнать сохатого или оленя, знал каждый след в тайге, а у Никола было хорошее ружье. «Ай-яй, как шибко и далеко бьет оно. Какой гром делает в лесу!»

Арэмча всем сердцем полюбил Никола и называл его «яны рума» — большой друг.

В ответ Никола хлопал его по плечу и тоже говорил ему «рума». Арэмча жестами рассказывал про свои дела, и Никола, стараясь понять его, внимательно слушал. А когда Никола брал в рот огонь, Арэмча теперь не боялся, даже сам пытался брать, но предпочитал табак нюхать, жевать или класть за губу.

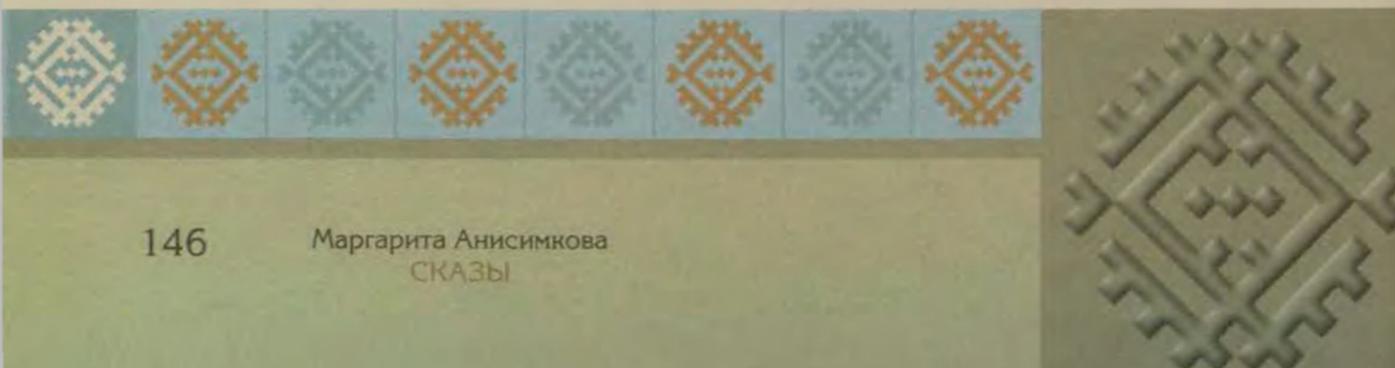
Шли дни. Люди догадывались о дружбе Арэмчи с человеком из-за увала. Слух дошел и до шамана. Злой, своенравный старик задумал навсегда отучить Арэмчу от дружбы с русским, навести страх на всех, запугать. Он стал исподтишка травить в соседних юртах оленей, лучших охотничьих собак, говоря потом, что вся эта напасть из-за тех, кто дружит с чужими людьми. Шаман требовал наказать Арэмчу — утопить его в реке, завязав в савик. По юртам шел ропот, пугал манси страх перед большой бедой.

Жалко было Арэмче оставлять свою юрту, но и умирать он не собирался. Поздно вечером, когда совсем стемнело, Вербя выскочила из юрты и побежала в тайгу. Она бежала к Николе. Вербя никогда не была в пауле, где стоят деревянные юрты. Кубарем свалившись с горы, по запаху нашла юрту Никола. Он вышел на ее звонкий, заливиный лай, стал гладить ее умную морду. Собака жалобно смотрела, как будто молила его идти за ним, тербила его за подол рубахи. Никола понял. Встал на кисовые лыжи, подарок Арэмчи, и понесся за Вербой. Деревья словно сами раздвигались и давали дорогу. Пар валил от спины. Вот и юрта. Никола, волнуясь, подошел к ней. Он понял, что с Арэмчей что-то случилось. Вербя по-хозяйски скребла лапой дверь.

Никола встретил Арэмча, он рассказал, что должен уйти из этих мест, что ему хочется на прощание сказать: «Никола, яны, яны рума».

Быстро собрался Арэмча и под шум вековых деревьев покинул юрту. И когда шаман пришел к Арэмче, чтобы выполнить волю шайтана, Арэмчи уже не было.

Долгую жизнь прожил Арэмча. И всегда, когда Никола бывал в тех местах, где поселился Арэмча, наступало веселье. Большому другу принадлежало самое почетное место. Друзья Арэмчи с любопытством смотрели на русского, и каждому из них хотелось обнять его. А Арэмча угощал Никола мороженой строганиной, обнимал, крича на всю юрту: «Никола рума! Яны, яны рума!»

Первый пауль

Н

а том месте, где завод гидролизный строится, чуть от реки, на болотине, был большой глухариный ток. Место, ясно, облюбовано старыми глухарями: ягод прошлогодних вволю, лиственница тоже кругом, покой, тишина. Птицу никто не тревожил, люди жили далеко от этих мест. Летом как-то поставил юрту недалеко от глухариного тока охотник Екор. Место хорошее: от реки недалеко, и рыбы половить можно, и оленю у реки спокойнее. Известно, у реки-то овода надоедного меньше, ветерок на реке отгоняет его.

Привычно кочевать Екору с места на место. Сколько им троп исхожено, сколько провел он зим и лет в тайге, не знает! Не знает Екор, и где родился. Знает, что на Урале, а где? Урал большой, очень большой!

Привыкли жить как кочевые люди, да все равно иногда собирались вместе: то праздник медведя справить, то просто повидать друг друга. А вот чтобы жить всегда вместе — нет. Думали об этом, а боялись. «Плохо будет жить. Зверь далеко уйдет», — говорил шаман. А люди верили. Шаману-то, конечно, хорошо, когда лучше обманывать: меньше худой славы о нем будет, бояться его будут, даров больше приносить будут.

Так и жил каждый кто где. Зимой по тайге купцы проезжали с шаманом по юртам, скупали у охотников пушнину, обменивали, обманывали. Так же, как и все, жил Екор...

Будто на крыльях, летела в родные края весна. Утрами вековые деревья стояли молчаливые, настороженные, окутанные густой дымкой тумана.

— Ай-яй, как хорошо! — улыбнулся Екор. Он вышел из юрты встретить свою дочь с охоты.

«Зачем Окра долго не идет?» — думал Екор.

А Окра, опустив низко голову, вышла совсем с другой стороны. В руках ее был только лук. Екор спросил:

— Зачем печальная Окра? Зачем не ходит она на большой глухариный ток? — Окра молчала.

— Поздно уже ходить на ток, — не переставал Екор, — глухарь лиственницы попробовал — голос потерял. Больше глухарь токовать не будет.

Обычно глухари рано утром вылетают на лиственницу поклевать молодые побеги, а как лиственница позеленеет, распустится, глухари перестают токовать.

— Один глухарь токовал. Дурной глухарь, — чуть слышно сказала Окра.

— Зачем дурной? — удивился Екор.

— Дурной! Крыльями машет. Кричит, кричит. На дерево не садится. Ле-

тит высоко-высоко в небо. Потом на землю садится. Красивый глухарь: крылья большие, голос громкий, глаза ясные, гордый!

— Зачем глухарь высоко летал? — удивленно качая головой, сказал Екор. — Глухарь низко летает.

Но Окра ничего больше не сказала отцу. Она не рассказала, как надсадно кричал ей вслед глухарь. Ведь Окра знает, что громко кричать глухари не умеют. А этот может. Какой смешной глухарь! И думать больше не хотела о нем, но не тут-то было!

Окра каждый день стала видеть странного глухаря: то он на сосне сидит, то по болотине ходит, прошлогоднюю ягоду собирает. «Ладно, — думает Окра, — попадешься мне!»

Так прошла вся весна. Уж и черемуха расцвела, и река с шумом унесла последний лед, и уток налетело полно. Много дел у Окры. Много дел у Екора. Но куда бы ни пошла Окра, везде этот глухарь. Так низко пролетит, что даже ее крылом заденет.

Однажды Окра спала в юрте, и вдруг кто-то сильно застучал в стену. Вышла Окра — темно, а в воздухе шум стоит от глухариного взлета. Не один глухарь, а много. Только зайдет Окра в юрту, снова стук, хлопанье крыльями. «Зачем глухарь Окру дразнит?»

Утром взяла Окра лук и пошла на ток. Вместо прошлогодней жухлой травы — сплошной зеленый ковер. Как вымытые, листья брусники блестят на солнце. Окра ждет тихо. От утренней росы вымокли мягкие черки. Слышит Окра, летит глахарь. Крыльями тяжело машет. Летит прямо к листовнице. Сел на ветку, обхватил крепко своими когтями. А Окра с глухаря глаз не спускает. «Убью его! — думает Окра. — Дурной глухарь». А глухарь, как бы подтверждая ее мысли, заорал громовым голосом. И сразу же со всех сторон налетели глухари. Закоткали, заскрежетали клювами и подняли такой шум, что Окра перепугалась. Но что было делать? А черемуха, будто проснувшись, встряхнула всеми ветками, нарядная, горделивая, душистая! Дурной глухарь запел, и все птицы притихли, слушая его. Окре очень не хотелось упускать глухаря, но и убивать его тоже было жалко. Долго Окра любовалась красавцем. И вдруг «дурной» взмахнул крылом, и все глухари вмиг взмахнули крыльями. В тот же миг Окра закрыла глаза и выстрелила.

Открыв глаза, Окра себе не поверила: вокруг нее стояли молодые охотники, а среди них один с окровавленной ногой. Окра от удивления не могла и шагу ступить.

Первым заговорил раненый «глухарь»:

— Спасибо тебе, славная девушка! Напрасно Окра боится нас, — сказал он, перевязывая раненую ногу цветастым платком.

Как только Окра услышала свое имя, словно проснулась от ужасного сна.

— За что злой дух мучает Окру? — подняв к небу руки, спросила девушка.

— Я человек, и это мои товарищи, а не злые духи, — сказал «глухарь».

— Как глухарь знает Окру? — чуть слышно спросила она. — Как глухарь человеком стал? Отпусти Окру! Окре домой надо!

— Не бойся, славная девушка! Выслушай нас, глухарей-людей.

И стало тихо вокруг, деревья перестали шуметь, и ветер смолк.

— Выслушай нас, Окра, и помоги нам. Мы хотели, чтобы люди в один пауль собирались. Хотели, чтобы все люди жили вместе. Но злой дух не хочет дружбы людей. Всех, кто говорил о пауле, он сделал глахарями.

— Долго нам быть глухарями, — вздохнул другой глухарь.

— Пока люди сами в пауль не соберутся, — добавил третий.

— Как вам можно помочь? — спросила Окра. И все заулыбались, услышав ее слова.

— Нам помогут те, кто наше дело продолжать станет. Ты никому не говори о нашей встрече, а как наступит осень, как поспеют в лесу все ягоды, значит, пора! Сумеешь позвать отца за собой, послушает он тебя — значит, быть нам людьми.

И вдруг видит Окра, что покрываться перьями они все стали. А раненый глухарь только и успел сказать:

— Пойдешь по тропинке, которая будет вся из черемухи спелой. — И не успела Окра опомниться, как глухари взмахнули тяжелыми крыльями, полетели, а сзади всех раненый, гордый, красивый глухарь. С тех пор Окра больше не видела в тайге «дурного» глухаря. Часто думала она теперь о том времени, когда поспеет черемуха и пойдет она с отцом по указанной глухарями дороге к новому месту, где много людей и много корма оленям, где много зверя.

Тайга отцвела быстро. Наливались вкусным соком ягоды. И кисти черемухи, пригретые теплым солнцем, стали буреть и скоро почернели. Надо было перекочевывать, и Окра попросила старого Екора, чтобы он пошел нынче на место, которое выбрала она, Окра. Отец согласился. Как только начал опадать лист, полетели в теплые края птицы, Окра заторопила отца в путь. Старый Екор удивлялся: рано еще, оленю трудно будет волочить нарты без снега. Но Окра не унималась, и отец послушал Окру, он верил ей.

Вот и готовы олени: сытые, сильные, шерсть лоснится, блестит. Отец помолился идолу, накормил его на дорогу салом, измазал кровью от самого лучшего оленя, поблагодарил место за приют и покой. Олени двинулись в путь. Шли долго. По обеим сторонам тропинки висели наливные, спелые гроздья черемухи. Идти было тяжело. И отец уже не раз говорил, что зря послушал Окру.

— Так далеко в такое время нельзя, — говорил отец. — Зимой другое дело, зимой олень все может, а теперь тяжело!

Шли уже много дней, а тропинке не было конца. Чуть дальше, в стороне, Окра увидела такую же тропинку, только с обеих сторон усыпанную брусникой. Видно было, что здесь тоже прошли кочевые люди. Еще немного дальше была третья тропа, из голубики, дальше — тропа из морошки, из черники...

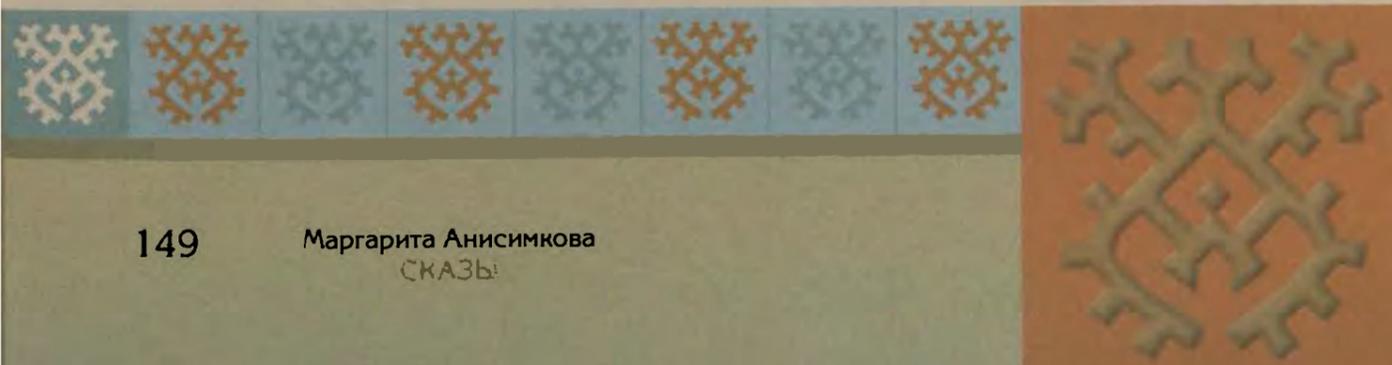
И вот место чистое, ровное, светлое. Стоит посередине чистого места юрта, и со всех сторон к ней идут тропинки, а по тропинкам этим люди идут семьями. Из юрты выходит раненый Окрой молодой охотник. Многие узнали в нем удалого охотника Мефодия, который исчез несколько лет назад. Поклонился низко Мефодий охотникам и сказал:

— Дорогие братья, зачем нам и дальше жить так? Кочевать меньше будем. Место хорошее, ягод много, леса много, зверя много. Людей будет много. Хорошо жить будем.

— Больно хорошо будет! — утирая слезы, говорил старый Екор. — Екор оленей пастить будет, молодые — на охоту ходить, а старики нарты строить, жены савики, нярки, унты шить, ребята вместе играть, учиться будут. Хорошо пауль. Больно хорошо! Много дел. Хватит дел.

Кругом был виден дым топившихся чувалов, слышался лай собак, смех детей, стук топора над первым в тайге паулем.

С тех пор стали люди селиться в паулях, а кто злого духа боится, тот все еще по тайге кочует, только таких теперь мало стало. Очень мало!

Заколдованное слово

Н

е у синего моря, не у горных круч, не у рек могучих, а в глухой тайге жил Тарка-охотник.

С ветром в детстве Тарка дружил: он его и ласкал, и за кудри трепал, и учил, как свистеть-кричать, где на случай беды искать. С детства Тарка и к морозу привык. Знал проделки и повадки его. И по хрусту деревьев угадывал, где шагает мороз, серебрит все вокруг, леденит. В такую пору долго в чуме охотник сидел, ноги грел в золе, ждал, когда мороз пройдет, успокоится.

А под песни пурги засыпал крепко, видел сладкие сны.

Как настанет пора, на охоту Тарка торопится. Разглядит он под утренней порошей соболий след, идет день, идет другой, идет много дней, все равно изловит зверя.

В неудачные дни говорил сам себе: «Не ругай, Тарка, ловушки, нет у них чума». А сам думает: «Плохо, плохо Тарка охотился. Пустые крошни — тяжелая ноша охотнику».

Так и жил Тарка на родной земле.

Как-то под вечер торопился Тарка с охоты, густым лесом шел, прямой дорожку к чуму искал. Вдруг учуял он запах дыма едкого. Остановился, постоял, поглядел в разные стороны. Тишина, только черный дым меж деревьями крадется, как лиса. Сбросил Тарка крошни с плеч и пошел посмотреть, кто в тайгу пришел? Кто дым по тайге пустил?

И увидел Тарка большие костры. Притаился за деревьями, смотрит, слушает, видит: люди топорами стучат, гул кругом стоит, с шумом падают кедровые могучие. Их в костры бросают, только искры к небу летят, дым по земле стелется.

Вдруг гром раздался. С перепугу присел Тарка. «Кто среди зимы гром делает? — подумал и назад побежал. Видит: звери бегут и птицы летят, обгоняют его. — Кто в тайгу пришел? У кого спросить?»

Прибежал Тарка к озеру. Изловил оленя белобокого и бегом к берегам речным — ветер отыскать, ветру рассказать про беду в тайге.

И помчал его олень во весь мах: из-под широких копыт снег комьями выбрасывает, рога большие ветвистые на спину закидывает. Долго бежал олень, устал. Остановился. Рогом снег пободал, на колени пал.

— Ты оставь меня, Тарка-охотник! -вдруг сказал олень голосом человеческим. — Отпусти на болото меня, дай набраться сил!

Рассердился Тарка, вскочил с нарты и давай кричать, ругаться.

— Ты дурной олень! Стороной бежишь! Мох-лишайник ешь! Ничего не глядишь! В тайгу люди пришли! Дым-огонь принесли! Загорится тайга. Злой огонь весь лишайник съест, не оставит мха...

Вскочил олень, промычал, проревел, боль-усталость стряхнул. С вспотевших боков на землю ворсинки посыпались.

— Уж недолго бежать! — слышит крик в стороне.

То сова кричит с опаленным крылом.

— Ты по сору беги! Потом к Янге сверни! Через гору скачи! И на берег реки!

И помчался олень, обгоняя птиц: на сор побежал, по Янге свернул, через гору на берег выбежал. А ветер тут как тут. По широкой реке катается, то в одной стороне, то в другой его длинная снежная борода покажется. То в вершинах деревьев зашумит, бородой за ветки зацепится и придавит их к земле, то кустарники треплет, то с пушистыми снежинками заигрывает да так закрутит их, что до самых звезд они поднимаются. Улыбается ветер, радуется.

Как увидел Тарку, шапку с него сбросил, укатил в кусты и давай кидать самого в разные стороны. От куста к кусту, от кочки к кочке. Шагу сделать не может охотник.

— О-го-о-го! О-го-го! Ты дурной ветер, зачем балуешь? — закричал Тарка-охотник. — Я к тебе за помощью пришел.

Ветер замолчал, за деревья могучие ухватился, качается, головой трясет, бородой метет, только снег летит-кружит в разные стороны.

— Говори скорей! — кричит. — Сил не хватает стоять.

— В тайгу плохие люди пришли! — крикнул охотник. — Дым-огонь принесли! Среди зимнего дня гром делают.

Зашумел ветер, полетел. Летит, летит, остановится. Видит: тихо спят снега, под тяжелым льдом дремлют реки, а от леса гарью, дымом пахнуло. Видит: войско большое прискакало. За плечами у солдат котомки немалые. Кони сытые, запряжены в сани-розвальни. Заскрипели полозья, забуровили кони нетронутый снег.

Вздрыгнул ветер, от злости затрясся весь. Закружил, замел — не видать ни следа, ни дороженьки. Лопотину рвет, полы прямо на голову закидывает. Ну, раздеть, разуть норовит. Даже кони и те с ног валяются.

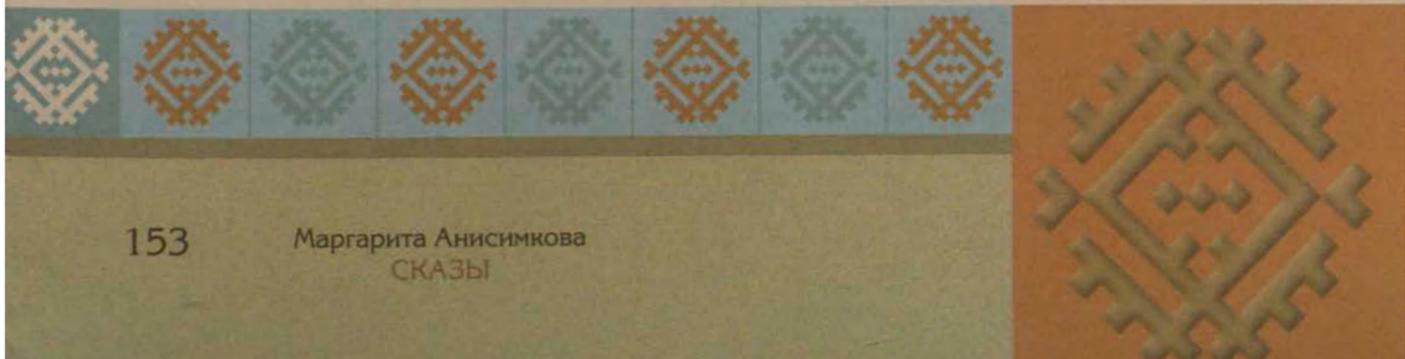
— На какой нам леший эта Сибирь! — взмолились люди. — Ни следа, ни дороги нет. Жди — мороз еще в гости пожалует.

— Устоим. Приберем к рукам. Обуздаем всех. На то и послано сюда войско царское.

Взметнулся ветер, взлетел в облака и помчался брата мороза на подмогу звать.

А тем временем войско царское разожгло костры огромные. Торопилось у огня отогреть руки примороженные.

Покряхтел мороз, подкрался тихонечко. Поначалу со всеми заигрывал. Кому нос щипнет, кому ухо, а кому до щеки доберется.

— Проклятуший край! Ни одной избенки вокруг! — Слышит это мороз да радуется. Сам тихонечко до ног и до рук добирается, а зазевался кто — и под шубу залезет. Заплясали ноги, забегали. А мороз знает свое дело. Примораживает.

И давай плясать войско царское. Пляшет день, другой. С ног все валятся, остановиться не могут. А мороз трещит. Хоть в сосульку оборотит, а ветрище трясет беспре-
станно всех.

— Пропади ты пропадом, безлюдный край! Со своими зверями и птицами. Со своими лесами и реками!

И помчалось шойско в обратный путь. Стало тихо в тайге, обрадовался Тарка. Ветру, морозу откланялся и домой пошел.

С той поры много дней прошло, много зим.

Как-то ночью слышит Тарка незнакомый звон. Колокольчики позвякивают, и у чума упряжка останавливается. Ввалился в чум чужой человек. И язык чужой — не может Тарка ничего понять. «Соболь, белка, куница», — только и понял. Тут же принес человеку дорогие меха. Тот сложил их на нарты и уехал дальше в тайгу, бубенцами побрякивая.

Вышел Тарка из чума, да к ветру скорей: узнать, кто такой по тайге разъезжает?

Полетел ветер. Слышит: орет, горланит во все горло Тютюримко-шаман. Рядом с ним на нартах в теплой шубе сидит чужой человек, все про соболя, белку расспрашивает.

— Соболь, белка — полно! Горноста́й — полно! И песок — полно! — кричит Тютюримко-шаман. — Ты, купец, приезжай! Нам побольше таскай воды огненной.

Ветер тут налетел. Опрокинул нарты вверх полозьями. И мороз успел прискакать. Ну морозить купца. В меховые унты забирается, в савике гуляет-хозяйничает. У купца от холода глаза выкатываются. Губы синие дрожат, зубы чкают.

— Пропади пропадом и пушнина вся! — взмолился купец обмороженный. — Домой скорей! Погоняй оленей!

И надолго забыли купцы дорогу в эту сторону...

А если и приезжали, то крадучись, чтобы с ветром да морозом не встретиться...

Еще много зим прошло. Лето настало. Ветер в ту пору праздновал: тальники мыл в воде, свою бороду расчесывал, день-деньской был в радостях. Песня звонкая до него докатилась. Бросил ветер свое дело, полетел послушать.

Видит: люди идут, смех и радость в глазах. Ветер зашумел, засвистел. Только люди не испугались его, не попрятались. Дальше идут. Удивился ветер. Кто такие отчаянные? У леса спросил, у рек спросил, у озер спросил. Никто не знает. А когда спросил горы Уральские, засмеялись они, загрохотали, повалили камни в разные стороны.

— Геологи пришли! Люди это бесстрашные! Ничего тебе с ними не сделать.

Полетел ветер к холодному морю. Стал мороз на помощь звать.

— Не могу, — говорит мороз. — Не пришла пора! Лето сейчас. Ты слетай-ка на болота, озера — попроси комаров. Не бывать такому, чтобы не справились!

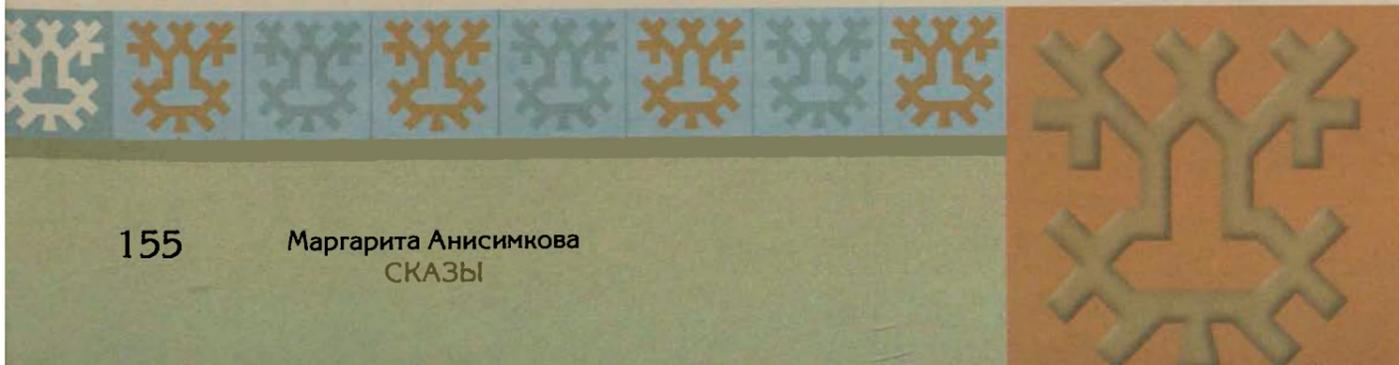
Поднялось войско комариное. Загудело, запищало, небо тучей заволокло, закрыло.

— Берегись, геолог! — ветер кричит. — Мы еще до мороза тебя выживем!

А у геологов пилы визжат, машины шумят, дома строятся. Смотрит ветер: Тарка тут же ходит, улыбается.

— Ты чего, Тарка, желаешь? — прокричал ему ветер на ухо.
Погрозил охотник ветру, улыбнулся. А геологи дальше идут, песни поют.
За работу ветер. Без умолку шумел, без умолку хлестал много дней подряд. Пока силы его не покинули.
Тут комариная туча навалилась. Хоть лопатой гребь, хоть кострами жги это войско иглоносое. Передохнуть нельзя!
Вдруг вздрогнула земля, зашевелилась.
Испугался Тарка, плашмя в лодку пал. Ветер прочь полетел, комарье на болота сдул.
А земля снова вздрогнула. К небу огненный столб подбросила. Побежала речка черная да пахучая.
Парни песни поют, радуются.
«И чего орут, окаянные!» — думает ветер.
— Ты Сибирь, Сибирь, наша Родина! — несетя вокруг.
Видит ветер — Тарка едет, санквалтап везет.
— Ты куда это, Тарка, отправился? — бросил вслед ветер.
— Я поехал к геологам! — крикнул Тарка.
— Заколдованное, видно, крепко-накрепко это слово. Ничего с ними не поделаем, — завыл ветер.
— Быть хозяином им! — прохрипел мороз.
Ветер долго летал, долго снегом кидал, долго слушал песни добрые да и сам вдруг запел.
Про луга пропел, про леса пропел. Не забыл и про реки великие.
Только лучше других была песня новая, здесь неслыханная.
Про больших людей, молодых парней, озорных, работающих, отчаянных, тех, которых геологами зовут.

Трусливое сердце

Силы у Ювана хоть отбавляй, и зла столько же. Плохо, когда не знает человек, куда силу девать. Потому и не любили его, на праздники никто не приглашал. А он от этого еще злее был. В молодые-то годы, правда, приглашали, да только всегда Юван с кем-нибудь ссорился, в драку лез. Худая молва быстро летит по свету. Вот и перестали его в гости звать.

От обиды такой уехал он далеко, чтобы никого не видеть, никого не встречать.

Жена у него была — Агафьей звали: тихая-тихая, молчаливая. Посмотрит только на нее Юван, а она сразу вся задрожит, как осинный лист на ветру. Да и олени, и собаки его боялись: каждый на своих боках испытывал его пинки и удары. А если узнавал Юван, что у кого-то праздник, ехал тогда он за далекие версты, брал огненной воды и приезжал домой чуть жив. Все в юрте и вокруг стихают, кажется, перестают дышать: Агафья, олени, собаки.

Даже деревья, кажется Агафье, не машут своими ветками, а притихли и слушают, как бушует Юван.

Обидит он Агафью и как только уснет, наденет она лыжи да убежит в тайгу к оленям. Они ласкаются к ней, лижут ее руки, жалеют ее.

Проснется Юван, скучно ему, что никто не слушает его, пойдет, найдет Агафью, растолкает оленей, привезет ее домой да снова побьет.

Плохо живет Агафья. А куда пойдешь? Родных нет у нее, все боятся Ювана. Вот и жила она, слушала ругань да терпела побои. А куда денешься?

Раз ушел Юван на охоту, долго его не было. Агафья взяла чуман да пошла в лес к зверям. Пойду, думает, попрошу у зверей воды, которую они пьют, может, напившись ее, Юван добрее будет. Долго встречи ждать не пришлось. Видит, лиса хвостом виляет, ушки наострила, обхитрить кого-то хочет. Агафья поклонилась ей.

— Лисонька, — говорит Агафья, — дай мне воды твоей, которую пьешь. Может, сердце лучше будет у моего Ювана.

— Не жаль, Агафьюшка, воды, да только хитрить он перед тобою будет.

— Не беда! Хитрость тоже нужна человеку. Может, зло зато пройдет у него.

— На! — и лиса налила ей воды. Идет дальше Агафья. Смотрит, соболь с

дерева на дерево прыгает. Увидел Агафью.

— Зачем пожаловала? — спрашивает.

— Да хочу воды у тебя попросить, которую ты пьешь. Может, Юван добрее будет.

— Стоило идти! Принес бы сам. Да ведь попробует он моей воды, все время будет в работе.

— Вот и хорошо, — говорит Агафья, — работа не портит человека.

Дал ей соболь своей воды.

Идти дальше стало труднее, бурелом кругом, лес все гуще. Слышит Агафья — треск пошел по лесу.

Медведь с корнем дерева вырывает — берлогу строит. Увидел Агафью — остановился.

— Какими судьбами?

— Да вот пришла к тебе воды просить. Ювана своего хочу напоить, может, зло у него и пройдет.

— Да, зол он у тебя. Только ведь моя вода сделает его еще сильнее.

— А разве не нужна ему сила? — говорит Агафья.

— Да ведь кому как? Кто гордится ею, а кто озорует. На, бери, для тебя мне не жалко! — И медведь налил Агафье в чуман своей воды.

Долго шла по лесу Агафья, пока встретила лосиху. Мычит лосиха, бегают беспокойно, плачет.

— Горе у тебя какое-то? — спрашивает Агафья.

— Ох, горе! Горе! Лосенка потеряла. А ты что здесь делаешь?

— Да не вовремя, видно, я пришла. Хотела воды попросить для Ювана. Может, не такой злой будет.

— Не жалко, Агафьюшка, воды, да сердце очень мягкое у него будет. Жалости много будет. Добрый станет. А разве мужику таким надо быть?

— Да этого у Ювана и в помине нет! — наверное, впервые за всю свою жизнь улыбнулась Агафья. — Без добра плохо жить человеку.

Дала ей лосиха воды, та и поблагодарила ее и отправилась домой.

Только стала подходить к юрте, видит — белки в разные стороны по деревьям несутся, соболь мечется.

Догадалась Агафья — Юван идет. Села за куст и сидит, ждет, что будет. Как и прежде, закричал Юван на Агафью, а она прижалась и сидит ни жива ни мертва.

Покричал, покричал он и ушел. Видно, устал очень. Спать лег. Вошла Агафья тихо в юрту, поставила чуман со звериной водой. Не успела она опомниться, как проснулся Юван, да как крикнет, и не стало вдруг Агафьи, а зайчиха большая сидит под столом и дрожит вся. Глазам своим не верит Юван: Агафья тут стояла, и нет ее. Куда делась? Схватил он сгоряча чуман и выпил всю воду. И тише вдруг стал.

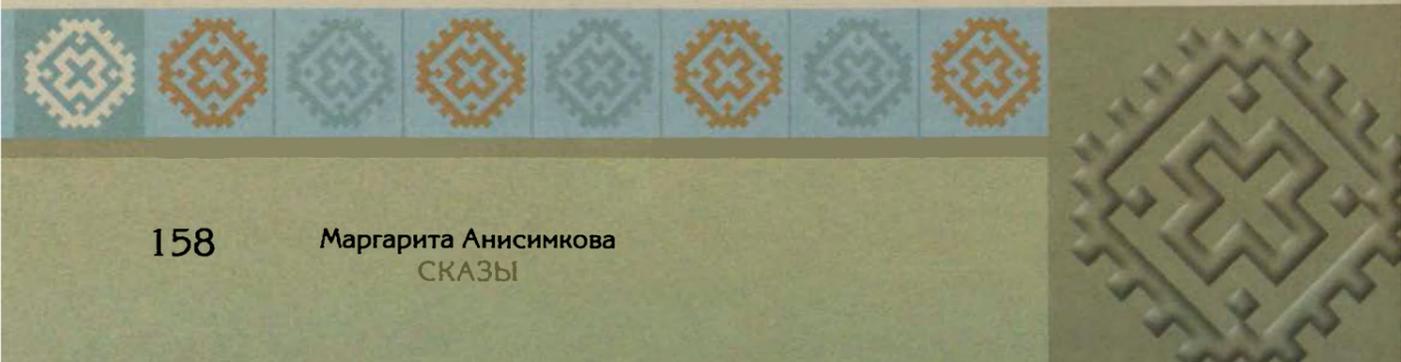
— Агафьюшка, — крикнул. — Иди сюда, Агафьюшка! — А Агафьи нигде нет. Сидит только под столом зайчиха да лапками слезы вытирает. Взял ее на руки Юван, начал гла-

дять. Догадался он, что Агафья от страха в зайчиху превратилась. И всего боится зайчиха: шороху в лесу, крика зверей, лая собак.

Трудно одному стало жить Ювану, да что поделаешь? Сам виноват. Собак стал сам кормить, оленей пасти. Помогла ему звериная вода.

Только с тех пор манси никогда не бьют зайцев: не хотят, чтобы у них было трусливое сердце. Тайга принимает только отважных.

Тимка-пауль

Всего было в достатке в отцовской юрте Тимки. Богато жил отец. Много оленей пригнал с гор, много зверя убил. Все есть у Тимки, да только невесты нет. Никого Тимке не надо, кроме одной русской девушки. Много за это время приезжало гостей к отцу, и отец с Тимкой ездили на все праздники, но никого краше не заметил Тимка.

Уже три раза болота замерзали и оттаивали, три раза осыпался лист с деревьев с тех пор, как Тимка с отцом был в русском селе и видел эту девушку. Когда уезжал Тимка обратно в тайгу, она сказала, что ждать его будет. Да уж очень сердит отец Тимки. Не надо отцу в юрту русскую девушку.

— Плохая мать будет русская девушка. Оленя поймать не может. Нярки, унты, савики сшить не сумеет. Плохая жена будет русская девушка. Пропадет с нею Тимка. Разве такая жена нужна парню манси? — говорил отец.

Но Тимка слушать его не хочет. Ничего ему не мило! На охоту стал ходить редко. Собаки к юрте зверя пригонят, а он стрелять не хочет.

Думал отец, что пройдет это у парня, да смотрит — нет! Тоскует сын сильно. Совсем перестал спать.

«Что делать? — в отчаянии думал старик. — Худой дух поселился в Тимке, не дает ему спокойно жить».

— Лечить надо, — говорит старуха Самбиндалиха.

Долго думал отец и решил ехать далеко к горам, где жил старый шаман. Может, он поможет вылечить Тимку.

Полстада оленей отдал шаману отец. Тот велел приехать с Тимкой. Приехали. Закрыл окна шаман, каждую щелочку прикрыл, чтобы свет не проник в юрту, затопил жарко чувал, надел на себя украшения, взял бубен и стал кричать да созывать всех шайтанов.

Долго молился шаман, долго созывал помощников своих, советовался с ними, а потом как брызнет на Тимку водой. Тимка вскочил, оттолкнул шамана в сторону, прыгнул на упряжку и домой поехал. Обидно Тимке, что не в свои дела шаман лезет.

Шаман рассердился не на шутку. Долго молчал, а когда отец стал собираться домой, сказал ему, что сам видел, как злой дух выскочил из Тимки. Спокойно теперь будет жить парень. Все забудет!

Обрадовался отец. Благодарил шамана, угощал.
— Один сын! Все ему останется! Мало мне жить осталось. Счастья сыну хочу.
Прошло лето. Подули ветры, унесли опавшие листья в лога.
Дни стали короче, пошли дожди, а Тимка совсем перестал разговаривать. Возьмет отец свою санголу, думает песней развлечь Тимку, но тот сразу выходит из юрты.
Только прошел первый снег, запряг Тимка оленей и уехал.
Ждет, ждет отец — нет парня! Куда девался? Неужели не придет больше в родную юрту? Нет, не смог старый шаман помочь горю старика. Захворал старик. Горе не дает ему жить. Какая беда с Тимкой? Почему оставил сын его одного? Что сделала с Тимкой русская девушка?
Снова поехал старик к шаману. Сердито встретил старика шаман и сказал:
— Шайтаны мои сказали, что злой дух живет в твоей юрте. Если ты сожжешь свою юрту, тогда уйдет беда из твоего дома.
Всю обратную дорогу старик плакал. Вот и родная юрта. Много лет прожил он в ней. Каждый уголок, каждый сучок дорог старику. Неужели правду говорит шаман? Несколько раз обошел старик юрту. Посидел на пороге. Встал. Снова обошел и низко поклонился каждому углу.
Принес бересты, уложил все это посередине юрты, положил сухие дрова и... поджег!
Больно смотреть старику, как огонь охватил все, затрещали, рухнули сухие бревна, и юрты как не бывало.
Сидит обессиленный от горя старик на пеньке и вдруг слышит звуки бубенцов. Олени едут, гостей встречать надо. «Какие гости? — в страхе думает старик. — Что я им скажу?» Из-за поворота выбежала упряжка оленей. С нарт соскочил Тимка и, счастливый, подвел к отцу русскую девушку. Удивился и испугался старик. Что теперь делать? И пригласить гостей некуда. Все сжег! А Тимке и горя мало. Откуда только сила взялась. Дивится старик, видит, как у Тимки в руках все спорится. Скоро Тимка и юрту новую срубил. Сколько счастья пришло в нее!
Так и осталось то место в тайге, где счастливо прожили свою жизнь Тимка с русской девушкой, и зовется оно Тимка-пауль.

Агрыч

Как узнали манси, что живут рядом хорошие и добрые соседи, — навешать их стали. Сначала поодиночке ездили на оленях, а потом и целыми стойбищами. Соберутся со всех дальних юрт, разукрасят нарты свои, разукрасят оленей ремнями разноцветными да звонкими разноголосыми колокольчиками. Сами оденутся в новые савики, унты. Женщины наденут разноцветные, обшитые широкой каймой платки. Заплетут в тяжелые косы всякие украшения: бусы, монеты, пуговицы. Детей посадят в берестяной тотап, укроют тепло шкурами, привяжут к нарте крепкими ремнями и — готовы в гости ехать.

Выстроятся олени упряжки в ряд, конца и краю не видать. Нагрузятся мясом, шкурами, птицей да рыбой, нянками, унтами и поедут в русское селение.

Русские встречали их приветливо. Любовались оленями, покупали, меняли товары. Так было и в этот день. Только старый Григорий отстал от своего ряда, загулял где-то. Да какая беда? Разве страшно Григорию? В лесу он как дома. Ждать его некому.

Давно-давно живет Григорий один. Все есть у него — только душа пуста. Детей нет у Григория. Была жена, да умерла, наверное, с тоски.

Как стали заниматься звезды на небе, поехал Григорий домой. Ночь светлая. Олени сыты. Дорога болотом идет. Днем на солнце верхушки кочек стали оттаивать, но проехать еще можно.

Смотрел, смотрел на небо Григорий, засыпать стал и, чтобы веселее было, затянул свою песню о том, что знает он все лужайки и полянки, знает, сколько сучьев на сосне.

Колокольчики раскатисто позванивают, да показалось Григорию, ровно чей-то плач слышится. Остановился он — тихо. Только тронулись олени, опять такой же плач. Встал Григорий с нарт, поправил ремни, осмотрел полозья... Тихо... Только сел, дернули олени — опять плач... Достал Григорий из табакерки маленького идола, помолился ему и пошел в ту сторону, откуда плач доносился. Идет, смотрит, никаких следов нет. Решил Григорий обратно идти, а рядом, совсем рядом, снова плач. Смотрит: прижавшись к стволу дерева, между двумя кочками ребенок лежит. Годика два ребенку будет. Смотрит на Григория, ручонки тянет, помощи просит.

— Ох, грех какой! Беда какая! — бормочет Григорий.

Взял он ребенка, а тот прижался к нему, прильнул и уснул, пока Григорий шел к упряжке. И тепло стало сразу Григорию.

«Куда ехать теперь? Что людям сказать? Где ребенка взял?»— рассуждал про себя Григорий. Завернул он ребенка в теплый савик и вернулся обратно в русское село. Может, узнает, если у кого потерялся. А ребенок молчит, будто все понимает, и не плачет совсем.

Жил там Григорий три дня. Ничего не узнал. Вечером домой собираться стал. Теплее укутал свою находку и поехал в юрту. Приехал домой, развернул савик, да ведь это Агрыч — белолицая черноглазая девочка.

Дни шли за днями, старый Григорий так привык к Агрыч, что и дня прожить без нее не мог. Время шло, и в глуши лесов Агрыч расцвела, как на солнце подснежник. Славная росла девушка, да на душе у Григория забота стала. Не понравился ему вчера след Кривой Ноги. Проходил кто-то недалеко от юрты, а не зашел. «Зачем так делал? Что надо?» Задумался Григорий, и не напрасно. Проснулся как-то утром, а Агрыч нет. Сразу сердце заболело. Кричать стал Григорий, звать, плакать. Где только не искал, все кругом тысячу раз обошел. «Как жить без Агрыч? Ай-ай! Беда какая!»

А Агрыч ночью уташили слуги лесного царя. И сколько она ни кричала, сколько ни звала на помощь старого Григория — все напрасно. И не знала Агрыч, куда тащат ее. Куда ни посмотрит, все лес, лес и лес мелькает, да и кто несет ее, тоже не видела. И чем дальше несли ее, тем темнее становилось. Верхушки деревьев в небо уходят. Глухота, тихо...

Слышит Агрыч: кто-то подходит к ней сзади и берет ее на руки. Закрыла она глаза от страха, а когда открыла, то больно глазам стало от света. Лежит она на красивом ковре из цветов разных: лесных ландышей да фиалок, марьяна корня да иван-чая. И такой аромат от них, что голова кружится. И куда ни посмотрит Агрыч, нет края цветному полю-ковру. Птицы с ветки на ветку перелетают, щебечут, воркуют что-то, а вокруг никого нет. Встала Агрыч, а цветы все перед ней к земле наклонились, как пройдет — цветут पुше прежнего.

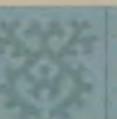
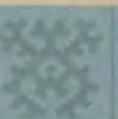
Слышит Агрыч слова ласковые:

— Подойди, красавица, не страшись.

Видит Агрыч, дерево высокое к ней клонится. Испугалась она, еле на ногах стоит. А дерево говорит:

— Не бойся, Агрыч, послушай меня. Суждено тебе жить здесь у нас. Быть женой внука моего меньшего. Привыкнешь, неплохо тебе у нас будет. Много лет мы ждали тебя, караулили. Теперь не отпустим! -Закряхтело старое дерево, замахало ветвями, словно призывая кого-то. Видит Агрыч — зашагали деревья вокруг, все ближе и ближе к ней подходят, а одно корявое и изогнутое впереди всех вышагивает. Смотрит Агрыч, раздвинулся ствол у дерева, словно двери открылись:

— Заходи, Агрыч, это и будет дом твой.

Испугалась Агрыч, заплакала. А рядом на дереве все белочка прыгает. Позвала ее Агрыч и попросила отгрызть кончик косы и отнести ее Григорию, чтобы знал он, что жива Агрыч и думает о нем. Белочка вмиг перегрызла толстую косу и потащила ее в юрту старого Григория.

А Агрыч не хочет идти в двери корявого дерева. Агрыч простор любит! Агрыч домой хочет! Тогда говорит старик лесной царь:

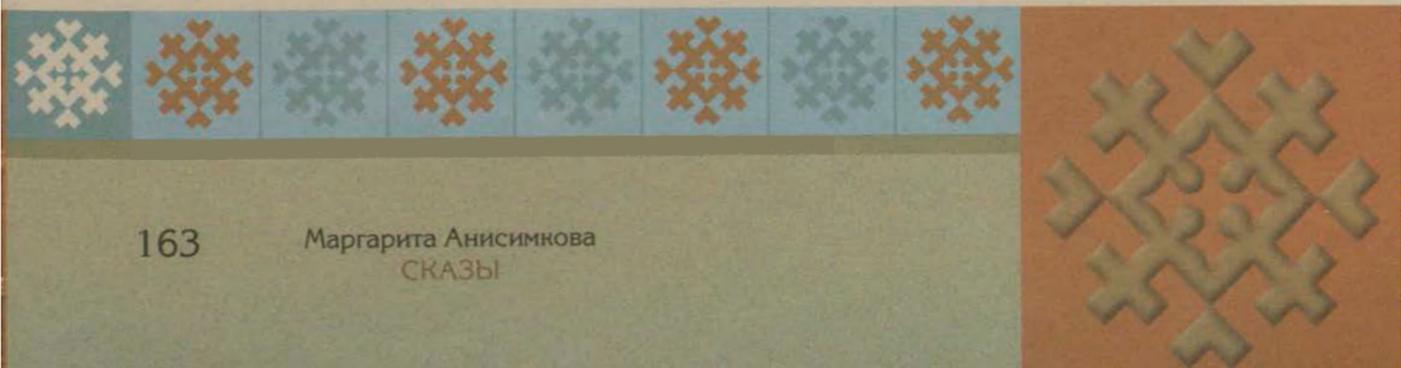
— Ты — лесная девка! Нет у тебя ни отца, ни матери! Ты в лесу жить должна!

И деревья опять зашумели, замахали ветвями. Попросила тогда Агрыч пустить ее ненадолго к Григорию, чтобы успокоить его. Отпустили, только стражу крепкую приставили. Бежит Агрыч, ног под собой не чувствует.

Увидела Григория, как начала плакать, слова сказать не может, а сама от такого плача все меньше и меньше становится и на глазах Григория в маленькую птичку-кукушку превратилась. Вспорхнула, села на плечо Григория и закуковала. Облетела вокруг юрты и снова закуковала.

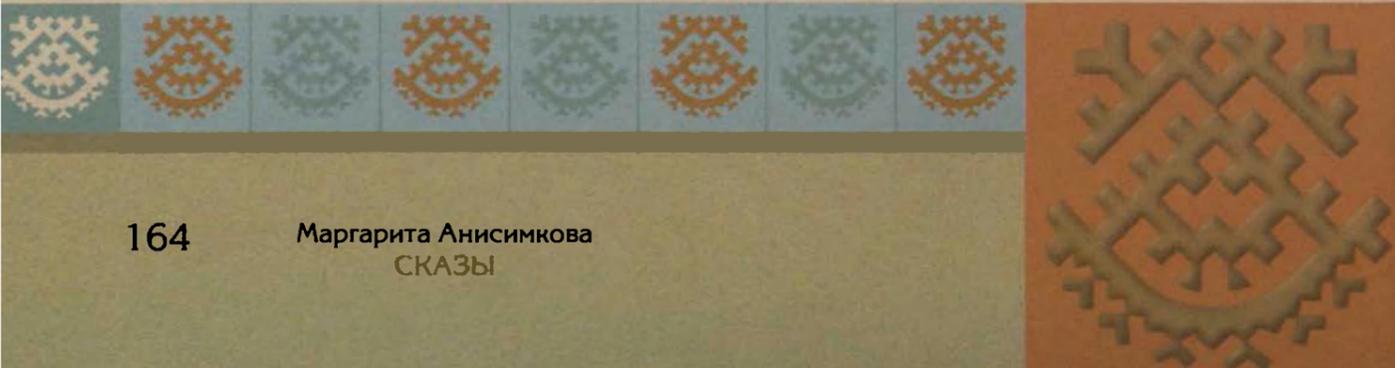
Ждет-пождет лесной царь Агрыч, а ее все нет и нет. Прибежали слуги и сказали, что птичкой Агрыч стала, и еще сказали, что когда кукушка куковать перестанет, тогда и придет к ним Агрыч. Ждут, ждут деревья, как кукушка перестанет куковать, да снова она начинает. Так и конца не видать.

И летает с той поры птица кукушка. По прежней жизни тоскует и гнездышка своего не вьет. Кукует все.

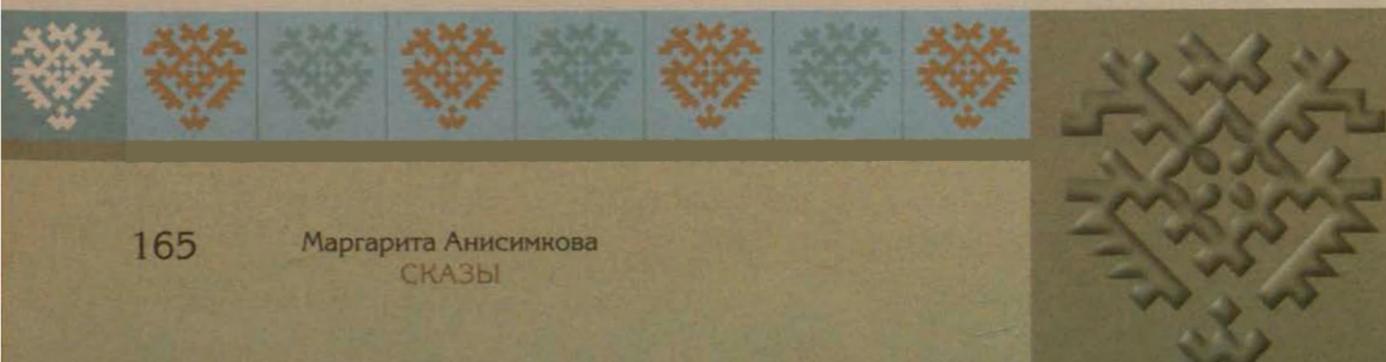

Словарь старинных и местных слов

Ай-Мосьнэ — лесная фея.
Бродни — высокие сапоги, сшитые из лосиной кожи.
Вага — жердь, подпорка.
Вон Йнг Вой — водяной царь.
Вот Пох Ики — морозный ветер.
Выскирь — вывороченное с корнем дерево.
Емас руна — хороший друг.
Зорить — разорять, разрушать.
Идол — изображение божества, предмет поклонения.
Имен Ими — старая женщина.
Колданка — лодка.
Каганец — плошка с жиром, коптилка.
Кисовые лыжи — лыжи, обитые оленьим мехом.
Кисы — меховые сапоги мехом внутрь.
Крошни — приспособление для переноски груза.
Лунк — добрый дух.
Лузен — сшитая из войлока верхняя одежда без рукавов.
Люль — плохой.
Малица — одежда из оленьей шкуры мехом внутрь.
Наст — верхний, затвердевший слой снега.
Нерум Пос Ики — Ветер ветров.
Нинкин-еган — Бабья река.
Нодья — вид таежного костра.
Ной-Пох — молодой человек.
Носатая баба — Лесная женщина, похожая на Бабу-Ягу.
Нумо — бог.

Нярки — нарядная, сшитая из оленьей шкуры обувь.
Обласок — долбленая лодка.
Оли-Гном, хозяин леса.
Пауль — селение.
Пурнэ — лесная девка.
Погр! — Пошел! — Так погоняют оленей.
Рума — друг, товарищ.
Савик — верхняя длинная меховая одежда мехом наружу.
Саха — теплая меховая шуба.
Сангола — музыкальный инструмент.
Санквалтап — мансийский музыкальный инструмент.
Топоги — меховые сапоги мехом наружу.
Торум — бог.
Тотап — ящик.
Тынзян — аркан для ловли оленей.
Унты — меховые сапоги.
Урман — хмурый, непроходимый лес.
Хорей — тонкий, гибкий шест, которым погоняют оленей.
Чемья — сруб, кладовая для хранения припасов и добычи в лесу, часто на сваях.
Черки — легкая кожаная обувь.
Чувал — очаг.
Чуман — берестяной кузовок, черпак.
Шуга — первый осенний лед незадолго до рекостава.
Элле Севес — богатырь.
Ялонт-Ики — добрый великан.
Яны — большой.

Вступление • Первая песня Куксы • Вторая песня Куксы • Третья песня Куксы
Песня четвертая. Сон Вазы • Песня пятая. Ючо • Песня шестая. Похищение оленей
Песня седьмая. Тамга • Песня восьмая. Огненная птица • Песня девятая. Царство мертвых
Песня десятая. Пенегеза • Песня одиннадцатая. Логарь • Песня двенадцатая. Торым
Песня тринадцатая. Атта-кег'е • Песня четырнадцатая. Иур • Песня пятнадцатая. Мухор онгет
Песня шестнадцатая. Мухор • Песня семнадцатая. Возвращение
Песня восемнадцатая. Смерть Ючо

ЯНГАЛ-МОО

(ТУНДРА)

Вольная обработка в прозе мансийского
поэтического эпоса

Вступление

В дымном берестяном чуме много людей. Возле огня сидит старый шаман Кукса. В руках его длинный посох. Перед огнем на корточках нагревает кожу шаманского бубна горбун Тарни.

— Подай скорее! — неожиданно крикнул Кукса. Нашитые на одежде и бубне металлические предметы зазвенели. Горбун Тарни торопливо подал бубен. Шаман готовился к песне. В горле у него клокотало. Бум, бум, бум! — звенел бубен.

— Вы видели на полянах позабытые могилы? Видели, как в густой траве белеют кости тундровых оленей? — почти шепотом спрашивал ойка¹ Кукса сородичей.

По чуму пронесся ропот. А бубну уже вторил голос гуса², жильные струны которого перебирали пальцы прекрасного юноши Вазы.

— В лесах наших стало меньше зверя. В мутных водах стало меньше рыбы. Обмелела кормилица Ас'я³. Все забыли про березовскую Рачу⁴, которая упала в воду, но не далась в руки русским. А нынче все вы пьяны от орха⁵, не приносите жертвы богам.

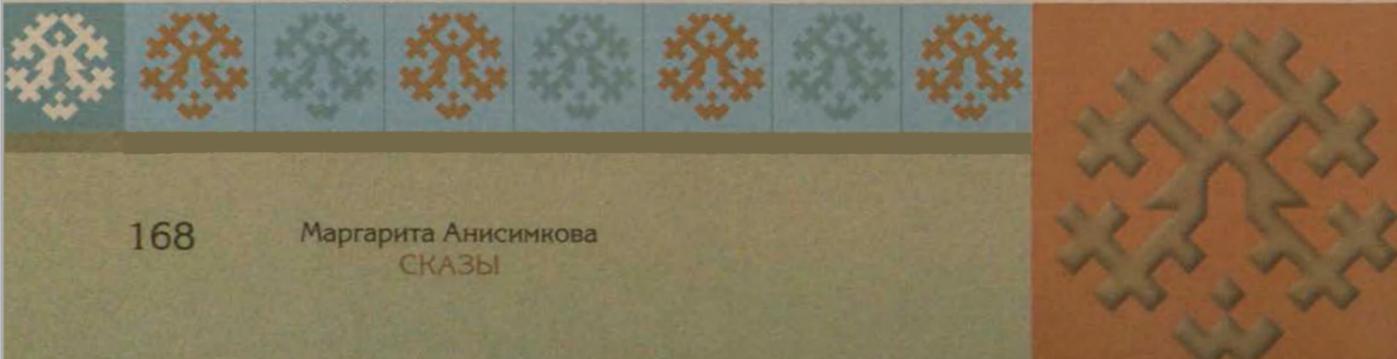
Возле ног старого ойки зарыдал горбун Тарни, а люди слушали грустную песню старика.

— Мы уедем, покинем Маа, чтобы больше не родиться. И тогда некому будет скользить по снегу на быстрых лыжах по снежной тундре, некому будет ловить песца и белку. Наши лодки сгниют на песках. В паулях останутся одни мыши.

Грустная песня обожгла сердца людей. За стенами чума шумел лес, грозно ухала вещая птица филин, черным клювом мерно стучал по сосне дятел, будто предвещал беду. Тишина была такой, что олень успел бы сделать «два вдоха»⁶. Чуть слышно перебирал струны музыкант Ваза. Сам он был печален и грустен, как осенний день без солнца.

На дымных смолистых щепках горбун снова разогревал бубен. Кожа бубна затрещала. Хмурый ойка Кукса взял в руки колотушку, поставил на колено бубен.

Раз! — ударила колотушка. Два! Бубен зазвенел веселее. Колотушка замелькала в руках шамана. Над чумом будто грянул гром.

— Я открою вам тайну нашего народа. Расскажу слово в слово старую сказку. В ней говорилось: кто исполнит ее, тот спасет наш народ, укажет ему широкий путь. — И опять зазвенел бубен. — В далекие годы, — говорил Кукса, — манси ходили в царство Мейка — злого бога, пришли из страны, где вечно сияет солнце. Пришли и забыли дорогу обратно.

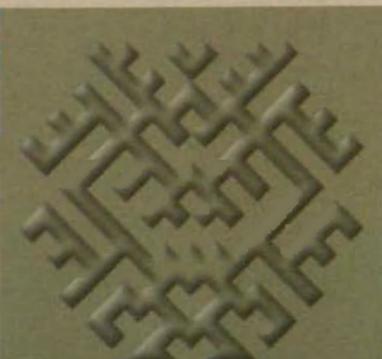
— Расскажи, Расскажи поскорее! — торопливо перебирая струны Гуса, просил старика юноша Ваза.

Шаман сел на шкуры, положил рядом бубен, колотушку и тихо начал.

— Я собрал сегодня много духов для того, чтобы они слушали мои сказки, мои песни. Они могут разрушить наши желания.

— Все равно. Пой, ойка, свою мудрую песню! — просил музыкант.

В это время в логу будто кто-то заплакал, будто кто-то засмеялся, кто-то хлопал в ладоши, как веслом по воде бил.

Песня первая Первая песня Куксы

Н

а другой день снова собрались вогулы возле чувала шамана Куксы, слушать обещанную песню-сказку.

Он рассказывал ее под редкие звуки бубна печальным голосом.

— Злой дух Мейк давно поселился в нашей стороне. Он хитер: то плачет ребенком, то рычит медведем, наводя страх на людей, то путает тропы охотников, уводит их в сторону ночей и туманов, откуда они никогда не возвращаются. Иногда Мейк летает над паулами. Но где бывает этот злой дух, туда сразу приходит беда: умирают люди, падают олени, горят леса. И напрасно наши ампы¹ бегают за ним в погоне. Раньше Мейк жил в богатом скопище, в чаще векового леса. В его гордом сердце не горела злоба. Он жил в ладу с народом, с Торымом Великим. Был ласков и справедлив. Но неожиданно из-за гор на маленький мансийский народ напало русское войско. Храбро выступили вогуличи против ружей и крепкого железа. У них были деревянные шести, копья да стрелы. Они долго бились за свободу дымных чумов, часто духов звали на подмогу.

Шаг за шагом отступали русские дружины. Но среди вогуличей оказался предатель — шаман Гуза. Русский воевода сумел подкупить его расписными тканями, ружьями и блестящими кольцами. Он тихонько от народа вынул у бога Мейка глаза, в которых всегда отражалась радость жизни. Слепленный Мейк заметался по лесу, отыскивая Гузу. Он носился под облаками, бежал по лесу, нырял под воду, но не смог найти. Гузу спрятал Торым в Царстве Теней.

Но его мансийской семье, родившей Гузу, он стал мстить жестоко. Зажег тайгу, паулы, стал показывать русским хитрые тропы вогуличей, душил оленей. И теперь еще летает Мейк над нашей холодной землей на своих быстрых оленях, гремит крепкой нартой.

Ойка Кукса лег на теплые шкуры и проговорил шепотом:

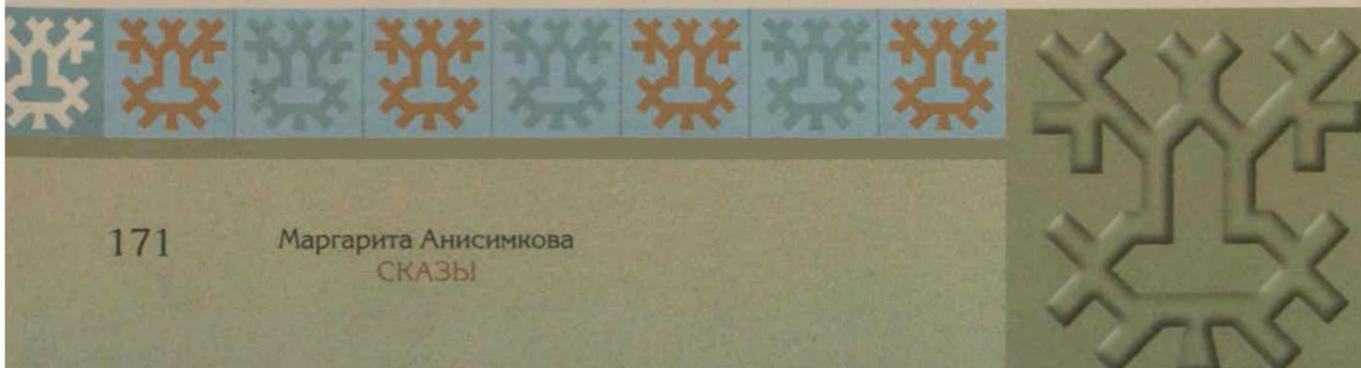
— Если найдется герой, который хитростью или силой похитит головного оленя из упряжки Мейка и угонит ее незаметно, тот сделает первый шаг к спасению манси.

Смолк Кукса. Долго смотрел на красное зарево заката, опершись о длинный посох. Уже ночь спустились на землю. Робкие тени берез, осин, кедра-

чей дрожали перед приближением новой ночи. На небе нарождался юный месяц. Он был будто выткан золотом, а звезды сияли серебром и красной медью. И продолжил Кукса:

— Нужно смельчаку чум сменить на нарты и погнать упряжку в царство ойки-старика, Отца Медведя². А путь держать к горам, на север...Спать пора! Всем спать пора. Мои уши слышат голос, вам не слышный. Мои глаза видят духа на тропинке. Он может услышать мою песню и рассказать духу Мейку. — В руках старика задрожал посох. — Завтра я dokonчу песню. — И протяжно прокричал:— Дух идет! Я вижу духа.

Песня вторая Вторая песня Куксы

На землю Маа¹ пршла осень. Над увалами помрачнел ельник, покраснел осинник. Высоко под облаками скорбным стоном звучали крики улетающих журавлей. И когда снова возле чума шамана Куксы запылал смолистый костер, уныло застучал бубен, вызывая духов ночи, старый ойка Кукса начал новую песню.

— Те годы давно миновали, — начал старик. — А было это так давно, что не помнит даже Ортик². Пришел в наш снеговой край Шубный Отец, важный старец. Свой чум он поставил в горах на утесах, в темных кедрочах. К жилью Шубного старца ходили люди, недовольные судьбой, а больше всего обиженные. Шубный старец судил всех по чести: виновных предавал смерти, невинных — одаривал лаской. Так шли год за годом, и ни разу сердце Шубного Медведя не скривилось к лжи, ни разу старец, разбирая споры между вогулами, не поступил не по справедливости.

Но однажды ошибся Шубный старец, когда разобрал дело Ючо³. Как огонь костра в тумане, привлекала всех красота юной девушки. Красота и ласковая речь ее не давали спокойно спать каждому, кто хоть раз видел ее. Много прекрасных юношей потеряли покой. Они были смелые и ловкие, но Ючо в ответ им только отвечала с улыбкой: «Не хочу я, как другие нээ⁴, быть рабой суровых мужчин. Как вянет цветок от холодного дыхания севера, так завянет и моя красота в постоянной работе».

Миновало двадцать весен, но сердце девушки ни разу не откликнулось на ласки, любовь, обещания. В своих песнях Ючо пела: «Не хочу я быть рабою, мне не надо бус янтарных, парки⁵ теплой соболиной. Я цветами украшаюсь, мне к лицу меха простые: не хочу я быть рабою, быть собакой в дымном чуме».

Но хитрый шаман Лача решил силой взять себе в жены красавицу Ючо. Темной ночью он прокрался в чум девушки и, как безумная рысь, с диким криком напал на нее. Ючо отбивалась, в стархе бегала по чуму. Но Лача только смеялся над слезами девушки. Схватил ее за тонкие руки. Ючо, как змея, выскользнула из его рук, схватила тяжелый саырб⁶ и рассекла Лаче голову.

Недобрая весть разнеслась по земле Маа: «Вишнэ Ючо в ночную пору заманила в свой чум шамана Лачу и убила его во сне».

И люди кричали: «Стыдно! Стыдно! Разве можно допустить, чтобы женщина убивала мужчину и была не наказана? Наказать! Убить Ючо! Убить! Наказать и чтобы помнили все вишнэ и страшились!»

Ючо связали крепкими ремнями, привязали к нарте и повезли на суд к Отцу Медведю.

— Смерти требуем! Смерти!— кричали вогулы во гневе. —Смерти!

Старый Шубный Медведь поднял лапу, прорычал:

— Развязать сейчас же Ючо!

Блеснуло десять ножей. Юная, прекрасная Ючо встала перед Шубным старцем.

— Шубный старец! Мудрый ойка! Я расскажу тебе всю правду, — зарыдала девушка.

— Смерти требуем!— кричали вогулы со всех сторон.

Испугался Шубный старец, хотел было махнуть рукой в знак согласия с толпой, но в это время по вершинам великих гор прокатился грохот, и на быстроногих оленях появился грозный дух Мейк.

— Стой!— крикнул он Шубному старцу. Все вогулы тут же упали на колени, на вершинах гор закачались кедры, умолкли горные ручьи.

— Ты, Шубный старец, хуже бабы. Ты спишь, как все боги этого народа. Дело свое ты справляешь плохо!— запыхался Мейк и, обернувшись, сверкнув кровавыми глазами, спросил:— Вы хотите смерти Ючо?

— Смерти!— закричали все, и вместе с ними Шубный старец.

— Вы сами достойны наказания. Не послушав покаяния девушки, вы хотите карать ее смертью?

— Мы не знаем, что сказал бы Лача, убитый ею.

И тут опять грянул гром.

— Лача, иди! Скажи им правду! Только правду, если они не верят Мейку.

Лача явился из могилы. Поклонился сородичам и сказал:

— Я виновен! Я виновен.

Голос Лача был глухим, и он тут же исчез, как на восходе солнца исчезает над рекою игривый туман. Наступила грозная тишина. Все ждали жестокого наказания от злого бога Мейка. Мейк же посадил на свою точенную из кости нарту красавицу Ючо, плюнул в лицо Шубному старцу, этим лишив его права разбирать людские дела, и весело крикнул:

— Ючо будет мне женою!

Все люди сразу исчезли, а Шубный старец Медведь спустился с гор, захватив с собой тамгу! — Торыма, по которой он мог свободно проходить в Царство Мирры-Суснахума⁸. Скоро Шубный старец женился на Мюсснэ⁹ — и ушел в свое жилище. После этого он забыл обратный путь в царство Торыма.

— Быть может, среди вас есть герой? И быть может, он не устрашится или хитростью или силой, когда сладко спят сторожевые ампы Шубного старца, взять знак Торыма — тамгу Мирры-Суснахума?— спросил ойка Кукса. — Это будет второй шаг к спасению манси.

Ойка Кукса положил на шкуры бубен и вышел из чума.

Песня третья Третья песня Куксы

П

ришла на землю третья ночь. Под удары бубна, под напев свирели, сделанной музыкантом из кости большого зверя, похороненного в тундре, начал свою третью песню ойка Кукса. Ему вторил на гусе Ваза, юноша прекрасный, музыкант забытых песен.

Ойка Кукса пел унылую песню. По поверью, в это время из расщелин, из воды, древесных дупел, из глубоких подземных недр выползают духи. Они тихо-тихо крадутся к огонькам сонных паулов, чтобы вселять в людей страх, тревожить их души.

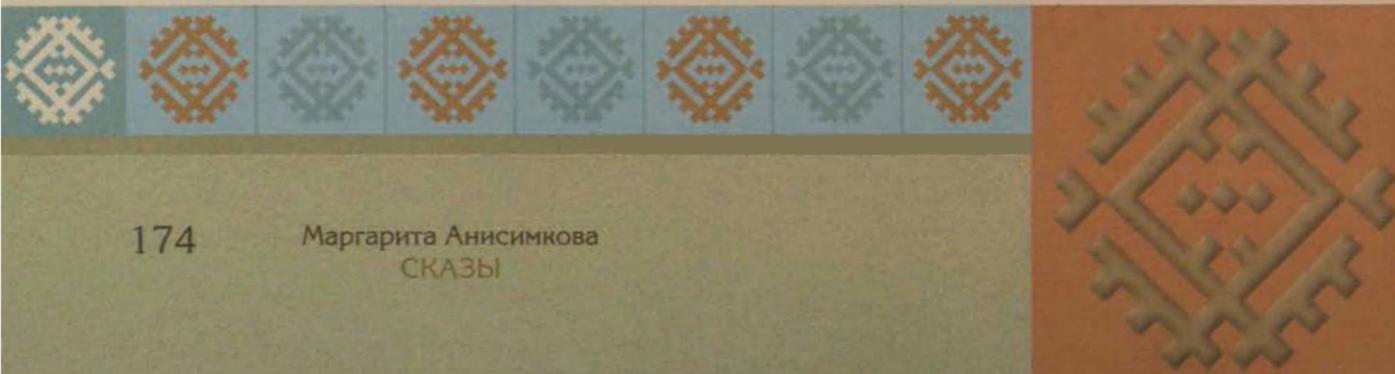
— Но однажды, — сказал Кукса, — в темной ночи люди наблюдали, как, сияя огненным светом, камнем падает на землю какое-то чудо. Это была птица Таукси¹. — Кукса вздрогнул, часто загремел пальцами по бубну и продолжал: — Но никто никогда не видел, как в блеске солнца, в его ярких лучах она поднимается обратно. А она возвращается на небо и рассказывает Торыму о всех грехах прошедшей ночи. Мы не видим ее огненных, как пламя, крыльев. Только шаманы могут видеть ее в ночи, слышать хлопанье ее крыльев, тихие крики, похожие на песни.

В далекие годы, которые миновали, как забытый сон, над великой рекой Ас'я, в кедрачах, в немой низине, где-то в болоте гнездилась Таукси. Жила она в маленькой юрте из бревен. По весне к этому месту приплывали лодки, люди привозили птице-богу драгоценные дары. Их встречал мудрый старец, принимал дары, для каждого находил ласковое слово, предвещал удачу в охоте. Людям жилось хорошо. Ночью на берегах тихой Ас'я зажигались веселые костры и человеческие тени мелькали, как бабочки. Веселые барабаны отбивали дробь, манси тихо-тихо пели песни. Шумела тайга.

В это время всех облетела тревожная весть: из-за гор идут чужие люди. Все мужчины, взяв луки, колчаны со стрелами, бросились навстречу бородатым чужестранцам. Их отряд тихой ночью, как видение Мертвецов из Царства Теней, замелькал между деревьями по проторенным тропинкам.

Со скорбным стоном загремели барабаны, призывая манси на бой с коварным врагом. Испуганные совы, сидя на деревьях, шелкали гортанно:

— Горе! Горе! Чужестранцы к нам подходят. Люди русские совсем близко.

В это время мудрая птица Таукси в темном капище у яя вела тихую беседу с шаманом:

— Слушай, — говорила птица шаману. — Не взойдет и день на земле, как придут сюда чужие люди. Ты беги и расскажи всем манси, что ты видел. Ты скажи им, что, улетая в дальнее Царство Торыма, я каждую ночь буду спускаться, чтобы следить за правым делом, буду наказывать виновных, буду охранять широкие двери в Царство Смерти. Не пущу туда бесчестных, буду защищать правдивых манси.

Так сказав, Таукси взмахнула крыльями и в ярком свете, как пламя, понеслась над лесом. А шаман в испуге упал на колени, запричитал:

— Горе! Горе! Смерть приходит. Нет защиты. — Поднял в верх руки и закричал: — Птица вещая, вернись! Не бросай нас волкам в зубы.

И услышал над головой строгий голос:

— Встань, старик! Иди в паулы и расскажи о своем разговоре с птицей.

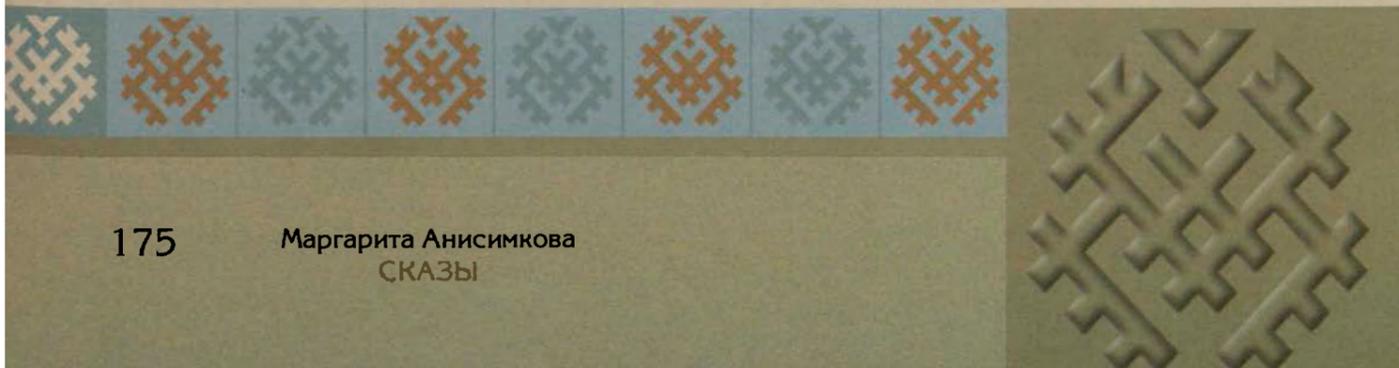
Старик встал покорно, пошел нетвердыми шагами. Приближаясь к паулам, он увидел, как в красном пламени пожара русские люди стреляли из ружей. Одинокие вогулы, как белки от пожара, бежали в страхе кто куда, оставляя пришельцам все нажитое годами.

Встало солнце. На увале, где стоял паул, догорали головешки, чернели пни. Всюду валялись груды тел, и кровь, как спелая брусника, заливала землю дедов. А русские, взяв с собой добычу, отправились дальше по простору мутной Ас'я грабить манси.

Тревожная весть стрелой летела к морю. Храброе войско вогуличей поднималось из лесов, низин, топей, урманов, с холодной тундры, маленьких речек и больших рек. Поднималась великая рать и шла навстречу чужестранцам. В тот же год шаман, который был служителем у птицы Таукси, был казнен в Сумгут-воже² вместе с другими трусливыми шаманами.

— Если найдется герой, который не устрашится, а на быстроногих оленях, захватив тамгу Торыма в знак Свободного прохода в Мирры-Суснахума, где живут тени умерших, вихрем прилетит к птице, которая охраняет Царство Смерти, а пролетая, проворной рукой вырвет из хвоста священной птицы перо, осветит ущелье, тот смело и спокойно достигнет светлого Царства самого Торыма. Это будет третий шаг к спасению манси.

Так закончил песню ойка Кукса.

Песня четвертая Сон Вазы

З

ловешая черная туча закрыла светлое солнце. Гневно зашумели кедры, серебряной чешуей пробежала по речке рябь. Поднялся ветер. Волны, как струны Гуса, зазвенели на приплеске. В темном небе огненной змеей метнулась, как неведомая тамга, лента проворной молнии. Вслед за ней громко стукнул громовой удар, рассыпаясь, побежал в небесных тучах. На землю падал крупный дождь. Он стучал по стенам чума, будто частой дробью гремел барабан. Укрывшись в чуме, в забытьи сидел Ваза, юноша прекрасный, музыкант забытых песен. У дверей тихо сидела, чуть шевеля ушами, его верная белая лайка Снежинка.

Над чумом опять грянул гром. Ветер-буй весело проехал в туче на колеснице, потом надул щеки, стал дуть на нее с края. Туча, покорная дыханию ветра, с низины двинулась на север. Ветер гикнул на оленей и погнал за тучей, как охотник по следу зверя.

Ваза, юноша прекрасный, все сидел в забытьи, не слыша взмахов крыльев Ветра с Низины, не видя солнца в небе, не зная, что давно уже сброшены с кольев в воду его сети и запутаны о коряги. В священных облаках меди солнце склонялось к западу, освещая янтарный лес последним поцелуем. А краски алого заката разливались по небу цветами крови.

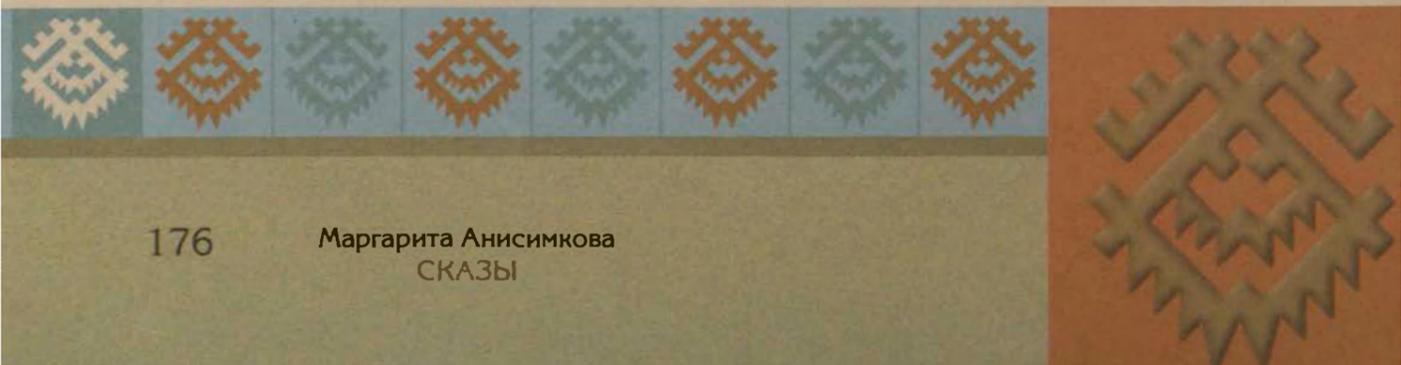
Скоро на землю немой темной птицей опустилась ночь. Алый закат темнел, и только полоса, за которой спряталось солнце, еще трепетала. Но погасла и она. Ночь и тьма покрыли землю. На небе зажглись звезды. Только песни сов, как отвергнутые души, звенели между деревьями. Где-то выли волки, в реке плавала ускуль¹. В лесу на сосне голосом шамана шумел и шелкал филин.

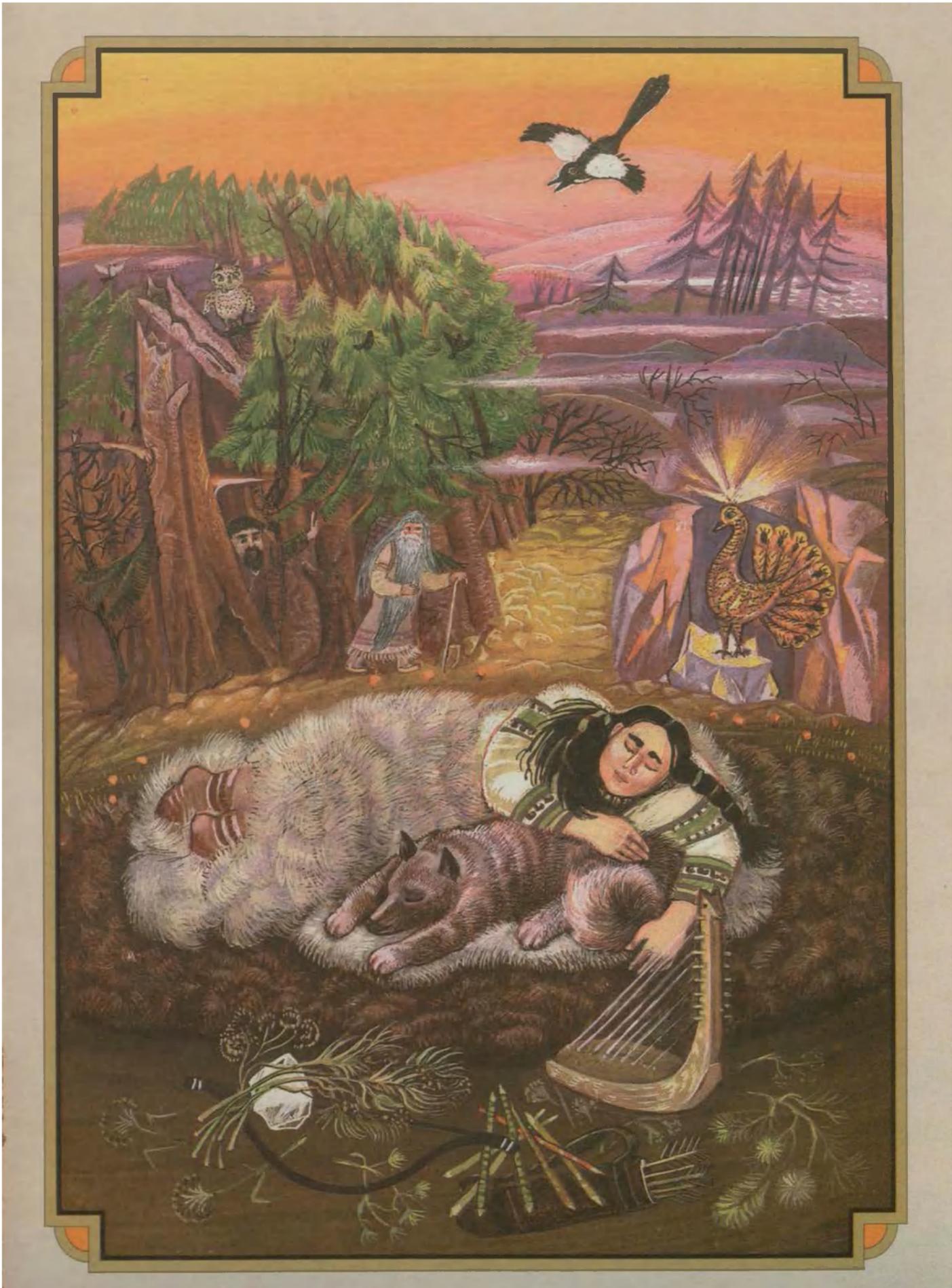
Ваза, юноша прекрасный, проснулся, как от тяжелого сна, оглядел давно потухший очаг, увидел вогнутые стены чума, белую лайку Снежинку, поправил косы и, вздохнув, снова сел на шкуры. В душе его боролся сон с пробуждением. Амп Ваза со звонким лаем подбежала к двери чума. Ваза встал, все еще борясь с дремотой, и направился встретить ночного гостя. Дверь отворилась неслышно, и в чум так же неслышно вошел, почти пригнувшись к земле, старый-престарый ойка. Слабым хриплым голосом он промолвил:

— Пайсе, рума!²

— Пайсе, — ответил Ваза старику, не зная, откуда и зачем пришел он в такую глубокую ночь.

Старик присел к чувалу, в котором сразу, без кремня и лучины, запылал яркий пламень.

— Ваза, Ваза! — проговорил старец. — Я один все вижу и все знаю, о чем ты думаешь. Я в твоей душе читаю, как бояр³ по белой книге. Но у русского боярина память слабая. Он походит на младенца, но с головой коварной лисы. У меня нет белой книги, — продолжил старец, — но за моей спиной стоит мудрость многих лет, которые я прожил на свете. В глубине твоей души, Ваза, я вижу духа. Я чувствую, как воюет в ней белый дух с черным. Ты стоишь на распутье, как олень, чуешь дым чума, а не знаешь, где прямой путь к Отцу Торыму. Ты сохрани в сердце свою эту страсть, а я помогу изгнать из него слабость. Наряжайся и отправляйся в путь. Он будет далекий, тяжелый и трудный. В своих песнях старый Кукса пел о подвигах. Я напому их. Первая — об оленях бога-злодея Мейка. Вторая — о тамге старца Шубного Отца-Медведя, и третья, последняя, — о жар-пере огневой Великой птицы Таукси.

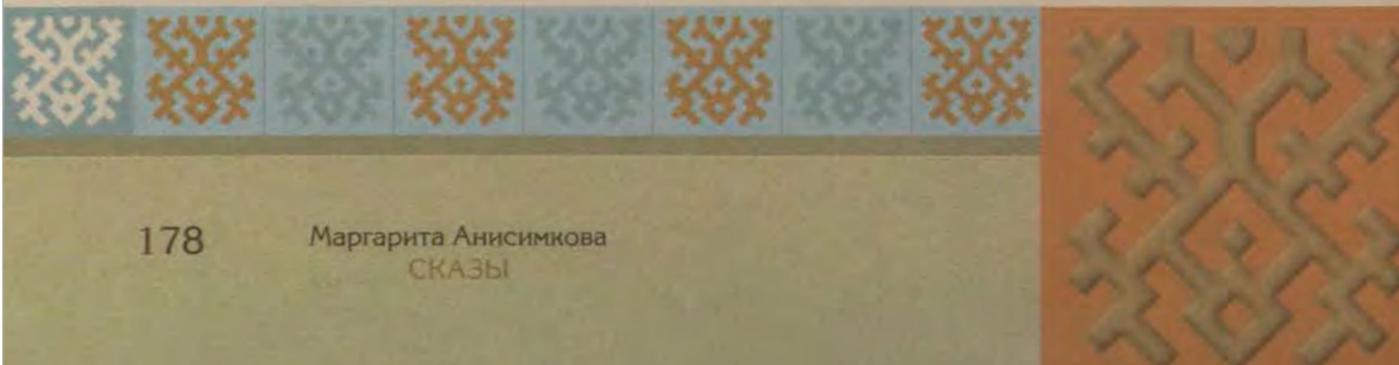
Тут старец дрожащей рукой вынул из-за пазухи стебельки сушеной травы, семь сухих лучинок, белый камень и протянул все Вазе, юноше прекрасному, музыканту забытых песен. Ваза взял подарки старца. Лицо старика озарилось. Подойдя к юноше, он прошептал на ухо:

— Как похитишь оленей из упряжки бога Мейка вместе с точеной нартой — торопись. Как только Мейк узнает о пропаже, он сразу помчится в погоню. Ты, не робей, брось мою траву на землю и будешь невидим. Сам же торопись, держи путь на север, к большим горам. У сосны, разбитой громом, увидишь большую избу. Это жилье ойки Шубного Медведя. Возле самого порога избы, как гвоздь, забита тамга. Ты ее тихонько возьми и в любую погоду, пока старец крепко спит со своей женой Мюссне — водяной девкой, скорее садись на нарту и опять отправляйся в путь, если вдруг старец проснется и побежит по твоему следу, ты брось на землю семь лучинок, и сразу на его пути станет великий лес, как потомок вольных манси.

А когда ты бросишь на землю белый камень — увидишь чудо: он превратится в белоснежную птицу-сороку. Она будет наделена даром речи и полетит впереди твоей упряжки. Направляй оленей за ней. Белая птица приведет твою упряжку в Низину, где стоят в тумане леса. Вешая птица сорока укажет тебе дорогу в Царство Мертвых, приведет тебя к ущелью и там оставит. Там на белом камне бессменно сидит птица Таукси и охраняет большую дверь, вход в Царство Мертвых. Тут ты не оплошай. На бегу проворной рукой вырви из хвоста священной птицы перо и, не оглядываясь, беги, освещая им дорогу к богу.

Бог велик, люди ничтожны, но кто первый с теплом и душой, с нартой и упряжкой смело войдет в его царство, все боги станут бессильны. А кто заслужит бессмертие — тот сам будет богом.

В юрту Вазы пробирался робкий луч солнца. Он смотрел из щели и играл на грязных стенах. Ваза спал. Дремала веселая лайка Снежинка. На лавке возле домашних шайтанов вместе с гусом и колчаном стрел лежали стебельки сушеной травы, семь лучинок и белый камень.

Песня пятая Ючо

Синим льдом скованы реки. Белым мхом горностая затянута земля Маа. С угрюмым старцем Северным ветром застучала зима в двери чумов. Дружными струйками сквозь морозную пыль тянется черным дым из верхушек острых чумов.

И только в чуме музыканта, игрока на гусе — Вазы, не дымится чувал. Рядом с чумом стоит на шести кедровых столбах покривившийся амбарчик. Не чернеет тропа к его жилью, шестом приперта дверь, снята лестница и скобки. Нет хозяина чума. Теперь на увале, где жил Ваза, в хвое молчаливых кедровых деревьев проворно резвятся белки, не боясь нарушить покой музыканта и его чуткой лайки. Темными ночами, все еще чуя запах человека и оленей, стаями бродят волки, садятся возле самой двери и воют долго и протяжно.

— Где наш Ваза? Что случилось? Жив ли он? Когда вернется? — спрашивали сородичи друг друга.

Не раз приходили они к мудрому шаману Куксе, просили выведать у духов тайну прекрасного юноши, но все напрасно. Шаман не мог найти ответа. А однажды, когда на небе нарождался новый месяц, в юрте Куксы застучали сразу все три бубна, и кто-то зашелкал в углу.

— Хост-хот, хост-хост!! — дрожащим голосом зашептал Кукса. — Хурум, хурум! Сгинь! Оставь в покое бедную юрту!

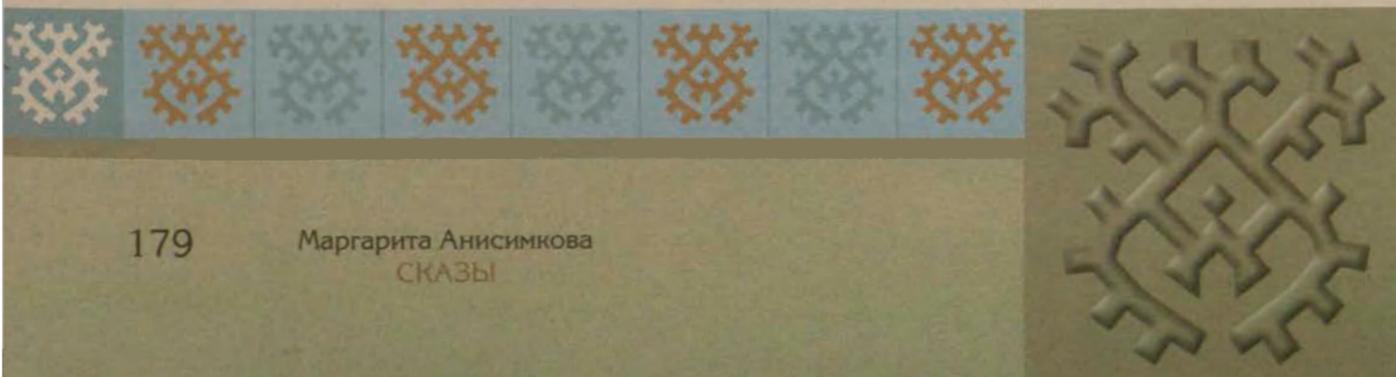
Сразу все стихло, но чей-то невидимый голос сказал:

— Не пытай, старик, напрасно!

По полянам, по болотам, между увалов, зимним лесом бежала упряжка Вазы в царство Мейка. И только могучий сон мог насильно закрыть глаза юноше. Он выпрягал своих оленей, пускал их на болото кормиться мхом, наказывал своей верной ампе Снежинке стеречь их и не подпускать волков.

Сам Ваза спал под нартой, в яме, выложенной мхом. Во тьме шелкали зубами волки, выли на стужу. Хищные глаза их горели между стволов замкнутым кругом, как свечи в Царстве Теней. Дух ночи звонким голосом хохотал, хлопал в ладоши, кричал: «Трусишка, Ваза! Вставай, засоня!»

Ваза спал, а верная лайка в страхе поднимала пушистый хвост и ворчливо отвечала на крики духов. Но когда над лесом поднялась темная завеса ночи, волки скрылись, замолкли духи. Семь долгих полнолуний ехал юноша Ва-

за в царство ойки Мейка, а вместе с ним бежала его ласковая попутчица лайка Снежинка. В седьмую луну он встретил в лесу девушку. То была Ючо.

— Пайсе, вишнэ! Это чудо, что я вижу! Ты прекрасна, но не оставь меня без ответа. Я чужой в этой стороне.

Вишнэ молча улыбнулась и чуть слышно сказала:

— Пайсе, пайсе, рума. Ты напрасно говоришь, что ты чужой здесь и впервые. Здесь только я одна из смертных.

— А кто хозяин этого леса, этих цветов и трав?

Ючо грустно улыбнулась, покачала головой:

— Лучше поверни своих оленей обратно, а иначе ты погибнешь, добрый юноша. Здесь живет владыка ойка Мейк. Поторопись, а то будет поздно.

— Много раз тебе спасибо. — гордо ответил ей Ваза. — Как назвать тебя, не знаю, но скажу тебе: ты цветок на гибком стебле, ты пазан-заут³ в темном небе, ты — кватын-быстрокрылый. Но мне обратно дороги нет. Я как ветер торопился в царство злого Мейка семь долгих полнолуний. Теперь я у цели.

— Ты бессилён, — грустно сказала Ючо. — Ты погибнешь. Поверни скорей оленей. Уезжай. Я тебе желаю добра.

Ваза прыгнул с нарты, помолчал, любясь красотой девушки.

— Ючо, Ючо. Я пришел сюда по делу. Мне надо торопиться в Царство Шубного Медведя, а здесь я затем, чтобы похитить нарту злого бога Мейка вместе с оленями и упряжкой.

Ючо ойкнула, закрыла лицо руками, заплакала.

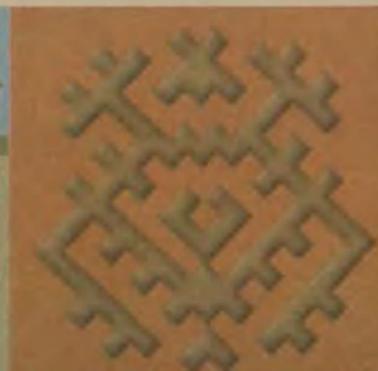
— В первый миг, когда я встретил тебя, Ючо, я подумал, что это царство молодой царицы Туе⁴. И она, сияя своей красотой, идет мне навстречу. Ючо, Ючо! Цветок жизни! — печально сказал Ваза. — Теперь, когда я понял, что ты желаешь мне добра, я говорю тебе: спасибо! Но мне нет дороги обратно. Я погиб, тебя увидев. Чтобы заслужить твою любовь, мне надо стать равным богу. Быть бессмертным и могучим... А теперь гагара скорби не покинет мое сердце. Я полюбил тебя, Ючо, и знаю, что здесь живет моя погибель. Но я к тебе все равно вернусь.

— Фу-бу, фу-бу! — закричал с дерева большеглазый филин.

На стволе кедра метнулись белки, спрятались в хвое. По траве пробежал ветерок, в стороне хрустнула сухая ветка. На поляну вышел любопытный олененок и, увидев одинокую нарту, широко расставил ноги. Из-за дерева показалась олениха.

— Кто ты, путник? — робко спросила Ючо. — Мне по сердцу твои слова. Я в ответ тебе скажу: с большой охотой разделю все твои труды и заботы. Я люблю тебя, Случайный, и спасу тебя от смерти, хотя слишком опасен твой путь. Но знай: любовь моя прибавит тебе тревог.

— Ючо, белая береза! — воскликнул юноша. — Меня, певца забытых песен, игрока на звонком гусе, никто испугает. Я в песне слышал о тебе, Ючо. И тогда еще поклялся встретить тебя, какие бы беды ни встретились мне на пути. Теперь же, когда ты сказала: «Я люблю тебя, Случайный!», мне совсем стал не страшен коварный Мейк.

Песня шестая Похищение оленей

Легкой, незаметной тенью Ваза крался к юрте Мейка. Была темная ночь. Возле ручья круглый камень преградил ему дорогу. «Тончин, тончин!», — шептала Ючо, подходя к ключу у камня. Две тени двигались неслышно.

Вдруг, как светляк в июльской ночи, сверкнули горделивые рога оленя из упряжки бога Мейка. Ваза остановился. Хрустнула сухая ветка. Фыркая, на тропинку вышел красивый олень. Он постоял мгновение, но, увидев человека, бросился бежать. Крепкая петля со свистом обвилась вокруг ветвистых рогов. Напрасно прыгал олень. Петля запела в сильных пальцах музыканта. Олень задрожал, удивляясь сильнорукому человеку.

Ваза заарканил трех оленей, привязал их к толстым кедром и, обнявшись с Ючо, осторожными шагами пошел по тропке, чтобы похитить нарту бога Мейка. В это время Мейк спал в своей юрте на нарах. Из открытой двери доносился его громкий храп, слышался скрип толстых бревен, когда он переворачивался с боку на бок. Его ампы-лайки, растянувшись, тоже спали беспробудно. В высокой траве Ваза отыскал нарту бога, постромки, хорей и, взвалив все это на плечи, сгибаясь под тяжестью ноши, пошел к оленям, где в страхе ждала его Ючо.

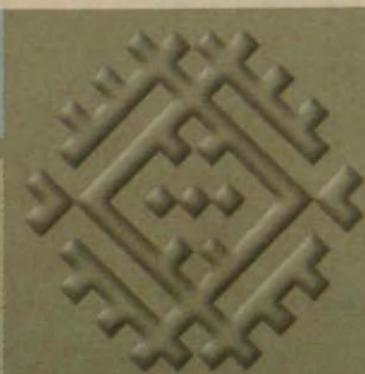
— Ючо, белая моя береза! — сваливая на землю ношу, со вздохом сказал Ваза. — Грустно мне оставлять тебя. Я не знаю: суждено ли мне к тебе вернуться, чтобы взять тебя и назвать женой.

Ючо с восторгом воскликнула:

— О, мой храбрый воин Ваза! Ты ко мне вернешься богом. Ты вернешься победителем. Тогда задрожит Мейк. А пока тьмой объята Маа, торопись в путь.

— Ты права, — впрягая оленей в белую нарту, выточенную из кости, сказал Ваза и обнял Ючо, полную страданий.

— Ючо, Ючо! Цветок жизни. Ючо, белая береза! Тяжело мне тебя оставлять. Мое страдание велико, как это небо. Но помни меня, Вазу, музыканта забытых песен.

Лапой Шубного Медведя
С длинными пятью когтями,
Кедром старым в роще ойки,
Где гнездится глупый филин,
Чернозобую гагарой -
Я клянусь² тебе, мой воин,
Ждать тебя с любовью в сердце...

— Ну, прощай! — промолвил Ваза.

В тишине прошли минуты. Сам хорей с земли поднялся, тихо скрипнули полозья нарты, дружно дернули олени. Но прошла еще минута... и Вазы не было с упряжкой. Узкий след полозьев извивался, как две змейки, уходил вдаль, где висела тьма.

Только забрезжило утро, зевая, встал с постели Мейк, поискал глазами Ючо. Ее не было возле камина. Мейк вышел из юрты и неторопливо пошел к ключу у камня. На том камне сидела Ючо. Она была грустна и в мыслях молилась о спасении Вазы — храброго вогула.

— Что ты тут делаешь? — увидев Ючо, гневно крикнул Мейк. — Ты о чем грустишь, земная? Или тебе скучно с богом?

Ючо молчала. Мейк схватил ее за руку.

— Отвечай! — крикнул он. — Бойся гнева мужа. И не сердь меня, земная.

— Грустно мне. Ночью снился дурной сон. И не сжимай мне руку, больно! Стыдно богу мучить женщину.

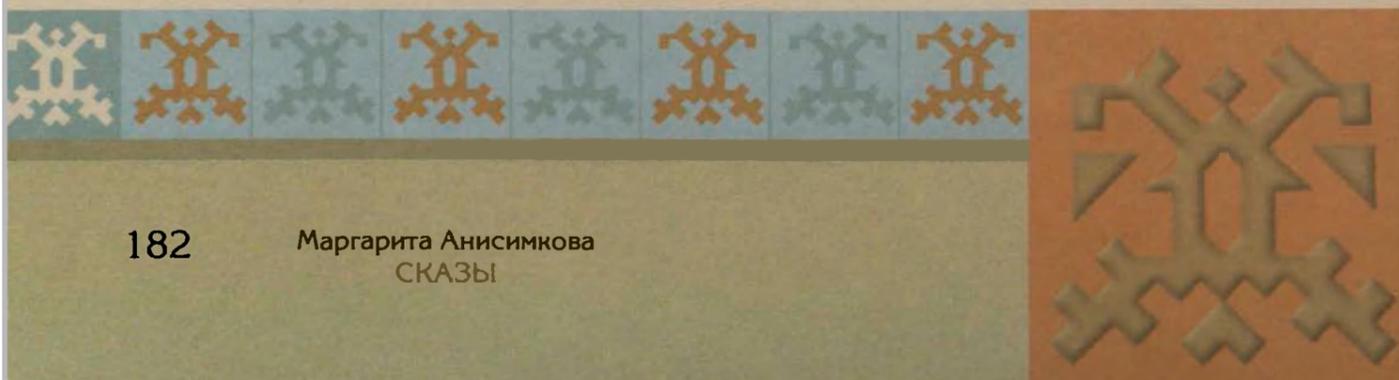
— Ладно, — сердито сказал Мейк, отпуская Ючо. — И не плачь. Слезы только портят зренья. — Мейк несколько раз обошел вокруг камня и вдруг грянул громом: — Кто здесь был? Чьи тут следы? Кто ходил в моих владениях?

И он, как чуткая собака, побежал по следу, вышел на тропинку, нашел в траве помятый майт³ из лосиной кожи, заметил следы борьбы человека с оленем. Оглядываясь, он читал на земле следы, как русский хом⁴ читает слова по белой книге. Мейк сразу понял, что случилось ночью. Увидев тут же женский след, догадался, почему спокойно спали его собаки и пустили вора в стадо.

— Эмас!⁶ — в гневе закричал Мейк. — Все равно будет вор наказан.

Скрипнув зубами, он помчался в погоню, как стрела, поднимая тучи снега. Мейк мчался темным молчаливым лесом, с диким криком, гневной бранью погоняя оленей. Нарты прыгали на ухабах, свистел хорей, и крепкострунные постромки звонко звенели в новой упряжке Мейка.

Ваза далеко услышал погоню. Он пустил оленей по крутому косогору. Они стали уставать. Сзади слышался грозный голос Мейка. Скоро его упряжка уже мелькала черной точкой у горизонта. Мейк мчался на тройке быстроногих оленей.

— Стой! — кричал Мейк, сдергивая с головы шапку. — Подожди, вогул! Все равно тебе не угнать моих оленей. От меня — владыки. Лучше сдавайся, вор трусливый!

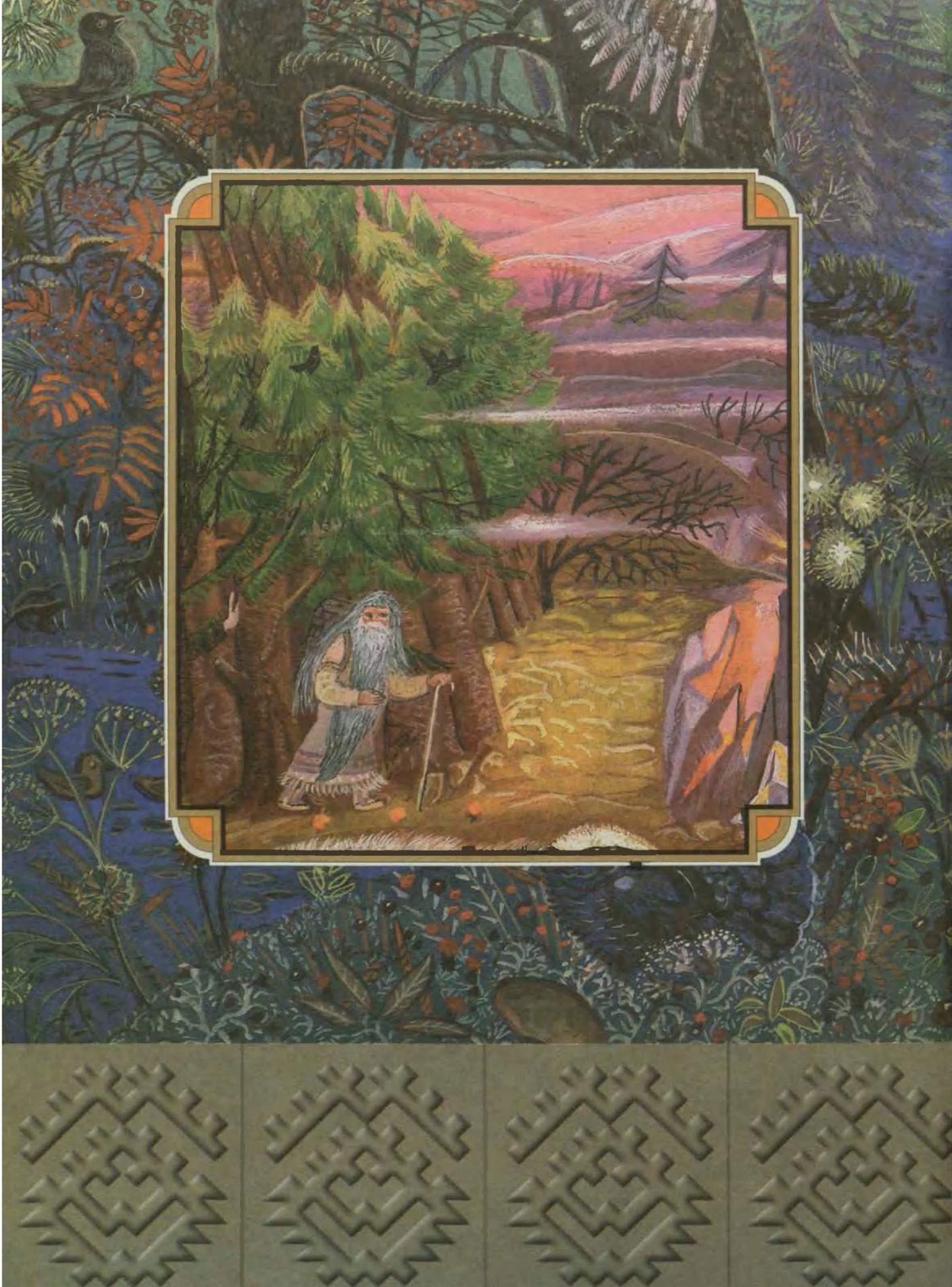
Ваза увидел, что Мейк вот-вот нагонит его, торопливо вынул из-за пазухи белый сверток, дрожащей рукой достал данный старцем подарок для спасения и, шепча заклинания, бросил стебельки сушеной травы. Нарта Вазы тут же исчезла. Он стал невидим Мейку. Напрасно он ругался, протирая глаза, слал проклятия. Ваза был далеко.

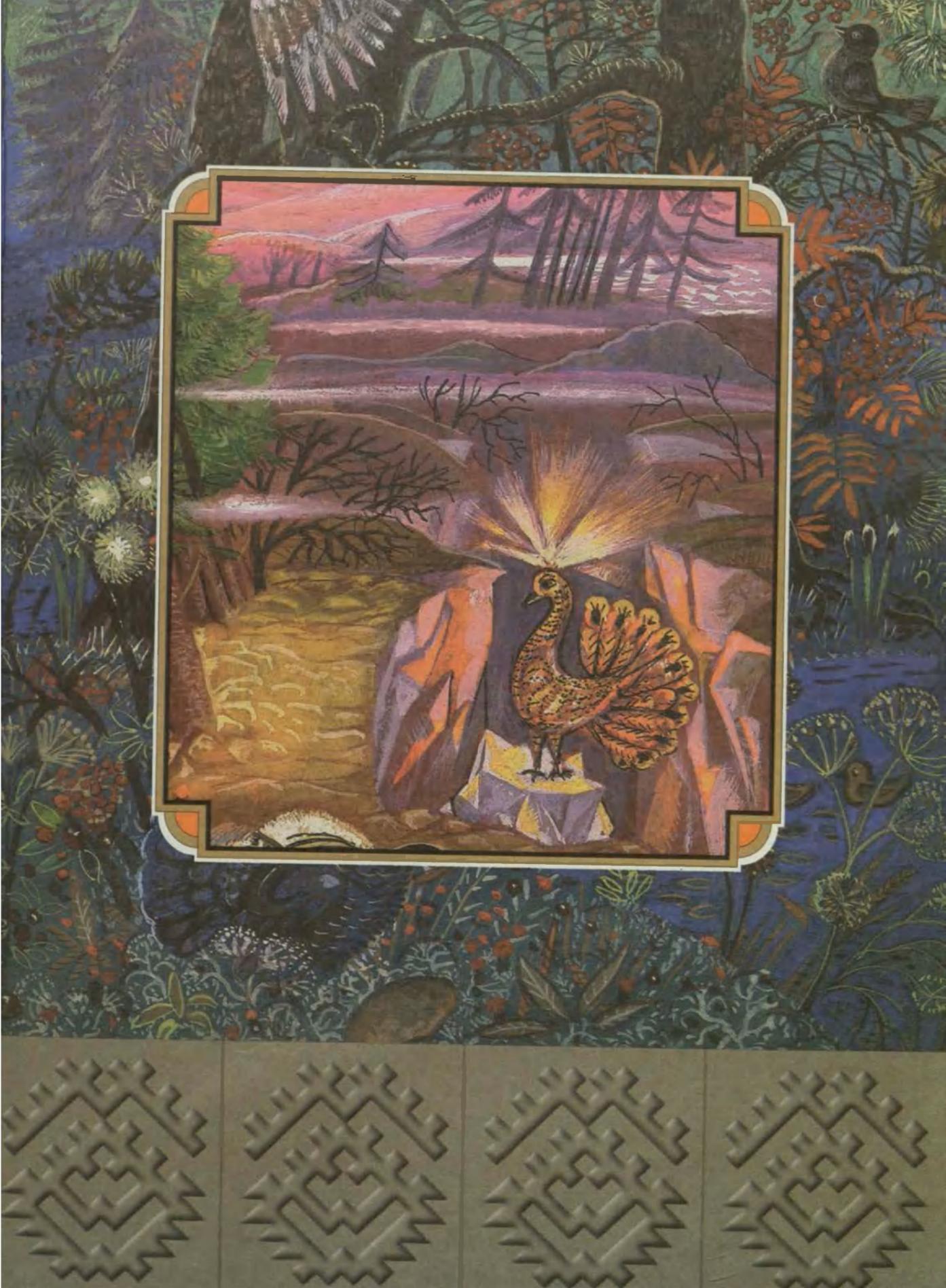
Мейк остановился, долго стоял в растерянности и гневно крикнул вдаль:

— Эй, ты, Торым⁶, я знаю твои проделки! Но ты, старый хрыч, толстый обжора, запомни мое слово: я с тобою еще потягаюсь!

А храбрый Ваза уже мчался в Царство Шубного Медведя и пел грустную песню о Ючо, о злодее Мейке и о том, что все равно вернется в родные края и возьмет в свой чум радость жизни, нежный цветок-нээ Ючо.

Песня седьмая Тамга

— Л

ес, хранитель наших чумов, наших лаек и оленей, помоги мне в великом деле... — так просил музыкант забытых песен и молился ночью перед опасным подвигом, просил богов помочь ему похитить тамгу и скрыться от гнева ойки Шубного Отца-Медведя.

Оставался один день пути до юрты Хозяина. Виднелись вершушки высоких гор, покрытых снегом. Солнце снова вставало над землей в желтой дымке. «Быть морозу», — подумал Ваза, погоняя оленей мимо кустарников, талтин, мимо белых, ласковых берез. Путь Вазы был далеким и трудным. И теперь олени бежали в гору и утомились. Тяжело дышала лайка Снежинка. Морозные иглы обжигали лицо храбреца.

Как только солнце в янтарной мгле, холодной и золотистой, склонило свой путь к закату, Ваза подъехал к юрте Шубного Отца-Медведя. Она стояла у сосны, разбитой громом. Свою упряжку Ваза спрятал в частом ельнике под увалом. За ошейник из скрученной веревки он привязал лайку Снежинку и стал ждать заката солнца. Как только наступила ночь, Ваза, поглаживая свою верную ампу, тихо сказал:

— Моя белая лайка Снежинка. Жди меня здесь до восхода солнца. Сиди тихо, не шевелись, не подавай голоса.

Взяв с нарты тяжелый топор, он пошел быстрым шагом к разбитой громом сосне. Луна бледнела над лесом и, поднявшись на темном небе, осветила зимнюю юрту¹ Медведя. В серебристом наряде у юрты стояли стройные кедры. Сквозь бревенчатые стены и толстую дверь, плотно пригнанную к запору, до слуха Вазы донесся громкий храп Отца-Медведя. Пугливые зайцы бегали в тальниках, боясь подбежать к юрте.

Ваза легкими шагами подошел к закрытой двери, сильными руками схватил за кожаную петлю и, упершись, потянул ее... Она медленно отворилась. Белый пар ворвался в юрту, тусклый сальник закоптил и сильнее разгорелся. Ойка Шубный Медведь с толстой Мюсснэ крепко спали и не слышали, как Ваза взял возле порога тамгу Торыма и бросился бежать к упряжке. Он торопился и впопыхах забыл плотно закрыть дверь.

Только скрылся Ваза и затихли его шаги, хитрый ветер из Низины стал громко хлопать дверью, стуком будить Шубного Медведя. Старец пробуж-

дался лениво, стал расталкивать сонливую Мюсснэ. Вздун огонь и почуял запах хома, зачихал, зафыркал, охая, вышел из юрты. И во мгле лунной ночи увидел следы вогула.

— Кто здесь был? — зарычал старец, вваливаясь в юрту. Потом выскочил, по пути захватив свою дубину, сделанную из ствола березы, и пустился бежать на четвереньках под увал. Ветер хитрый из Низины показывал Шубному Медведю следы в сугробах.

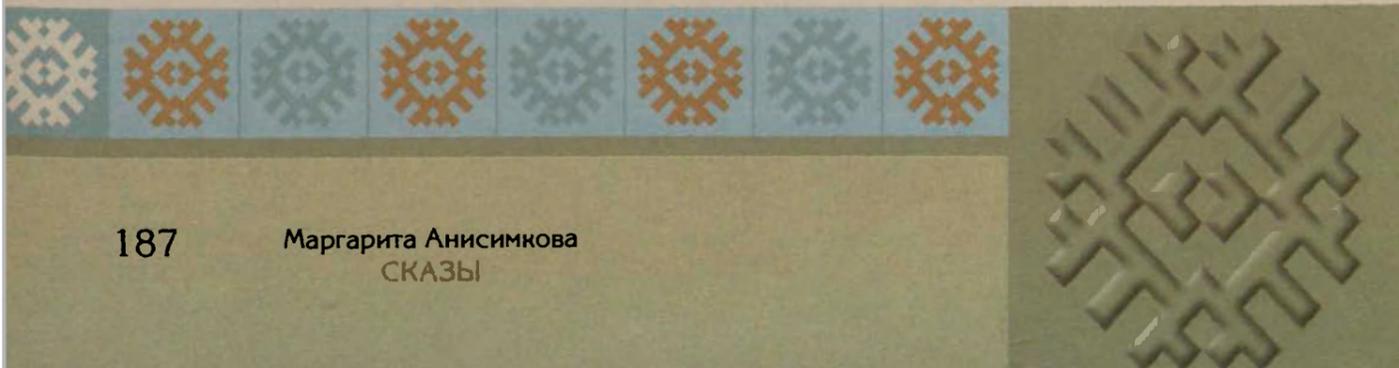
Лайка, белая Снежинка, первой учуяла запах Медведя и громко залаяла. По ельнику, как буря, пролетел рев Шубного старца. Ваза во весь мах погнал упряжку, но ветер с Низины поднял тучи снега, заметал дорогу, бил колючим снегом в лицо, слепил оленям глаза.

Олени мчались к реке по косогору, по сугробам, а когда спустились, то упали на колени, задрожали дрожью, заколдованные злыми духами Шубного Медведя. Тяжелым хореем Ваза бил по спинам оленей, но они не трогались с места. Уже слышно было ворчание Шубного Медведя.

— Стой! — зарычал старец. — Я знаю ваши проделки. Нынче с перепугу ты не успел промолвить и соврать, как обычно врете в песнях: «Не украл я у ойки тамгу. В том мои не виноваты руки!» Знаю я ваши лживые песни! Вы, мои братья, бьете меня пулями и стрелами, а потом пляшете, надевая мне на рыло берестяную маску. А потом еще гуляете неделю. Погоди, вор! — грозился Шубный старец, догоняя музыканта.

Пришла пора Вазе достать из-за пазухи семь лучинок и бросить их поперек травы. И сразу великий лес стал стеной. Поднялся от земли до самых небес. Он и преградил дорогу Шубному старцу. Даже ветер из Низины стих и лишь свистел между стволами в бессильной злобе.

С молитвой в сердце гнал Ваза оленей по тяжелому пути. А вел он его в Царство Смерти.

Песня восьмая Огненная птица

Д

линный, бесконечной лентой между гордых сосен и хмурых кедров, по мертвым застывшим речкам был путь храброго Вазы. Его не пугала дальняя дорога. Он стал крепче спать по ночам на хвое, возле костра. И верная его лайка Снежинка уже меньше лаяла, хотя по-прежнему подходили к костру робкими шагами отощавшие волки. Он был на ногах вместе с первыми лучами солнца, торопился в Ущелье Мертвых. В сердце его поселились скорбь и радость. Радость — оттого, что он ближе к цели, к Царству Торыма, а скорбь оттого, что живет в разлуке с Ючей и, быть может, навсегда с ней расстался.

В месяц первый — иенгне-котлег¹ — Ваза вынул из-за пазухи белый камень, который дал ему когда-то мудрый старец. Размахнувшись, бросил его на землю. И тут случилось чудо: камень превратился в белоснежную птицу-сороку, наделенную даром речи. Сорока вскинула крылья, поднялась с земли, села на рога оленя Мейка, который шел главным в тройке, и сказала:

— Мудрый Ваза, спасибо тебе. Я много лет была в тяжелом плену. Меня заколдовал злой дух. Он превратил меня в белый камень и бросил в глубь мутной речки. Я много веков лежала в мутной тине. Потом я попала в невод к рыбакам. Остяк увидел меня, положил в мешок, а сам подумал, что я промысловый идол. Я долго лежала у него на полке, но не принесла ему удачи в рыбалке, и он меня выбросил. Потом мною долго играли дети... Так я скиталась по свету. И только доброе сердце старца догадалось, что в камне спрятано чародейство. А дальше ты знаешь. Он дал меня тебе в подарок, но сказал: чары злого духа потеряют силу, если я своим полетом укажу тебе дорогу в Царство Мертвых, приведу к Ущелью, где живут души умерших. А потом я буду свободна.

— Эмас, эмас, — сказал Ваза, когда птица закончила свой рассказ. — Будь товарищем, сорока, в мои трудные дни. А если мне, музыканту старинных, забытых песен, доведется вернуться в свой паул, я расскажу о тебе в песне. И ты будешь бессмертной. Будешь вечно жить в памяти народной.

Сорока, вскинув крылья, полетела, указывая путь Вазе. Вслед за ней бежали олени, утопая в рыхлом, побуревшем снегу. Со звонким визгом, вскачь, белым комком летела по снегу белая лайка Снежинка. В сердце Вазы крепла вера в счастливое избавление позабытого народа.

Народилось новолуние. Впереди, как и говорил когда-то старец, показался таинственный лес и встал зубчатой стеной. Юркие белки-воровки отряхали пушистый снег на могучих ветках кедров и громко перебранивались. Внизу на снегу по следам хитрой лисы и трусливого зайца в кустах талин бродили волчьи стаи, обгоняя нарту Визы. Долго тянулся таинственный лес. Снег рыхлел. В дальнем небе расцветало солнце. «Скоро Туте. Где Ущелье?» — взволнованно думал Ваза.

— Птица вешая — сорока, — обратился он к птице, — проходят дни за днями. Весна скоро оживит тайгу. Зашумят реки и ручьи, на деревьях развернутся листья. Тогда придется нам оставить нарту и оленей. Я измучился душою. Увидим ли мы Царство Мертвых?

— Скоро, — выговорила сорока. — Подожди еще полдня и увидишь Царство Мертвых.

Сбылись слова вешей птицы. На конце лесной Низины был вход в Ущелье Мертвых. Между сиротливых кедров Ваза увидел темную яму, похожую на страшную пасть, уходящую в глубь Маа. Огляделся. Чтобы олени не сбежали, им на шею он надел колодки и оставил пастись под надзором лайки Снежинки.

Утром вешая сорока покружилась над нартой Вазы, весело помахала крыльями, попрощалась с музыкантом и улетела. Ваза, воин-зоркоокий, долго глядел ей вслед. В глазах его была печаль. Но твердой рукой он смахнул с глаз грусть, впряг оленей в нарту, поднял хорей и крикнул:

— Ну, сынки, скор-е-ее!

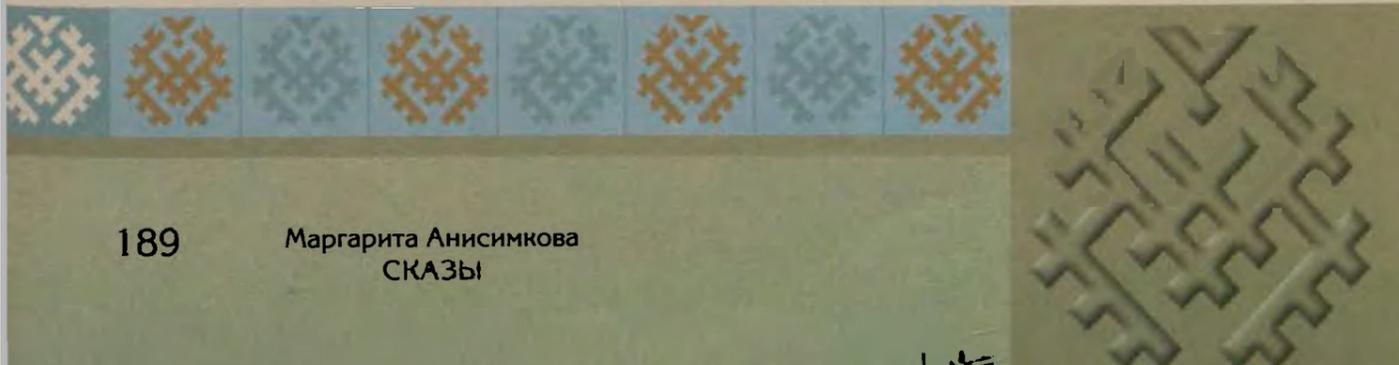
Вокруг было темно. По округе бег оленей разносился гулким звоном. В жутком мраке хитрый ветер протяжно пел песни о смерти. Ваза долго гнал упряжку в застывшей тишине Ущелья Мертвых.

Вдруг, на перепутье, во тьме блеснул и снова скрылся огонек. И скоро, как острой стрелой, прорезал тьму, вернулся, как видение, и только потом загорел ровным светом.

Ваза ближе — пламя ярче и все разгоралось странным синим светом. Ему стали видны очертания птицы Таукси Великой. Она сидела в ярком сиянии, на высоком белом камне, где были отворены двери в Царство Смерти.

— Ой-я-я-я! Ой-я-я-я! — что было голосу закричал на оленей Ваза и как вихрь промелькнул мимо священной птицы. Таукси вздрогнула, но было поздно: в руке Вазы, как зажженный яркий факел, дрожая, сияло жар-перо за воротами Царства Мертвых.

Ваза освещал им путь, миновал Ущелье Мертвых, увидел в золотом блеске солнца Великую Равнину. Это было Царство Смерти, оттуда прямой путь к Отцу Торыму.

Песня девятая Царство мертвых

Н

ародное предание говорит: будьте милостивы к мертвым. Чтобы там, за гранью, на Равнине далекого царства Торыма, они не нуждались в самом нужном. Не жалейте снабдить их могилы посудой, одеждой, едой, стрелами и луками. Дайте в дорогу шило и нитки, табакерку. Положите с ними нарту, трут и кремень, сеть и обувь. Там, в Царстве Мертвых, все пригодится. Ведь все рожденное — не вечно...

Ваза давно потерял счет дням, проезжая по Царству Теней. Здесь стояло незакатное солнце. Бесчисленные стада оленей бродили без присмотра, искали и ели мох. Их рога колыхались, как кустарники в сильный ветер. Но через много дней Ваза увидел возле небольшой речушки дым костра, пустой чум и двух тощих лаек. Кто-то невидимой рукой частой дробью стучал по бубну. Казалось, что кто-то плачет и шепчется страшным голосом.

Ваза оторопел. Его земное сердце встрепенулось. Сразу вспомнилась тайга, низина, речка с мутной водой, песни сосен, чумы, лайки. Вспомнилась Ючо... Но скоро храбрец устыдился своего страха, стегнул оленей...

— Ну, сынки, бегите к Торыму! — крикнул могучим голосом.

Олени мчались, и снова мертвая равнина сливалась с далью. Но хотя и было тихо вокруг, Ваза чувствовал движение чьих-то крыльев, чьи-то стоны и вздохи. Ему даже казалось, что кто-то мчится за ним. И скоро услышал тихий прерывистый голос:

— Мадур! Быстролицый! С тобой говорит Ясный Келб². — Ваза тут же вспомнил сказку дедушки. Но голос сзади продолжал: — Мадур, мадур. Это было в те времена, когда русские дружины неожиданно, как вешние потоки, спустились к нам с гор. Старик железный с длинной белой бородой, злой, как волк, вместе с набожным монахом пришел к нам таежными тропами. По паулам нашим он проходил, как огонь, как мор звериный, оставляя сзади себя только дым пожаров, кучи пепла и тел. А старый монах молился, все говорил о новой вере, купал наших жен и детей в воде. Наши храбрые дружины пошли против них. Мы бились долго и крепко. Но опять измена среди народа не принесла нам победы. Дружина железного старика одолела наше войско. А за ним следом по тропам пришли толпы русских. Обложили наши дымные чумы данью, взяли с собой жен. Вместе с ними черной птицей при-

летела к нам немая смерть, болезни, мор зверей. «Горе, горе!» — плакали старики. «Горе, горе!» — шептал им народ. И лес шептал, и птицы пели, и таежные звери говорили непонятным языком.

«Горе, горе!» — плескались в реке рыбы, увидев над водою русские неводы. «Горе, горе!» — вздыхал за спиной Вазы голос. И тогда на Медвежьей лапе я поклялся отомстить грозным пришельцам. С той поры мой голос не умолкал, как громкий бубен, бил тревогу, призывая вогулов к битве. И ко мне шли люди. Настал день. У стен острога, где спрятались боярин с дружиной, наши стрелы зажужжали, как пчелы. Из бойниц грохнули пушки. Наши храбрецы кинулись к стенам острога. И с утра до темной ночи мы дрались вверху, на кручах. И снова десять раз ходили к стенам острога и уходили только от пушканов.

А в народе пошел ропот: много мертвых, много крови. И голос мой стал похож на детский лепет, не слышали его усталые люди. Ко мне пришел день печали, одиночества и страданий. Но на помощь пришли боги. Они дали мне талисман. Я стрелами поджег острог, перебил служилых людей, полонил боярина вместе с монахом. Но ты знай: русские люди не прощают обиду, и никому не уйти от их длинных рук. — Тень за спиной Вазы шептала: — Не торопись, мадур, дослушай мою исповедь. И вот на нашу землю пришла зима. В эту пору от большого русского царя пришла новая дружина с воеводой Давыдко. И с ним с книгой и крестом пришел отец-монах пузатый, и началась месть за острог. Наши силы повстречались на реке, где проходил бревенчатый мост. Битва была короткая. Вогулы дрогнули скоро и разлетелись, как мухи. Я с товарищами долго дрался на мосту. Пали и остальные храбрые вогуличи, я остался один на мосту, политом кровью.

Русский воин — сын боярский, как медведь в медной одежде, взмахнул острою секирою над моей головой. Я не сбегал, не побежал, а, схватив боярина за кольчугу, соскользнул с моста вместе с ним и свалился в воду. Кольчуга была тяжелая, и руки у боярина были крепкие и сильные. Скоро мы с ним очутились на речном дне и оттуда уже не выплыли. Теперь в народе ты можешь услышать, будто по утрам над рекой возле острога выплывают тени, будто эти тени борются и бранятся. Знай, мадур, — это правда. Это я борюсь с боярином. Но я уже устал. Вот как только ты вернешься от Торыма, я окончу борьбу, я живу и обязательно вернусь на землю.

— Будь хорош! — тихо сказал Ваза Тени.

— Будь хорош! — зазвучало сзади прерывистое эхо по простору Царства Теней.

Песня десятая Пенегеза

З

а спиной мадур Вазы осталось Царство Мертвых. Осталась молчаливая Равнина, полная загадок.

На западе, где солнце стояло неподвижно в кровавых красных облаках, Ваза увидел длинную, как лента, стену чуть не до неба вышиной. Это было Царство Нума², Царство Мирра-Суснахума. У столбов, обитых медью, на крепких железных петлях, где сходились половинки запертых ворот, Ваза остановил нарту, достал тамгу Торыма — знак свободного прохода в Царство Мирра-Суснахума, которую он темной ночью похитил в юрте лентяя ойки Шубного Медведя. Ваза подошел к воротам, постучал и, не услышав ответа, громко крикнул:

— Отворайте! Кто здесь слышит?

За зубчатой стеной никто не отзывался: не зазвенела на крючьях железная цепь, не скрипнули ворота на железных витых петлях.

— Отворите! Кто здесь слышит? Отворите мне ворота!

— Если ты дух, то зачем тебе ворота? — ответил кто-то сзади. — Если смертный, то здесь тебе не место!

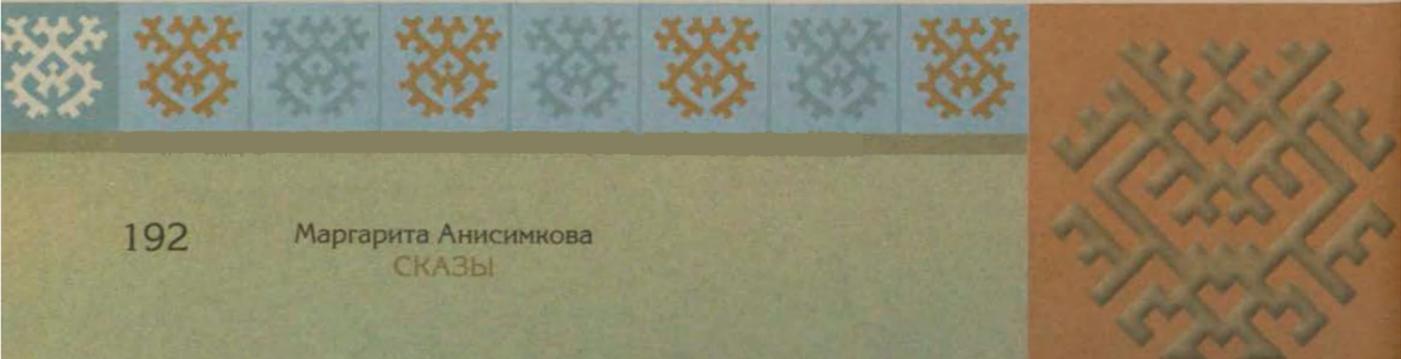
— Я похитил нарту Мейка! — гордо крикнул Ваза. — Я достал тамгу Торыма. В Ушелье Мертвых достал перо огневой птицы, пришел на нарте бога в Царство Мертвых. А теперь я у ворот Торыма и прошу открыть ворота.

— Здесь напрасны уговоры. И гнев напрасен, — начал хранитель входа. — Это крепкие ворота. Они никогда не отворялись перед человеком. Никто не верил, что слабый человек может прийти сюда с тамгою Шубного Отца-Медведя. Хотя Торым давно ждал тебя, человек.

— Отворите, — сказал тихо дух хранителю входа.

— Пайсе рума, пайсе рума! — учтиво ответил Ваза и в знак прощания с духом помахал рукой.

— Берегись, вогул, — крикнул ему вслед дух. — Здесь неподалеку живет обжора великан Пенегеза. Он проглотит, как лепешку, и тебя, и упряжку с оленями, и маленькую собачку. Берегись Пенегезу! А если ты сможешь избавиться от людоеда и обжоры Пенегезы, на твоём пути еще встретится молодая девушка. Ты молодой мадур! Будь крепче кремня, крепче синего железа. Не поддавайся ее колдовству. Умертви свои желания, хотя юному сердцу

трудно бороться с красотой прекрасного тела чаровницы Логари.

— Эмас, эмас, великий дух за мудрые слова, — говорил Ваза и, как лебедь в час заката, в золотистой пыли солнца полетел к шатрам Торыма.

В сердце Вазы звучали голоса победы. В душе его, как эхо, пели струны, о которых знал только он один. Он пел о том, что скоро закончился его великий путь, он вернется в землю Маа, к родным чумам, принесет тамгу жизни к берегам Конды и великой Ас'я. Эту тамгу великого Торыма он принесет на ветвистых рогах оленя.

Свою радостную песню он успел спеть только до половины, как увидел Пенегезу — злодея и великана. Он стоял на пути Вазы с дубиной. Белая лайка Снежинка ошети-лась, залилась лаем. Тройка быстроногих оленей дико метнулась в сторону. Ваза еле удержался на крепкой нарте.

— Стой, негодный парнишка! — крикнул Пенегеза. — Ты зачем явился сюда? — И злодей стал подходить к упряжке.

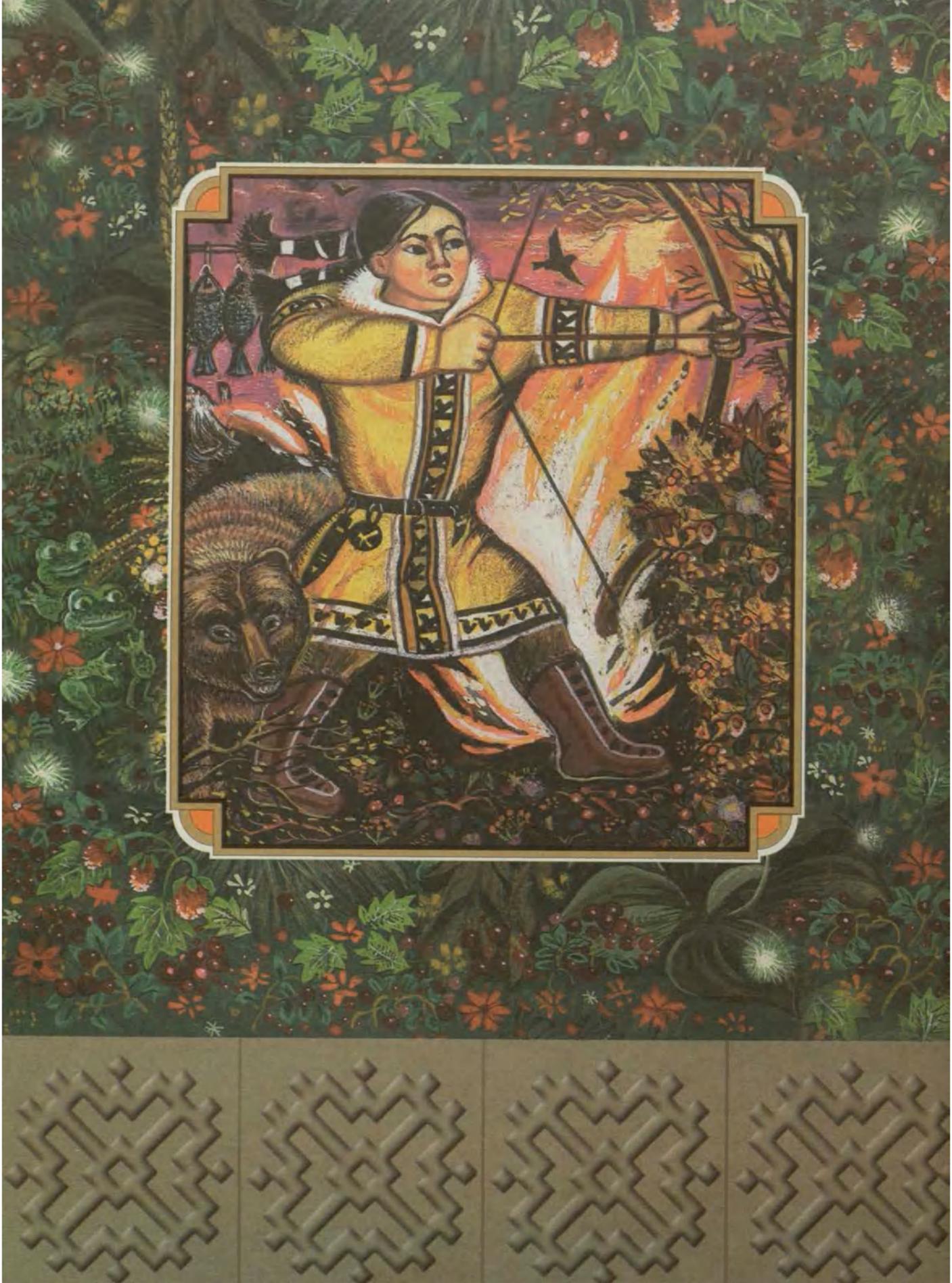
— Уходи с моей дороги, комариное отродье! — бесстрашно ответил Ваза великану-людоеду. — Уходи! У меня тамга Шубного Отца-Медведя. Есть у меня жар-перо священной птицы, есть стрелы, топор. Хочешь — проглоти меня, моих оленей с нартой, мою собаку, но все равно своим железным ножом я распорю тебе брюхо, разрублю ребра, руками перерву горло. И ты подохнешь, как собака, комариное отродье.

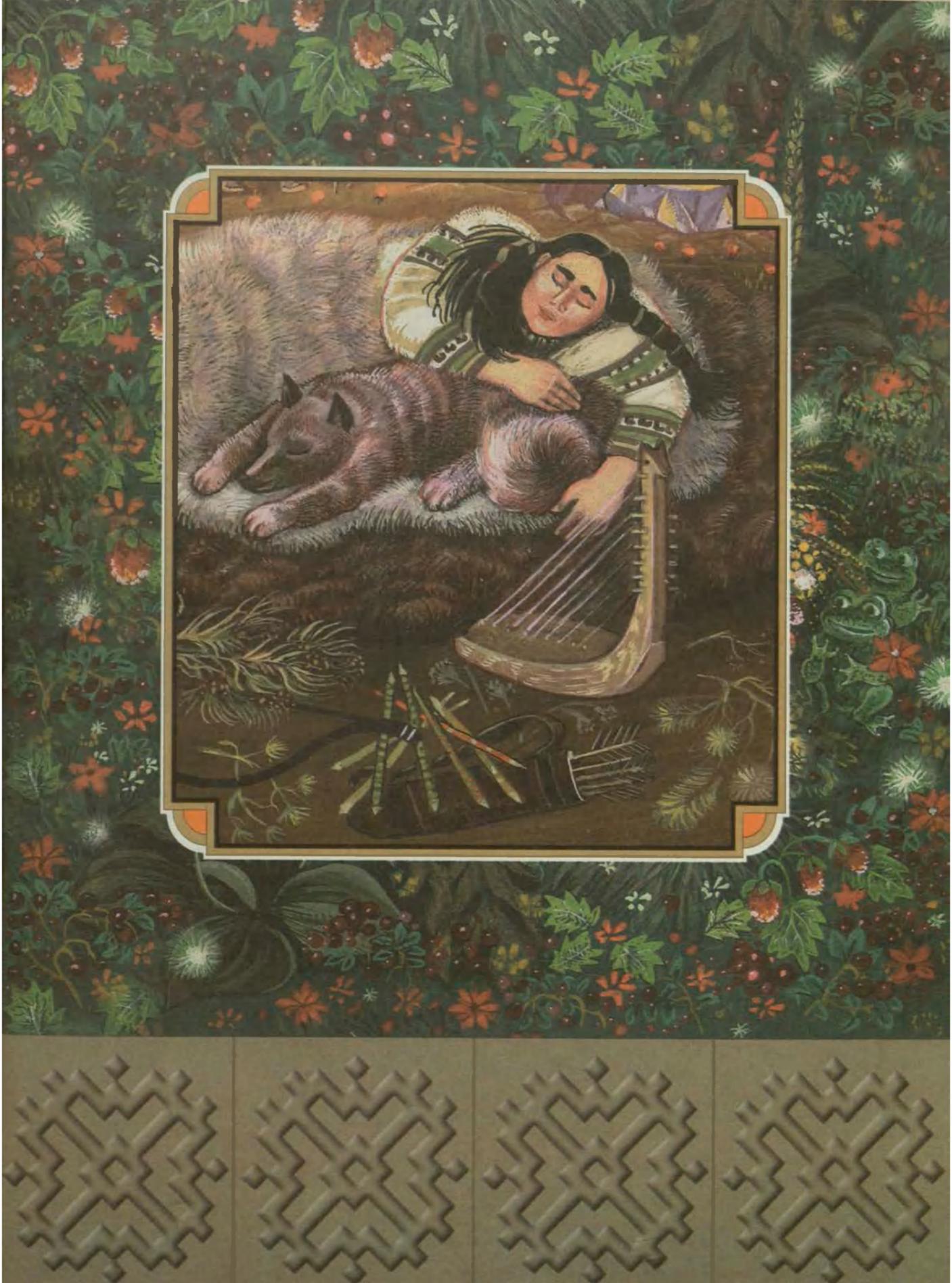
Пенегеза удивился, в гневе скрипнул острыми зубами и длинной рукой махнул перед оленьими мордами, а потом залился диким смехом.

— Испугал меня, хвастунишка трусливый. Меня — великана Пенегезу! — кричал он вслед Вазе, но в его словах не было гнева. — Я бессмертный, как все боги, как великие шаманы. Но ты привез тамгу Шубного Отца-Медведя — брата вечного Торыма, и в этом твое спасение. Ты давно бы сидел у меня в брюхе, пережеванный зубами, не ворчал бы, как старуха, не хвастал бы, как лгунишка. Не трону я тебя, детский воин. Прощай, парнишка!

А Ваза уже не слышал его слов, размахивая тяжелым хореем, он выводил нарту на дорогу и с радостью мчался в Царство Великого Торыма.

Песня одиннадцатая Логарь

Е

сли в дороге падают олени, ночью воют волки, зайцы хитрой петлей перебегают дорогу, люди говорят: быть несчастью. Если олени бегут ровно, зайцы только ночами выбегают на дорогу, волки сидят на опушке — надо ждать удачи. Если в закатный час солнце обливается алой кровью облаков — быть бурану. Если солнце озаряет зимний закат желтой медью — тогда по утрам надо ждать мороза.

Многие мудрые приметы вспоминал Ваза, всегда помнил, что впереди у него еще много испытаний.

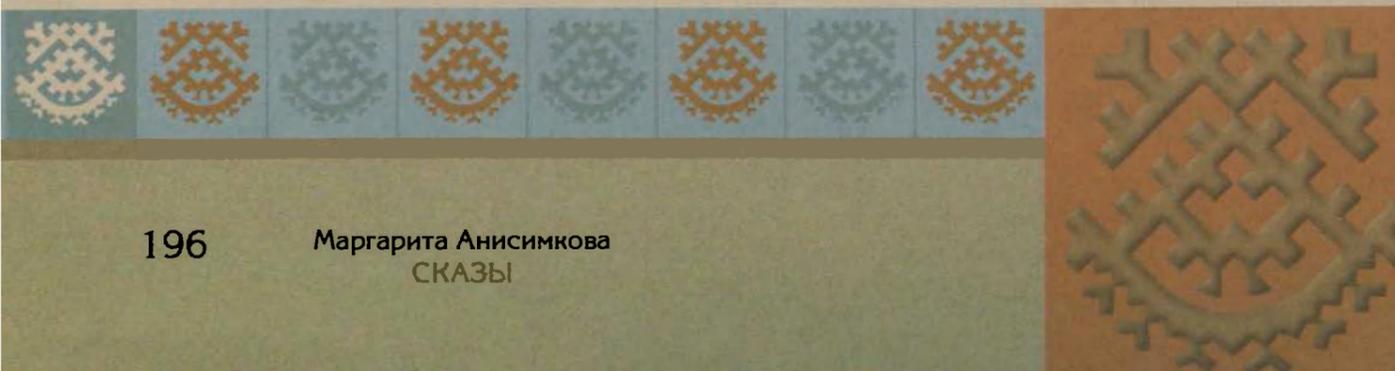
Как-то в полдень на равнине он вдруг увидел чум и услышал игру Гуса. Чей-то нежный голос пел задумчиво. Ваза прислушался.

Музыкант, мой храбрый воин,
Я тебя ждала с любовью...
...Ты пришел на нарте Мейка,
С тамгой Шубного Медведя,
С жар-пером огневой птицы,
Ты как дух, как бог из Маа,
Ты велик, певец мой Ваза,
Я тебя ждала с любовью.
Я твоя, мой победитель!

Тут песня смолкла. Отворилась дверь чума, и в цветных дорогах одеждах, с тонко вышитыми узорами, вышла на дорогу девица Логарь¹. Она поджидала нарту Вазы. Она была прекрасна. Склонив голову, опустив ресницы, Логарь стояла с двумя служанками, которые держали в руках разные угощения. Нарта Вазы поравнялась с чумом чаровницы. Белая лайка Снежинка заворчала, ошетижилась.

— Пайсе, пайсе, мадур, — нежным голосом сказала девица. — Придержи своих оленей. Заходи в мой чум. Ты устал в долгой дороге. У меня ты найдешь нень², и мясо, и сладкую кровь, погреешься у огня, отдохнешь на мягких шкурах.

— Воньчах эмас — эмас куен³, — учтиво ответил Ваза, придерживая оленей. — Но я спешу к Отцу Торыму.

— Ваза! — громко перебив мадура, проговорила Логарь, вспыхнув черными глазами. — Я знаю: ты поверил сказке злых духов. Но ты не бойся меня. Не проходи мимо моего чума. — Девушка замолчала, тень легла на ее лицо, и, как дождевые капли, две слезинки скатились с ресниц на отороченную мехом ягушку⁴.

— Ты не бойся меня, воин, — снова сказала Логарь. — Я давно ждала героя. Много лет я выхожу на дорогу на восходе солнца и все жду, когда заблестят рога оленей и я увижу тебя. Увидев тебя, я рванулась навстречу, как томар-певунья⁵ из крепкого натянутого лука. Я ждала тебя, Прекрасный...

Улыбнулся Ваза и ответил:

— Много раз тебе спасибо. Я не боюсь зайти в твой богатый чум, и не страшны мне твои чары. Мое сердце не дрогнет. Я люблю мою подругу Ючо. Я люблю мою белую лебедку.

Ваза слез с нарты, привязал оленей к шесту, наказав белой лайке Снежинке караулить их. И сразу медным звоном загудели струны многих гусов, забили бубны. Храбрый Ваза вошел в чум Логарь, сел на посланные шкуры. Две служанки запели песню о герое Вазе — победителе Пенегезы.

Он пришел из снежной тундры,
Ждали мы его прихода,
Каждый день гадали на бубне,
Каждый день пытали духов.
Язык духов — непонятный.
Их язык, как шептание старцев.
Как лепет маленьких детишек...

— Мы спрашивали духа: что он видит? — сказала Логарь, вздохнув. — И дух таинственно ответил мне: Шубный старец застлал ему дорогу. Тогда я не отставала от духа, топила его, молила, и он, сжалившись, сказал: — Я слышу топот. Он едет на тройке оленей. Он проник в ворота. Пенегеза точит зубы. И вдруг дух закричал: «Кийя-юйя! Кийя-юйя! Пенегеза обманулся. Выходи и жди его».

И тут в неземном танце, легком и красивом, закружились две служанки. «Я не видел в тундре таких танцев. Я не знал, что девушки и женщины умеют делать свое тело песней сладострастья», — признавался себе Ваза.

Скоро Логарь подала знак танцорам. Смолкла музыка, и в чум покорно вошли десять слуг с угощением. Они низко поклонились и тут же вышли из чума. Ушел из чума игрок на бубне, игрок на гусе, старуха войш-вуй-нээ⁶ — нянька Логарь, старая колдунья.

— Ты устал в дороге. Отведай мяса, теплой крови, рыбы, ягод. Расскажи мне, что видел в пути, добираясь до Царства Торыма.

Руки девушки незаметно, как весенний хмель, обвивались вокруг шеи мадура. И уста их, как трепетанье юных листьев в тихий вечер, с дрожью слились. Туманом наполнился чум. В ушах звенела нежная музыка. Логарь обнимала Вазу, потом села ему на ко-

лени и, как в бреду, шептала: «Я твоя, мой мадур. Разве ты не видишь моей ласки? Открой мне твое сердце...» И опять туманом наполнился чум. В глазах Вазы заблестела проснувшаяся страсть. Своей крепкой рукой он обнял гибкое, как стебель выюнка с белыми цветами, тело девицы и, коснувшись ее губ, замер в пьяном исступлении. Он не знал, что с поцелуем пьет отраву, не думал о бедах, которые предстояли ему впереди. Он даже на миг забыл, что там, у злого Мейка, его с тревогой ждет бедная Ючо.

Целый день Ваза провел в чуме Логарь и только к вечеру вспомнил, что пора в дорогу. Он быстро вскочил, на бегу простился с молодой чаровницей и погнал оленей, направляя свой путь к Торыму.

Песня двенадцатая Торым

Р

обкими руками в молчании развешивают люди на сучьях в лесу белый Ир — приносят милость добрым духам, а злему духу дарят черный Ир¹.

Ваза повесил перед лицом Отца Торыма белый Ир и долго ждал ответа. В Царстве была тишина, ярко горело солнце, блеском светила луна, где-то дымилась костры с благовониями.

— Пусть он встанет и скажет свое слово, — обратился Торым к своим приближенным.

— Встань, вогул! — вскричали разом боги. — Молви слово!

Не поднимая головы, Ваза ответил гордо:

— Я вам равный, духи бога. И Отец Торым Великий может сам говорить со мной.

Все стихли от дерзких слов мадура и ждали, что Великий Торым изгонит из своего Царства храбреца.

— Белый Ир — милость для вогула, — тихо сказал Владыка. — А Торым не требует подачек, ему не нужен белый Ир. Убери его, невежда, да уходи, дерзкий безумец.

Ваза громко закричал:

— Знаю я твои законы! И скажу тебе, Владыка, что стою перед тобой не как жалкий вогул из Маа, не безумец, не невежда, а как бог! И подвластен я только тебе. А меня ты не можешь гнать. Я не собака. Я имею место в Царстве и жду от тебя награду за лишения, которые встретил на пути к тебе. Я пришел на нарте Мейка, чтобы увидеть тебя и сказать, что Ваза, музыкант забытых песен, был всегда правдив, знает законы старцев и принес тебе горе своего умирающего народа. Я принес тебе правду, которая никогда не долетала до твоих ушей. В моей земле Маа есть два начала: волки и олени. Поэтому белый Ир мы вывешиваем на хрупкой ветке, а черный кладем на гниющий пенек... Это зло и добро, это страдания и надежды. Это злодей Мейк и ты, Торым Великий. День и ночь всегда воюют. Зло с добром, как волк с оленем. Но у волка зубы, как железо, а быстроногий олень беззащитен. — Передохнув, Ваза продолжал: — Будь же милостив к несчастным, Всесильный Торым. Помогите народу Маа. Я пришел к тебе от манси рассказать о их заботах и просить твоей защиты. У нашей могучей мутной Ас'я по малым и большим рекам,

между увалов и соров, живут твои народы, которые зовут тебя Великим. От этих народов я пришел просить не о власти, не о сытости, а о покое и пище, свободе чумов, о сохранности оленьих стад, песков, тайги. Ты, конечно, знаешь, что на нашу землю пришли чужие люди, покорили нас железом, наложили дань, умертвили наших князей, бесчестят женщин. Мой народ долго молился злым и добрым духам, не один раз шаманы вызывали тебя, но ты не отозвался. Твоим духам мы клали большие жертвы, но ничего не помогло. Сила руссов нас давила. Разве ты не слышишь там, внизу, звон лопат, удары топоров? Где раньше плотной стеной стояли кедры — теперь избы русских. Разве ты не видишь дым лесных пожаров? Это горят леса вогулов. Разве ты не видишь бедность наших чумов, вымирание народа от болезней и горя?

Ваза говорил громко и ясно, чтобы каждое слово мог услышать бог.

— Русс пришел с топором и зельем смерти², с попом-пронырой, который крестил вогулов водой, крестом и сладкой речью. А боярин на наших тайных тропах построил свои города с церквями. И потекли потоками на землю Маа русские, оттесняя нас к Ледовитому морю. Они обманывают нас сладкими лепешками, бутылкой водки и таун нень³ — огненным хлебом. Не суди меня строго, Великий. Я тебе открываю сердце. Уходя в это Царство, ты оставил людям надежду, и она не умерла в вогульском народе. Об этом я узнал от ойки Куксы, который пел нам в песнях о прошлом, а другой незнакомый старец научил меня, как найти к тебе дорогу. Он велел совершить три подвига: первый — олени Мейка, второй — тамга старца Шубного Медведя, и третий — жар-перо огневой птицы Великой Таукси. Я все исполнил. Теперь стою перед тобой и жду ответа.

— Все ли молвил, сын мой Ваза? — спросил Торым. — Все ли ты сказал, бессмертный?

— Все, отец! — ответил Ваза. — Все, Владыка моей жизни.

— Эмас Ваза, — печально ответил бог. — Мой ответ готов тебе, Счастливый. Ты пришел ко мне из дальней стороны за защитой. Ты совершил все подвиги. Так передай своему народу: Суснахум — Великий Торым обещает им великую награду в Царстве Мертвых. Они получают ее за все беды, которые несут теперь люди на земле Маа.

— Нет, Отец! — закричал Ваза. — Не надо мне такого ответа! Царство Мертвых — не награда!

— А чего ты хочешь? — громко перебил воина Торым.

— Не хочу! Не хочу быть только Тенью. Я хочу, чтобы Великий Торым обещал манси победу над врагами...

Лениво возмущившись, Торым сказал:

— Завтра, Ваза. Будь хорош! Я хочу отдохнуть. Отдохни и ты. Голова твоя в тумане, это видно по тому, что ты говоришь.

Ваза поклонился богу.

Песня тринадцатая Атта-Кег'е¹

Сарни-тут³ — огонь бога, хвост божьей птицы. Оно часто перистыми столбцами одной гранью светит от страны самоедов до Урала, а другой — светлой гранью — лежит в стране вогулов, которых зовут обские люди — племя на Конде-реке и ее притоках. Там раздался грозный голос Нума, и прогремели такие слова: «Пусть олып³ приходит сюда, в этот край, и услышит последние слова бога».

Шелковым платком Ваза прикрыл щеки и лоб, без всякого страха вошел в медный город и предстал перед богом.

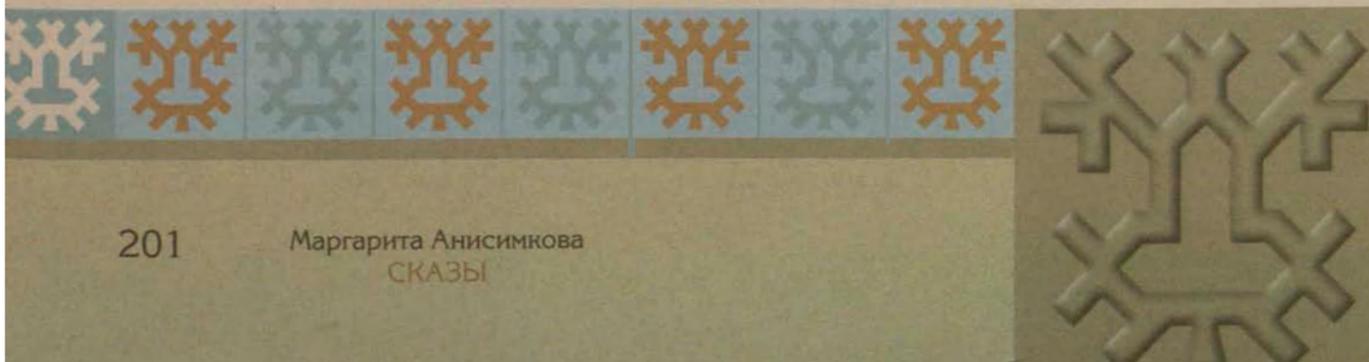
— Я пришел, — сказал храбрец.

Стало тихо вокруг, и многоцветное пламя северного сияния загорело столбцами. Огонь Торыма, как мелкий туман из огненных пылинок, наполнил города. Где-то испуганно крикнул дух, и опять все стихло. Вокруг стало мертво, как в ясный весенний день над землей Маа, когда на снегу блеском играет солнце, слепит глаза, а в небе не видно черных пылинок — стай гусей, уток, лебедей. В такие дни в чумах вогулов дым струится прямой паикой⁴ и лежат под снегом медведи, прячутся в урманах глухари, сидят в норах лисы.

— Слушай, — донесся тихий голос хозяина. — Если ты назвался мудрым, железным корнем⁵, осмелился явиться к Торыму, то поймешь слова простой и вечной сказки...

И дух начал рассказ:

— В ночную пору по тропинке бежали два песца и разговаривали между собой. Первый удивился: что на тропинке нет капканов. А второй ему ответил: «Люди-звероловы все вымерли, как мухи в осенний мороз от красной оспы⁶. Они, как голодные собаки, продали свои души купчине за бутылку крепкой водки». И опять песцы побежали вдоль берега. «Помню, здесь был белый камень, — заговорил первый. — Этот камень был священным, сюда приносили приношения». — «Этот камень давно испарился, потому что народ был скупым на жертвы. В последний год только кто-то случайно потерял здесь суж и тахом⁷ да ремень от собачьей упряжки». После этого песцы долго молчали и добежали до безлесой тундры, до границы черных карликовых елей. Здесь их встретил злой дух, преградил дорогу и превратил в речушки. И потекли по тундре две речки, огибая мыс, образуя лягу⁸.

— Скажи мне, богатырь Ваза, — спросил Владыка, — прав ли был дух, обратив песцов в речки? Я дам тебе для раздумья время, за которое может вскипеть яный-пут'ы⁹.

Ваза сразу стал отвечать Торыму:

— Эту сказку я толкую так: когда солнце ходит низко над землей, наша Ас'я замирает¹⁰. Рыба уходит вниз, ближе к морю или в устья маленьких речушек. Там люди ставят уды, плетенные из прутьев морды и этими уловами кормят детей. Верно поступил дух, превратив песцов в речушки. Два песца — небольшая прибыль человеку, а две маленькие речушки могут до весны прокормить много людей.

— Верный твой ответ, — сказал Торым. — И слушай меня. Я открою тебе смысл, понятный только одному мне. Перед весной ваша река народов — Обь — замирает от ржавы. Так и вы, народы Маа, перед радостным восходом погибаете от мора, кричите: горе! горе! И, как окуни в сетях, из одной беды торопитесь в другую. Я вчера обещал народам награду, но ты отказался от нее. А теперь я даю тебе новое испытание. Я даю тебе атта кег'е, называю — Карт-иевра¹¹.

Верные слуги Торыма тут же принесли ему кольчугу из блестящих колец, железный меч и ножны богатырского меча.

— Вот тебе мои подарки, — сказал Торым. — Надень на тело кольчугу. Богатырский меч и ножны даю в придачу.

Ваза поклонился Торыму и стоял, наклонив голову, дожидаясь наказа. Бог долго молчал, потом проговорил:

— Когда ты поедешь отсюда, на дороге тебя встретит страшный зверь Иур¹². Ты убей его. И не забудь взять с собой его когти. Они крепкие, как камень. Когда подъедешь к горам, увидишь трехрогого зверя¹³ с толстой шкурой. Этот зверь живет в подземном Царстве. Ты его убей и отруби у него рога, спрячь их в укромное место. Только после этого можешь повернуть свою упряжку в царство злодея Мейка. Не робей, сразу вступи с ним в бой. Ты должен победить Мейка — этого вора и бродягу. Без страха разори его владения. Не стесняйся. Возьми себе в награду все, что сыщешь. Нут и шар¹⁴! Клянись Медведем, если тебе удастся победить Иура, то на землю Маа придет свобода, а красная старуха — оспа — станет ходить по домам русских, истреблять их болезнями, как истребляет в тундре оленей чума-поземка. Будет страшно, будут голод и пожары, но, как испуганные волки, побегут русские от смерти за горы. А после этого настанет новое время. Вогульские жены будут здоровы и плодовиты. Лес даст вам все для жизни. В изобилии будет мяса и шкур. Мутные воды Ас'я наполнятся рыбой. Тучным кхоньи-коры¹⁵ не будет числа. И снова ваши великие шаманы будут жить с вами везде: в дремучих лесах, в урманах, на полянах, в протоках, реках, озерах, чашах тала, встанут идолы-шайтаны. Я повелю, чтобы в землю Маа вернулась баба Руча¹⁶ и Лонт-гусь¹⁷.

И на этих словах Торым смолк. Ваза поклонился, надел доспехи и пошел. И опять был в пути храбрый Ваза. Вновь он сидел на своей упряжке, с ним рядом была верная белая лайка Снежинка. На Равнине он оказался так быстро, что долго тер кулаками глаза и брови. Долго дивился, как смог миновать ворота Царства, Великую равнину, где живут души умерших, узкий

проход мимо птицы Таукси. Он будто упал с небес. Долго он стоял в изумлении. Но, увидев человека, спросил тревожно:

— Как зовется это место? Может, это Царство Торыма? Или Низина, где живут умерших души?

В ответ ему человек засмеялся.

— Нет, — ответил встречный. — Здесь не Царство Торыма. Это место вечно звалось Сосс'я¹⁸ — Горностаева река.

— Будь здоров! — чуть шевельнул языком Ваза на насмешку человека. — Если я не в Царстве Торыма, то значит, я на земле Маа. На Родине.

Песня четырнадцатая Иур

В Обском заливе, в белом крае самоедов, даже в летние дни лежат льды, которые не могут растопить солнечные лучи. И даже в солнечные дни лучи Светила скользят по земле Маа, и между синими незабудками, желтыми лютиками и маками все лето лежит снег. Там, в холодном море-озере, жила рыба-зверь, зубастый Иур.

Люди на Ямале часто видели чудовище, видели, как оно важно плавает по морю, бьет хвостом по льдинам, пускает сверху струи. От его ударов лед раскалывался, как щепы, а большие волны с белыми гребнями с силой били о низкий берег тундры.

Часто бушует море-озеро, а вместе с ним и холодный ветер. Он тучами закрывает солнце, и, подув на травы, замедает их снежным пухом, и от края моря бежит к горам, принося ненастье. В такое время люди не могут рыбачить, складывают сети на приплексах и, проклиная большой вал, мокрый ветер, уходят в чумы, к огню. А ветер все воеет, шумит по коже чума.

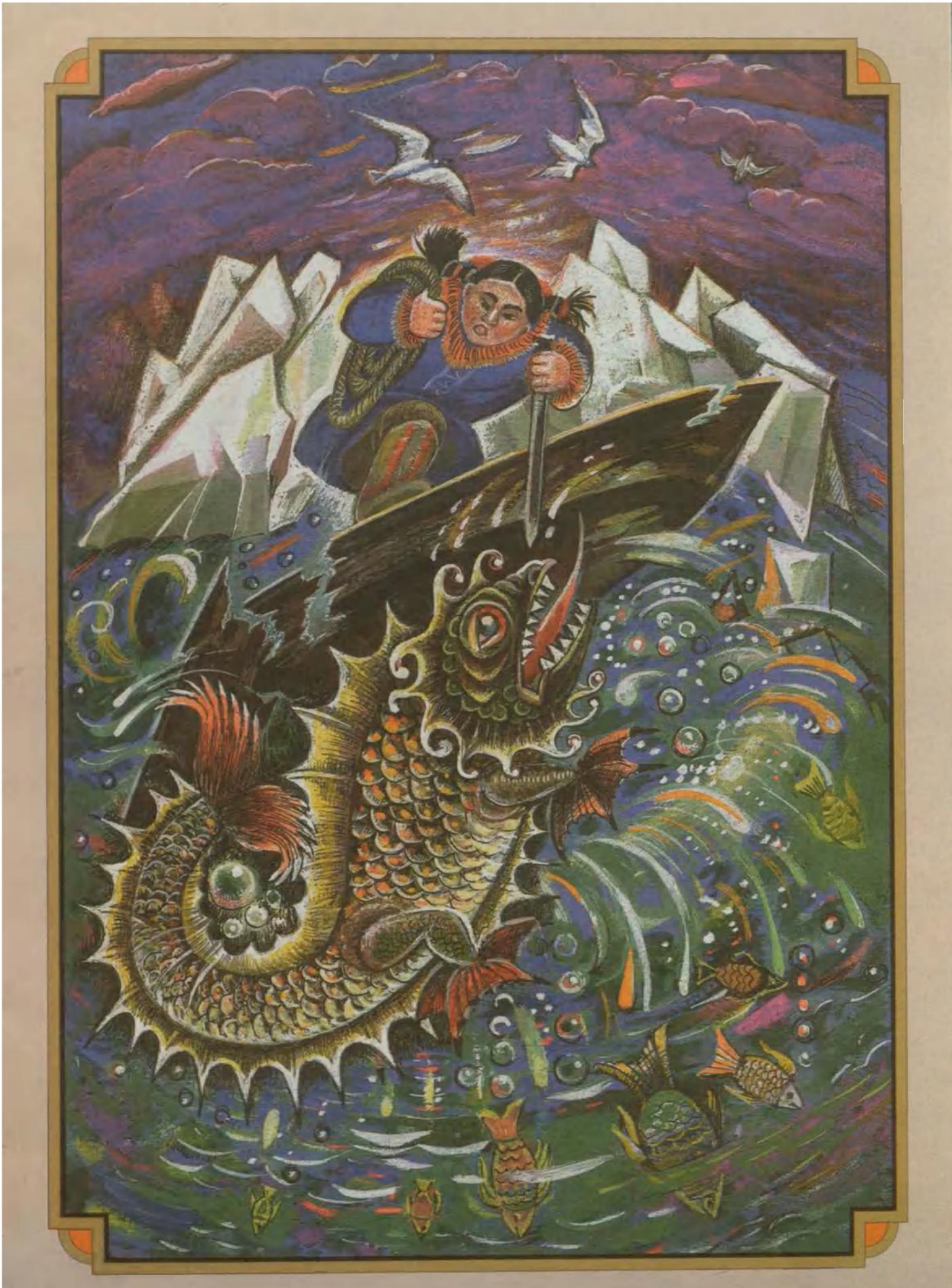
— Пошамань! Отгони своим вещим бубном от наших берегов злого зверя Иура. Уйми его, — просили люди шамана. — Ты нагрей бубен на дыму смолистых щепок. Он будет звенеть сильнее. Скажет больше правды.

Дрожащей рукой дряхлый ойка поднимает бубен, колотушку, ставит на колени теплый бубен. Раз! — ударил он колотушкой. Еще раз! — откликнулся бубен старого шамана. И зазвенели тихим звоном знаки гагар и лодок¹. Ответил бубен, и частые удары его полетели в бездну. Замелькала колотушка, старый шаман скоро запыхался. Зажмурил глаза, чтобы нутром яснее видеть. Потом трижды бросил на четыре части света колотушку — асилибы². Сидевшие возле очага люди подобрали ее, подали старику. Гром гремел в темноте чума. По стенам скользили робкие тени, которые, по поверью, вместе со старцем ворожили, стараясь предсказать будущее.

— Слышу! Слышу! — закричал вдруг старец. — По темному небу кто-то скачет. Кто-то кричит тяжелой нартой. — Люди заволновались. — Тише, тише! Тише! Потушите в чуме огонь. Он мешает моим глазам яснее видеть даль. Он уже близко! Солнце пройдет полкруга, и вы увидите оленей: и нарту, и путника. Его долго ждали ваши деды. Ждите дальнего гостя из Паюнг³. К нам едет гость-путник. Он, наверное, несет с собой чудо и принесет избавление от злодея-зверя Иура. Он уже близко!

Из рук шамана вывалился бубен, сам ойка повалился на пол, народ в страхе стал выходить из чума.

Злой ветер гнал тучи, гнал снег на землю Маа. Тяжелый вал бил о берег, зверь Иур уносил с собой в море все с берегов, играл в волнах и пускал струи.

— Где олени? нарты? путник? Ничего не видно, — шептали малoverные.

Старый Ярны Окатэтто — самоед из стада — сказал пастуху Хамыби Худи с малой речки Юна-Яга:

— Буря долго не утихнет. Шаманы тоже ошибаются. Путь души — не бог на лыжах. Это путь немногих.

Но не успел закончить слова старый Окатэтта, как люди увидели вдали тройку мадура. Это ехал Ваза. Олени неслись мимо каменных идолов и скоро замедлили бег. Ваза крикнул:

— Мне язык ваш непонятен и ваши места незнакомы. В наших вогульских паулах вас зовут Юрран-куш⁴ — оленный народ. — Ваза помолчал, сказал мудрые слова: — Все народы — дети Торыма, дети Нумо. Я пришел к вам с открытым сердцем, помочь умертвить мертвого зверя.

— Мы тебя не знаем, — ответил Хамыби Худи, — по имени не спросим, а зовем в наш чум, к огню. По правилам нашего народа, ты должен отдохнуть, поесть и поспать. А когда захочешь — сам скажешь, из какой стороны приехал.

— Хорошо, — согласился Ваза. — Я у вас буду недолгим гостем.

Ваза слез с нарты, отдал постромки, наказал беречь оленей и вошел в гостеприимный чум самоедов. Его угощали ухой, подавали оленью кровь вместе с мозгами и хрящами. Когда Ваза проснулся, то первыми его словами были:

— Я иду войной на Иура. Я — вогул, музыкант забытых песен, при рождении шаман дал мне имя Ваза — утка. К вам, в низовья великой Ас'я, я приехал от Торыма и по его наказу должен умертвить морское чудо. До приезда к вам я был в Царстве Торыма, проезжал в Ущелье Мертвых, видел тень Яныя Келби. У злого Мейка похитил нарту с оленями, у Шубного Медведя взял тамгу, а проезжая по Ущелью, взял жар-перо у священной птицы — Великой Таукси. Я хочу принести вам свободу от владычества Роч-Маа⁵. А теперь прошу вас дать мне крепкую лодку и весло, я поеду в море, навстречу морскому зверю-чудовищу, толстокожему Иуру.

— У нас, у оленных людей, нет для мадура крепкой лодки, — со вздохом ответил Хамыби Худи. — Наши лодки годны только для рыбалки в тихую погоду. И весла наши тонки.

Но старый Окатэтто, подумав, сказал:

— Я знаю. Есть лодка на большом увале. Ее давно выкинула на берег большая волна. Но у нас не хватит сил снять ее с сопки, если даже соберутся все люди с Ямала и запрягут всех оленей.

— Может, мои олени стащат лодку? — спросил Ваза.

Самоеды усомнились.

Она давно лежит на увале, — сказал Окатэтто, — и, наверно, разохлась от непогоды, жары, мороза и ветров.

— Может, мы ее починим, перетрем, смажем серой, затычем щели мхом, на дно нашьем заплаты из варенной в жире кожи.

Люди послушали Вазу и стали помогать ему. У оленей Вазы хватило сил притащить

лодку к морю. Здесь и починили ее. С высокой сопки Ваза притащил весло с веревкой и не мешкая, упершись в тугую волну, сдвинул лодку на воду, сел в нее, ударил веслом. Поднялся вал, снес с приплесков плавник, захлестнул устье малой речушки.

— Егей! Егей! — в страхе закричали самоеды. Но Ваза был уже далеко.

В море он увидел черную точку и стал приближаться к ней. Это был зверь Иур. Лодка Вазы, как крылатая чайка, то ныряла между волнами, то поднималась на гребень вместе с косматой пеной. Сильная лодка дробила громадные льдины в пыль. Зверь тоже заметил смельчака, удивился отваге пловца и, нырнув под вал, набрал с водой илу и, подождав когда поплывет мимо лодка, метнул в нее и в Вазу струи воды с грязным илом и камнями. Но мадур не дрогнул. Богатырской рукой он греб лодку, резал тяжелым носом волны, оставляя за кормой клочковатый след разбитой пены.

Иур, увидев человека, оскалил зубы, заревел, поднял хвост и со страшной силой ударил по воде. Вода в море вскипела, забурлила большими пузырями. Льдины, ломаясь, налетали друг на друга, разбивались в пыль и брызги. С неба низко спустились тучи. Скоро настала ночь.

Зверь Иур столкнулся с лодкой Вазы, поднял голову, хотел сильными зубами схватить за край. Но Ваза разгадал хитрость Иура и тяжелым веслом ударил его по ноздрям. Рыча, зверь нырнул под лодку мадура. Но на его скользкой спине лодка только прокатилась, а Ваза в это время успел достать меч. Не успел зверь обернуться, как Ваза, размахнувшись, перебил морскому чудищу хребет и плавник.

Иур нырнул глубоко, оставляя на волнах кровавый след, но скоро снова вынырнул, схватил весло зубами и расщепил его в лучинки. Ваза и тут не растерялся. Он вскочил Иуру на спину вместе с крепкой веревкой и сумел воткнуть в жирный бок морского зверя тяжелый якорь, закрепил его «кошкой»⁶, как в берег, а стальным мечом Торыма проткнул ему печенку и сердце сквозь кривые ребра.

Вздрогнул Иур. Струной натянул веревку, хотел еще раз нырнуть, но уже ничего не получилось у могучего зверя. Атта кег'е — меч тяжелый успел помутить рассудок зверя. После семи богатырских ударов мечом Иур лежал возле берега, как толстая колода. Он был мертв. По небу все еще плыли темные тучи, но тьма рассеивалась. Утих вал, и скоро засверкали желтые иглы солнца.

— Вот вам Иур — ваш неприятель! — крикнул Ваза, бросая в мягкий берег якорь, и сразу же тяжелым мечом отрубил все четыре лапы зверя и острые когти.

— Храбрые люди Юрраны — дальше племя самоедов! Завтра утром я оставлю ваш берег, — сказал Ваза. — Но после боя мне надо отдохнуть. Я прошу вас: приготовьте мне постель в чуме, поставьте там дымокуры от комаров и до утра не будите. Еще не забудьте дать моей белой лайке Снежинке сала.

Рано утром Окатэтто тихо вошел в чум, дотронулся до плеча Вазы.

— Все готово, добрый мадур.

Ваза встал, надел свои доспехи, немного поел мяса, как требует обычай, и расстался с народом Юрраны.

Песня пятнадцатая Мухор онгет¹

Б

ыло раннее утро. На рыбалке были два друга. Один говорит другому:
— Посмотри костер, он, кажется, погас и там тлеют одни головешки. Поторопись, друг, вынь табакерку и набей трубку пьяной травой.

— Хорошо, — ответил другой, доставая из кармана трубку, осторожно высыпал тамбах², чтобы не просыпать крошечку на землю. Размел лучинкой золу, взял уголок руками и, раздув его до искры, положил в трубку. Тонкой синей струйкой поплыл дым. Так же сделал другой.

— Из чего ты сделал трубку? — спросил первый.

— Сам знаешь — из мухорт онгета. Про это знает каждый мальчик.

— А пока мы курим, — сказал первый, — я расскажу тебе о великом звере, о большом быке Мухоре.

— Ты рассказываешь складно, — согласился второй. — Рассказывай, хотя сегодня не Никола, не Петров день, не Крещение³. Твой рассказ всегда полон словами, в том его и отличие от мешка с мукой, сшитого из налимьей кожи.

— Это ты тоже заметил, — согласился товарищ. — Чтобы твой мешок был полон муки, надо быть в ладу с торговцем, мангазеей и вахтером⁴: ему каждый раз надо приносить сиводушку⁵.

— Так вот, послушай: у нас под землей, под руслом яя, на дне подземного Царства, во мраке ночи, есть проходы, тропы, речки и даже бездонные озера. И лес там растет великий, разные травы и цветы. Это Царство духов — Веса⁶. И кто-то видел, как этими ходами выходит в Маа страшный зверь с тремя рогами. Даже сильные шаманы не могли смотреть на него без страха. Зубы и рога этого чудовища нетрудно было отыскать в иле, в ярах, на увалах. Они тверже камня. Старики говорили, что когда этот зверь выходил наружу, то, увидев свет солнца, сразу слеп, бесился, с воем рыл рогами берега, осыпая землю в воду. В слепоте, потеряв дорогу обратно, он разрушал яр. А когда оттаивала земля, подрывтый берег обваливался и хоронил под собой зверя Мухора. Потом весенние воды вымывали его из-под земли, а рыбаки-остяки, проплывая мимо упавшего яра, находили на берегу желтые кости. Место это запоминали, по приезде домой садились в маленькую лодку, долбленную из дерева или сшитую из бересты, и ездили за костями зверя Мухор

онгета. Потом из них делали табакерки, черни к шилу, ножи, ложки, трубки, кольца. Если находили много костей, то продавали на водку. А когда шибко напивались, громко кричали и ругались.

Так разговаривали между собой рыбаки, безоленные остяки. Первого звали — Печь Салиндер, второго — Тамбури Ямпик. Солнце поднялось на небе, стих ветер, рыбаки пошли к лодке и услышали сзади крик: «Тончин! Тончин!»⁷

— Кто это кричит? — подумал Ямпик.

— Егей! Егей! — отозвался на крик Печь Салиндер.

Из молочного тумана им навстречу вышел Ваза со своей белой лайкой Снежинкой.

— Проезжая мимо яра, я услышал ваши разговоры.

Товарищи улыбнулись, а Ямпик сказал:

— Если тебе надо огнива или трута для курения — угощайся. Но у нас болтливы только бабы, как сороки, а мы мужчины.

— Может быть, у вас в паулах другой обычай, — продолжил Салиндер. — Может, у вас мужчины с бабами болтают о лепешках, о стряпне и шитье. Может, они из оленьих жил вяют нитки и умеют играть на женской скрипке. Может быть, ваши мужчины нянчат ребятишек, а женщины на ясак промышляют зверя, перевесом ловят уток?..

— Может быть, у них в паулах... — подхватил насмешку друга Ямпик, но не успел договорить. Ваза взял его за косу, а другой рукой за ворот, ухватил второго и обоих бросил в воду, а в их лодку бросил большое бревно.

— Егей! Егей! — закричали рыболовы. — Пейсе, пейсе, ойка рума. Прости нас! Прости наши насмешки.

Печь Салиндер на карачках выполз на берег, за ним Ямпик. Они, как мокрые собаки, с жалобным хныканьем брели по берегу, кричали Вазе:

— Не сердись на нас, бессильных, богатырь с длинной рукой.

— Замолчите! — остановил их Ваза. — С вами, трусливыми зубоскалами, разговаривает мадур Ваза, победитель Пенегезы, победитель зверя Иура. Знаю: здесь где-то глубокий ход. Лучше покажите мне дверь под землю, и я пойду на Веса.

— Страшно нам, — задрожал Ямпик и зашептал: — Недавно под большим увалом видел я место, где в стужу из-под снега бьют горячие подземные ключи. Там стоит разбитый громом старый кедр. Он спрятан в кустах рябины. Там есть подземный ход в Царство Ночи. И кто проходит мимо этой ямы, слышит шум, топот, крики людей на непонятных языках.

— Отпусти нас, Ваза, — взмолился Печь Салиндер. — Ямпик тебе все рассказал. Больше мы ничего не знаем.

— Хорошо, — ответил Ваза. — Уходите. Но на прощание я дам вам совет, о котором должен помнить каждый: кто приходит к дыму чума — бывает гостем, его встречают добрыми словами, ставят перед ним угощения. Если захочет гость — сам скажет, куда держит дорогу. А теперь ступайте. Расскажите в своих чумах, как надо встречать гостей.

— Прости нас и прощай, мадур Ваза, победитель Пенегезы и сильного зверя Иура.

Ваза молча повернулся к ним спиной и скоро скрылся в молочной гуще тумана вместе с белой собачкой Снежинкой.

— Каково? Получили по заслугам, — сказал Ямпик.

— Разве ты не был со мной? Он меня только взял за косы.

— А меня схватил за ворот. Я давно хотел помыться, поубавить в рубахе вшей.

— Что он сделал с нашей лодкой?

— В этом ты виноват!

— Ты начал свою насмешку! — И друзья рассорились между собой.

А мадур Ваза, надев поверх рубахи кольчугу из мелких колец, взял в руки меч, колчан из меха, привязал медной цепью ножны, амулеты, топор и пошел навстречу Мухору.

Песня шестнадцатая Мухор

Над крутым яром шелестели рябины, смотрелись в воду черемуха и калина. В мутную воду посмотрели и Ваза с лайкой Снежинкой, потом пошли по еле приметной тропинке вдоль берега, пробираясь к Мухор Весу. Здесь каждую весну, когда в реке поднимается вода, как живые сползают с берегов сосны, кустарники, травы. В давние времена, до прихода русских, на яру стоял медный город князя Самара Магут. В былинах говорилось, что темной журавлиной ночью мудрый шаман увидел сон и рассказал об этом князю Самару:

— Князь, мы видели Мухора. Подземными тропами он подошел под городище. Не успеет солнце пройти три круга, как город наш, как круглый камень, будет брошен в воду. Видел во сне, будто роща с нашими шайтанами ушла под землю.

На это князь ответил:

— Пусть солнце пройдет три круга, а мы посмотрим, упадет ли яр в воду.

Люди остались недовольны словами князя Самара. Вот солнце прошло три круга, и... яр обвалился! Случилось великое горе. Остались живыми только земляные люди, бедняки, которые селились за частоколом города, и слезно горевали над обвалом: где теперь у нас зашита? Не стало нашего князя... Это было давно-давно.

Ваза шел берегом реки, громко лаяла белая амп Снежинка. А еле приметная тропка, как змея, завилась между сосен и скоро спустилась вниз, к обрыву. В логу, в зеленой траве, тропинка затерялась между кустов рябины. «Яма близко», — подумал Ваза, поднимая тяжелый меч. Снежинка перестала лаять. В траве еле слышно хлюпал ключ. Над старым кедром развевались чьи-то иры. Глухо, как в бочке, слышались непонятные, нелюдские голоса. Ваза вынул меч, потуже затянул пояс, подвязал колчан со стрелами.

— Ну, Снежинка, настало время, — сказал Ваза своему верному другу. — Будем спускаться в Петлим-емдер¹ — в Царство Ночи.

Подойдя к норе Мухора, Ваза остановился и бросил в подземелье круглый камень, стал прислушиваться к падению. Ждал: скоро ли достанет камень дна и стукнет о дно колодца. Времени прошло столько, сколько может сделать по лесу пятьдесят шагов хромоногий. Только тогда загремел камень, достиг дна в норе Мухора.

Ваза бросил еще один камень а потом сказал: «Хватит». Он повалил большую сосну поперек норы Мухора, забил два клина в землю. Из корней лыка стал крутить веревку длиной в пятьдесят шагов, а толщиной в восемь пальцев. Тут Ваза присел, обмыл холодной рукой лицо, вспомнил детство. Вот сидит он один в сумрачных потемках. Мать ушла собирать в лесу саранки². Черные тени в чуме пугают мальчика...

И богатырь Ваза, сидя над ямой в Царство Ночи, запел грустную песню детства: в ней он пел о том, как вместе с косматым псом Пакой ставил в протоке морды. Его кусали комары, а кто-то взывал в лесу громким голосом: ко-го-гу! Он испугался, хотел было бежать в паул, но в морду попала рыба. Неумелой рукой он хватает скользкого налима, но в один миг из пальцев булькнул в воду толстокожий. Ваза от обиды заплакал. Он еще не знал, что скользкого налима надо брать не под жабры, а за брюхо.

Он бежал к чуму. Кругом была спелая брусника. Весь бор на солнышке был покрыт, как кровью. А дома его потеряли. Старый ойка за непослушание оттаскал его за волосы. Но Ваза все равно удивлялся: почему он должен сидеть с бабами на коже? Он уже мужчина. Но почему-то ойка все равно встречал его с хворостинной, а лохматый пес Пака, поджав хвост, убежал за чум. Ох, какая была эта хорошая беззаботная пора. Какой добрый был старый ойка! Какая гибкая у него была хворостина!

Ваза улыбнулся, вздохнул, и как раз в это время зазвенел конец веревки. Не помедлив, Мадур обвязал сосну на яме тройной петлей, а другой конец опустил в темный колодезь.

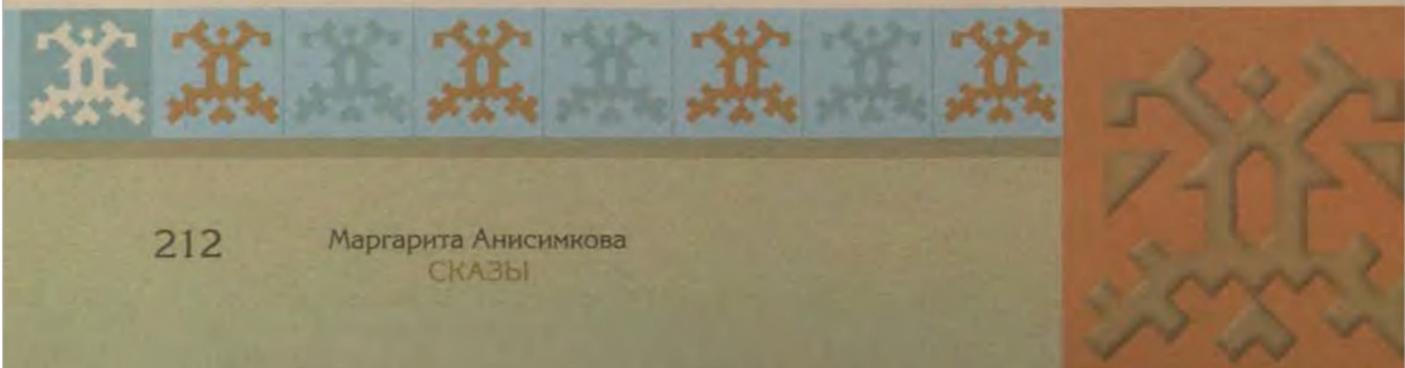
— Ожидай у темной ямы, — надевая кольчугу, сказал Ваза лайке и стал спускаться под землю, в Царство Ночи.

По тонкострунной веревке опускался Ваза все глубже и глубже. Скоро стало трудно дышать. Вверху, над головой, был виден крохотный выход, как оконце. Еще прошло немного времени, и запахло дымом, каменные стены сдвигались. Из тьмы доносился страшный рев.

Все ниже и ниже, все глубже и глубже спускался Ваза. В руке его был конец веревки. «Коротка», — подумал Ваза и, как паук на паутине, повис в темной бездне. Возвращаться назад герою было стыдно. «Может, прыгнуть вниз?» — подумал Мадур. Но могут вдавить в тело острые камни медную кольчугу. И обратно можно не вернуться. Чтобы вернуться, надо быть птицей с крепкими крыльями. Но Ваза был человеком, а не белым орланом и не шаманом, чтобы обратиться в птицу, в зверя или в духа.

Долго над бездной думал мадур и решил спускаться дальше без веревки, упираясь в стены узкого ущелья то спиной, то руками. Он спускался все ниже. Вдруг бокарь³ нащупал камень, как ступеньку. Еще один шаг, и Ваза стал обеими ногами перед входом в Петлим-емдер. Поправив доспехи, надев на лоб черный платок, которым завязывают себе глаза богатыри, тяжелым шагом, как на Шубного Медведя, вошел мадур в подземелье зверя.

В стороне плакал филин, предсказывая герою смерть. Филин пел:
— Возвращайся, бедняжка! Считаю, что ты покойник. Ты и сейчас бледнеешь и тря-

сешься. Вспомни свою мать. Вспомни ее радость. Вспомни, как она плясала, одетая в дорогой суконный кафтан, обшитый беличьим мехом. На ногах ее мелькали бокари из пяти цветных полосок-нашивок и мелких бус. Вспомни, как надевала она белый крапивный фартук, на котором были вышиты и хитрый соболю, и лисица, и сосновые ветки. Как за тебя она молилась. Воротись!

Но Ваза не слушал песню хитрого филина. Мадур шел в подземелье, как опытный охотник. Навстречу ему двигался крепконогий мамонт. Они приближались друг к другу. Не вскипел котел на углях, как сошлись подземный зверь с человеком. И они вступили в кровавый бой.

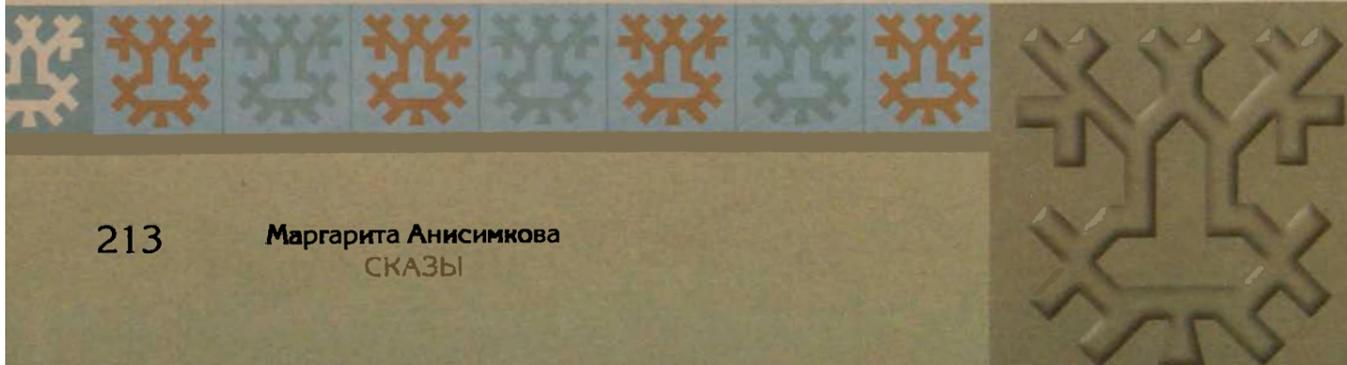
Засвистел, заблестел меч героя. Зверь Мухор взревел от боли и, топнув толстыми ногами, набычив голову, понесся на мадура. Ваза наклонился и, как мышшь в нору, юркнул между ногами мамонта, а потом в его жирный зад всадил меч. Зверь взревел от боли. Хотел было повернуться в узком каменном проходе, но сдвинуть гору с места был бессилен. Не робея, Ваза бил Мухора тяжелым мечом. От руки богатыря зверь почувствовал свою погибель. Он двигался, пятился назад, но потом, собрав силы, побежал по ушелью быстрее оленя, оставляя за собой брусничный след. Ваза бежал за Мухором. Бег его был таким, что колебалась земля Маа. Наконец Мухор споткнулся и упал, истекая кровью. Ваза, как обещал Отцу Торыму, прыгнул зверю на спину, тремя ударами меча отрубил рога. Мухор еще раз встал на колени, но тут же упал и не мог больше подняться.

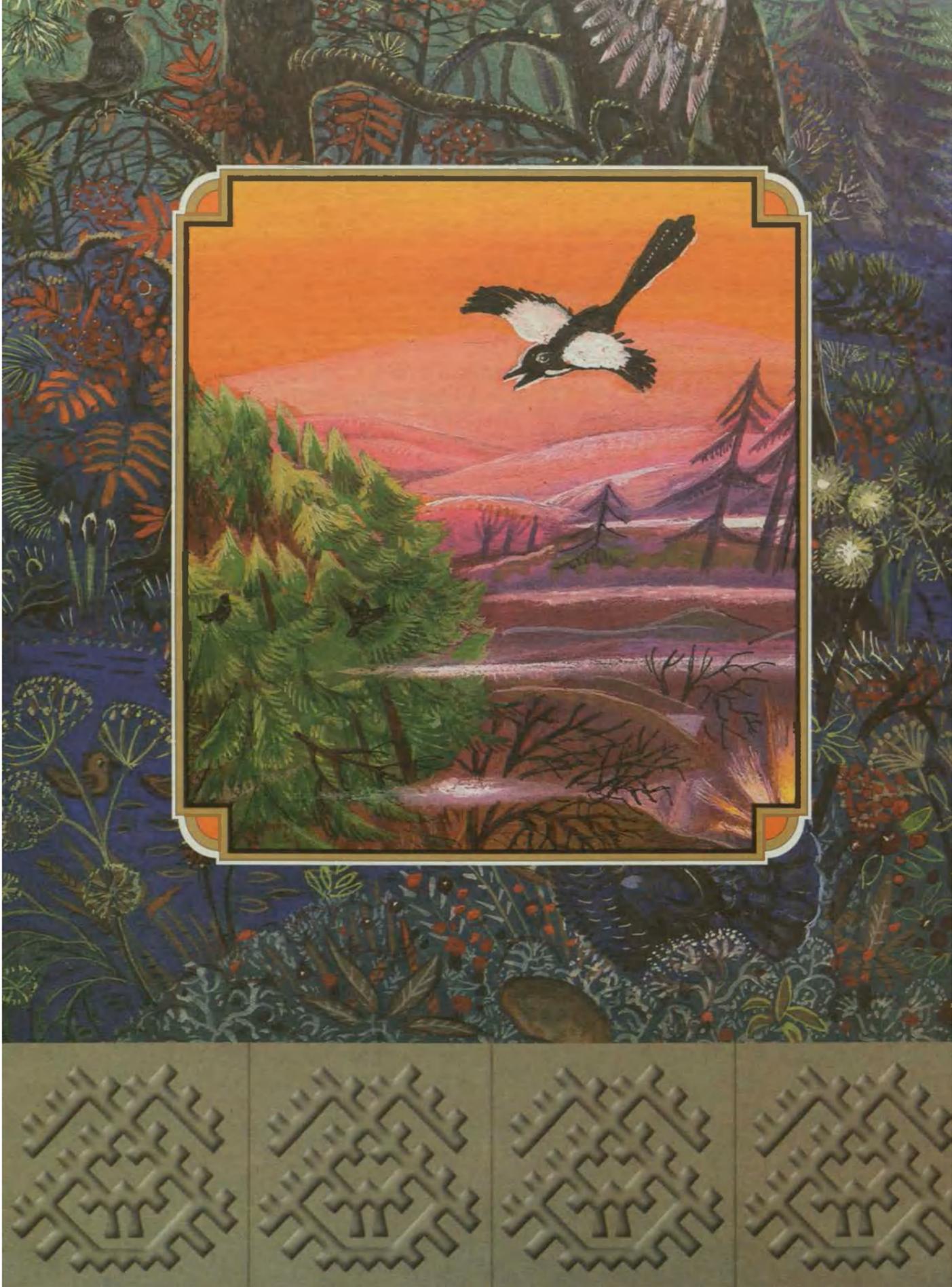
Герой взял три крепких рога, взвалил себе на спину и пошел к глубокой яме. Филин — ночная птица зафыркал, захлопал крыльями, запел вслед Вазе песню:

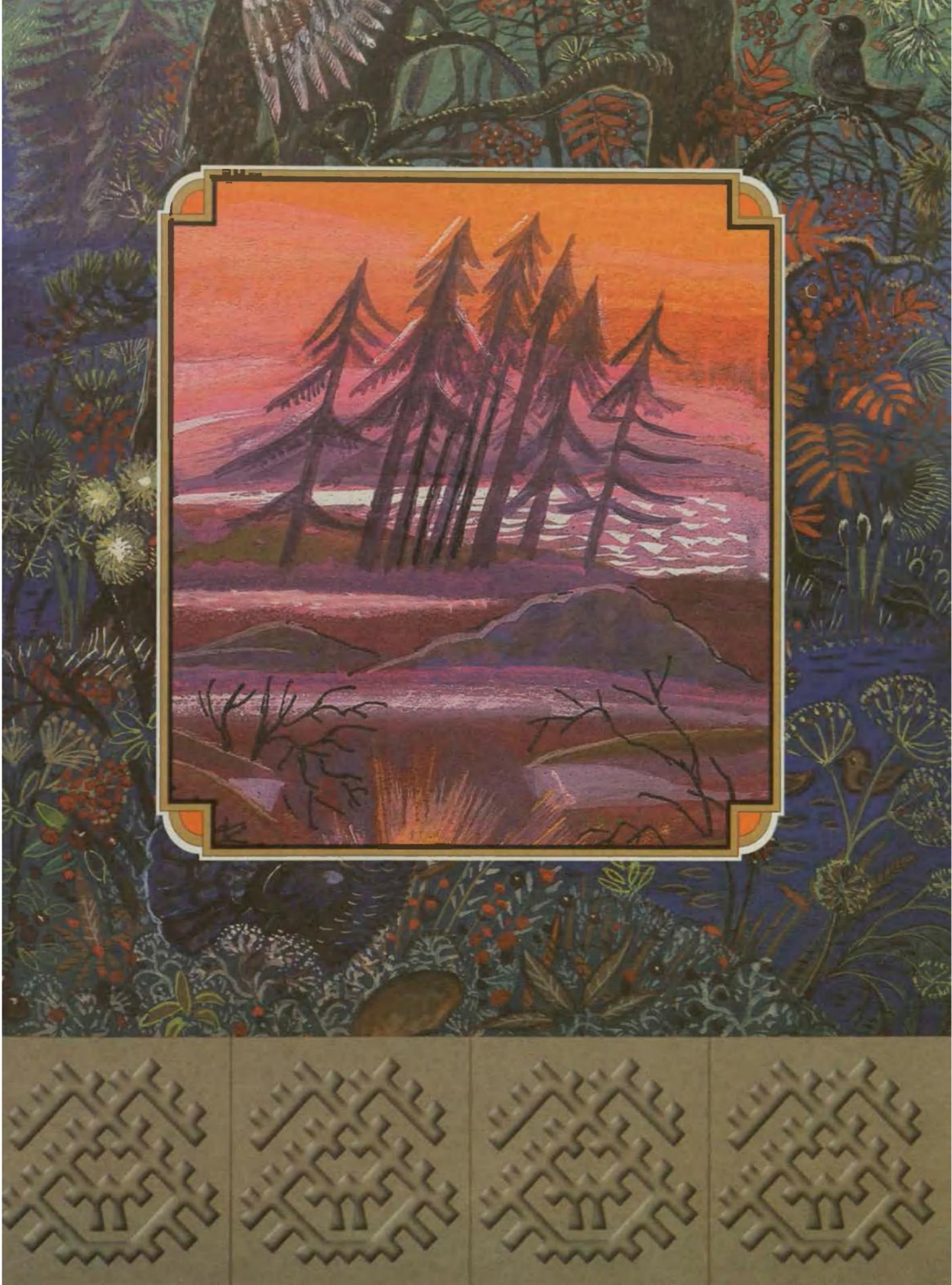
— Бедный мальчик. Я ошибся. Ты не умер. Видно, твой старый ойка перед твоими глазами ворожил над люлькой. И теперь впереди по всем дорогам мчится счастье твое. Везде тебя ждет любовь и удача.

Ваза подошел к узкому проходу, привязал к веревке тяжелые рога зверя. И кто-то невидимый семью руками ухватил Вазу, музыканта забытых песен, и поднял его, как птицу, наверх, к белой лайке Снежинке.

«Теперь я быстрее вольной птицы, — подумал Ваза. — Теперь я полечу к злодею Мейку, к цветку моей жизни — нээ Ючо. Я слышу звон! Я слышу крики!»

Песня семнадцатая Возвращение

Каждый день выходила нээ Ючо на дорогу. Она ждала Вазу — музыканта забытых песен. Каждый день, только открыв глаза, она говорила про себя: «Может, сегодня встречу Вазу», а когда проходил день, она ложилась спать, думала опять: «Может, ночью придет мой жених». Но проходили дни за днями, а Вазы все не было. Темною позднею порою Ючо часто гадала на бубне, сшитом из налимьей кожи, слезно просила: «Ответь скорее, бубен! Придет ли мой Ваза?» Но бубен молчал. И только однажды ночью что-то ответил неясно, непонятно: «Встреча будет нескоро. Больше не спрашивай меня».

И опять осень сменялась на зиму, а зиму сменяла весна. Уже в который раз на упругих крыльях летели на землю Маа стаи крикливых журавлей. Но проходило лето, и слезливо, как старуха у чувала, подбиралась осень. Увядали травы, облетали листья лесных нарядов. Однажды, в месяц падающих листьев, вышла Ючо на тропинку, где когда-то прощалась с Вазой, и задумалась в тоске. И ей показалось, что душа ее поднялась высоко над лесом. Она оглядела даль, но скоро снова очутилась на тропинке. Она долго не могла понять — сон ли был с нею или явь. Когда обернулась, чтобы присесть на нарту, то у ствола сырого кедра, в рваной парке¹, увидела сгорбленную, как крючок для рыбной ловли, старушонку-шаманиху с бубном в руке и посохом.

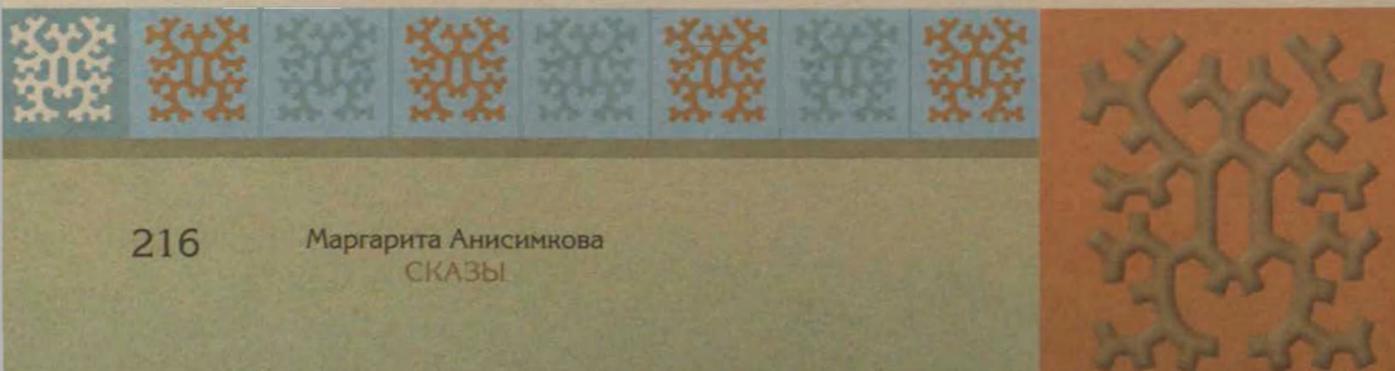
— Здравствуй, бабушка! Откуда ты пришла в такое ненастье? — спросила Ючо.

— Здравствуй, Ючо, — беззубым ртом прошепелявила шаманиха. — Я пришла тебя проведать и рассказать о том, о чем ты спрашивала у бубна.

Опершись о посох, старуха молвила:

— Молодые глаза слезливы — значит, их духом владеет грусть. Я скажу, что цветок жизни не увянет у того, кто ждет. Я не знаю, сколько пережила. Если бы считала свои годы по лучинкам, мне пришлось бы наломать щепы большую кучу. Ты тоже долго живешь, Ючо, и старости не знаешь. А ко всем, живущим по земным правилам, смерть приходит в свой срок. Но ты не бойся увядания. Ты умрешь прекрасным цветком, без страданий.

— Оставь меня, старуха, — вскрикнула в испуге Ючо. — Не пугай меня смертью. Я бессмертна в Царстве Мейка. А если твои глаза зрячие и ты ви-

дишь будущее, то скажи: скоро ли вернется Ваза? Может, его упряжка близко? Может, за лесом?

— Он вернется в Царство Мейка, — сурово сказала шаманиха. — Он стоял перед Торымом. Он вернется. Но... ты умрешь, когда услышишь его голос.

— Уходи, злая колдунья! Я не верю твоим словам! — закричала Ючо. — Если даже в царство Теней отлетят мои мысли, то и там мадур Ваза среди духов отыщет меня. Он оживит меня хита-инк². Ты, злая колдунья, уходи. Если Мейк увидит тебя, то тебе станет худо: он раздавит тебя, как гнус! — говорила Ючо со злобой. И старуха как сквозь землю провалилась.

Но после слов шаманихи Ючо совсем загрустила. Ойка Мейк — коварный дух — заметил грусть Ючо и спросил тягуче:

— Мало ешь и спишь тревожно. Есть забота? Глаза вниз — печаль на сердце. Я все вижу дальним глазом. Отвечай: о чем забота?

Мейк долго ждал ответа Ючо, но, не услышав ее слов, с насмешкой промолвил:

— Как цветок на пне осины, так и твоя робкая надежда живет в глазах. Отвечай мне, Ючо, в чем твоя надежда?

Мейк терпеливо ждал ответа, но его не было.

— Отвечай же! — закричал, зарычал Мейк. — Знаю я день, когда парнишка отвязал моих оленей, увез нарту. Тогда рядом с его твердым шагом я видел другой след. Это был след какой-то бабы. Может, ездил он с тобой? Брал тебя для веселья? Может, ты мне ответишь, чей там был след?

— Послушай, Мейк, — заговорила Ючо. — Может, ты ответишь на мои вопросы?

— Хорошо. Согласен, — краснея, ответил дух Мейк, — хотя по закону ты не можешь испытывать мужа.

— Первый мой вопрос, — сказала Ючо. — Если мужчина женится, он несет калым семье?

— Да, — нахмурившись, ответил Мейк.

— Второй вопрос не труден для духа. Если калым не принят, то куда уходит печальный жених?

— Он идет домой, — ответил Мейк.

— И последний вопрос! — гневно сказала Ючо. — Может дух нарушать законы? А нарушив, быть судьей, как Шубный старец? Ты нарушил закон, когда увез меня на оленях.

Мейк разгневался.

— Хитрость женщины-лисицы! Помню я, как Шубный старец поднял над тобой лапу в знак согласия с вогулами, которые требовали для тебя смерти. Я увез тебя без сватовства. Здесь у меня ты живешь свободно, ешь мясо оленей из чаши, вырезанной из коричневого камня. И скажи: прав я, нарушив закон, взяв тебя в жены? Тебя — смертную деву! Тебя — вогулку! Я мог жениться на равной.

— Мейк, — остановила его Ючо. — Мне осталось жить недолго, и потому я скажу те-

бе правду. Да, я жила с тобой и не знала забот. Но пришел мадур молодой с открытым лицом! И вместе с твоими оленями, с твоей нартой он взял мое сердце, взял навеки душу. Я поклялась его дожидаться. Поклялась страшной клятвой вогулов — лапой Шубного владыки с пятью длинными когтями. И если бы я узнала о смерти музыканта забытых песен, пошла бы искать его под землей, в Царство Теней. Но он не дает мне вестей. Не зовет меня...

— Ючо, Ючо! Цветок жизни! — протяжным звоном наполнился лес. Дробился в лесу звонкий лай верной спутницы мадура — Снежинки. Шумел лес. Старый филин стрелой взвился в небо.

— Возвращается музыкант забытых песен! На твоих оленях, Мейк, едет весело к тебе, будто в гости. Хватит слушать бабьи разговоры, приготовься к драке.

— Замолчи, слепая гнида! — закричал на птицу Мейк. — Я это знаю без тебя, слепой собаки! Скажи лучше: по какой он едет дороге.

— Он уже перед твоей юртой! — крикнул филин. — Он приехал.

— Пайсе, пайсе, Ваза! — закричал мадуру филин. — Мейк и нээ Ючо ждут тебя в гости. Готовят угощение. Отдохни, мадур, в юрте Мейка, на его мягких постелях!

От этих криков вещей птицы Ючо задрожала, как листок на длинном стебле в осенний, непогодный день.

— Не убивай его! — склоняясь перед Мейком, сказала Ючо.

Но Мейк был уже в страшном гневе. Весь налился черной кровью. Проворной рукой схватил со стены колчан со стрелами, взял свой зазубренный меч и вышел из юрты с диким криком: «Огенкейя!»³

Улыбаясь, медленной походкой шел богатырь к злому Мейку. Он сиял, словно месяц в полнолуние. Ярко светилась его кольчуга из мелких колец. Подняв свой меч, подаренный ему самим Торымом, крикнул Мейку:

— Защищайся, лесной бродяга, старый вор, поедатель оленьих стад!

— Эмос, эмос! — задрожал Мейк. — Эмос, тухлый чебак с яя Конды. Теперь ты получишь по заслугам за все: за моих оленей и за украденную нарту.

Мейк махнул тяжелым мечом, рассекая ветер, и ударил по кольчуге. Меч скользнул, как с горки лыжи, не задев тела мадура, и зарылся по крыжину в землю.

— Эмас! — заорал Мейк. — Шубу крепкую надел на свое пустое брюхо. Но у моего меча крепкие зубы. Они достанут твое сердце!

Меч Мейка заблестел, потому что ржавчина до крыжины очистилась о землю. Два меча, как две молнии, блеснули огневой красной пылью, и будто прогремело сразу два грома. Начался бой. Беспрерывно от могучих ударов летели искры, как лесной пожар, и звон их был похож на бурелом, какой бывает во время грозы и страшной бури, когда ветер тяжелой лапой валит лес, как крупные былинки. Далеко по Царству Мейка разносился страшный стон. Земля под ногами стонала, колебалась, как трясина на болоте. Дрались два смертельных врага. Старый филин сидел на высоком кедре. Трижды падал от тряски дерева и, поднимаясь, отыскивал для укрытия сук потолще. Много раз

Мейк и Ваза сходились, много раз расходились, отряхивали кровавый пот на изрытую ногами землю, мягкую, как зола. День шел на убыль. Солнце катилось к Низине, оттуда тянулся темный сумрак. Скоро наступила ночь. На дорогу вышла юпсе⁴. Солнечный брат — месяц пошел бродить по небу между звезд.

Бой не стихал. Мейк и Ваза дрались с прежней силой. Дрались до рассвета. Ровно в полдень Мейк в первый раз споткнулся и почувал беду. «Плохо! — мрачно подумал он. — Силы уходят».

И тогда, ловко повернувшись, он прыгнул на верхушку старого кедра. Там вынул стрелы и лук, привязал к руке дощечку, чтобы не била струна, натянул упругий лук и послал стрелу прямо в сердце Вазы. И снова стрела, ударившись о кольчугу, отскочила, пала на землю. Но летела уже вторая стрела. Старый Мейк, вор оленей, послал ее в голову Вазы. И опять стрела воткнулась в землю. Ваза рассердился. Лицо его налилось кровью и, сорвав ремни у меча, он с силой бросил его в трусливого злодея. Задрожал, завизжал на кедре Мейк.

— Подожди, хватит драться! — закричал он с дерева. — Можно миром кончить наше дело, нашу ссору. Все бери: оленей, нарту, бабу... и убирайся. Не тревожь мою старость.

— Нет! — ответил на это Ваза. — С тобой мир плохой. Будем драться дальше, хоть до могилы.

— Нет! — закричал Мейк. — Если Торым, большое брюхо, глупец ленивый, не сумел меня принизить, то тебе не по силам победить меня, малый теленок! У тебя еще мало силы тягаться со мной. Но ты послушай меня.

Ваза не хотел слушать хитрые слова злодея. Схватив боевые стрелы и прицелившись, он пустил одну из них в сердце Мейка. Томар-леп² была с железной вилкой. Мейк вскрикнул. Стрела поразила его сердце, и он рухнул с верхушки кедра, как глухарь, ломая сучья. Упал к ногам богатыря. Тут же ударами меча Ваза разрубил Мейка и громко закричал:

— Торым! Отец наш грозный! Я свое исполнил слово. Я сдержал свою клятву!

Ничего не ответил на его слова Торым и не подал никакого знака. Ваза трижды свистнул, подзывая свою верную лайку, и воскликнул громко:

— Ючо! Ючо! Цветок жизни! Иди ко мне навстречу. Я — твой жених. Я вернулся. Я обещал тебе.

Песня восемнадцатая Смерть Ючо

— Ю

чо! Ючо! Сальпить¹, Ючо! — печальным голосом крикнул Ваза. Он, не знавший страха, побывавший в Царстве Мертвых и в Царстве Торыма, что давало ему право власти над огнем и водой, сделало его могущественным не только среди людей, но и богов, входил в юрту, полный жутких сомнений за судьбу своей невесты.

— Сальпить, Ючо! Цветок жизни, — говорил Ваза, дрожащей рукой поднимая суконовый сап².

Перед ним на соболиной постели, как подраненная лебедь, с лицом блее снега, распустив черные косы, лежала Ючо.

— Ючо! Ючо! — тихо и печально говорил Ваза. — Отзовись. Скажи мне слово, что случилось с тобой, мой цветок жизни?

Прошло время, за которое может вскипеть не только большой котел, но стать пустым и растопиться, а Ючо все молчала.

— Хост-хост, хост-хост! Крылья черной многокрылой птицы, птицы вешей, с острыми семью когтями! Геге, геге! Папа Шубного Медведя! Пусть железный зуб перекусит много оленьих жил, остановит на дороге семь шаманов, чтобы они оживили мою Ючо.

Прошло еще столько времени, что можно было запрячь упряжку, починить нарту, а Ючо все лежала, распустив черные косы, на тропинке Царства Теней.

— Торым⁴! Тохт⁵! — мое слово к вам, и вы должны его услышать. Я прошу вас: дайте мне живую воду. Умирает моя Ючо.

Еще прошло время. В юрту Мейка пришла ночь. На кедре начал видеть филин, но ни журавль, ни глухарь не отозвались на слова мадура. И тогда гневным, звенящим голосом Ваза закричал исступленно:

— Торым! Я требую ответа! Ты меня должен услышать! Отвечай скорее!

И в ответ из конца в конец вздрогнула кожистая земля Маа, как на гребне волны маленькая ветка. Грянул гром, подул ветер, и Великий Торым ответил Вазе строгим голосом:

— Что кричишь, ты, ойка Ваза, как ребенок без игрушки? Как смеешь беспокоить сладкий сон Владыки?

— Стой, Великий! — гневно закричал Ваза, не дослушав речь Торыма. —

Я мадур из рода манси, музыкант, игрок на гусе, говорю тебе, как брату: оживи мне Ючо! Кто убил Мейка? — добавил Ваза. — Кто в далеком Царстве уничтожил Пенегезу, а в белом крае самоедов умертвил зверя Иура? Кто добыл рога страшного зверя Мухора? Это сделал я — музыкант забытых песен. И за это в награду я прошу одно — дай жизнь моей невесте.

Торым ответил грозно:

— Твои подвиги мне известны. Не ослабела моя память, но ты получил свою награду! Ты стал равен ойке — духу. А теперь ты, победитель, горькими слезами плачешь над мертвой бабой. Знай, кто убил красавицу Ючо. Ты разрушил чары Мейка и вместе с тем жизнь невесты. Так чего ты плачешь пустыми слезами? Пустыми словами тревожишь бога.

Ваза, дрожа от гнева, закричал:

— Старый пес, лисица неба, я отказывают быть бессмертным, быть послушным, как собака, и называться победителем. Я желаю тебе смерти! Я желаю в Царство Мертвых, чтобы там встретиться с душой Ючо. И всем сторонам света я кричу: «ОТРЕКАЮСЬ! ОТРЕКАЮСЬ!»

Торым гневно ответил Вазе:

— Ты отрекся? Это услышали все духи. Это слышали все четыре края света. Ты отрекся от награды ради старой, дряхлой старухи. Пусть будет так.

Ваза снова со слезами опустился на колени перед Ючо, снова поднялся, протяжно крикнул:

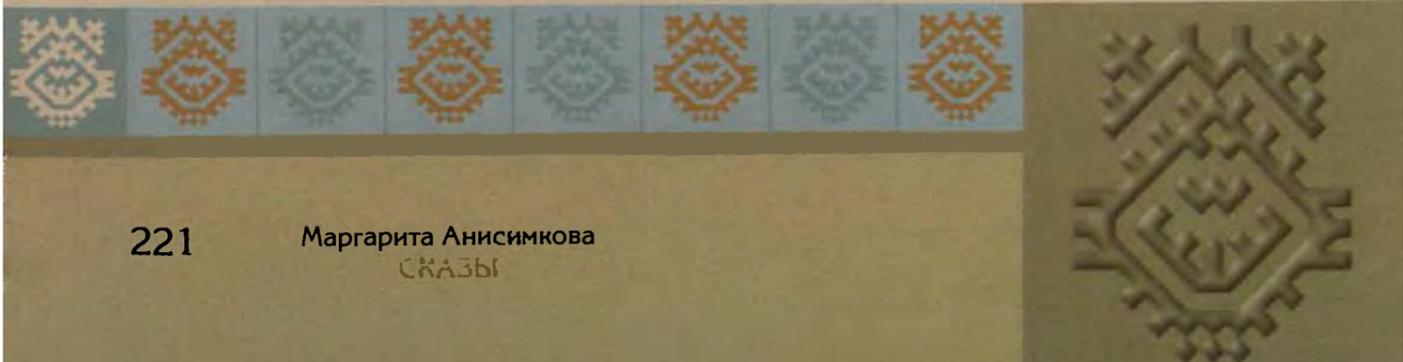
— Отрекаюсь! Отрекаюсь! Я клянусь и обещаю лапой Шубного Медведя, что верну Ючо с тропинки в Мертвое Царство. А пока, имея меч двухсторонний, положу его в ножны.

Но когда Ваза вновь опустился на колени перед Ючо, то перед ним лежала не нээ прекрасная, а старуха с сухой, землистой кожей. Ваза не поверил, что его цветок жизни Ючо, белая березка, милая его невеста, превратилась в старуху. Он подумал: Торым подменил ему невесту. Но когда увидел смоляные косы Ючо, промолвил в забытьи: «Это Ючо, это моя нээ. Убив Мейка и его чары, я убил свою невесту». И с грустью подумал: «Мой дальний, далекий путь к Торыму был без цели! Нет мне радости. Нет мне надежды в сердце. Я пойду за Ючо». За спиной он услышал чьи-то тихие слова, обернулся. Перед ним стоял старый ойка, который приходил в чум, приносил стебельки сушеной травы, семь лучинок и белый камень.

— Помнишь, Ваза, незнакомца? Старика из темной ночи? Той ночью на распутьи убегающих тропинок ты думал с грустью о своем народе и желал ему свободы. А теперь ты после дальней дороги грустишь? Ты опять стоишь перед дорогой.

— Я, вогул безродный, часто вспоминаю тебя. Ты вновь пришел меня утешить?

— Нет, я пришел тебе напомнить. Ты закончил свой тяжелый путь. Ты нес надежду для позабытых народов, и поэтому тебе нет дороги за Ючо. Ты, мадур, в своей смерти не властен. Погребви тело Ючо, поставь большой столб из кедра на ее могиле, укрась узор-

ной резьбой, чтобы все знали, чтобы все видели и помнили невесту Вазы. Сам возьми меч, надень кольчугу и подай мне руку в длинной черной рукавице, и мы с тобой будем ездить на быстроногих оленях по мансийским паулам.

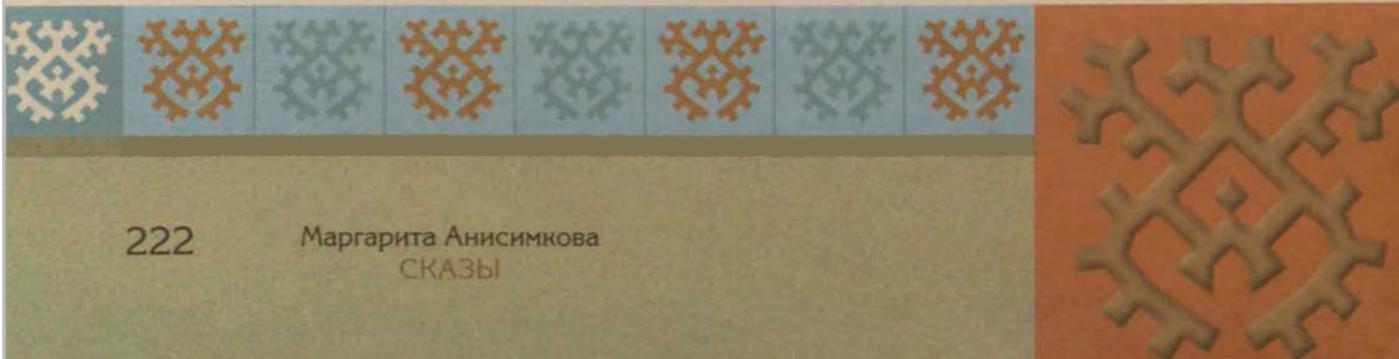
Бедным и робким людям, живущим в низких юртах, мы скажем: «Сделайте на старой тамге семь зарубок. К старой стреле приклейте перо для правильного полета, вставьте ее в лук, клеенный из семи пород деревьев. Настало время».

— Нет, — с грустью ответил Ваза. — Сердце мое разбито, и путь, о котором говоришь ты, мне будет не под силу. Разве солнце остановишь, как оленя в беге? Разве Ас'я запрудишь? Разве миг ушедший возвратится? На все это я скажу: наши боги вместе с Торымом обманули бедных манси. Они оказались бессильны. Моя Ючо умерла и не проснется. Я просил Торыма, я кричал ему на небо. Ты же слышал? Я отрекаюсь! И теперь я отрекаюсь!

Наступило молчание, и первым его нарушил старец:

— Дай мне руку, сын мой Ваза. Нам не нужен меч, не нужны тяжелые ножны. Закопай их в землю, положи туда кольчугу. Мы лучше пойдем с тобой искать живую воду. Быть может, мы сумеем разбудить Ючо.

Поутру старец и Ваза с печальными лицами схоронили нээ Ючо, меч с ножнами, кольчугу, подарок Торыма, закопали на горе, под старым кедром. И ушли. Куда? Не знаем.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕСНЯМ

ВСТУПЛЕНИЕ

¹ Ойка — мужчина. Здесь — старик, старый.

² Гус — музыкальный инструмент, под который манси обыкновенно поют свои песни, а также пляшут.

³ Ас'я — река Обь.

⁴ Рача (она же Золотая Баба, Калтысь, Сянь-Торум, Сорни-Най, Юмала, Сорни-Эква, Дьес Эмгэт, Хозяйка Медной Горы) — божество. По преданию, Рача при каждом приближении русских бросалась в Обь или таинственно исчезала. Место ее пребывания — Рачевские юрты.

⁵ Орха — водка.

⁶ «Два вдоха» — манси считали расстояние на «вдох оленя», т. е. на промежуток, который пробежит олень, набирая воздух в себя.

⁷ Мейк (вернее: Менка) — антропоморфный великан-людоед, оборотень, злой дух, сотворенный Нуми-Торумом из стволов лиственниц. Персонаж мифологии обских угров.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

¹ Ампа — собака.

² Отец Медведь (Консыг-ойка) — в мифологических представлениях и ритуале — божество, ведущее свой род от Торыма. Культурный герой, основатель традиции, предок, родоначальник, тотем, дух-охранитель, дух-целитель, хозяин Нижнего мира, священное и (или) жертвенное животное, звериный двойник человека. Медведь — один из главных героев животного эпоса, сказок, быличек, песен, загадок, поверий, заговоров. Он также — один из основных персонажей ритуала (после его убийства): патрон «лекарских» корпораций, в необходимых случаях его вызывают с помощью шаманских ритуалов. Существовало поверье, что души наиболее могущественных шаманов обладали способностью оборачиваться медведем. Способность к оборотничеству, к превращению в медведя приписывалась колдунам. Медвежья обрядность осмысливается как на уровне мифологических образов и сюжетов, так и на уровне мифологизированных быличек о сожительстве женщины, заблудившейся в лесу, с медведем.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

¹ Маа — земля.

² Ортик — божество Обского бассейна от Самарова до устья Оби.

³ Ючо — юная красавица, легендарная героиня, персонаж мансийского эпоса.

⁴ Нэ, нээ — женщина; вишнэ — девица.

⁵ Парка — верхняя меховая одежда.

⁶ Саырб — топор.

⁷ Тамга — священный родовой знак.

⁸ Мирра-Суснахума (вернее: Мир-сусне-хум) — одно из главных божеств в мансийской мифологии. Буквальное значение имени — «смотрящий за миром». Эпитеты и ипостаси Мир-сусне-хума: «золотой богатырь», «всадник», «богатырь-старик», «сын золотого света». Каждую ночь он объезжает землю на крылатом всевидящем коне с золотой гривой и серебряными копытами, проверяя, все ли в мире в порядке, и передавая людям наказы своего отца Нуми-Торума. Он помогает излечить болезни, отводит опасности. По эмпиическому циклу Мир-сусне-хум — младший из семи сыновей Нуми-Торума, рожденный между Небом и Землей. Это — один из основных объектов религиозного культа у обских угров. Ряд его признаков способствовал отождествлению с Иисусом Христом в представлении тех групп обских угров, которые были затронуты миссионерской деятельностью православной церкви.

⁹ Мюсснэ (Мисснэ Ай-Масьнэ) дева-дух, существо, подобное русалке.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

¹ Таукси — божество в виде Золотого Лебедя, кровитель птиц.

² Сумгут-вож — березовый городок, древнее хантыйское название города Березова.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

¹ Ускуль — нельма.

² Пайсе! — Здравствуй!

³ Бояр — чиновник (устар.).

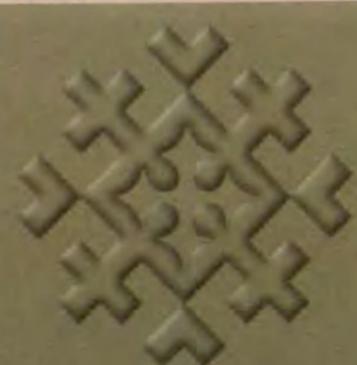
ПЕСНЯ ПЯТАЯ

¹ Хост-хот, хост-хот! — непередаваемое заклинание, вроде «Чур, чур!» и пр.

² Пазан-заут — звезда.

³ Кватын — лебедь.

⁴ Туе — весна.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

¹ Тончин, тончин! — Стой, осторожно!

² Клятва Ючо содержит в себе священные имена и предметы, которыми клянутся манси. Ючо клялась Медведем, имя которого допускалось произносить в исключительно редких случаях даже мужчинам.

³ Майт — аркан.

⁴ Хом — человек.

⁵ Эмас — хорошо.

⁶ Торым (Торм, Торум) — бог. Слово полисемантно, так как одновременно означает: эпоху, небо, погоду, время. Мир, согласно мансийской религии, имеет семь ярусов, семь пределов. Бог, заведующий первым мировым пределом над землей, и есть Торум. Схема родственных взаимоотношений мифических существ выглядит следующим образом:

Кошар-Торум — хозяин третьего верхнего мира.

Корс-Торум — его сын, хозяин второго верхнего мира.

Нуми-Торум — его сын, хозяин верховного мира.

Калтан-эква (Земля).

Хотал-эква (Солнце).

Этпос-ойка (Луна, месяц).

Най-эква (Огонь).

Куль-отыр (Хозяин подземного мира).

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

¹ Зимняя юрта — у манси юрты бывают двух типов: зимние и летние.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

¹ Иенгне-котлег — месяц март. Название его в буквальном переводе значит: «месяц поворота».

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

¹ Мадур — воин, герой, богатырь.

² Ясный Келб — собственное имя, что в переводе значит: «Большая кровь».

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

¹ Пенегеза — великан-людоед, злой дух.

² Нумо, Нум — верховное божество в самодийской мифологии. Другие его имена: Ном, Ноп, Нуп, Лом. Часто он отождествляется с самим небом. У

манси верховным божеством является Нуми-Торум — «большой бог», «белый бог», «золотой свет», «верховный мир» и т. д. Широко распространено представление о нем как о третьем из наследных небесных божеств: у манси он сын Корс-Торума и внук Косяр-Торума, которые занимают соответственно второй и третий ярусы Верховного мира. Из семи сыновей Нуми-Торума шесть выступают преимущественно как локальные божества, посланные небесным отцом в разные уголки земли, младший — Мир-суснэ-эум приобрел главенство.

В ряде мифов Нуми-Торум изображается как величественный старик в роскошной, сверкающей золотом одежде, живущий в огромном, светлом доме «на седьмом небе», который полон богатства. В этом доме находятся сосуды с живой и мертвой водой.

Нуми-Торум в обско-угорской мифологии играет заметно большую роль, нежели во многом сходный с ним Нум в мифологии самоедов.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

¹ Логарь — колдунья, оборотень в виде прекрасной молодой девушки.

² Нень — хлеб.

³ Воньчах-эмас — эмас куен — хороший отдых, хороший сон.

⁴ Ягушка — женская одежда.

⁵ Томар-певунья — стрела.

⁶ Войш-вуй-нээ — старуха.

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

¹ Черный и белый Ир — черная или белая материя, развешиваемая на сучьях деревьев или особых шестах (жердях) в виде жертвы божествам: добрым — белая, злым — черная.

² Зелье смерти — порох.

³ Таун нень — «огненный хлеб», лепешки, испеченные на углях или горячей золе.

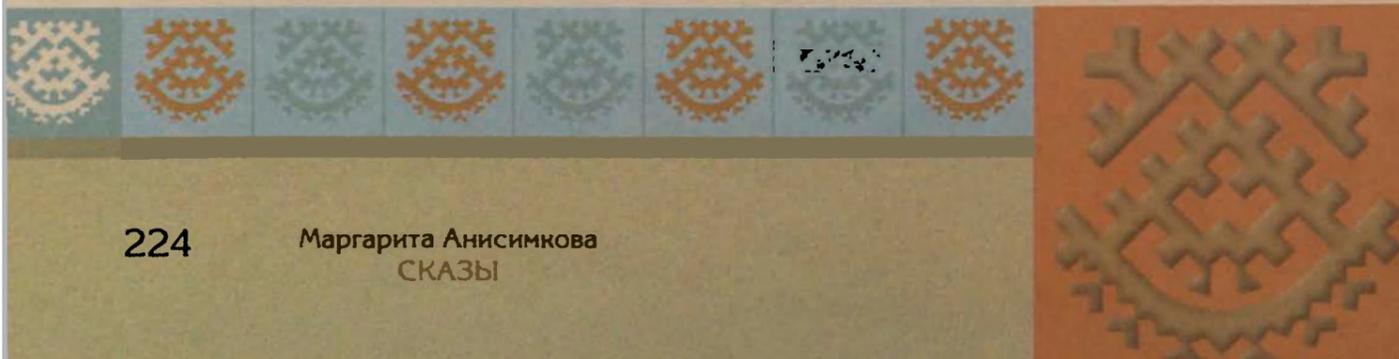
ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ

¹ Атта-кег'е — богатырский меч.

² Сарни-тут — северное сияние.

³ Олып (древневогульск.) — богатырь.

⁴ Паика — признак холода.

- ⁵ Железный корень — богатырь.
⁶ Красная оспа — в представлении манси из чума в чум ходит старуха в красном и умертвляет людей.
⁷ Суж — блоха, тахом — вошь.
⁸ Ляга — мокрое место, болото с мелкими кочками.
⁹ Яный пут'ы — большой котел.
¹⁰ Замор, замирание — явление, наблюдаемое на Оби, когда вода портится. Рыба в заморной воде погибает. Замор распространяется снизу вверх, по течению. Рыба обычно спасается в малых речушках, впадающих в Обь, где ее ловят.
¹¹ Карт-иевра — железный волк. Обычно это слово толкуется так: князь, союзник русских. Здесь оно употребляется в смысле мстителя за родной народ.
¹² Иур — морское чудовище.
¹³ Зверь, о котором говорит Торым, — мамонт.
¹⁴ Нут и шар — клятва.
¹⁵ Кхоньи-коры — олени самцы.
¹⁶ Руча — золотое божество обских угров.
¹⁷ Лонт-гусь — Золотой Гусь, божество.
¹⁸ Сосс'я — Горностаева река, вблизи Конды.

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

- ¹ Знаки гагар и лодок — на шаманских бубнах часто находятся изображения священных животных, рыб, птиц, которые вырезаются на обратной деревянной распорке или подвешиваются. Изготавливаются они обычно из железа, меди или жести.
² Асилиба — изображение ящерицы на обратной стороне колотушки шамана.
³ Паюнг — сказочная богатырская сторона.
⁴ Юрран-куш — самоед, т. е. ненец.
⁵ Роч-Маа — русская земля, или земля русских.
⁶ «Кошка» — небольшой якорь с острыми концами, употребляемый на севере Оби и Енисея в качестве привязи для лодок.

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

- ¹ Мухор онгет — мамонтовая кость.
² Тамбах — табак.
³ Былины и сказания у обских угров пелись в Николин и Петров дни, а также на Крещение.
⁴ Вахтер — заведующий хлебным магазином.

- ⁵ Сиводушка — тип (сорт) лисицы.
⁶ Вес — мамонт.
⁷ Тончин, тончин! — Стой! Осторожно!

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

- ¹ Петлим-емдер — подземное царство.
² Саранки — грибы.
³ Бокарь — меховые сапоги, надеваемые с меховыми чулками.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ

- ¹ Парка — широкая верхняя меховая одежда.
² Хита-инк — живая вода.
³ Огеньейя! — Берегись!
⁴ Юпсе — тьма.
⁵ Томар — стрела для стрельбы из лука. Стрелы бывают с наконечником различной формы: вольт-понт — беличья стрела; леп-томар — стрела с наконечником в виде вилки; пус-томар — с наконечником лопаткой.

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

- ¹ Сальпить — Большая Медведица.
² Сап — занавес, за которым скрывались женщины при появлении посторонних мужчин.
³ Хост-хост! Геге, геге! — непереводимые слова, употребляемые при заклинании и вызове духов.
⁴ Торый — журавль. В данном случае могущественный дух в образе журавля.
⁵ Тохт — глухарь.

Послесловие

Многие сотни лет в тайге Западной Сибири живут два близкородственных народа — ханты и манси. За это время они создали оригинальную и самобытную культуру, идеально приспособленную к суровым природным условиям Севера.

С древности и до последнего времени основой жизни манси и ханты были охота и рыболовство. Тайга обеспечивала жителей дичью, а реки — рыбой. Удачные охота или рыбалка означали продолжение жизни, неудачные грозили голодом и смертью. Существование народа, таким образом, зависело целиком от сил природы.

В этих условиях сложилась неповторимая духовная культура манси и ханты, которая включает накопленные веками практические знания о мире и религиозные верования. В повседневной жизни для удачного промысла считались недостаточными знания и опыт охотника или рыбака, успех зависел главным образом от духов, которые могли помочь или помешать человеку. Поэтому в сложной религиозной системе ханты и манси ведущее место занимали представления о духах, что принято называть анимизмом.

Пантеон многочисленных духов возглавлял небесный бог Торум (Нуми-Торум), у ненцев он носил имя Нум. Он представлялся добрым седобородым стариком, но редко вмешивался в дела людей, так как жил слишком высоко. Он являлся создателем мира и всех живых существ. На небе обитали также Луна-старик, Солнце-женщина и Ветер-старик, которые тоже благоволили к людям. Но основным покровителем человека считался младший сын Торума, которого манси называли Мирр-суснахум, а ханты — Урт-ики или Кон-ики. Он наблюдал за порядком в мире, следил, чтобы все люди жили честно и правильно, охранял их от злых духов.

Добрым и светлым небесным божествам извечно противостояли духи подземного мира, царства болезней и смерти. Это царство возглавлял верховный злой дух Куль-отыр, у которого в подчинении находились сонмы мелких злых существ, насылающих на людей болезни и смерть.

Между небесным и подземным мирами лежал средний мир — Земля. Здесь главным духом была женщина Калташ — покровительница женщин и материнства. Ханты называли ее также Мых-ими (Земля-женщина). Она считалась женой Торума и матерью Мисс-ауснехума.

Кроме того, в среднем мире обитали многочисленные лесные и водные духи. Каждый участок леса и водоем имели своих духов. Их называли лунгами или кулями. От их расположения, в основном, и зависела удача в промысле. Поэтому перед охотой или рыбалкой лунгов старались задобрить подарками и угощением.

Несмотря на большой опыт жизни в тайге, она представлялась ханты и манси опасной и чужой сферой. Народная фантазия населяла лес многочисленными злыми существами. Это и лесные великаны-людоеды Менквы, иначе — Сэвэс, и злая колдунья Пор-нэ, и Носатая женщина Кирп-нел-эква, которая во многом похожа на русскую Бабу-Ягу, и просто мелкие злые лунги-кули. В этих злобных персонажах олицетворялись те опасности и беды, которые таила в себе тайга.

С другой стороны, тайга была источником жизни и надежды. В этом смысле очень характерны представления манси о добром лесном народе Мисс. Там, где обитал этот народ, злые духи не поселялись. Нередко женщины Мисс выходили замуж за добрых и честных людей, давая имя невероятную удачливость в охоте.

Но самым, пожалуй, значимым лесным божеством был для ханты и манси медведь. Он считался одним из сыновей Торума, сброшенным за непослушание с неба. С тех пор он обитает в лесу и главенствует над животными. Медведь следит также, чтобы люди не вредили без нужды природе и были честными. В прежние времена клятва именем медведя была нерушимой. Охота на него не была за-

прешена, но добыча каждого медведя сопровождалась сложной обрядностью, которая известна как медвежий праздник. Медведь даже после смерти продолжал все видеть и слышать, поэтому у него просили прощения за то, что пришлось его убить. Шкуру с головой помешали на почетное место и устраивали для «дорогого гостя» гуляние, сопровождавшееся песнями, плясками, всеобщим весельем.

Большое место в верованиях ханты и манси занимали представления о предках-богатырях, которые отличались огромной силой и доблестью. Каждый род имел среди своих предков таких мифических богатырей (матуры, или отыры). По верованиям ханты и манси богатыри были сначала людьми, но, совершив замечательные подвиги, превратились в духов и стали покровителями своих потомков. Предки-богатыри незримой нитью связывают живущих людей с историей своего народа. Вполне возможно, что в мифической, искаженной форме дошла до нас историческая память о реальных людях и событиях.

Традиционные верования народа находят яркое отражение в его фольклоре. Мир сказок, легенд, былин ханты и манси чрезвычайно богат. Здесь можно встретить сюжеты практически о всех многочисленных духах, имеющих в пантеоне. У манси самыми, пожалуй, любимыми являются сказки об Эква-пырише (это одно из имен Мирр-сусна-хума). Эква-пыриш — веселый и смелый юноша, который хитростью и ловкостью одолевает злых Менквов или Носатую женщину. У восточных ханты подобного героя звали Альвали, он боролся с людоедами Сэвэс.

Часто встречаются также сказки и предания о богатырях, их подвигах и исторических деяниях. Настоящие богатыри всегда отстаивали добро и справедливость, защищали свой народ от захватчиков и злых существ.

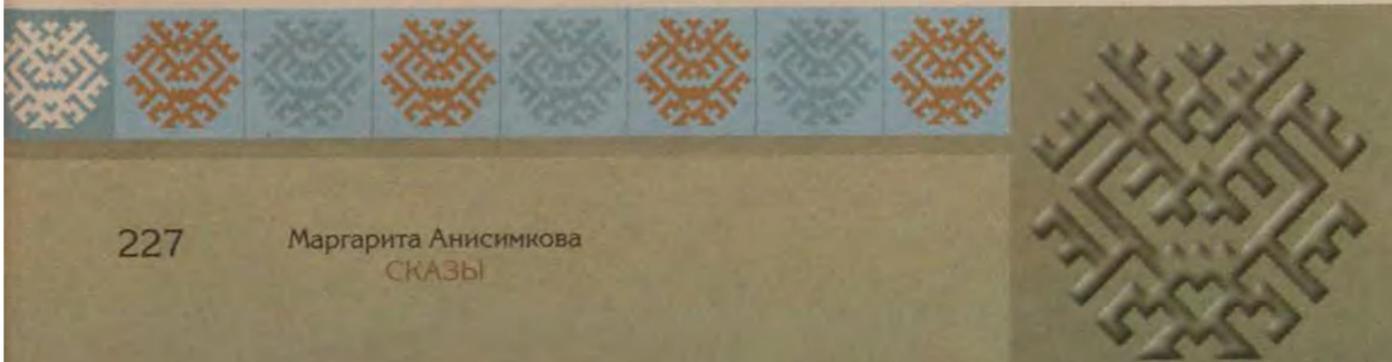
Фольклор всегда служил для народа неиссякаемым кладом духовных сил и оптимизма. Извечный спор добра со злом — тема, волнующая все человечество, — разрешался здесь в пользу добра и света. Трудолюбивые, честные, отважные герои сказок служили примером для подражания и определяли систему ценностей всего народа. Но фольклор имеет не только нравственное значение; в нем сохраняется память о персонажах, давно забытых в повседневной жизни, или событиях, действительно происходивших в прошлом. Поэтому сказки, мифы и легенды являются одним из ценнейших источников по истории северных народов. Например, изучение преданий о богатырях показало, что по крайней мере некоторые из них являлись реальными историческими личностями, оставившими глубокий след в истории своего народа.

Фольклор ханты и манси привлекает не только историков. Благодаря своей глубине и природной чистоте он служит источником постоянного вдохновения для писателей и поэтов, независимо от их национальной принадлежности.

Мансийский эпос «Янгал-Маа» уникален по своей значимости, не только как устно-поэтическое творчество, но и как своеобразная летопись богатейшего литературного наследия, вобравшего в себя многочисленные былины, сказания, песни, мифологические предания. Он сродни бессмертным творениям мирового эпоса: «Калевале», «Песне о Гайавате». Первый опыт воссоздания его принадлежит М. Плотникову, в течение двадцати лет (с 1915 по 1927 год) собиравшему по крупицам материал о сказочном богатыре Вазе.

Единственное издание эпоса, осуществленное в 1933 году, нынче получило новое воплощение. М. К. Анисимкова вдохнула в него вторую жизнь, дав вольную прозаическую обработку поэму Михаила Плотникова «Янгал-Маа» и Сергея Клычкова «Мадур Ваза — победитель», сохранив жемчужины народной мудрости неприкосновенными.

А. П. Зенько, этнограф, кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

Жили-были сосновые братья

Как на свет появились сосновые братья	6
В царстве снеговой тундры	9
Откуда появилась красавица Ай-Мосына	12
О сыне-богатыре Элле Севесе	16
Об утиных цыплятах	19
О людях на чугунных котлах	23
Как подобрали сосновые братья	25
Встреча Оли с чужими людьми	28
Па что рассердилась Носатая баба	30
Разговор Ай-Мосына с Элле Севесом	33
Про заячью обиду	38
Как Носатая баба вороной праздник справляла	40
Встреча Ай-Мосына с лесной девкой Шурно	44
Бабушкины подарки	47

Ёганское огнище

Сенькин пай	52
Сижновая веточка	57
Родное стадо	64
Таня-богатырь	69
Оленья шкура	73
Волшебные лыжи	80
Железные сосны	87
Ёганское огнище	90
Куда летала гагара	94
Нер Ойка	98
Пяташное озеро	104
Гнев тайги	107
Дочери Отортена	111
Сонный ручей	114
Оленья долина	118
Золотая баба	121
Про рябчика	123
Дорогая шкурка	126
Гордая лиса	129

Огонь-камень	131
Неверный шайтан	133
Храбрый Бахтнар	138
Страшные кедровники	141
Яны рума	145
Первый пауль	147
Заколдованное слово	152
Трусливое сердце	156
Тимка-пауль	159
Агрыч	161
<i>Словарь старинных и местных слов</i>	164

Янгал-маа (тундра)

Вступление	168
Первая песня Куксы	170
Вторая песня Куксы	172
Третья песня Куксы	174
Песня четвертая. Сон Вазы	176
Песня пятая. Ючо	179
Песня шестая. Похищение оленей	181
Песня седьмая. Тамга	186
Песня восьмая. Огненная птица	188
Песня девятая. Царство мертвых	190
Песня десятая. Пенегеза	192
Песня одиннадцатая. Логарь	196
Песня двенадцатая. Торым	199
Песня тринадцатая. Атга-кег'е	201
Песня четырнадцатая. Иур	204
Песня пятнадцатая. Мухор онгет	208
Песня шестнадцатая. Мухор	211
Песня семнадцатая. Возвращение	216
Песня восемнадцатая. Смерть Ючо	220

Примечания к песням	223
Послесловие	226

Анисимкова Маргарита Кузминична

СКАЗЫ

Редактор М.Э.Чупрякова
Художественный редактор В.С.Солдатов
Компьютерная верстка Н.В.Реш
Корректор Т.В.Сергеенко

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 071939 выдана 14.07.1999

Подписано в печать 03.03.2003

Бумага офсетная, формат 60x90 1/8, гарнитура Корина, печать офсетная.

Усл.-печ. листов 32, Уч.-изд. листов 19,8. Тираж 1000 экз.

Заказ № 157.

ООО "Издательский дом «ПАКРУС»

Представительства Ассоциации книгоиздателей России по Уралу и Сибири.

620000, г.Екатеринбург, пр.Ленина, 49

Отпечатано на ГППП "Уральский рабочий"

620219, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 13.

2502

